

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КОМИНТЕРН И ВОСТОК: К 100-ЛЕТИЮ КОМИНТЕРНА

Коллективная монография

МОСКВА
ИВ РАН
2021

ББК 66.61(0)6+(5)

К63

Ответственные редакторы:

Н. Г. Романова, К. В. Орлова

Рецензенты:

к. э. н. Н. М. Мамедова (ИБ РАН), к. и. н. С. А. Панарин (ИБ РАН)

Ответственный секретарь:

Н. В. Авдеева

Утверждено к печати

*Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН*

К63 **Коминтерн** и Восток: к 100-летию Коминтерна : (Коллективная монография) / Отв. ред. Н. Г. Романова, К. В. Орлова; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 456 с., ил.

ISBN 978-5-907543-04-1

В коллективной монографии исследуются малоизученные материалы из российских и зарубежных архивов, касающиеся роли Коминтерна в странах Востока. Особое внимание авторы уделяют распространению идеи мировой революции и национально-освободительного движения на Востоке, а также рассматривают Коминтерн как своеобразный «коридор» мировой революции. Детально анализируются характер взаимоотношений Советской России с крупнейшими восточными рабочими объединениями, движениями и партиями, влияние Коммунистического Интернационала на важнейшие сферы политической деятельности, а также фактическая деятельность коммунистических организаций с учетом проводимой Коминтерном в начале 20-х годов XX в. тактикой. Значительное место в монографии отводится идеологической работе Коминтерна.

Монография рассчитана на ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, а также широкий круг читателей.

ISBN 978-5-907543-04-1

На лицевой стороне обложки: В.И. Ленин с делегатами II Конгресса Коммунистического Интернационала в Кремле. РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 261.

На оборотной стороне обложки: эмблема II Конгресса Коммунистического Интернационала. РГАСПИ. Ф. 654. Инв. №А-356.

© Авторский коллектив, 2021

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
-------------------	---

Раздел I. Ближний и Средний Восток и Коминтерн.....	13
--	-----------

Коминтерн и Ближний Восток: формирование коммунистических партий (Г. Г. Косач)	13
Коминтерн и Иран (Т. Атабаки, Л. М. Раванди-Фадаи)	35
Ливийская политическая эмиграция 1930-х годов в Машрике и Коминтерн (к постановке вопроса) (А. В. Сарабьев)	62
Коминтерн в «английском» Ираке: в поисках правильного ракурса (И. Х. Миняжетдинов)	77
Турецкая коммунистическая партия и попытка переноса революционной деятельности Коминтерна в Турцию во второй половине 1920 – начале 1921 г. (А. Д. Васильев)	115

Раздел II. Дальний Восток и Коминтерн	137
--	------------

Коминтерн и японо-советские отношения по «китайскому вопросу» (К. О. Саркисов)	137
--	-----

Коминтерн и разведка (<i>Е. Л. Катасонова</i>)	153
Национально-освободительная борьба в Корее в 1920–1930-е годы и Коминтерн (по служебным изданиям японского генерал-губернаторства) (<i>Л. В. Овчинникова</i>)	179
Роль корейских коммунистов СССР (Иркутская группа) в движении за освобождение Кореи от японского ига (<i>Б. Б. Пак</i>)	192
Троцкий и идея мировой революции в контексте будущего Китая (с обзором историографии) (<i>Л. П. Черникова</i>)	218
Китайская политика Коминтерна в революционный период 1920-х годов (<i>Н. Л. Мамаева</i>)	262
Коминтерн и национально-освободительное движение уйгуров в 20–30-х годах XX в. (<i>Набиджан Турсун</i>)	278
Раздел III. Монголия и Коминтерн.....	299
Монголия: переоценка роли Коминтерна в развитии МНР в 1920-х – начале 1930-х годов (<i>В. В. Грайворонский</i>)	299
Коминтерн и Монголия в период подготовки и осуществления монгольской революции 1921 г. (<i>Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков, Н. Хишигт</i>)	314
«Монгольский вопрос» в политике Коминтерна (<i>Э. В. Батунаев</i>)	325
Некоторые штрихи к деятельности Улзийтийн Бадреха в 1920–1930-е годы (<i>К. В. Орлова</i>)	337
Раздел IV. Индия, Афганистан и Коминтерн.....	346
Подъем национально-освободительного движения в Индии и Коминтерн (<i>Ф. Н. Юрлов</i>)	346

Революционно-пропагандистская деятельность М. Н. Роя в 1922 г. (А. В. Рягузова)	357
Борьба представителей левой индийской революционной эмиграции за лидирующее положение во взаимоотношениях с Коминтерном (Н. С. Жирова).....	366
Пуштунские племена и Коминтерн (1919–1929) (Ю. Н. Тихонов).....	381
Раздел V. Политико-идеологическое воздействие Коминтерна.....	395
Влияние III Интернационала на британскую компартию в начале 1920-х годов (А. Ю. Прокопов)	395
От коммунистического романтизма к антикоммунистическому прагматизму: Джордж Пэдмор и Коминтерн (Н. Г. Щербаков)	409
Учебное заведение Коминтерна – Коммунистический университет трудящихся Востока (Л. М. Раванди-Фадаи).....	428
«Москва город большой и учреждений много»: К. А. Хакимов на III Конгрессе Коминтерна (Н. А. Лысенков).....	440
Список сокращений.....	447
Сведения об авторах.....	450
Summary.....	453

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна» освещает деятельность Коминтерна в странах Востока. На основе вновь выявленных документов и материалов из российских и зарубежных архивов авторский коллектив предлагает взглянуть на события начала XX века с позиции XXI века, расширить представление о месте и роли Коммунистического Интернационала в контексте внутривосточных, геополитических, экономических, национально-освободительных процессов и основных направлений его политики.

Коминтерн был основан в марте 1919 г. по инициативе РКП(б) и В.И. Ленина (тогда прошел его I Конгресс), а организационно оформился на II Конгрессе (июль–август 1920 г). Согласно принятому Уставу, состоявший из национальных секций КИ взял на себя роль «всемирной партии пролетариата». Руководящим органом между конгрессами являлся его Исполком (ИККИ), первым председателем которого стал Г. Е. Зиновьев. Как «боевой штаб мирового революционного движения» Исполком распространял воззвания и директивы, отправлял на места своих сторонников с опытом подпольной работы для поддержки местных партий и движений, а также значительные финансовые средства. Советская Россия, расширяя через Коминтерн зону своего влияния, заключала соглашения с национальными правительствами и тем самым продвигала идею распространения мировой революции на Восток. В 1920–1932 гг. Коминтерн был своеобразным

«мозговым центром», куда стекалась и где обрабатывалась разнообразная информация о политическом, экономическом, военном, религиозном и международном положении различных стран. Эти сведения изучались, обобщались, анализировались, обсуждались на заседаниях соответствующих органов Коминтерна.

В декабре 1919 г. для работы со странами Востока был создан Восточный отдел ИККИ в Москве, а уже в мае-июле 1920 г. во Владивостоке появилось Восточное бюро ИККИ, в Ташкенте – Ближневосточное/Туркестанское и в Иркутске – секция восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б), в январе 1921 г. перешедшая в ведение ИККИ. Тогда же, в январе 1921 г., по постановлению ЦК РКП(б) был учрежден Дальневосточный секретариат ИККИ с четырьмя секциями: монголо-тибетской, корейской, китайской и японской. После IV Конгресса (ноябрь – декабрь 1922 г.) Восточный отдел ИККИ был реорганизован в три секции (Ближнего, Среднего и Дальнего Востока), в каждой из которых функционировали комиссии по странам или регионам¹.

Основой представленной монографии послужили доклады научной конференции с международным участием «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна», организованной Институтом востоковедения РАН. Книга состоит из пяти разделов. Первый раздел открывается исследованиями о взаимоотношениях Коминтерна с первыми ближневосточными компартиями в Египте, Палестине, Ливане, Сирии, Иране. Создание на Ближнем Востоке коммунистических организаций как каналов советского влияния определялось политической целесообразностью и противостоянием европейскому политическому господству. Для решения этой задачи Коминтерн использовал среди прочего возможности своих еврейских и армянских сторонников, но не смог добиться серьезного успеха: компартии остались группами «национального действия», так же как и Иранская компартия, за годы существования так и не оказавшая очевидного влияния в своей стране и оставшаяся «городской» партией.

Еще один материал посвящен анализу деятельности Коминтерна в Ираке в 1940-е годы на основе вновь откры-

¹ История Востока. Т. V: Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). М., 2006. С. 58.

тых архивных документов. Исследование данной проблемы имеет важнейшее значение как для понимания общей логики политического развития страны в этот период, так и для выяснения особенностей и специфики развития иракского коммунистического движения.

Второй раздел освещает взаимоотношения Коминтерна со странами Дальнего Востока: Японией, Китаем, Кореей. До настоящего времени существуют лакуны, касающиеся взаимодействия этой организации с советскими спецслужбами. Особый интерес вызовут у читателя судьбы известных иностранных коммунистов: Рихарда Зорге, его соратника – японского коммуниста Ётоку Мияги, а также одного из руководителей Компартии Японии Сандзо Носаки. Они пришли в советскую разведку через Коминтерн и успешно работали на ее японском направлении в интересах СССР.

Для Японии международное коммунистическое движение и Коминтерн представляли угрозу в национально-освободительной борьбе в ее колониях – на Тайване и в Корее. Но главная опасность была связана с Китаем: соседняя страна после Синьхайской революции 1911–1912 гг. находилась в стадии становления политической системы и государственности. Сунь Ятсен симпатизировал социалистической революции в России, пытаясь перенять ее методы. Одной из стратегических целей Японии было не допустить «советизации» Китая. Однако японцы добились прямо противоположного – превращения соседней страны в коммунистическую державу. События в Китае оцениваются с точки зрения развития двух революционных потоков – коммунистического и национального, которые Коминтерну так и не удалось объединить, хотя в отдельные периоды они и сближались.

Одним из важных источников изучения колониального периода Японии и Кореи являются служебные издания японского генерал-губернаторства, в частности, публикации тайной полиции, суда, прокуратуры, изданные в Сеуле на японском языке в 1920-х – начале 1940-х гг. По этим публикациям можно не только проследить динамику национально-освободительной борьбы корейского народа в 1920–1930 гг., но и оценить, как японские служебные (закрытые) издания анализируют освободительную борьбу корейцев в этот период, прослеживают ли они связь

между антияпонской борьбой и деятельностью Коминтерна (1919–1943 гг.).

Интерес вызовет материал об особой роли Нам Манчхуна, основателя Корейской коммунистической партии (Иркутской), стоявшего у истоков важнейших событий корейского национально-освободительного движения. Основанная в мае 1921 г. в Иркутске на базе корейских коммунистических организаций Сибири и Дальнего Востока, компартия Кореи участвовала в деятельности Коминтерна, Коммунистического Интернационала молодежи, съездов народов Востока.

Несомненно, заслуживают внимания материалы, посвященные национально-освободительному движению уйгуров в 20–30-х годах XX века. Инициатива и деятельность уйгуров Семиречья и Ферганы способствовали активизации революционной ситуации в Синьцзяне. С одной стороны, большевики планировали этот регион превратить в базу поддержки национально-освободительного движения в Британской Индии, а с другой – предотвратить превращение Синьцзяна в базу-форпост таких государств, как Англия и Япония, которые стремились использовать его в своем противостоянии с Россией. Советское правительство в период с 1918 по 1937 г. двояко относилось к национально-освободительному движению уйгуров. Если руководители Коминтерна рассматривали его как таковое, то высшее советское руководство применительно к уйгурам отступало от официальных лозунгов и пыталось вести в регионе прагматическую политику, исходя прежде всего из военно-политических и торгово-экономических интересов СССР.

В Разделе третьем анализируется роль Коминтерна в истории российско/советско-монгольских отношений в 1920-х – начале 1930-х гг. Монголия и связанный с ней «монгольский вопрос» занимали важное место в плане продвижения революционных идей с использованием национально-освободительного движения монгольских народов, панмонголизма. Политика Коминтерна в Монголии была направлена на то, чтобы сделать ее витриной и примером для других азиатских стран. Собственно, Монголия и стала одной из первых стран Востока, в которой при содействии и помощи Советской России в 1921 г. победила национально-демократическая революция. Руководители Монгольской народной партии

опирались на всестороннюю помощь Советской России и ориентировались на советский опыт революционного преобразования страны. В тот исторический момент у населения Внешней Монголии (современная Монголия), по существу, не было другого пути для реализации своих национальных целей – достижения национальной независимости от Китая, восстановления государственности, объединения этнических монголов в рамках единого независимого государства, модернизации своей страны. Взгляды представителей Коминтерна в Монголии не всегда совпадали, порой высказывались прямо противоположные точки зрения на революционный процесс и складывание монгольской государственности, что приводило подчас к жестким спорам и разногласиям вплоть до отзыва представителей Коминтерна и активного вмешательства Коминтерна во внутренние дела МНРП и правительства Монголии.

В четвертом разделе широко освещаются материалы, посвященные освободительному движению в Индии, видную роль в которой сыграли М. Н. Рой, Махатма Ганди, Джавахарлал Неру и др. Создание III Интернационала совпало с очередным витком «Большой игры» в Центральной Азии. До середины 1920-х гг. Коммунистический Интернационал пытался наладить антибританскую деятельность в «афганском коридоре», который был необходим для поставок вооружения и финансов мятежным пуштунским племенам, проживавшим вдоль индо-афганской границы. Это должно было ускорить революцию в Индостане, что, в свою очередь, должно было привести к краху всей колониальной империи Великобритании. Активность Коминтерна на Среднем Востоке заставила английское правительство пойти на нормализацию отношений с Советской Россией. В 1925–1926 гг. Коминтерн создал в зоне пуштунских племен сеть нелегальных ячеек. Свержение Амануллы в 1929 г. окончательно закрыло «афганский коридор» для Коминтерна, который был вынужден отказаться от планов использовать силы приграничных пуштунских племен против англичан.

В пятом разделе собраны материалы о взаимоотношениях руководителей Коминтерна и Коммунистической партии Великобритании (КПВ) в 1920–1924 гг. Щедрая финансовая

помощь со стороны Москвы позволила КПВ быстро развиваться, создать разветвленную организационную структуру, вести активную печатную пропаганду. Под влиянием III Интернационала компартия Британии в 1923 г. основала несколько вспомогательных объединений (формально не принадлежавших КПВ) с целью распространения влияния коммунистов среди организованных рабочих.

Заинтересуют читателей материалы о работе Коминтерна на «африканском направлении», которая фактически началась после VI Конгресса и создания в Брюсселе Антиимпериалистической лиги. Идеологи международного коммунистического и рабочего движения не видели больших различий между собственно африканцами и другими народами африканского происхождения за пределами континента. В значительной степени это нашло отражение в материалах журнала Профинтерна «Negro Worker», который возглавил выходец из Тринидада Джордж Пэдмор, член руководства КП США. Анализ идейного наследия Пэдмора нацелен на выявление и изучение коминтерновского наследия в деятельности многочисленных общественно-политических организаций народов Африки.

Еще один интересный материал посвящен первому центру высшего коммунистического образования – Коммунистическому университету трудящихся Востока (КУТВ, 1921–1938 гг.), сыгравшему исключительную роль в развитии советского востоковедения. Это был учебный центр, через который осуществлялась теоретическая подготовка революционного движения на Востоке.

Редколлегия сочла возможным дополнить коллективную монографию уникальными иллюстративными материалами, хранящимися в Российском государственном архиве социально-политической истории. РГАСПИ, бывший партархив, обладает огромной коллекцией документов (более 138 тыс. единиц хранения), связанных с деятельностью Коммунистического Интернационала. Помимо этого, здесь (фонд 654) есть музейные материалы по истории революции, рабочего и коммунистического движения — некоторые из них были использованы в нашей монографии: мандаты известного деятеля Коминтерна С. И. Гопнер, плакаты II Конгресса Коминтерна, фотографии делегатов и др.

Большой интерес представляет альбом «Деятели Коммунистического Интернационала», изданный в Москве в 1920 г., в предисловии которого сказано: «Мы живем в эпоху великой социальной бури, когда картина мира меняется необычайно быстро: старый гнусный мир умирает на наших глазах, и на наших глазах рождается новый, светлый мир труда и свободы. Не отмечать всех деталей этого великого этапа, свидетелями которого нас сделала история, было бы преступлением перед историей. Но человечество хочет и должно знать не только лозунги и факты борьбы — оно хочет и вправе знать своих героев, — т.е. самых решительных, самых стойких бойцов, воплощающих в себе нашу великую и бурную эпоху». В этом альбоме известные русские художники Б. Кустодиев, М. Добужинский, И. Бродский запечатлели для истории яркие моменты работы конгресса, часть которых мы представили в нашей книге.

Выражаем благодарность руководству и научным сотрудникам РГАСПИ М. С. Астаховой, Н. А. Лысенкову, О. Н. Шейминой за неоценимую помощь при подготовке коллективной монографии, а также за подбор иллюстративных материалов. С чувством особой благодарности и признательности хотим отдать дань памяти замечательному профессионалу, блестящему знатоку деятельности Коммунистического Интернационала и необычайно светлому человеку — Светлане Марковне Розенталь.

100 лет, прошедшие со дня образования Коминтерна, заставляют нас по-новому взглянуть на события того непростого времени. Мы, большой коллектив авторов, долго работали над этой книгой, тщательно отбирая материалы, которые показывают жизнь удивительных людей, искренне веривших в идеалы свободы, равенства и братства. Очень надеемся, что монография будет интересна и полезна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Н. Г. Романова, К. В. Орлова

Раздел I

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК И КОМИНТЕРН

Коминтерн и Ближний Восток: формирование коммунистических партий

Начало 1920-х годов – время, когда на Ближнем Востоке возникли первые группы тех, кто заявил о своем «пролетарском» выборе и стремлении добиться признания Коминтерна. В 1921 г. была основана Социалистическая партия Египта, вступившая на следующий год в ряды Коминтерна и переименованная в компартию (ЕКП). В 1924 г., порвав с «буржуазно-сионистским» проектом, к Коминтерну примкнула Палестинская компартия (ПКП). Тогда же усилиями ее членов была создана коммунистическая организация Сирии и Ливана – Сирийская компартия (СКП).

Итоги Первой мировой войны значительно изменили Ближний Восток – регион вступил в эпоху трансформации своего международного статуса и внутренней ситуации на составлявших его территориях. Крушение Османской империи и установление европейского (представленного Великобританией и Францией) политического господства

в форме мандатного управления подвергли эрозии довоенный «арабский проект», ставивший задачу формирования национального государства в пределах территории *исторической Сирии*¹. Обретенная Египтом в 1922 г. политическая самостоятельность была, по существу, ущербна, сохранив общие контуры британского протектората.

Ближний Восток менялся в этническом отношении. Связанные с Декларацией Бальфура² обязательства Великобритании привели к росту еврейского населения Палестины, а катастрофа 1915 г. превратила армян в элемент демографической структуры французских владений – Сирии и Ливана³. Казавшееся единым сторонникам «арабского проекта» пространство *исторической Сирии* дробилось державами-мандатариями, рост же еврейского иммиграционного потока в Палестину создавал опасность лишения этой территории ее арабского характера. Это относилось и к проекту создания на севере Сирии «армянского национального очага» с центром в Алеппо.

Ближний Восток трансформировался и социально. Деградация «среднего класса», включая и военное сословие, генетически связанного с османским правлением, была очевидна в той мере, в какой проявляло себя становление страты нуворишей, выраставшей под покровительством мандатных властей, либо укрепление позиций традиционных нотаблей – земельной и компрадорской знати. Внешнее управление включило регион в мирохозяйственные связи, создав «равенство возможностей» для различных этнических, конфессиональных и регио-

¹ Арабское историко-географическое название ближневосточного пространства, включающего территорию современной Сирии, Ливана, Израиля, Палестинской Национальной Администрации и запада Иордании. Соответствует европейскому Левант.

² Опубликовано в начале ноября 1917 г. письмо главы внешнеполитического ведомства Великобритании Артура Бальфура лорду Лайонелу Ротшильду, возглавлявшему британское отделение Всемирной сионистской организации. В письме сообщалось о поддержке Лондоном создания «еврейского национального очага» в Палестине.

³ Если до 1914 г. армянское население в пределах современных Сирии и Ливана составляло менее 20 тыс. чел., то к 1925 г. оно достигло 150 тыс. См.: Топузян О. Х. Хайери маснакцутюн Сирияи ев Либанани азгаин-азатагракан ев демократакан шаржумнерин (Участие армян Сирии и Ливана в национально-освободительном и демократическом движении). Ереван, 1968. С. 19–20.

налистских групп, вступивших в жесткую конкуренцию за обретение ведущей роли в будущих (предусматривавшихся положениями выданных Лигой Наций мандатов) государственных образованиях. Прежняя система представлений о социальном статусе, лояльности, иерархии господства и подчинения, религиозной принадлежности уходила в прошлое.

Появление первых коммунистических партий – часть процесса региональной трансформации. Но кто были создававшие их люди? Был ли их выбор достаточным основанием для того, чтобы считать их коммунистами? Наконец, не менее важный вопрос: если эти партии обретали статус «секций Коминтерна», то в силу каких причин их признавали в этом качестве?

Коммунисты Ближнего Востока: оценки Коминтерна

Оценивая в 1924 г. состояние ЕКП, издание Коминтерна сообщало, что в ее рядах 700 членов (большая часть которых входила в руководимую коммунистами Всеобщую конфедерацию рабочих) и она является второй (после компартии Китая) крупнейшей коммунистической организацией «колониального Востока»⁴. Но выглядела ли эта цифра значительной для страны с многомиллионным населением? ПКП в момент своего вступления в Коминтерн представляла собой «несколько групп испытанных товарищей из 10–12 человек»⁵, общая численность которых в 1924 г., по данным Восточного секретариата Исполкома Коминтерна, не превышала 100 человек⁶. Число основателей СКП составило 5 человек (а также 12 членов аффилированного с партией профсоюза табачников) – ее включение в качестве автономной ячейки в состав хайфской секции ПКП выглядело естественно⁷. Только в 1928 г., пригласив представителей СКП

⁴ Correspondances Internationales. 1924. № 56. P. 598.

⁵ Доклад представителя компартии Палестины, 7 февраля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 20. Л. 1–6.

⁶ Correspondances Internationales. 1924. № 102. P. 1112.

⁷ Parti communiste Syrien. Comité Exécutif. Beyrouth, 31 octobre 1924. Au Comité Exécutif de l'Internationale Communiste // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 6. Л. 1–2.

для участия в работе VI Конгресса, ИККИ вывел ее из-под опеки палестинских единомышленников.

Вопрос, однако, не был связан лишь с численной незначительностью ближневосточных сторонников коммунистической идеи. Были ли они знакомы с марксистской теорией или, по крайней мере, опытом российских большевиков?

В октябре 1922 г. (за месяц до проведения IV Конгресса Коминтерна) в ИККИ был передан «Отчет о рабочем и коммунистическом движении в Египте», подписанный Адольфом Краусом, представлявшим в Каире созданную по инициативе советской внешней разведки «Egypt, Syria&Palestine Trading Company». Автор «Отчета» сообщал, что посетивший в то время Каир и Александрию представитель Коминтерна и куратор египетских революционеров Авигдор (Александр Косой. – Г.К.) «не строил иллюзий по поводу ценности туземного элемента (египтян. – Г.К.) для коммунизма». Высказывая свою точку зрения (совпадавшую с мнением Авигдора), Краус писал, что «хотя без туземного элемента в Египте не может быть создано ничего серьезного и длительного», «подлинные пролетарии» в Египте – это выходцы из инонациональных общин⁸.

Два месяца спустя, в декабре 1922 г., когда в рядах египетских социалистов происходили перемены, предопределившие появление ЕКП, Авигдор, констатируя значительность автохтонного присутствия в рядах вновь возникавшей партии, не менял прежнего мнения: «Сознательного коммунистического элемента среди туземных членов партии (97% всего ее состава) очень и очень мало», «50% или больше» членов партии «посещают мечеть, включая и членов ЦК». Но с этим, замечал он, «необходимо мириться»⁹. Важно и другое замечание Авигдора, высказанное после завершения формирования ЕКП: «На примере Египта особенно ярко видна естественная эволюция чистого национализма в коммунизм»¹⁰.

Продвигаясь к союзу с Коминтерном, египетские социалисты отталкивались исключительно от национальной

⁸ Rapport sur le mouvement ouvrier et communiste en Egypte. Octobre 1922 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 85. Д. 10. Л. 17–20.

⁹ Письмо Авигдора из Египта Г. Сафарову от 9 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 85. Д. 12. Л. 80–82.

¹⁰ Политико-организационный отчет о Египте за 1921–1922 гг. // Там же. Л. 101.

идеи, которая включала, как провозглашалось в их первом программном документе, принятом в августе 1921 г. Заявлении, «восстановление справедливости», понимавшееся как «избавление рабочего большинства» от «угнетения и нищеты», порождаемых союзом «деспотического режима и колонизаторов». Гуманистическая постановка вопроса обрамлялась далекими от революционности методами. Ими были «легальная мирная пропаганда», развитие сельскохозяйственной кооперации и создание рабочих профсоюзов, «межпартийная борьба» в ходе парламентских и муниципальных выборов¹¹. Добившись же, как писал Ави́гдор, размежевания «революционных элементов с реформистами», Коминтерн обрел ЕКП – группу «революционного действия»¹². Выступая на IV Конгрессе Коминтерна, ее представитель Хосни аль-Ораби не оставлял в этом сомнений: «Мы в Египте ждем того уже недалекого дня, – заявлял он, – когда красный флаг взвоется над пирамидами, чтобы салютовать красному флагу над Кремлем»¹³.

Достаточно объективно Коминтерн оценивал и качественное состояние своих арабо-ливанских сторонников.

В октябре 1924 г., как следовало из поступившего в ИККИ отчета из Палестины, «ЦК Палестинской компартии отправил товарища для организации КП в Сирии»¹⁴. Этим товарищем был секретарь ПКП и корреспондент ТАСС и изданий Коминтерна на Ближнем Востоке Иосиф Бергер, позднее писавший в Москву, что, прибыв в Бейрут, он столкнулся с тем, что в границах французских ближневосточных владений отсутствовало «сколько-либо развитое рабочее движение». Из этого вытекало, что там не было «достаточно зрелых сил, способных сформировать коммунистическое движение»¹⁵.

¹¹ Цит. по: Ситтун амман мин нидаль аш-шуюйийин аль-масрийин (Шестьдесят лет борьбы египетских коммунистов). Б/м., б/г. С. 17–19.

¹² Письмо Ави́гдора из Египта // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 85. Д. 12. Л. 82.

¹³ Бюллетень № 20 от 29 ноября 1922 г. IV Конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1922. С. 5.

¹⁴ Rapport du camarade Ichtyar au Secrétariat de l'Orient. Б/г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 8. Л. 27.

¹⁵ Au C. E. de l'I.C. La fondation du Parti Communiste de Syrie // Там же. Л. 6–7.

В изданиях Коминтерна того времени отмечалось, что в этих владениях действуют «мыслящие сирийцы». Они «разочарованы безразличием или враждебным отношением европейского общественного мнения к сирийскому вопросу (созданию арабского государства в *исторической Сирии*. – Г.К.)». Это обстоятельство (иные отсутствовали) позволяло ИККИ надеяться на то, что «разочарование» станет «в Сирии почвой», в которую «пустят корни семена коммунистических идей»¹⁶. Поездка Бергера выглядела как первая попытка их «посеять».

Задача, поставленная Коминтерном, требовала от его посланца определить круг тех «мыслящих сирийцев», которые могли бы стать основой будущей партии. Критерием их отбора стало то, что «часть сирийских газет (речь шла о ливанских изданиях. – Г.К.) несла на себе некоторый социалистический оттенок». В публикациях этих газет содержались призывы «бороться против аристократии, крупных капиталистов и за рабочее движение». Но этот «социалистический оттенок» был поверхностен, далек от того, чтобы стать устойчивой тенденцией, – его появление никак не было связано с большевизмом. Напротив, «мыслящие сирийцы» знали о Советском Союзе только то, что было «ограничено содержанием нескольких популярных французских изданий»¹⁷.

Первым, с кем встретился Бергер, был Юсеф Ибрагим Язбек, публиковавший статьи в бейрутской и провинциальной ливанской прессе. Как и египетские социалисты, он стремился «восстановить естественную справедливость», ликвидировав «монополию денег и недвижимой собственности», что стало бы шагом в направлении превращения всех членов общества «в богатых, поскольку богатство – продукт природы, являющейся матерью всего». Социализм, замечал Язбек, не «анархия» и не «насилие», а итог деятельности «рабочей партии», представители которой должны быть «введены в правительство ради защиты прав рабочих»¹⁸.

¹⁶ Ибис. Политические партии в Сирии // Коммунистический Интернационал. 1925. № 2. С. 169.

¹⁷ Au C. E. de l'I.C. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 8. Л. 8.

¹⁸ Цит. по: Дакруб М. Джузур ас-синдияна аль-хамра. Хикайят нушу аль-Хизб аш-шуюбий аль-любнаний. 1924–1931 (Корни красного

Социализм – это «сотрудничество всех членов общества», и именно такая форма «естественной справедливости» реализована «в красном городе, городе общечеловеческой мечты – в Москве»¹⁹.

Даже выполнив поставленную перед ним задачу, посланец Коминтерна считал, что его успех относителен. Сообщая в ИККИ об основании СКП, Бергер подчеркивал, что среди тех, кто вошел в нее, «есть несколько рабочих, стремящихся развернуть классовую борьбу». Но даже они «шли к коммунизму ... от национализма». Их «свободомыслие много значит для Сирии», но не для Коминтерна – «теоретическая подготовка» тех, кто вошел в СКП, была «слабой», хотя они и «заявляли о своей приверженности фундаментальным принципам коммунизма»²⁰. Этого не скрывал и Язбек: «Разве кто-нибудь из нас понимал принципы Третьего Интернационала? Если мы и участвовали в создании ... ливанской коммунистической партии, ... то означало ли это, что кто-то из нас мог дать действительно научное определение марксизма? Был ли среди нас кто-то, кто читал Ленина или хотя бы “Азбуку”²¹? Я должен честно ответить: “Нет!” Мы шли к коммунизму, руководствуясь национальными чувствами»²².

«Национальные чувства» могли варьироваться, преодолевая дистанцию от «ливанского патриотизма» маронита Язбека до «панлевантизма» православных (и суннитских) членов СКП времени второй половины 1930-х годов, когда партия уже, безусловно, рассматривалась ИККИ как коммунистическая. Вспоминая о своем вступлении в ряды компартии, будущий руководитель ливанских коммунистов Никола Шауи писал, что толчком к этому стало его знакомство с уже ставшим коммунистом соотечественником – журналистом

дуба. Формирование Ливанской компартии. 1924–1931). Бейрут, 1984. С. 107–115.

¹⁹ Язбек Ю. И. Хикайят авваль наввар фи аль-алям ва Любнан. Зикрийят ва тарих ва нусус (Первое мая в мире и в Ливане. Воспоминания, история, тексты). Бейрут, 1974. С. 59.

²⁰ Au С. Е. de l'I.C. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 8. Л. 8.

²¹ Вышедшая в 1919 г. брошюра Бухарина и Преображенского «Азбука коммунизма», по замыслу ее авторов – первоначальный учебник коммунистической грамоты».

²² Язбек Ю. И. Хикайят авваль наввар. С. 69.

Салимом Хайятой. Описывая его, Шауи замечал: «Он говорил ... о положении в арабских странах, о том, что колонизаторы чудовищно перекроили арабский мир», «рассуждая об арабском единстве как о цели, достижение которой не терпит отлагательств»²³.

Были ли еврейско-палестинский и армянско-ливанский случаи отличными от их египетского и арабско-ливанского вариантов?

По словам Меира Вильнера, генерального секретаря компартии Израиля в 1965–1990 гг., коммунистическое движение в Палестине «начиналось исключительно в среде еврейских трудящихся». Он же добавлял, что первый коммунист арабского происхождения появился в его рядах только в 1925 г.²⁴ Те, кто однажды начал движение к контактам с Коминтерном, были частью иммиграционного потока, вдохновлявшегося «социалистической» версией сионизма. Эта версия лежала в основе движения Поалей-Цион²⁵, секция которого в 1905 г. была создана в Палестине.

В основе воззрений Поалей-Циона лежала мысль основоположника этой версии Бера Борохова о том, что еврейский пролетариат должен обладать «условиями производства», в первую очередь – национальным государством, в рамках которого «развиваются производительные силы... нации». Это государство могло быть создано, по его мнению, только в Палестине, поскольку там в силу «духовной связи» еврейских трудящихся с этой территорией могут возникнуть «естественные» для них «условия производства», в странах диаспоры искажаемые «национальной конкуренцией». В Палестине будет исправлена и «анормальность еврейства», когда нация обретет необходимую для нее «пролетарскую базу». Лишь затем, создав с помощью «национальной буржуазии» государство (и решив таким образом национальный вопрос), еврейский пролетариат сможет начать «классо-

²³ Шауи Н. Тарики иля аль-хизб (Мой путь в партию). Бейрут, 1984. С. 210–211.

²⁴ Вильнер М. Хамишим шана ле мифлага хакомунистит бе арец (Пятьдесят лет коммунистической партии в стране). Тель-Авив, 1970. С. 20, 33.

²⁵ Поалей-Цион (Рабочие Сиона – иврит) было основано в 1901 г. в Екатеринославле (ныне Днепр) группой интеллигентов во главе с основоположником «социалистического сионизма» Бороховым.

вую борьбу», вступив во «всемирную армию» борющегося за социализм пролетариата²⁶.

Развивая отношения с частью бывших поалей-ционистов, провозгласивших себя ПКП, и рассматривая их в качестве «сочувствующей партии», ИККИ требовал от нее «изыскать конкретные формы борьбы с союзником британского империализма – сионизмом» и выработать «четкую позицию в отношении арабского национального движения»²⁷. Эта постановка вопроса вытекала из осуждения сионизма в 1920 г. на II Конгрессе Коминтерна²⁸.

В 1923 г. Восточный секретариат ИККИ поставил вопрос о развитии деятельности Коминтерна в «Палестине, Сирии и Месопотамии», представив «Соображения о работе ближневосточного отдела». В документе отмечалось, что, хотя эти территории нельзя «назвать доросшими до национальной революции», они обладают «народившимся уже пролетариатом». Задачей Коминтерна провозглашалось усиление «связи с этими странами», чтобы «овладеть теми революционно-повстанческими элементами, которые борются против Англии и Франции». Но как решить эту задачу? Документ содержал лишь набросок политики в отношении ПКП, подчеркивая, что эту партию следовало сделать «арабской», поддержать «в борьбе с колонизаторскими тенденциями еврейской буржуазии» и затем «принять ее официально в Коминтерн»²⁹.

В середине марта 1924 г. ИККИ принял решение о признании организации палестинских коммунистов, оформленное как «Резолюция по Палестинской партии». В «Резолюции» отмечалось, что «П.К.П. ... полностью порвала с Поалей-Ционом и националистическими пережитками», выра-

²⁶ Борохов Б. Классовые моменты национального вопроса. Одесса, 1906. С. 3–18.

²⁷ Постановление ИККИ от 2 апреля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 7. Л. 1.

²⁸ В принятых II Конгрессом Коминтерна Тезисах по национальному и колониальному вопросам отмечалось: «Ярким примером обмана трудящихся масс угнетенной нации ... может служить палестинское предприятие сионистов, как и вообще сионизм, который под видом создания еврейского государства в Палестине отдает в жертву английской эксплуатации... арабское трудящееся население Палестины, где трудящиеся евреи составляют лишь незначительное меньшинство» // Второй конгресс Коминтерна (июль–август 1920 г.). М., 1934. С. 495.

²⁹ Соображения о работе ближневосточного отдела в 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 196. Л. 133, 137.

жавшимися «в признании специфических условий жизни и развития еврейских рабочих». Палестинским коммунистам все же напоминали о сохраняющейся «опасности» того, что ПКП как организация «преимущественно еврейских рабочих ...стоит на пути обособления от основной массы арабских рабочих и крестьян». От нее требовали преобразования в «партию всех трудящихся Палестины», «отказа от национальной исключительности, равно как и открытой и последовательной борьбы против колонизаторов-сионистов, которые проводят... политику британского империализма». «Арабское национальное движение, выступающее за освобождение Палестины от британского империализма и его агентов-сионистов, – говорилось в “Резолюции”, – должно на деле найти всемерную поддержку П.К.П.»³⁰.

Армяно-ливанские сторонники Коминтерна приходили к коммунизму, отталкиваясь от идеологии Гнчак, ведущей армянской политической партии Западной Армении и Киликии³¹. Считая невозможной классовую борьбу в рядах армянского населения Османской империи, партия в 1888 г. выдвинула программу-минимум, предусматривавшую подготовку общенационального восстания в качестве пути к избавлению от османского ига, а в дальнейшем – объединение «армянских земель» и создание независимого национального государства. Только затем могли быть решены задачи программы-максимум – передача трудящимся средств производства и построение социалистического общества³².

Катастрофа 1915 г. и последующие события радикально изменили положение: в конце 1921 г. французские войска были выведены из Киликии (которую покинуло армянское население), где действовало руководимое Артином Мадеяном молодежное крыло гнчакистской партии, переместившееся в Бейрут. Перед партией встала принципиально новая задача – сохранить национальную жизнь (теперь уже) мень-

³⁰ Резолюция ИККИ по Палестинской партии. 14 марта 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 19. Л. 1–3.

³¹ Социал-демократическая партия Гнчак (Колокол. – арм.). Основана в 1864 г. в Женеве. Примыкала к руководимому Ф. Энгельсом II Интернационалу.

³² Хатмутиин с. д. Гнчакйян Кусакцутйон. 1887–1963. А хатор (Документы социал-демократической Гнчакистской партии. 1887–1963). Бейрут, 1964. Т. I. С. 32–37.

шинства в инациональном окружении. Возник вопрос, можно ли ориентироваться на мандатную администрацию и сохранять курс на изоляцию от арабского большинства, если произошла советизация Армении, «спасшая», по словам Мадеяна, ее «от неминуемой гибели»?³³

В начале 1925 г. группа «Спартак» направила в Ереван, в ЦК комсомола Армении, письмо, информировавшее о создании «общества пролетарской молодежи», стремящегося «объединить под знаменем Коминтерна рабочую молодежь диаспоры для того, чтобы, воспитывая и содействуя ее организации на почве классовой идеологии и практики, объединить в единое целое группы, сражающиеся за дело пролетариата на Востоке». Информирова об отсутствии в Сирии компартии и объясняя причину выбора названия «Спартак», авторы письма подчеркивали невозможность употребления термина «коммунистический союз молодежи» потому, что «реакционные классы» могут «натравить на нас местных рабочих и разжечь национальный и религиозный фанатизм»³⁴.

Существенно было не только обращение в Ереван, осознававшийся в качестве «национальной» столицы. Группа «Спартак» заранее ограничивала деятельность рамками армянского населения Сирии и Ливана, стремясь к решению национальных задач и претендуя на выражение интересов лишь армянских «пролетариев». Цель группы состояла в том, чтобы добиться «национального» представительства в рядах Коминтерна на основе подчинения коммунистам Армении. Ответ, полученный из Еревана, был предсказуем. Доказательствами «верности» членов группы «делу пролетариата» должны были стать «союз с арабскими пролетариями» и «активная работа в массах», направленная на «разоблачение правых элементов в рядах социалистических партий» — Гнчак и Дашнакцутюн³⁵. Постановка вопроса о национальных чаяниях исключалась.

Если принимавшиеся в ряды Коминтерна его ближневосточные сторонники едва начинали свой разрыв с наци-

³³ Мадеян А. Кеанк ме хатнечи вра. Юшер ев вкаютеннер (Жизнь на баррикадах. Воспоминания и увиденное). Бейрут, 1988. С. 68–69.

³⁴ Государственный архив документов общественно-политических организаций Республики Армения. Ф. 48. Оп. 1. Д. 288. Л. 145.

³⁵ Мадеян А. Кеанк ме хатнечи вра. С. 45.

оналистами и были далеки от подлинного понимания коммунистической доктрины, а в странах, где формировались региональные компартии, отсутствовала, казалось бы, необходимая для их создания и деятельности «пролетарская база», то в силу каких соображений в Москве принимали решение об их включении во «всемирную армию пролетариата»?

Коминтерн и ближневосточные компартии: основы взаимодействия

Важнейший документ проведенного под эгидой Коминтерна в 1920 г. в Баку I съезда народов Востока – Обращение «К народам Востока» – подчеркивал: «Ныне мы призываем вас к первой настоящей священной войне под красным знаменем Коммунистического Интернационала». Региональное пространство Ближнего Востока (а также и всей Азии) должно было превратиться в поле противостояния «крестьян и рабочих Востока и Запада» с «английским империализмом» под руководством «боевого штаба единого движения» – Коминтерна³⁶.

Реализация Обращения (текст документа перечислял «страны Востока», в том числе «Египет, Палестину, Сирию, Аравию, Месопотамию») требовала превратить тех, кого документы ИККИ называли «национальными революционерами», в сторонников Коминтерна, создав из них его местные секции. Иных методов действия в то время не существовало или они требовали долгого (если не бесконечного) ожидания, несовместимого с грандиозностью стоявшей задачи.

К IV Конгрессу Коминтерна, где была признана ЕКП, были подготовлены Тезисы по программе и тактике компартии Египта, автором которых был сотрудник Восточного отдела ИККИ Константин Трояновский. Этот документ подчеркивал, что в Египте «создается база для коммунистической работы не только на арабском, но и на всем Ближнем Востоке, ... по всему южному и юго-восточному побережью Средиземного моря». Принципиальное обстоятельство – Египет важен «для ... английского империализма» в силу того, что эта страна расположена «на перекрестке главных морских путей, сое-

³⁶ К народам Востока // Народы Востока. Баку, 1920. С. 61–62.

диняющих Европу с Африкой и Азией» и «западную часть Британской империи (метрополию) с восточной (Индией)». Далее Трояновский писал: «Чтобы отделить мозг от позвоночника империи, необходимо перерезать этот “затылочный нерв”, каковым Египет является для английского империализма». Речь шла о Суэцком канале – «фокусе международной политики»: «захват канала англичанами означал ...подчинение и оккупацию всей страны, ...возвращение канала его естественным владельцам означает политическое освобождение и независимость Египта». Более того, изменение статуса этой водной артерии означало бы «разрыв Британской империи на две части, вместе с тем, распад империи»³⁷.

Положения Тезисов стали основой принятой в январе 1923 г. программы ЕКП. Их дополнило заявление о стремлении создать «единый фронт наиболее радикальных элементов национального движения»³⁸, в котором не будет места «местным прислужникам англичан». Речь шла о вафдистской партии и лидере «египетской нации» Сааде Заглуле, который спустя год стал первым премьер-министром уже независимого Египта.

Принятая в Коминтерн партия меняла вывеску, но она по-прежнему оставалась партией (на этот раз «революционно настроенных») националистов. Весной 1923 г. находившийся в Египте по заданию ИККИ итальянский коммунист Джузеппе Каппа сообщал в своем отчете: «Мы не можем мириться с существованием националистической партии, на которую наклеена коммунистическая этикетка»³⁹. Но для ИККИ было важнее другое – партия последовательно шла по пути подготовки социалистического переворота.

В феврале 1924 г. в Александрии состоялась его «репетиция»: бастующие рабочие захватили фабрику, над которой были вывешены красные флаги. Ответом стала жесткая реакция Заглула – восстановление порядка и репрессии в отношении коммунистов. От последствий нанесенного ей удара ЕКП так и не оправилась, и в развитии египетского

³⁷ Тезисы по программе и тактике компартии Египта // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 85. Д. 6. Л. 35–48.

³⁸ Барнамадж аль-Хизб аш-шуюъий аль-масрий (Программа ЕКП) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 85. Д. 22. Л. 5.

³⁹ Там же. Л. 58–59.

коммунистического движения началась эпоха «множественности» апеллировавших к коммунизму структур, которую Коминтерну не удалось изжить. Вновь сложившиеся обстоятельства более не позволяли ИККИ видеть в Египте «базу» революционизации Ближнего Востока.

Признавая ПКП и подталкивая «Спартак» к объединению с СКП, ИККИ, как и в египетском случае, отталкивался от необходимости развития в регионе антибританского (и антифранцузского) противостояния. Но если в Египте уже действовало относительно мощное национальное движение, то в Палестине и Ливане (как и в Сирии) этот процесс находился на этапе становления. В ИККИ понимали, что в Палестине отсутствуют какие-либо признаки появления арабской группы сторонников коммунистической идеи, а ливанская коммунистическая группа слаба и неустойчива. Осуждая сионистское и гнчакистское «обособление от арабских пролетариев», Коминтерн нуждался в ПКП и «Спартаке» для расширения сферы влияния коммунистической идеи и практики действия. Задача состояла в том, чтобы не разрушать уже сложившуюся структуру обеих групп, а наполнить ее «арабским содержанием».

В палестинском случае важность этой задачи была очевидна. ИККИ, несомненно, поддерживал слова Вольфа Авербуха, первого генерального секретаря ПКП, добившегося в феврале 1924 г. в ходе переговоров в Москве согласия на прием его партии в Коминтерн. В представленном Восточному секретариату «Докладе председателя Палестинской коммунистической партии» он выдвинул тезис регионального единства, подчеркивая, что Ближний Восток – «этнографически и культурно единая, хозяйственно связанная область» в «интересах империализма искусственно раздроблена на мелкие части». «Мандатная система новейшей колониальной политики ... привела, – отмечал Авербух, – к этому дроблению. И теперь мы имеем Сирию и т.н. Великую Лебананскую Республику (Государство Великий Ливан. – Г.К.), т.е. французскую оккупацию; Палестину – английскую оккупацию; Месопотамию, Геджас (Хиджаз. – Г.К.), Трансиорданию, т.н. самостоятельные арабские государства, в действительности же английские марионетки».

Иными словами, ближневосточный сегмент системы международных отношений в том виде, в каком его создали Великобритания и Франция, хрупок. Разве это не благоприятная предпосылка и для социального переворота, и для нанесения чувствительного удара «державам»? Авербух добавлял: «Искусственное дробление, являясь, с одной стороны, необходимым условием господства англичан, с другой – служит источником постоянных конфликтов, недовольств и также восстаний». Но, быть может, еще более важной была вторая мысль Авербуха: «Внешняя форма английского господства в Палестине ... открыта и доступна пониманию даже бессознательного феллаха. Английский мандат на Палестину, знаменитая декларация Бальфура возбудила все арабское общественное мнение, и можно без преувеличения сказать, что т.н. палестинская проблема является теперь осью, вокруг которой вращается все арабское движение». Это означало, что новой «базой» революции на Ближнем Востоке должна стать Палестина, несмотря на ее «экономическое убожество и малочисленность населения»⁴⁰. В этом контексте роль ПКП в качестве организатора арабского национального движения в пределах всей *исторической Сирии* становилась решающей.

Проходили годы, но эта роль оставалась несыгранной, что доказывало и отсутствие изменений в этническом характере партии. Документ, поступивший в начале 1930 г. в Москву, сообщал, что в рядах ПКП действуют четыре партийные организации – в Иерусалиме, Хайфе, Тель-Авиве и Яффе/Яфо. В иерусалимской парторганизации состояло 30 человек, из которых 5 арабов. Ситуация в Хайфе была идентична иерусалимской – 25 человек, включая 5 арабов. В тель-авивской организации работали 25 человек, все они были евреями. В арабской Яффе/Яфо – «18–20 коммунистов-арабов». Еврейская (на идиш) газета партии «Форвейс» («Вперед») выходила два раза в месяц тиражом в 1300 экземпляров, а ее арабоязычная версия «Иля аль-амам» – один раз в месяц тиражом в 500 экземпляров⁴¹.

⁴⁰ Доклад представителя компартии Палестины. 7 февраля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 20. Л. 1–6.

⁴¹ Отчет Сади о положении внутри П.К.П. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 112. Л. 54–57.

В момент своего становления СКП, по словам Язбека, была «крошечной группой просвещенной молодежи», «молодых революционно настроенных идеалистов»⁴². В 1925 г. эта группа подверглась первым репрессиям мандатных властей и распалась. Как сообщал летом 1925 г. в Москву ее новый палестинский куратор Элияху Тепер (Наум), «особый удар по партии нанес уход ее секретаря Анатоля (Язбека. – Г.К.)», когда СКП «потеряла многие связи в Бейруте и других городах». Партия не исчезла, но в ней осталось «15 человек, все рабочие», жившие «в деревнях Малого (Горного. – Г.К.) Ливана»⁴³.

Тепер писал и о группе «Спартак» (сообщение о ней уже поступило из Еревана в Москву, и он был поставлен об этом в известность): ««Спартак» до последнего времени действует только среди армян, поддерживая связи с КП ... Армении. Необходима работа среди них ради создания *территориальной* (здесь и далее – курсив автора) группы». Описывая «Спартак», он отмечал: «Двое из них в ЦК, в Бейруте – 40, Алеппо – 15, Захле (долина Бекаа. – Г.К.) – 20 (всего 75 чел.)». По мнению куратора СКП, «армянские товарищи в дальнейшем окажутся ценным элементом для партии ввиду их организационных навыков и лучшей подготовки»⁴⁴. Позже Тепер сообщал, что в декабре 1925 г. состоялось первое «совещание, которое фактически является первым съездом партии». В нем участвовало «6 арабов, 8 армян». Армянское присутствие в партии (членом ее ЦК стал Мадеян) расширяло географические рамки деятельности СКП: «территориальная группа» действовала не только на территории Ливана, но и в Сирии – «в Алеппо, Дамаске, области алавитов (район Латакии. – Г.К.)»⁴⁵. Армянское большинство⁴⁶ «интернациональной» СКП играло роль несущей конструкции «общеси-

⁴² Язбек Ю. И. Хикайят авваль наввар. С. 68–69, 73.

⁴³ В Исполком Коминтерна. Отчет за май–июль. За ЦК компартии Сирии Наум. 30 июля 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 9. Л. 1–5.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Наум в Востотдел Коминтерна. 14 августа 1926. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 11. Л. 7.

⁴⁶ В 1928 г. в документах ИККИ подчеркивалось, что доля армян в СКП составляла 60% от общего числа ее членов. – *Projet de resolution sur la situation en Syrie et les tâches du P.C.S.* 22 septembre 1928 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 15. Л. 23.

рийской» партии, повторяя ситуацию ПКП с ведущей ролью в ней еврейских, пользуясь языком того времени, «рабочих».

Спустя пять лет после признания ПКП и СКП, в октябре 1929 г., ИККИ принял постановление «О повстанческом движении в Арабистане», содержащее анализ августовского (того же года) арабского восстания в Палестине и позиции палестинских коммунистов. В документе Коминтерна отмечалось, что причиной восстания была «основанная на насилии сионистская колонизация», а само оно доказало, что Палестина и весь Ближний Восток вступают в «этап руководимой рабоче-крестьянскими массами антиимпериалистической революции, задачами которой выступают борьба против чужеземного угнетения, за решение общенациональной проблемы арабского единства, свершение аграрной революции». Но поскольку ПКП оставалась далека от приближающихся событий, возникла необходимость «исключить диктатуру горстки еврейских рабочих над основной массой арабского населения». ПКП нуждалась в «арабизации» – немедленной замене еврейских руководителей на арабских и увеличении числа арабских коммунистов. Положения документа распространялись не только на Палестину, но и на все ближневосточное региональное пространство (квалифицировавшееся как «Арабистан»). «Арабизации» должна была подвергнуться и СКП⁴⁷. Построенные на основе «интернационализма» партии более не могли быть орудием «революционизации» региона.

Решение ИККИ стимулировало всплеск открытой ксенофобии, раскалывавшей партийные структуры. Говоря о времени «арабизации», Махмуд аль-Атраш (Сади), сменивший Авербуха на посту генерального секретаря ПКП, был откровенен: «Арабские трудящиеся массы ... не могли доверять людям, которых звали *Хаим*, *Авраам* или *Ицхак*... Для этих масс они принадлежали к национальному меньшинству, которому империализм предоставил необъятные привилегии за счет арабских народов и которое он превратил в орудие насилия и притеснения. ...Арабские народные массы могли верить только людям по имени *Зейд*, *Али* или *Бакр*, вышедшим из их рядов, связанным с арабским

⁴⁷ Le mouvement d'insurrection en Arabistan // Correspondances Internationales. 1930. № 11. P. 116; Correspondances Internationales. 1930. № 12. P. 126.

национальным сообществом арабским языком, обычаями и религией и ...разделяющим вместе с этими массами нищету и угнетение»⁴⁸.

Документы состоявшегося в январе 1931 г. VII съезда уже «арабизированной» (ни на одной ее руководящей должности больше не было евреев) ПКП провозглашали выход «палестинского коммунистического движения из еврейского гетто» и его превращение в «руководителя трудящихся масс народа». В них подчеркивалось, что «еврейское национальное меньшинство в Палестине – основное орудие угнетения коренного арабского населения в руках английского империализма». Речь шла и о том, что «антиимпериалистическая революция арабских масс в Палестине ... будет сопровождаться сокрушительной войной против еврейского меньшинства до тех пор, пока это меньшинство будет идти бок о бок с английскими империалистами»⁴⁹. Эта позиция полностью соответствовала точке зрения ИККИ, изложенной в «Письме всем членам КП Палестины» в декабре 1930 г.: «История колониально-освободительной борьбы учит, что там, где национальные меньшинства ... выступают агентурой империализма, там взрыв возмущения поработенных масс может привести к истребительной войне против национальных меньшинств». И как вывод – многозначительная фраза: «Так было в Турции»⁵⁰.

События в СКП развивались по тому же сценарию. В начале декабря 1932 г. она была провозглашена партией, которая «всегда была арабской»⁵¹. Состоявшийся в июне 1933 г. IV «расширенный пленум» ЦК СКП принял «Резолюцию об арабизации и национальных меньшинствах в Сирии», заявлявшую, что «Сирия – арабская страна», где «основной силой сопротивления ... империализму ... являются сирийские арабские трудящиеся массы». Подчеркивая, что французский империализм, «создав условия для размещения

⁴⁸ Ас-Саид Р. Хаказа такаллям аш-шуюййун (Так говорили коммунисты). Каир, 1989. С. 20.

⁴⁹ Аль-Муатамар ас-сабиа ли аль-Хизб аш-шуюйй аль-фалястыний, январь 1931 (VII съезд ПКП, январь 1931) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 108. Л. 51–56.

⁵⁰ Письмо КП Палестины. Всем членам КП Палестины, декабрь 1930 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 86. Л. 22–23.

⁵¹ Thèse organisationnelle du C.C. de P.C.S. à toutes les organisations et cellules. 5 décembre 1932 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 59. Л. 103.

в Сирии иммигрантов», вызвал «ненависть и недоверие арабских народных масс к армянам». Эта мысль развивалась: «Сосредоточение французским империализмом армян в Сирии и создание национального меньшинства направлено не только на угнетение сирийских народных масс, но и для подготовки армии для нападения на СССР и, особенно, советскую Армению». Армянские «массы», отмечалось далее, стали «пушечным мясом в политике французского империализма»⁵².

Спустя год Халед Багдаш – представитель СКП в Москве и будущий генеральный секретарь партии – сообщил в Восточный отдел ИККИ, что «ЦК СКП принял решение, по поводу которого просит совета Коммунистического Интернационала». Руководство «арабизированной» партии пришло к выводу о том, что «армянское национальное меньшинство, ... созданное французским империализмом, армянской буржуазией и лидерами Гнчак, стало силой, поддерживающей империализм». Отныне речь шла только о том, чтобы «бороться с ним»⁵³. Ответом Восточного отдела стало отправленное в сентябре 1934 г. письмо в Сирию, требовавшее продолжения «арабизации» и подчеркивавшее, что «партия будет действительно арабизирована в тот день, когда она охватит лучшие элементы арабского рабочего класса»⁵⁴.

Во второй половине 1930-х годов «Арабистан» вступил на «этап антиимпериалистической революции»: в 1936–1939 гг. произошло арабское восстание в Палестине и одновременно началось мощное движение в Сирии за обретение политической самостоятельности. Но этой «революцией» руководили не «рабоче-крестьянские массы», а земельно-компрадорская аристократия, представленная Высшим арабским комитетом во главе с муфтием Амином аль-Хусейни в Палестине, и союз предпринимательской страты Алеппо и Дамаска – партия Национальный блок в Сирии. Дальнейшее развитие событий было предсказуемо: поддерживая эти

⁵² Résolution du 4-ième plenum elargi du C.C. du P.C.S. sur l'arabisation et les minorités nationales en Syrie // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 56. Л. 94–95.

⁵³ Rapport sur la situation en Syrie, 25 avril 1934 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 66. Л. 29–30.

⁵⁴ Письмо к КП Сирии по вопросу о подготовке к VII Конгрессу Коммунистического Интернационала, 19 октября 1934 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 61. Л. 72–73.

структуры, «арабизированные» ПКП и СКП становились сателлитами местных националистов.

Заключение

Эпоха 1920–1930-х годов была временем, когда группы ближневосточных националистов (не только арабских, но и еврейских, и армянских) стремились установить отношения с советской державой. Вступая в контакт с этими группами, Коминтерн всегда и безоговорочно требовал от них коренной перестановки акцентов в их доктринальных установках – они должны были отринуть национализм и провозгласить свою приверженность коммунизму. Речь шла о реализации важнейшей цели Москвы – проникнуть в регион, ставший зоной господства Великобритании (и Франции), создав там (цинично апеллируя к идее «пролетарского интернационализма») инструменты советского влияния. Лишь такая прагматическая задача лежала в основе признания этих групп коммунистическими партиями и секциями Коминтерна.

Но смогли ли люди, действовавшие в рядах этих секций, отринуть свое националистическое прошлое? Да и был ли Коминтерн способен добиться такой радикальной трансформации? В этом приходится сомневаться.

Источники

Бюллетень № 20 от 29 ноября 1922 г. IV Конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1922.

В Исполком Коминтерна. Отчет за май – июль. За ЦК компартии Сирии Наум. 30 июля 1925 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 9.

Второй Конгресс Коминтерна (июль – август 1920 г.). М., 1934.

Доклад представителя компартии Палестины, 7 февраля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 20.

К народам Востока // Народы Востока. Баку, 1920.

Наум в Востотдел Коминтерна, 14 августа 1926 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 11.

Отчет Сади о положении внутри П.К.П. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 112.

Письмо Авигодора из Египта Г. Сафарову от 9 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 7.

Письмо группы «Спартак» в ЦК Коммунистического союза молодежи Армении // Государственный архив документов общественно-политических организаций Республики Армения. Ф. 48. Оп. 1. Д. 288.

Письмо к КП Сирии по вопросу о подготовке к VII Конгрессу Коммунистического Интернационала, 19 октября 1934 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 61.

Письмо КП Палестины. Всем членам КП Палестины, декабрь 1930 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 86.

Политико-организационный отчет о Египте за 1921–1922 гг. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 85. Д. 12.

Постановление ИККИ от 2 апреля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 7.

Резолюция ИККИ по Палестинской партии. 14 марта 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 81. Д. 19.

Соображения о работе ближневосточного отдела в 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 196.

Тезисы по программе и тактике компартии Египта // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 85. Д. 6.

Rapport du camarade Ichtyar au Secrétariat de l'Orient. Б/г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 8.

Rapport sur le mouvement ouvrier et communiste en Egypte. Octobre 1922 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 85. Д. 10.

Rapport sur la situation en Syrie, 25 avril 1934 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 66.

Résolution du 4-ième plenum elargi du C.C. du P.C.S. sur l'arabisation et les minorités nationales en Syrie // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 56. Д. 56.

Thèse organisationnelle du C.C. de P.C.S. à toutes les organisations et cellules. 5 décembre 1932 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 84. Д. 59.

Литература

Борохов Б. Классовые моменты национального вопроса. Одесса: Кадима, 1906. 30 с.

Ибис. Политические партии в Сирии // Коммунистический Интернационал. 1925. № 2.

Косач Г. Г. Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 1920–1930-е годы. М.: ИСАА при МГУ, 2001. 420 с.

Косач Г. Г. Коммунисты Ближнего Востока в СССР. 1920–1930-е годы. М.: РГГУ, 2009. 270 с.

К народам Востока // Народы Востока. Баку, 1920.

Ас-Саид Р. Хаказа такаллям аш-шуюъийун (Так говорили коммунисты). Каир: Дар ас-сакафа аль-джадида, 1989. 500 с.

Вильнер М. Хамишим шана ле мифлага хакомунистит бе арец (Пятьдесят лет коммунистической партии в стране). Тель-Авив: Изд-во компартии Израиля, 1970. 60 с.

Дакруб М. Джузур ас-синдияна аль-хамра. Хикайят нушу аль-Хизб аш-шуюъий аль-любнаний. 1924–1931 (Корни красного дуба. Формирование Ливанской компартии. 1924–1931). Бейрут: Дар аль-Фараби, 1984. 280 с.

Мадеян А. Кеанк ме хатнечи вра. Юшер ев вкаютеннер (Жизнь на баррикадах. Воспоминания и увиденное). Бейрут: Дар аль-Фараби, 1988. 583 с.

Ситгун амман мин нидадь аш-шуюъийин аль-масрийин (Шестьдесят лет борьбы египетских коммунистов). Б/м., б/г. 59 с.

Топузян О. Х. Хайери маснакцутюн Сирия и ев Либанани азгаин-азатагракан ев демократакан шаржумнерин (Участие армян Сирии и Ливана в национально-освободительном и демократическом движении). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968. 214 с.

Хатмутиин с. д. Гнчакйян Кусакцутйюн. 1887–1963. А хатор (Документы социал-демократической Гнчакистской партии. 1887–1963). Бейрут: Кусакцутйюн кентрони Грапарак гратаракчють (Издательство ЦК партии Гнчак), 1964. Т. I. 480 с.

Шауи Н. Тарики иля аль-хизб (Мой путь в партию). Бейрут: Дар аль-Фараби, 1984. 351 с.

Язбек Ю. И. Хикайят авваль наввар фи аль-алям ва Любнан. Зикрийят ва тарих ва нусус (Первое мая в мире и в Ливане. Воспоминания, история, тексты). Бейрут: Дар аль-Фараби, 1974. 142 с.

Коминтерн и Иран

Первый период истории Коминтерна (1919–1923 гг.), традиционно известный как «период формирования, или период единого фронта», совпал по времени с подъемом и поражением региональных восстаний в иранских северных провинциях – Азербайджане, Гиляне и Хорасане. Согласно своей изначальной позиции, Коминтерн и Советская Россия должны были поддержать эти периферийные движения против иранского центрального правительства.

Иранские коммунисты с воодушевлением приветствовали образование Коминтерна. Среди них был и Мирза Бакер-Оглы Хосейнзаде, который принял участие в учредительном съезде в качестве представителя партии «Адалят» (будущая Иранская коммунистическая партия – ИКП). На съезде ИКП в Энзели в июне 1920 г. Коминтерн был представлен Нанейшвили, секретарем Коммунистической партии Азербайджана, и Батырбеком Абуковым, военкомом советского десанта¹. После съезда в Москву отправились лидеры партии – Султан-заде, Нимби и Эйваз-заде. В связи с важным геополитическим положением Ирана, который был в авангарде советской антибританской кампании, и активной ролью, которую сыграл Аветис Султан-заде в ходе конгресса Коминтерна, последний был избран членом Исполкома.

¹ С. Орджоникидзе назначил Абукова представителем Кавказского бюро ЦК РКП(б) в Гиляне / См.: Демин Ю. А. Коммунистическая партия Ирана, ее деятельность и взаимоотношения с Коминтерном (1917–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. С. 68.

Гамид Султанов (член Загбюро ЦК ИКП) неоднократно указывал на тот факт, что Иран – феодальная страна, где крестьяне, если рассматривать их как среду для распространения революционных настроений, находятся под сильным влиянием духовенства². Коммунистические идеи вряд ли сподвигнут аграриев на «грандиозную революцию», и потому коммунисты должны взять в руки процесс зарождающегося народного самосознания³. ИКП выражала намерение сотрудничать со всеми революционными партиями и организациями, «которые готовы вести решительную борьбу против... тиранов персидского народа...»⁴, т.е. с организациями, для которых главными задачами были изгнание англичан и уничтожение шахско-помещичьей власти в Иране.

Коминтерн мог бы долго поддерживать такой курс, обвинив центральное правительство в проведении проанглийской политики, вплоть до подписания Англо-персидского договора 1919 г. Призыв Г. В. Чичерина по созданию единого фронта рабочих, крестьян и националистических сил против империалистических держав действительно нашел отражение в позиции Коминтерна в ранний период его формирования.

Коминтерн и Советское правительство рассматривали региональные восстания шейха Мухаммада Хиябани в Азербайджане, полковника Таки-хана Песьяна в Хорасане и Кучек-хана дженгали в Гиляне в качестве наиболее подходящих инструментов реализации на практике антибританской политики Коминтерна в Персии. Большевики пытались связаться с шейхом Мухаммадом Хиябани в Тебризе, чтобы перетянуть его на свою сторону, но это закончилось неудачей. Когда представители Коминтерна обратились к Хиябани в Тебризе с недвусмысленным предложением о сотрудничестве, он и его коллеги-демократы всего лишь оказали им гостеприимство. В докладе, направленном в Москву, большевистский агент дал следующую оценку восстания Хиябани: «Демократы, акцентируя внимание на иранском национализме и ища пути для изменения

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 32. Л. 9.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Из программы-минимум ИКП // Жизнь национальностей. 03.09.1921.

реформ во всей стране, расширили свою борьбу на двух фронтах, антибританском и антибольшевистском»⁵.

Восстание Песьяна в Хорасане также прошло без советской опеки⁶. Однако движение дженгелийцев оставалось главной опорой Коминтерна и РСФСР в Иране и в провинции Гилян, где поддержка Коминтерна была более значимой, чем в двух других провинциях. После падения Гилянской республики и с возникновением нового вектора политического развития в Иране после прихода к власти Реза-хана, который в своей внешней политике руководствовался стратегией лавирования между интересами Запада и Советской России, все региональные движения, имевшие целью проведение широкомасштабных реформ, оказались обречены. Одним из первых актов нового правительства было заключение Договора о советско-иранской дружбе. В марте 1921 г. был подписан англо-советский торговый договор.

Начало дипломатических и экономических контактов Советской России с капиталистическими странами, окончание Гражданской войны заставили Коминтерн и будущий Советский Союз отступить от своей прежней политики помощи региональному движению в Иране и начать поддерживать сильное и централизованное правительство этой страны.

В Москве знали о разработанном в Великобритании плане по разделу Ирана в случае активного нарастания революционного движения в стране. Такое развитие событий не устраивало руководство молодого советского государства, еще не оправившегося от Гражданской войны. Вывод английских войск из Ирана и установление советско-иранских дипломатических и торговых отношений были оценены как благоприятные предпосылки для достижения РСФСР своих политических целей⁷. 25 апреля 1921 г. в Тегеран прибыла советская дипломатическая миссия во главе с полпредом Ф. А. Ротштейном, развернувшая активную деятельность в Иране. Под влиянием нового главы российской дипмиссии появилось множество газет, таких как «Сетаре

⁵ ГАРФ. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 519. Л. 4.

⁶ Персиц М. А. Застенчивая интервенция: О советском вторжении в Иран 1920–1921 гг. М., 1996. С. 54–55.

⁷ Fischer L. The Soviets in World affairs. L., 1930. Vol. 1. P. 429.

Иран» («Звезда Ирана»), «Эттехад» («Союз»), «Ватан» («Отчизна»), «Михан» («Родина»), «Туфан» («Буря») и др. Одна из них, «Энгелабе Сорх» («Красная Революция»), финансируемая за счет советского консульства, распространялась среди иранцев бесплатно⁸. Все печатные издания использовали информацию, поступающую из советских новостных материалов. Ранее в Тегеране издавались только две газеты – «Иран» и «Рад». В Тегеране начала работать российская школа⁹.

Ф. Ротштейн считал, что главной целью советской политики на тот момент была работа по усилению антибританских настроений в правительстве. В письме Г. В. Чичерину от 19 сентября 1921 г. он писал: «Если нам как-нибудь удастся уничтожить английское влияние в Персии, то нам вообще ничего не останется здесь делать, и мы сможем оставить вариться персов в своем соку, как это, например, мы делаем по отношению к жителям Абиссинии или Полинезии»¹⁰.

По сути, НКВД к этому времени уже склонялся к тому, что поддержка повстанческих движений является рискованным предприятием, способным качественно ухудшить отношения с правительством Ирана в период подписания советско-иранского торгового соглашения, и ставит под удар всю антибританскую кампанию. Активная помощь миссии в борьбе с гилянскими повстанцами не могла не вызвать бурного возмущения со стороны как ИКП, так и членов повстанческих движений, ориентированных на поддержку советской стороны. Ближайший соратник Кучек-хана Халу Курбан не без подачи сотрудников миссии перешел на сторону Реза-хана¹¹. Полпред так активно препятствовал тому, чтобы гилянские повстанцы могли получать помощь из Баку (от Г. К. Орджоникидзе и его соратников), что Реза-хан хвалил его, говоря, что «военными успехами последнего времени

⁸ Fatemi N. S. Diplomatic history of Persia, 1917–1923: Anglo-Russian power politics in Iran. N.Y., 1952. P. 289–290; Kapur H. Soviet Russia and Asia 1917–1927: A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneve, 1966. P. 188; Lenczowski G. Russia and West in Iran, 1918–1948. N.Y., 1949. P. 65–66.

⁹ Kapur H. Op. cit. P. 188.

¹⁰ Генис В. Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне, 1920–1921 гг.: документальная хроника. М., 2000. С. 423.

¹¹ Там же. С. 453.

Персия обязана главным образом т. Ф. Ротштейну и его неустанной деятельности в направлении защиты и освобождения Персии от гилянских и всяких других разбойников»¹². Гамид Султанов писал позднее, что последний период Гилянской революции, «ознаменованный кровавой бойней, унесший жизни лучших наших товарищей, прошел под флагом дипломатических органов... РСФСР, непосредственно принявших участие в разгроме революционных сил»¹³. Современный исследователь Гилянской революции В. Генис также полагает, что Ф. Ротштейн «сыграл немалую роль в разгроме гилянского повстанчества»¹⁴.

Тегеранские коммунисты (Гасанов, Шейдани и Дехкана) в своем докладе в Москву критиковали миссию Ротштейна: по их мнению, советское полпредство связалось с «местной буржуазией» и «аристократами» и окружило себя бывшими русскими подданными, которые ранее «творили всякие жестокости по отношению к персидскому населению»¹⁵, порвало связь с демократическими и революционными организациями и укрепило свое политическое влияние за счет «личных отношений с персональным составом (иранского. – *Авт.*) правительства и с представителями феодальной аристократии»¹⁶. Иранские коммунисты подвергли сомнению профессионализм советского полпредства: консул в Бендергази Лианозов ранее был управляющим рыбными промыслами «Лианозов и К^о», консул в Астрабаде Вайнер – царским адмиралом, консул в Исфагане Шубин – управляющим «Учетно-ссудным банком Персии»¹⁷. А военный атташе советского полпредства Б. И. Рогачев при аресте Реза-ханом редактора газеты левых демократов «Сетаре Иран» публично выразил по этому поводу радость. Также он заявил, что «на порог (их. – *Авт.*) к себе не допустит». Нет ничего удивительного в том, что иранские коммунисты активно просили Коминтерн добиться от советского руководства изменения

¹² Там же. С. 458.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 32. Л. 130.

¹⁴ Генис В. Л. Указ. соч. С. 424–425.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 32. Л. 22.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 59. Л. 4–4об.

¹⁷ Там же. Л. 5об.

персонального состава полпредства и его политики по отношению к иранским коммунистам¹⁸.

Враждебность во взаимоотношениях советского полпредства с представителями всех левых партий Ирана Коминтерн считал чрезмерной, в том числе и из-за постоянных жалоб со стороны Орджоникидзе и его единомышленников. Вскоре Ф. Ротштейн был снят с должности и заменен на Б. З. Шумяцкого. Но остававшиеся все это время без поддержки региональные движения на севере, северо-западе и северо-востоке страны к концу 1921 г. потерпели окончательное поражение, и иранское центральное правительство восстановило свою власть во всех провинциях.

После заключения в 1921 году Договора о дружбе между двумя странами РСФСР (вскоре ставшая Советским Союзом) и Коминтерн перестали поддерживать региональные движения в Иране и сосредоточили внимание на политической ситуации в столице страны – Тегеране.

Новая советская делегация в Тегеране, стремясь к установлению контактов как с политическими активистами, так и с государственной элитой, снова попыталась нащупать потенциальные социальные и политические альянсы, чтобы конкурировать со своим главным врагом – Великобританией – за влияние на политическую жизнь в стране. Рабочее движение, очевидно, было одной из главных целевых групп для проведения этой политики. Во «временном оперативном плане для иранских коммунистов», разработанном 15 октября 1921 г. Гамидом Султановым, был предложен «захват» существующих профсоюзов с целью их «большевизации», а образование новых профсоюзов, коммунистических молодежных организаций и центров ликвидации неграмотности для женщин объявлены приоритетными задачами ИКП. Члены партии, по замыслу автора, должны были разработать новую платформу сотрудничества с реформистскими кругами в парламенте Ирана¹⁹. В январе 1922 г. в письме в ЦК ИКП Г. В. Чичерин приветствовал отказ от старой политики конфронтации и принятие новых руководящих принципов партии, ориентированных на сотрудничество²⁰.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Демин Ю. А. Указ. соч. С. 91.

²⁰ Там же. С. 111.

Необходимо отметить, что в 1922 г. произошли восстания жандармов Тебриза под руководством майора Лахути и остатков дженгелийцев во главе с Кербалай Ибрагимом Кесмаи в Гиляне, которые, несмотря на все свои ожидания, так и не получили помощи от советской стороны.

Новая политическая ориентация ИКП привела к тому, что первый шаг Коминтерна по привлечению на свою сторону иранского рабочего движения был сделан уже в 1922 г., когда Резе Руста, выпускнику Коммунистического университета трудящихся Востока, и Джафару Пишевари, бывшему наркому внутренних дел в Гилянской Советской Социалистической Республике (существовавшей в иранском остане Гилян с июня 1920 по сентябрь 1921 г.), велели присоединиться к новообразованному Центральному совету профсоюзов в Тегеране. Пишевари вошел в редколлегию газеты «Хагигат», а Руста выбрали для решения организационных вопросов. Вскоре оба убедились, что, выполняя свои революционные задачи, они должны не только учитывать позицию Коминтерна в отношении Ирана, но и, что не менее важно, согласовывать свои действия с приоритетами советской дипломатии. Год спустя та же самая политика вынудила СССР поддержать политику Реза-хана Пехлеви с целью укрепления центральной власти в Иране.

Коминтерн считал тогда, что одновременное возвышение Мустафы Кемаля в Турции и интронизация Реза-хана в Иране стали частью триумфа антиимпериалистической борьбы, продвигаемой революциями. Позиция Коминтерна по поддержке Реза-хана упрочилась и в последующие годы²¹. В 1924 г. в резолюции, опубликованной после конференции по Ирану, организованной Коминтерном, Реза-хан получил высокую оценку как ведущий демократический и националистический лидер, защищающий суверенитет Ирана. Кроме того, одобрялись его действия для защиты страны от империалистического господства. Принятая резолюция полностью совпадала с точкой зрения советской дипломатической миссии в Тегеране. Впоследствии Коминтерн призвал ИКП и профсоюзных активистов присоединиться к движению, поддерживающему Реза-хана в стране, чтобы облегчить его путь к власти.

²¹ Solmaz Rustamova-Towhidi. Kominternin Şarg Siyaseti va İran, 1919–1943. Baku, 2001. P. 351–353 (на азерб. яз.).

Новый глава дипмиссии Б. З. Шумяцкий в соответствии с позицией Восточного отдела Коминтерна проводил работу по созданию национально-демократического блока, который мог бы занять важное место в иранском правительстве, а именно – национально-демократической организации, которая бы объединила все республиканские силы Ирана. Такой организацией могла бы стать вновь созданная в Иране Народно-революционная партия. Через нее Коминтерн надеялся установить контакт с Реза-ханом, «чтобы в будущем окончательно подчинить его своему влиянию»²².

Б. З. Шумяцкий разработал тактику Коминтерна и советской дипломатии в отношении Ирана. Главную силу он видел в нарождающейся национальной буржуазии в лице купечества, аграриев, демократов и военных, которые должны стать одним блоком во главе с ИКП и профсоюзами и добиваться свободы союзов, стачек и выборов. Вскоре Шумяцкий получил мандат на проведение революционной работы в Иране, которую он совмещал с деятельностью главы дипмиссии СССР (1922–1925), и старался оказывать всяческую поддержку ИКП.

В 1924 г., когда была принята Конституция Советского Союза, иранцев призвали отказаться от своего гражданства и принять советское, а ИКП – «осуществить всю свою революционную деятельность исключительно в Иране» и передать работу с иранцами, проживающими на Кавказе, Коммунистической партии Азербайджана²³. Впоследствии все бюро ИКП было закрыто, а его имущество передано КПА. Кроме того, Центральное Политбюро КПА призвало всех работающих в бюро иранцев выйти из ИКП и присоединиться к Коммунистической партии Азербайджана. Наряду с запретом на политическую деятельность в СССР Коминтерн и советские власти отказали многим иранцам, даже тем, кто был политически подготовлен, в возвращении в Иран. Например, в 1924 г., когда Юсуф Эфтехари, выпускник КУТВ, решил вернуться в Иран, его вызвало руководство Комин-

²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 106. Л. 9.

²³ Atabaki T. Incommodious Hosts, Invidious Guests. The life and Times of Iranian Revolutionaries in the Soviet Union: (1921–1939) // Reformers and Revolutionaries in Modern Iran: New Perspectives on the Iranian Left / Ed. by Stephanie Cronin. L., 2004. P. 152.

терна в Москве и приказало изменить свои планы и поехать в Советскую Республику Таджикистан²⁴.

Когда в Коминтерне наконец было принято решение о создании в Иране Народно-революционной партии²⁵, произошел монархический переворот Реза-хана и начались репрессии против компартии. В журнале «Коммунистический Интернационал», печатном органе Коминтерна, давалась следующая оценка этим событиям: «Ближайшие месяцы дадут возможность с большей точностью определить международную ориентацию Реза-хана после переворота, действительное влияние и роль Англии в этом перевороте, что, в свою очередь, будет иметь очень серьезное значение для определения позиции наших товарищей, а также и более широких республиканских групп национального движения в Персии»²⁶.

Вслед за постепенной консолидацией власти Реза-хана в Иране, завершившейся коронацией в качестве нового шаха страны в 1925 г., правительство Ирана инициировало ряд реформ, направленных на создание жесткого централизованного государства, сопровождая их эскалацией политических репрессий. Правительство не оставило места на новой политической арене страны для других учреждений, партий или профсоюзов. Рабочие активисты и коммунисты были первыми, на кого обрушились политические репрессии. Создание любой легальной оппозиции было теперь бессмысленно, так как она сразу же подвергалась уничтожению. Это вновь привело к кризису ИКП, переоценке стратегии и ориентиров, как в период Гилянского «эксперимента». В позиции партии вновь стали преобладать леворадикальные взгляды. К 1926 г. многие члены ИКП были заключены в тюрьму или покинули страну.

В феврале 1926 г. Коминтерн выработал новую резолюцию о политической обстановке в Иране и задачах ИКП. Спустя два месяца после совещания, проведенного Секретариатом Коминтерна по Ближнему Востоку, Коминтерн принял вто-

²⁴ Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. М. Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. М., 2020. С. 99.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 106. Л. 40.

²⁶ Вопросы революционного движения на Востоке на предстоящем расширенном пленуме ИККИ // Коммунистический Интернационал. 1925. № 12 (49). С. 26–27.

рую резолюцию, в которой восшествие на престол нового монарха называлось «значительным препятствием для освободительного движения иранцев». В соответствии с резолюцией «то, что Реза-хан сам себя провозгласил шахом, несомненно, произошло при сочувствии и активной поддержке британского империализма». Кроме того, Коминтерн был убежден, что «интересы британского империализма глубоко противоречат национальным чаяниям унифицировать персидскую буржуазию», указывал на хрупкость позиции компромисса между Реза-шахом и Великобританией. Таким образом, ИКП должна была начать агитацию и пропаганду в пользу дальнейшей демократизации страны, союза с СССР и борьбы против британского господства. Партия должна была также продвигать радикальное решение аграрного вопроса и освобождение крестьян от помещичьей кабалы²⁷.

Член ЦК ИКП Г. Ризаев писал: «Почему-то Реза – этот непримиримый враг трудящихся Персии пользуется горячей поддержкой официальной советской печати. ...Советская печать воспевае Резу как национального вождя и героя, представителя новой демократической, прогрессивной Персии и т.д. Это ложь, глупости и незнание действительной жизни Персии». Также он был возмущен негативной оценкой советской печатью произошедших в 1926 г. в Салмасе, Хорасане, Гиляне и Ширазе выступлений солдат и крестьян: «...давно уже официальная советская пресса рассматривает всякое народное движение в Персии как реакционное, как провокацию англичан»²⁸.

Тактическая позиция Коминтерна вынудила называть Реза-шаха Пехлеви воплощением «объективных тенденций прогрессивных (хотя и слабых) элементов персидского общества» и утверждать, что его диктатура была нацелена на «усиление движения за национальное освобождение страны». Поэтому вместо того, чтобы начать прямую конфронтацию с ним для осуществления смены власти, Коминтерн призвал ИКП бороться за максимально возможный уровень демократизации существующего режима в Иране, а также продолжать борьбу за всеобщее избирательное право, расширение влияния иранского парламента, сво-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 128. Л. 63–64.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 157. Л. 11.

боду слова, собраний и прессы. Основной задачей, помимо прочих, была аккумуляция заряженных «правильными» идеями политических сил, способных оказывать влияние на принимаемые правительством решения, для чего требовалось восстановление и расширение сети ИКП, что и осталось главным приоритетом для Коминтерна.

В конце 1926 г. до Москвы дошла информация о формировании новой политической партии иранских студентов в Германии. Эта партия в изгнании, Ферке-йе джомхури-йе энгелаби-йе Иран (Революционная республиканская партия Ирана), была основана в 1925 г. в Берлине, а год спустя решила обратиться к Коминтерну, отправив ему вместе с меморандумом и копию своей программы²⁹. В меморандуме Центральный Комитет РРПИ «обратился ко всем революционным партиям – членам Коминтерна, в частности к ЦК РКП(б), чтобы оказать поддержку их борьбе»³⁰. Коминтерн не только приветствовал эту инициативу, но и решил вступить в контакт с учредителями партии, в том числе с коммунистами, а именно с Ахмадом Асадом и Мортезой Алави.

В Берлине советские агенты Коминтерна тщательно изучили деятельность РРПИ. Согласно секретным сообщениям, посланным Коминтерну, новая партия даже приобрела типографию и печатала революционную литературу, чтобы нелегально переправлять ее в Иран. То, что заставило Коминтерн еще более охотно пойти на контакт с новой партией, был ее внеклассовый характер, который соответствовал политике, принятой Коминтерном³¹. Утвердив программу партии, Коминтерн хотел основать ее филиалы в Иране в качестве законной платформы и фронта для ИКП³².

Издавать свою литературу ИКП могла теперь только за границей³³. Самым «подходящим местом» для этого оказался Берлин, «так как там было налаженное издатель-

²⁹ О позднейших исследованиях революционной республиканской партии Ирана см.: Chaqueri Cosroe. Taqi Arani and the Comintern: The Revolutionary Republican Party of Persia in the 1920s and 1930s // The International Newsletter of Communist Studies. 2004. Vol. 10. № 17. P. 64–79.

³⁰ Ibid. P. 74.

³¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 29. Л. 5–8.

³² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 129. Л. 20, 26–27.

³³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 144. Л. 32.

ство, люди и отправка из Германии литературы возможна и гораздо легче [осуществима], чем из СССР», – писал из Тегерана член ИКП Селим³⁴.

Коминтерн был нацелен на создание крепких связей с ИКП и проживающими в странах Европы иранскими революционерами. В Германии и Австрии стали издаваться газеты «Пейкар» («Борьба») и «Байраче Энгелаб» («Знамя революции»), а также журнал «Сетарейе-Сорх» («Красная Звезда»)³⁵. Кроме того, в Германии был создан филиал ИКП, который возглавлял Мортеза Алави³⁶.

В одном из своих дополнительных актов Коминтерн решил обратиться к иранской общине в Баку, чтобы использовать ее возможную агентурную сеть в Иране для поддержки деятельности РРПИ в этой стране. Остатки выживших лидеров дженгелийцев и активистов, проживающих в Баку, стали приоритетной целью Коминтерна. В Баку работало представительство ЦК ИКП, которое отвечало за отставку революционной печати иранским организациям партии, помогало с зачислением в бакинские школы и институты молодых членов ИКП и регулировало дела учащихся в Москве³⁷. Уже в 1920-х гг. стала заметна некоторая враждебность, возникшая между иранцами, проживающими в Баку, и иранцами, находящимися в самом Иране. Эти противоречия помешали использовать людской ресурс как мощный источник кадров для ИКП³⁸. Иранским коммунистам в Баку не нравилось руководство, которое было назначено Москвой и большую часть времени находилось в Москве и Иране³⁹.

³⁴ Там же. Л. 17.

³⁵ История Ирана. М., 1977. С. 335.

³⁶ Годс М. Р. Иран в XX веке: политическая история. М., 1994. С. 153.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 146. Л. 8.

³⁸ Так, приблизительно в феврале 1923 г. работники Ближневосточного отдела ИККИ отправили в Закавказье своего представителя для ознакомления с существующими там группировками иранских коммунистов. Последний, касаясь посещения Баку, сообщал следующее: «Несмотря на то, что в Баку насчитывается очень много персидских коммунистов, но благодаря тому, что они уже с 1920 г. воспитывались в борьбе и в склоне... хороших работников из Баку получить [мы] не можем. Я с большим трудом мог только найти несколько товарищей, которых можно использовать для работы в Персии...» // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 77. Л. 50–53.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 146. Л. 7–8.

Представительство ЦК ИКП в Баку несколько раз пыталось организовать совещательное бюро с участием этих активистов, что, однако, ни к чему не привело, и противоречия между ЦК ИКП и «бакинскими активистами» продолжали существовать.

Бывший активный участник Гилянской революции Эхсанолла-хан, проживавший на момент монархического переворота Реза-хана в Баку, ждал возможности вернуться на родину. Советское руководство сдерживало его попытки вновь начать революционную деятельность на территории Ирана, так как это на тот момент не отвечало стратегическим задачам Москвы в данном регионе. Когда было принято решение о создании Народно-революционной партии, Коминтерн решил привлечь Эхсаноллу-хана к этой работе.

В феврале 1927 г. в Баку по инициативе руководства Коминтерна один из старейших функционеров ИКП, Сирус Ахундзаде, встретился с ним. В письме к Бухарину и Петрову от 4 февраля 1927 г. руководитель Восточного отдела Коминтерна Ахундзаде описывает Эхсаноллу-хана как «революционера с сильным характером, но его главный недостаток заключается в том, что он видит революцию как путч или партизанскую войну для захвата власти, которая осуществляется без какой-либо предварительной подготовки»⁴⁰.

Вскоре Эхсанолла-хан был вызван в Москву, где 20 февраля 1927 г. встретился с иранскими коммунистами и революционерами. Они договорились о необходимости создания внутри страны Революционно-республиканской партии Ирана, чьей задачей должна быть «работа в среде городской мелкой буржуазии, крестьян, представителей этнических меньшинств, студентов и армии». Два дня спустя, 22 февраля, Эхсанолла-хан на встрече с Петровым сообщил ему о своем большом желании начать реализовывать новые задачи революционной деятельности в Иране; последний обещал Эхсанолле-хану определенную поддержку и показал ему более подробный план действий Коминтерна. После встречи с Петровым, 24 февраля, Эхсанолла-хан предложил Исполкому Коминтерна план действий в Иране, главной целью которого было создание подпольной революционной сети. Согласно плану, основной задачей сети должна была

⁴⁰ Там же. Л. 3.

стать мобилизация всех недовольных слоев страны и проведение восстаний в Иранском Азербайджане, Гиляне, Мазандеране, Хорасане, Хамадане и Тегеране. Революционная сеть, связанная с РРПИ, должна была действовать независимо от ИКП, которая бы оказала помощь только в случае вооруженного восстания, «но и даже тогда – только по усмотрению Коминтерна». Помня о позиции Ротштейна, первого большевистского полномочного представителя во время событий в Гиляне, Эхсанолла-хан попросил гарантию «невмешательства» со стороны советских дипломатических представителей в Тегеране в свою «революционную деятельность». Для реализации вышеупомянутого плана Эхсанолла-хан просил, чтобы Исполком обеспечил ему и его команде поездку в Иран, невмешательство в его революционную деятельность, финансовую помощь и революционную литературу⁴¹.

Когда Эхсанолла-хан вернулся в Баку в апреле 1927 г. по инициативе Коминтерна, с ним связался член ИКП и предложил организовать совместную революционную сеть. Эхсанолла-хан рассказал ему о своем брате, который живет в Тегеране и является ответственным за организацию революционной сети в Иране⁴². К середине июля 1927 г. миссия Коминтерна была отправлена в Тегеран, чтобы установить контакт с тремя революционными группами, в том числе и с группой во главе с братом Эхсаноллы-хана. В том же месяце новый ЦК РРПИ был сформирован в Тегеране. Помимо брата Эхсаноллы-хана туда входили два его партнера по ИКП и два некоммуниста из тегеранского ЦК РРПИ. Эхсанолла-хан и Ахундзаде присоединились к новому центральному комитету в качестве почетных членов.

Была ли связь между тегеранским ЦК РРПИ и ЦК, который был ранее сформирован в Берлине, нам неизвестно. Тем не менее мы знаем, что некоторые из основателей РРПИ в Берлине столкнулись с полицейским преследованием и были вынуждены покинуть Германию по требованию иранского правительства⁴³.

В Тегеране ЦК РРПИ вел подпольную деятельность и продолжал разработку ее устава и программы, в то время как

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 143. Л. 15.

⁴² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 144. Л. 1–2.

⁴³ Chaqueri Cosroe. Op. cit. P. 69–70.

Эхсанолла-хан все еще ждал в Баку передачи Москвой финансовой поддержки, согласованной ранее⁴⁴. Ожидания оказались напрасными: в октябре 1927 г. в Москве после сложных переговоров был наконец подписан ирано-советский договор о торговле, и советский Наркомат иностранных дел как инициатор заключения этого договора приложил все усилия, чтобы не поставить под угрозу его окончательную ратификацию.

Поскольку Коминтерн в своей политике ставил интересы Советского Союза превыше всего, он решил отступить от первоначальной позиции поддержки Эхсаноллы-хана и РРПИ. Руководство Коминтерна было обеспокоено возможным отходом Эхсаноллы-хана от линии слабой ИКП в связи с тем, что уже тогда возникли некоторые противоречия в методах революционной деятельности двух партий. Вполне возможна была ситуация открытой конфронтации между ними. Вскоре ЦК Революционно-республиканской национальной партии был распущен. Затем последовал разгром компартии иранскими властями, который поставил точку в этом проекте. Эхсанолла-хан остался в СССР и больше не участвовал в революционном движении⁴⁵.

В 1927 г. перед Коминтерном были поставлены задачи по объединению слабой и разрозненной ИКП и определению ее новой стратегии. Этот год стал трудным как для Советского Союза, так и для Коминтерна. В первой половине 1927 г. ряд событий в отношениях Советского Союза с капиталистическим миром заставил руководство СССР и Коминтерна пересмотреть некоторые свои позиции. В апреле того же года Коминтерн был ошеломлен происходящим в Китае. Пользовавшаяся поддержкой СССР националистическая партия Гоминьдан отказалась от сотрудничества с Коммунистической партией Китая, а впоследствии ее члены убили тысячи китайских коммунистов в Шанхае. Поскольку Коминтерн был главным «архитектором» и пропагандистом этого политического сотрудничества, трагический конец союза двух партий стал серьезным ударом для его руководства. Кроме того, из-за массового убийства в Шанхае пострадали дипломатические

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 144. Л. 26–28.

⁴⁵ См.: Крутихин М. Иранские очерки. URL: www.sibnet.tm/article.php?sid=229 (дата обращения: 01.08.2019).

связи между Китаем и Советским Союзом. Советская миссия в Пекине подверглась нападению, а советское консульство в Шанхае было заблокировано.

Разрыв единого фронта Коммунистической партии Китая с националистическим Гоминьданом показал ненадежность союза коммунистов с буржуазией, а ухудшение дипломатических отношений между СССР и ведущими капиталистическими державами заставило руководство Коминтерна опасаться новых угроз социализму в отдельно взятой стране, и в результате он принял другую стратегию и тактику левого поворота. В истории Коминтерна начался новый период.

У Москвы сложилось стойкое ощущение, что правительство Реза-шаха склоняется к сотрудничеству с капиталистическим Западом, в частности с англичанами. В Коминтерне считали, что сама Великобритания перешла от политики поддержки сепаратистских движений в Иране к сотрудничеству с правительством Реза-шаха, а «социальная база монархии осталась прежней». Репрессии оппозиционных партий продолжались.

Левые настроения в Коминтерне усиливались, даже несмотря на ряд шагов шахского правительства, которые вызвали положительную оценку в советской печати и, возможно, в советском руководстве, а именно аннулирование с 10 мая 1928 г. режима капитуляций в стране и отказ ратифицировать воздушную конвенцию с Великобританией, закрытие «комитетов помощи русским беженцам» в Персии.

Пока шли переговоры по заключению советско-иранского торгового договора и ряда других соглашений, было предложено отложить намеченный съезд ИКП, на котором планировалось выработать новую программу ее деятельности, чтобы «не накалять обстановку» в период решения таких важных вопросов⁴⁶.

Ученые-востоковеды так называемой правой школы (В. А. Гурко-Кряжин, А. С. Свентицкий, Иранский (С. К. Пастухов), Ирандуст (В. Осетров), Мирза (Ф. Ротштейн)) совместно с Коминтерном разработали резолюцию «О важнейших зада-

⁴⁶ Переговоры закончились подписанием 1 октября 1927 г. в Москве советско-иранского торгового договора, договора о гарантии и нейтралитете и ряда других соглашений.

чах очередного съезда иранской компартии» от 27 сентября 1927 г.

«Англия...» – говорилось в резолюции, – будет несомненно использовать все свое влияние в Персии для того, чтобы сделать Персию одним из плацдармов непосредственного военного нападения на СССР. Для того чтобы не допустить попыток втянуть Иран в войну против СССР, необходимо организовывать трудящиеся массы на борьбу против распространения британского влияния и использовать для этого антивоенные настроения в среде правящих кругов страны».

Авторы данной резолюции надеялись использовать крестьянство, положение которого ухудшилось со времени вступления во власть Реза-шаха, в создании нового революционно-демократического блока, куда войдут, среди прочих, рабочие, ремесленники и мелкая буржуазия. Предполагалось, что этот блок можно было бы привлечь для борьбы с шахской властью. При правильной стратегии он также мог пользоваться поддержкой и у средней буржуазии⁴⁷.

По содержанию этой резолюции можно понять, как изменились взгляды «правой школы» ирановедов, которые изначально писали о «прогрессивности» новой власти в Иране. Данный документ давал негативную характеристику режиму Реза-шаха и ориентировал ИКП на борьбу с ним. Члены ЦК ИКП выразили недовольство резолюцией, принятой без их участия. Большинство из них в тот момент проживали в СССР, и перенос съезда на иранскую территорию вызывал опасения из-за возможных арестов членов партии. Иранские коммунисты недолюбливали представителей «правой школы» ирановедения из-за их первоначальной позиции по монархическому перевороту в Иране.

Б.З. Шумяцкий (псевдоним А. Червонный) после предложения внести поправки в текст новой резолюции заявил, что «весь проект новой резолюции покоится на псевдомарксистских утверждениях», и предложил его просто отвергнуть⁴⁸. Окончательный вариант было решено разработать без участия ирановедов «правой школы». В результате 10 октября 1927 г. был принят более левый вариант этого документа,

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 141. Л. 34–35, 37.

⁴⁸ Там же. Л. 62–63.

который отличался жесткой позицией по отношению к существующему в Иране режиму. В нем, как, впрочем, и во всей политике Коминтерна, начиная с лета–осени 1927 г., прослеживается довольно резкий поворот в сторону более радикальных левых взглядов, и не только на происходящее в Иране.

В начале 1927 г. известный революционер Юсуф Эфтеhari⁴⁹ был вызван в Москву Коминтерном, который отменил свое решение, запрещающее ему ехать в Иран. Эфтеhari была поручена реорганизация разрушенных профсоюзов в Иране. Он уехал в Хузестан, где вместе с Рахимом Хамдадом, другим активистом, также отправленным Коминтерном из Москвы, стал организовывать профсоюзное движение на нефтеперерабатывающем заводе и нефтяных месторождениях Хузестана. Двухлетняя деятельность Юсуфа Эфтеhari и его товарищей привела к забастовке 4 мая 1929 г.⁵⁰

Точно так же Коминтерн приказал ИКП возобновить свою сеть. Второй съезд партии состоялся в октябре 1927 г., и на нем левый поворот Коминтерна был поддержан делегатами. Впоследствии была распущена РРПИ⁵¹. Коминтерн при этом принял новую резолюцию, которая призывала к классовой борьбе, а не к классовому сотрудничеству⁵².

⁴⁹ Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. М. Указ. соч. С. 107.

⁵⁰ О последних исследованиях забастовки рабочих нефтепромыслов в 1929 г. см.: Bayat Kaveh. With or Without Worker sin Reza Shah's Iran // Atabaki Touraj. The State and the Subaltern. Modernization, Society and the State in Turkey and Iran. L. & N.Y., 2007. P. 111–122; Cronin Stephanie. Gendering the Social History of Labour in the Iranian Oil Industry: The Role of Women in the 1929 Abadan Refinery Strike. Unpublished paper.

⁵¹ Новая большевистская партия в изгнании // О позднейших исследованиях Революционной республиканской партии Ирана см.: Chaqueri Cosroe. Op. cit. P. 64–79.

⁵² Доклад Султан-заде на II съезде ИКП был его ключевым моментом и послужил основой для принятия Тезисов о международном положении и положении в Иране (доклад базировался на Октябрьской резолюции Коминтерна). В тезисах подчеркивалось, что Реза-шах стал монархом с помощью англичан, и его свержение только усилило эксплуатацию крестьян, создав «невynosимую» экономическую и политическую ситуацию. «Прямо сейчас, – говорилось в Тезисах, – Реза-шах является типичным представителем абсолютистского буржуазно-помещичьего режима, заклятым врагом политических свобод, заклятым врагом рабочих и крестьян». В них обращалось внимание на крестьянские восстания в Иране в середине 1920-х гг., которые потерпели поражение, поскольку восставшие были плохо обучены и организованы. Тезисы подчеркивали, что ИКП должна предпринять радикальные меры, чтобы свести на нет подобные нескоординированные операции: «организовать и подготовить все революционные силы к всеобщему восстанию», аграрной революции, которая разрушит режим шаха и создаст «государство рабочих». С этой

Лидеры ИКП должны были действовать, строго исходя из директив и под контролем Коминтерна, влияние которого было как никогда сильным. На выработку главных лозунгов партии (уничтожение монархии и создание народной республики) основное воздействие оказало также изменение тактики руководства Коминтерна. Не исключалась и возможность участия в парламентских выборах, чтобы использовать меджлис как арену для разоблачения «продажной и эксплуататорской политики господствующих классов»⁵³.

По результатам II съезда ИКП был издан «Манифест ИКП к трудящимся Персии», в котором коммунисты призывали трудящиеся массы Ирана к свержению монархии и организации народной республики, основанной на федеративном устройстве⁵⁴. На II съезде ИКП были зачитаны и приняты тезисы по аграрному вопросу⁵⁵, кооперативному строительству⁵⁶, работе среди профсоюзов⁵⁷ и трудящихся.

Зимой 1928 г. в Коминтерне был разработан и принят пакет документов, которые должны были определить политическую линию ИКП. Учитывая, что основы как минимум двух документов (тезисов А. Султан-заде и резолюции по работе среди молодежи) были разработаны в ИККИ еще до начала II съезда ИКП, можно с полной уверенностью говорить о том, что Исполком Коминтерна оказал большое влияние на произошедшую смену стратегии ИКП⁵⁸.

После съезда ИКП Коминтерн решил разорвать все связи с Эхсаноллой-ханом в Баку. Новая позиция Коминтерна преследовала двоякую цель. Учитывая внешнеполитические интересы СССР, она препятствовала проведению любой открытой подрывной операции на его территории; также

целью партия должна восстановить свои отделения в Иране и укрепить связи с рабочим классом, ремесленниками и крестьянством // О докладе Султан-заде см.: Chaqueri Cosroe. Asnad Jonbesh Kargari, SosiyaI Demokrasi va Komonisti Iran. Tehran, Elm, n. d. Vol. 4/ P. 116–121 // О резолюции на Втором конгрессе см.: Chaqueri Cosroe. Asnad Jonbesh Kargari, SosiyaI Demokrasi va Komonisti Iran. Florence, 1974. Vol. 1. P. 96–108.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 150. Л. 14–16, 20–27.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 154. Л. 42, 51–52.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 150. Л. 71–78.

⁵⁶ Там же. Л. 100–107.

⁵⁷ Там же. Л. 93–96.

⁵⁸ Демин Ю. А. Указ. соч. С. 204–233.

это решение было признаком отступления Коминтерна от прежней политики сотрудничества с некоммунистическими националистическими партиями и их лидерами; уроком здесь послужил крах такой политики в Китае. Но Эхсанолла-хан оказался непослушным, чего не ожидал Коминтерн. В 1928 г. он нарушил установки Коминтерна и сделал несколько карикатур на Реза-шаха, назвав его марионеткой «британского империализма». Несколько этих литографически напечатанных карикатур были отправлены по разным почтовым адресам в Иране, в том числе отдельным чиновникам администрации Пехлеви. Иранские власти пришли в ярость от этих агитационных материалов, в особенности карикатур.

Теймурташ, который был министром двора и самым влиятельным политическим деятелем того времени, вызвал посла СССР в Иране Я. Х. Давтяна⁵⁹ и вручил ноту протеста иранского правительства. Давтян, в свою очередь, немедленно связался с Москвой и Баку, с Мирзаяном, первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, и передал ему ноту протеста иранского правительства. В своем конфиденциальном письме Мирзаяну посол СССР писал, что иранские власти, в том числе Теймурташ, были убеждены в том, что за этой провокацией стоял Эхсанолла-хан, чтобы поставить под угрозу советско-иранские отношения. Давтян также был убежден, что «подобного рода действия серьезно вредят дипломатическим отношениям между двумя странами».

Кроме того, в своем письме к Мирзаяну он утверждал: «Если эти политические активисты искренне хотят продолжить свою революционную активность, разве не было бы гораздо разумнее осуществлять эти свои задачи из своей страны, а не из советской земли?» Наконец, он призвал руководство Коммунистической партии Азербайджана «найти выход из этого затруднительного положения и остановить дальнейшее ухудшение советско-иранских дипломатических отношений, которое происходит в результате действий Эхсаноллы-хана и деятельности его группы». В Баку реакция на этот призыв была мгновенной. Эхсанолла-хан и его соратники были вызваны в НКВД, и им велели прекратить свою политическую деятельность раз и навсегда.

⁵⁹ Полпред СССР в Персии в 1927–1930 гг.

Неудивительно, что именно интересы Советского Союза диктовали проведение новой политики. Хотя в ходе VI Конгресса Коминтерна, состоявшегося в 1928 г., иранские делегаты Шарки (тогда первый секретарь ЦК Иранской компартии) и Султан-заде принимали активное участие, в его резолюции Иран вообще не был упомянут.

Тем не менее, когда известие о забастовке рабочих в нефтяной промышленности Абадана в 1929 г. дошло до Москвы, Советский Союз и Коминтерн отреагировали на это с большим энтузиазмом. Согласно телеграмме, отправленной Англо-персидской нефтяной компанией в лондонский офис, 2 мая в порт Хорремшехр, расположенный недалеко от Абаданского нефтеперерабатывающего завода, прибыл советский сухогруз «Михаил Фрунзе» и оставался там в течение восьми дней. В телеграмме утверждалось, что пришвартовавшееся грузовое судно «помимо обычных грузов привезло агитационные брошюры и, как мы считаем, оружие и боеприпасы»⁶⁰. 15 мая еще один советский сухогруз, «Коммунистический», также бросил якорь в Хорремшехре, что вызвало тревогу руководства АПНК: «Некоторые таможенники просоветски настроены, что делает невозможным контроль содержания грузов. Мы попросили правительство уволить эти должностные лица. Губернатор Абадана конфисковал 540 боевых орудий, не считая некоторого количества револьверов в Абадане. Хотя я уверен, что наша контрпропаганда окажется эффективной и улучшение ситуации сохранится, мы не можем слишком сильно афишировать атмосферу неустроенности, которая сохранялась по соображениям опасности от советской пропаганды и возможности внезапных актов саботажа и/или поджогов, которые могут снова устроить даже несколько советских агентов [sic!]

Следует отметить, что приведенные выше утверждения АПНК не были подкреплены ни документами из советских и коминтерновских архивов, ни различными иранскими отчетами или архивными свидетельствами очевидцев.

Тем временем в Москве Исполнительный комитет Коминтерна принял решение направить посланника в Абадан, чтобы получить из первых рук отчет о рабочей забастовке.

⁶⁰ British Petroleum Archive. ARC59010. Abadan to London // Telegram. 16.05.1929.

⁶¹ Ibid.

Выбор представителей Коминтерна пал на А. Султан-заде, который посетил Абадан, представляясь купцом, с паспортом Королевства сербов, хорватов и словенцев⁶². Кроме того, была создана комиссия, чтобы следить за забастовкой и ее результатом и определить средства для оказания ей помощи. Нехватка профессиональных активистов и необходимость подготовки новых профсоюзных кадров стали одними из первых выводов, сделанных комиссией.

Чтобы найти потенциальных кандидатов для обучения, Коминтерн еще раз обратился к многочисленной общине Ирана на Южном Кавказе. Саламолла Мададзаде Джавид, член ЦК ИКП и сотрудник Коминтерна, был направлен в Баку, чтобы мобилизовать и реорганизовать местную общину. На встрече ведущих иранских активистов в Баку 10 июля 1929 г. собралось 49 участников. Коминтерн представлял член Коммунистической партии Азербайджана Антонов. Исход встречи оказался менее радужным, чем ожидалось⁶³.

После нее Джавид в разных письмах к Орджоникидзе, в Исполком Коминтерна, ЦК ВКП(б) и ЦК Компартии Азербайджана обстоятельно описывал картину условий жизни иранской общины в Баку. Упоминая о первоначальной роли иранских коммунистов и революционеров, он выразил глубочайшее сожаление в связи с ухудшением условий жизни и в целом пессимистичным настроением некоторых давних и некогда видных деятелей. Он подверг критике поведение местных властей, Коммунистическую партию Азербайджана и ее лидера Мирзаяна, назвав действия иранцев «худшими, чем все, что можно было ожидать»⁶⁴, а о властях отозвался как о «не справляющихся со своими обязанностями»⁶⁵. Письмо Джавида в Москву не осталось без ответа. Чрезвычайно раздраженный его содержанием, Исполком Коминтерна сместил Джавида с поста представителя ИКП в Азербайджане и заменил его на Наги Тагиева, члена ИКП,

⁶² После своей поездки в 1920 г. он неоднократно посещал Персию, всегда инкогнито.

⁶³ О том, как проходила встреча, см.: Atabaki T. Op. cit. P. 153.

⁶⁴ Azerbaijan Central State Archive of the History of Political Parties and Social Movements (далее – ASPSHA). Record 1. Dossier 88. P. 3.

⁶⁵ О детальном исследовании сообщения Джавида см.: Atabaki T. Op. cit. P. 153–155.

в то время проживавшего в Баку. Джавида отправили в Иран, что было воспринято многочисленными товарищами как акт наказания. Там его вскоре арестовали и заключили в тюрьму.

В целях максимальной радикализации стратегии ИКП и взятия курса на уничтожение существующего режима Исполком Коминтерна дал директиву прекратить сотрудничество с «Эджтемайюн-е аммийюн»⁶⁶, а также распустить все совместные партийные организации.

В середине 1931 г. Исполком Коминтерна назначил Сейфи Абдуллу-заде членом Исполкома ИКП в Баку, чтобы тот следовал его указаниям и планам. В секретном послании, отправленном лично Полански, члену Исполкома Коммунистической партии Азербайджана, Коминтерн описал миссию Сейфи в Азербайджане как шанс «мобилизовать иранских рабочих и коммунистов» и в конечном счете «усилить ИКП»⁶⁷. Тем не менее миссия Сейфи тоже закончилась полной неудачей.

В письме секретарю Восточного отдела Коминтерна Сейфи, подчеркивая своевременность решения Коминтерна по набору и подготовке кадров для отправки их в Иран, утверждал, что не существует никакой возможности подключить к этому делу старшее поколение иранцев в Баку. Для выполнения задач революции в Иране «нам нужно несколько молодых хорошо подготовленных кадров» – добавил он⁶⁸. После доклада Сейфи Коминтерн обратился к потенциальным молодым кадрам в Иране, призвав их поехать в Советский Союз и пройти необходимую подготовку⁶⁹.

В ответ на призыв Сейфи в 1932 г. Коминтерн послал в Москву несколько молодых иранских коммунистов, живущих в Баку. После прохождения партийных курсов их нелегально вывезли в Иран для профсоюзной деятельности и партийной работы.

⁶⁶ Эджтэмайюн-е аммийюн (перс. – социал-демократы) – первая революционная мелкобуржуазная политическая партия Ирана. Основана в 1904 г. в Баку, состояла из иранских рабочих-отходников.

⁶⁷ ASPSHA. Record 1. Dossier 88. File 21. P. 85.

⁶⁸ ASPSHA. Record 2. Dossier 88. File 21. P. 63.

⁶⁹ Mohajer Naser. *Kear Zanan Paykargar dar dowran Pahlavi Avval* // Baran, Persian quarterly on Culture and Literature. 2006. № 10. P. 119–124.

В архивах Коминтерна можно найти много документов о крайне трудных условиях для проведения профсоюзной деятельности в тот период. Например, одним из тех, кто, последовав приказу Коминтерна, уехал в Иран, был Мохаммад-Таки Резайи, который незаконно пересек границу в Джульфе и прибыл в Тебриз в 1933 г. Через два месяца жизни в Тебризе его арестовали по обвинению в том, что он «подозревается в прибытии из Советского Союза»⁷⁰. Через шесть дней его освободили, но спустя несколько месяцев, в декабре 1933 г., арестовали еще раз, уже в Тегеране, и задержали на три месяца. Однако, поскольку тайная полиция не могла найти какие-либо документы, чтобы обвинить его, в феврале 1934 г. он вновь был освобожден. Но в начале 1935 г. его арестовали в Тебризе в третий раз. Он смог опять доказать свою невиновность и выйти на свободу. В конце концов он решил вместе с двумя завербованными им иранцами, Хашемом Нежати и Мохаммад-заде, нелегально уехать из Ирана в Советский Азербайджан⁷¹. К тому времени Коминтерн принял решение прекратить свой авантюристический план отправки активистов в Иран и вместо этого предпочел набирать их непосредственно внутри страны.

После процессов, происходивших в 1930–1931 гг. в Иранской компартии, перед Коминтерном встал вопрос подготовки новых партийных кадров для ИКП, одним из центров которой был определен Баку. В мае 1931 г. ИККИ в ответ на предложения Султан-заде отправил туда члена ЦК ИКП Сейфи для работы по привлечению в партию проживающих в столице Азербайджана иранских рабочих-коммунистов. В декабре 1931 г. находившиеся в городе члены ЦК ИКП решили собрать бакинских иранских коммунистов. К их большому разочарованию, пришло не более 50 человек. Но и такое небольшое собрание было превращено его участниками в арену для нападок на членов ЦК ИКП. Мероприятие, на котором, очевидно, планировалось принятие мер для реанимации ИКП, окончилось неудачей⁷².

К концу 1932 г. ЦК ИКП был практически лишен своих полномочий. В Коминтерне считали, что провал революци-

⁷⁰ ASPSHA. Record 1. Dossier 88. File 21. P. 26.

⁷¹ Ibid.

⁷² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 205. Л. 5-6.

онного движения в Иране и разгром ИКП произошли из-за плохого руководства партией. После этого в деятельности оппозиционных сторон воцарилось полное затишье.

В январе 1934 г. в Тегеране начал выходить теоретический журнал социальных наук «Донья» («Мир»), главным редактором которого стал по собственной инициативе физик Таки Арани, получивший образование в Германии. Основной целью нового журнала было привлечение читателей к идеологии марксизма с чисто теоретической точки зрения. Издание журнала продолжалось в течение трех лет, пока его редактор и 52 сотрудника не были арестованы и обвинены в распространении коммунистической пропаганды. Несмотря на то, что никакой прямой связи между журналом «Донья» и Коминтерном не существовало, издание было единственным мостом, соединявшим Коминтерн с Ираном. В ходе тайного визита в Москву в середине 1930-х годов Таки Арани встретился с представителем Коминтерна, но отказался сотрудничать с основательно подорванной структурой ИКП в Иране.

Арест редакционного коллектива журнала в мае 1937 г. завершил последний этап контакта Коминтерна с Ираном в межвоенный период. В Советском Союзе процесс маргинализации ИКП начался за два года до этого, когда иранцам не разрешили присутствовать на VII Конгрессе Коминтерна. Иранские коммунисты, проживавшие в Советском Союзе, попали под жернова Большого террора и ожидали своей гибели.

Наиболее важным фактором в отношениях СССР и Коминтерна с рабочим и коммунистическим движением в Иране было идеологическое направление, которое определяло их внешнюю политику в тот или иной период. Однако после 1921 г. политику Коминтерна в Иране определяли исключительно внешнеполитические интересы Советской России, ставшей затем СССР. Таким образом, можно утверждать, что если для Китая поворотным пунктом в истории Коминтерна стало массовое убийство в Шанхае в 1927 г., а для Германии – поражение восстания 1923 г. в Гамбурге, то в отношении Ирана поворот произошел еще в 1921 г. после поражения Гилянского восстания.

Восточная политика Коминтерна имела ряд стратегических ошибок. Причиной этого был ее неопределенный,

двойственный характер, выраженный в одновременном желании установить торговые и дипломатические отношения с крупными державами и разжечь в мире огонь революции (то есть вести подрывную деятельность против существующих режимов).

Источники

Доклад бывшего члена ЦК ИКП Ханукаева в ЦК РКП (б) о положении ИКП на март 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5402. Оп. 1. Д. 519.

Доклад заведующего информационным бюро Полномочного представителя РСФСР в Персии В. Г. Тардова о политической и партийной работе в Персии // ГАРФ. Ф. Р-5402. Оп. 1. Д. 510.

Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943) (1915–1947). Оп. 90. Иранская коммунистическая партия.

РГАСПИ. Ф. 495. Дела: 29; 32; 59; 77; 106; 128; 129; 157; 141; 143; 144; 146; 150; 154; 205.

Azerbaijan Central State Archive of the History of Political Parties and Social Movements (ASPSHA), Record 1, 2. Dossier 88.

British Petroleum Archive, ARC59010.

Литература

Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. М. Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. М.: ИВ РАН, 2020. 531 с.

Вопросы революционного движения на Востоке на предстоящем расширенном пленуме ИККИ // Коммунистический Интернационал. 1925. № 12 (49). 155 с.

Генис В. Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне, 1920–1921 гг.: документальная хроника. М.: МНПИ, 2000. 559 с.

Годс М. Р. Иран в XX веке: политическая история. М.: Наука, 1994. 353 с.

Демин Ю. А. Коммунистическая партия Ирана, ее деятельность и взаимоотношения с Коминтерном (1917–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 270 с.

Жизнь национальностей. 03.09.1921.

История Ирана / Отв. ред. М. С. Иванов. М.: МГУ, 1977. 497 с.

Персиц М. А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран 1920–1921 гг. М.: АИРО-XX, 1996. 57 с.

Резолюции и устав Коммунистического Интернационала, принятые Вторым Конгрессом Коммунистического Интернационала (19 июля –

7 августа 1920 г.) // Коммунистический Интернационал. Конгресс (2, 1920, Москва). Пг., 1920. 754 с.

Chaqueri Cosroe. Asnad Jonbesh Kargari, Sosiya! Demokrasi va Komonisti Iran. First volume. Florence: Mazdak, 1974.

Chaqueri Cosroe. Taqi Arani and the Comintern: The Revolutionary Republican Party of Persia in the 1920s and 1930s // The International Newsletter of Communist Studies. 2004. Vol. 10. № 17. P. 64–79.

Fatemi N. S. Diplomatic history of Persia, 1917–1923: Anglo-Russian power politics in Iran. N.Y.: Literary Licensing (LLC), 1952. 348 p.

Fischer L. The Soviets in World affairs: A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the World, 1917–1929. Princeton: Princeton University Press, 1951. 892 p.

Hippe Oskar. ...And Red is the Colour of Our Flag: Memories of Sixty Years in the Workers' Movement. L.: Index Books, 1991. 300 p.

Kapur H. Soviet Russia and Asia 1917–1927: A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneve: Humanities Press, 1967. 265 p.

Lenczowski G. Russia and West in Iran, 1918–1948. N.-Y.: Cornell University Press, 1949. 383 p.

Pantsov Alexander. The Bolsheviks and the Chinese Revolution, 1919–1927. Richmond: Curzon, 2000. 320 p.

Reformers and Revolutionaries in Modern Iran: New Perspectives on the Iranian Left. Stephanie Cronin (ed.). L.: Routledge-Curzon, 2004. 328 p.

Riddell J. (ed). To See the Dawn: Baku, 1920: First Congress of the Peoples of the East. N.Y: Pathfinder, 1993. 343 p.

Solmaz Rustamova-Towhidi. Kominternin Şarg Siyasati va Iran, 1919–1943. Baku: Xazar Universitəsi Naşriyati, 2001. 507 p. (на азерб. яз.).

Интернет-ресурсы

Крутихин М. Иранские очерки. Ч. 2 URL: www.sibnet.tm/article.php?sid=229 (дата обращения: 01.08.2019).

Ливийская политическая эмиграция 1930-х годов в Машрике и Коминтерн (к постановке вопроса)

Документ из архива ИККИ

Среди документов архива Коминтерна имеется одна заметка из сирийской газеты 1937 г. В сводку арабской прессы по Сирии за май–июнь ее поместили сотрудники Научно-исследовательского института национальных и колониальных проблем (НИИ НКП) в Москве – структуры Коминтерна (а точнее – Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала). Как известно, НИИ НКП функционировал в 1936–1939 гг., и его сотрудники занимались исследовательской работой, готовили аналитические материалы для ИККИ.

Документ вызвал интерес, поскольку в нем оказались связаны реалии двух арабских территорий, разделенных многими сотнями километров, – Сирии, находившейся в то время под французским мандатным управлением, и Ливии, оккупированной итальянцами. Но какие политические явления могли связывать народы этих стран на разных континентах, народы, еще только намечавшие свой путь подлинной самостоятельности? Со всей очевидностью ответ нужно было искать, заглядывая за пределы

арабского мира, – в масштабе общемирового противостояния, перетекавшего из геополитического в идеологическое и обратно.

Заметка из газеты «Аль-Балаг», датированная 13 мая 1937 г., гласила: «Известный политический деятель Триполи Башир Саэдин Бек, председатель Лиги защиты Триполи-Барка, опубликовал следующую декларацию в ответ на решение итальянского правительства, объявленное несколько недель тому назад вследствие возвращения синьора Муссолини из Триполи-Барка». «После опубликования решений, Лига защиты находит необходимым собрать общее собрание своих членов для обсуждения этих решений с национальной точки зрения. С этой целью было созвано собрание в присутствии членов, проживающих в Дамаске и др. сирийских городах, и совместно были обсуждены последние итальянские решения. По изучении каждого из них в отдельности было единогласно принято издать следующее решение:

1. Объявить, что Триполи-Барка придерживается своих национальных чаяний, включенных в национальный пакт, и не признает никакого иного разрешения вопросов страны, не соответственного с этим пактом.

2. Отвергать всякую деятельность в разрешении проблем и посредничество не триполийцев-баркатистов.

3. Благодарить каждого араба-мусульманина, выражающего сочувствие делу страны, ее целям и склонностям.

4. Предупреждать арабов и мусульман об обманчивости пропаганды, за которой проводятся фашистские вождедения. Лига закрепила свое решение перепечаткой национального пакта, являющегося детищем Триполийско-баркийской нации и ее съезда, созванного в Герьяне, и объявила, что союз не будет удовлетворен, пока не осуществит того, во что верит и на что надеется»¹.

Далее шел текст самого Пакта² 1920 г., переведенный на русский и набранный с некоторыми ошибками и пропусками, и поэтому здесь приведем его в переводе с арабского оригинала.

¹ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 24. НИИ НКП, Арабский кабинет. Сводка № 15 по Сирии за май–июнь 1937 г. Л. 14об. (с. 24) – 15 (с. 25).

² Там же. Л. 15об. (с. 26).

«Национальный пакт триполийского и баркийского народа (*Аль-Мисак аль-ватани ли-ш-ша'б ат-тараблюси ва-ль-баркауи*).

Ст. 1. Формирование национального, суверенного, общенационального правительства Триполи и Киренаики во главе с мусульманским лидером, выбранным уммой (нацией);

Ст. 2. Созыв Учредительного собрания (*Джам'ийя та'сисийя*) для принятия конституции страны;

Ст. 3. Представленность уммы в Совете депутатов (*Маджлисан ниябийян*), обладающей полномочиями, предоставленными ему конституцией;

Ст. 4. Признание арабского языка официальным языком в правительственных учреждениях и в сфере образования;

Ст. 5. Сохранение обрядов исламской религии и традиций этой страны на всей ее территории;

Ст. 6. Надзор за вакуфным имуществом и управление им через выборную исламскую комиссию (*Ляджна исламийя*);

Ст. 7. Общая амнистия для всех, кто занимается политикой внутри страны и за ее пределами;

Ст. 8. Улучшение отношений и интересов между триполийско-баркийской уммой и итальянским государством посредством специального договора, подписанного двумя сторонами и утвержденного Советом депутатов»³.

Решения Лиги были подписаны ее председателем Баширом Саадауи.

Приведенный архивный документ позволил предположить, что Коминтерн мог быть заинтересован в установлении контактов с североафриканскими национальными деятелями, хотя, может быть, и не в таком формате, как с коммунистами, например, Палестины и Сирии. Закономерный исследовательский интерес вызвала указанная ливийская организация, созданная в эмиграции в Машрике, а также личность ее главы и основателя, который и в начале 50-х годов продолжал играть важную роль на ливийской политической арене. Возможно, деятельность этой Лиги не случайно попала в сферу интересов сотрудников НИИ

³ Цит. по: Шукри М. Ас-сенусийя дин ва-д-дауля (Сенусия: религия и государство). Дар аль-фикр, 1948. С. 373; Ас-Салляби, Али Мухаммад М. Ас-сумар аз-закийя ли-ль-харака ас-санусийя фи Либия (Плоды движения сенуситов в Ливии). Каир, 2001. Т. 2. Эмираты: Аш-Шарика. С. 232–233.

НКП как института Коминтерна, и тогда имеет смысл вопрос, что могло мешать более тесным контактам ИККИ и арабских антиимпериалистических организаций, подобных этой.

«Ливийское зарубежье» в действии

Наиболее известной исторической фигурой того периода в Ливии являлся, конечно, эмир Киренаики, или Барки⁴, – будущий король Ливии Мухаммад Идрис бин Мухаммад аль-Махди ас-Сенуси. Это был яркий политик, выбравший еще в 1920-е годы пробританскую политическую ориентацию и опиравшийся на англичан в дальнейшем. По-видимому, менее известен другой деятель Ливии, Башир-бек ас-Саадауи (1884–1957), который за свои политические взгляды несколько раз высылался из страны и пытался вести борьбу из-за рубежа, в частности из Сирии. О нем и его организации и идет речь в приведенном документе 1937 г.

Судьбу его связывают с борьбой за объединение ливийских племен против итальянских колонизаторов, и в этом смысле Башир Саадауи являлся личностью, которая могла заинтересовать деятелей Коминтерна. Особую значимость для ИККИ борьба Саадауи против фашистско-итальянской экспансии в Ливии приобретала в свете четкого противопоставления стран «оси» мировому коммунистическому движению.

Башир Саадауи родился в ливийском Хомсе в 1884 г. В период Итало-турецкой войны (1911–1912) он проявил себя в сборе ополчения ливийских племен, за что вскоре был назначен османской администрацией управляющим прибрежного района Аль Хамид (с центром в Хомсе, имевшем стратегическое значение), а затем – Мисураты, чтобы обеспечить эффективную оборону города от итальянцев. После прекращения ливийского сопротивления Саадауи решил уехать из Ливии и за сравнительно короткий период успел поработать в администрациях турецкого городка

⁴ Барка – итальянское название плато Киренаика на севере Ливии. Одноименный город на западных склонах Аль-Ахдар в Киренаике имеет арабское название Аль-Мардж и является важным транспортным узлом, через который проходят и приморские магистрали вплоть до границы с Египтом. – См.: Африка: Энциклопедический справочник Т. 1. М., 1986.

Ризе (бывший Лазистан, область Трабзон), ливанского округа Джеззин, аравийского прибрежного города Янбуэль-Бахр⁵.

Он вернулся в Ливию в начале сентября 1920 г. и развернул там деятельность по примирению племен и кланов и противодействию итальянской оккупации. Несмотря на отсутствие на объединительном съезде в Герьяне в ноябре 1920 г., он был избран одним из основных членов Центрального комитета реформ (ЦКР; *Хайат аль-ислах аль-марказийя*), взявшего на себя функции, по сути, правительства Триполитанской республики (1918–1922). Фактически Саадауи являлся правой рукой главы ЦКР Ахмада аль-Мурайида, участвовал в подготовке объединительного Сиртского соглашения (21 января 1922 г.), а затем был откомандирован в качестве триполитанского представителя в Киренаике (Барке)⁶.

Дальше последовал тяжелый период боестолкновений объединенных племенных формирований с итальянцами, который не прекратился, а напротив, усилился после неожиданной эмиграции эмира Мухаммада Идриса (главы объединенной Ливии). В декабре 1922 г. он прекратил сопротивление и отбыл сначала в оазис Джагбуб, а затем в Каир, где провел следующие два десятилетия.

Итальянцы под руководством закрепившихся во власти фашистов⁷ стали вести себя в Ливии более решительно, действуя против местных племен силой и подкупом. Когда сопротивление было окончательно раздроблено и рассеяно, эмигрировать пришлось и остальным его лидерам. Как писал арабский историк М. Ашхаб, «...эмигрировали многие ливийцы из разных социальных слоев, в том числе заимы,

⁵ Шукр Х. Дж., Мустафа А. И. Маука Башир ас-Саадауи мин ляджнат ат-тахик ад-дувалийя (ар-рубаййя), 20 тишрин аль-авваль – 20 айяр 1947 (Позиция Башира ас-Саадауи на Международной следственной комиссии (четырёхсторонней) 20 октября – 20 мая 1947 г.) // Маджаллат Джамиат Кербела аль-ильмийя, м. 33, адад 1, 2015. С. 25.

⁶ Егорин А. З., Миронова Г. В. Сенуситы в истории Ливии (1843–1969 гг.). М., 2006. С. 159, 161.

⁷ В конце октября 1922 г. глава Национальной фашистской партии Италии Бенито Муссолини не только возглавил новое правительство, но и взял на себя ключевые министерские функции (внешних и внутренних дел).

шейхи, айяны, в Египет, Сирию, Судан, Турцию, Тунис, Алжир и многие другие страны»⁸.

В 1923 г. Башир Саадауи прибыл в Египет, оттуда в мае 1924 г. попал в Бейрут, а вскоре выехал в Дамаск, где и остался, продолжив свою политическую деятельность за объединение и освобождение Ливии. В письме своему обосновавшемуся в Тунисе соратнику Мухаммаду Фекини Саадауи писал в ноябре 1930 г.: «Мы выполняли свой долг, пытаюсь спасти родину от когтей колонизаторов, мы приложили все усилия самым благородным и мужественным образом, но мы были вынуждены оставить нашу родину, чтобы продолжить борьбу в изгнании, подвергаясь всем страданиям исхода и эмиграции, точно так же, как наш Пророк покинул Мекку со своими товарищами, чтобы продолжить свою миссию в Медине, и это дает нам большое утешение»⁹.

В 1928 г. он основал в Дамаске упомянутую «Триполийско-баркийскую лигу защиты» (*Джам'ийят ад-дифа' ат-тараблюси ва-ль-баркави би-ш-Шам*), или иначе – «Лигу защиты Триполи-Барки» и был избран ее главой. Секретарем лиги стал Умар Фаек Шнейб-бей, казначеем – Фавзи аль-Наккаш. Вошли в нее и такие иммигранты-ливийцы, как Абдул-Гани аль-Багками, Камель Ийяд, Абдус-салям Адхам, Бамбаши Тарек, Мухаммад Наджи ат-Турки, Мустафа бин Нух, Ахмад Расем, Абу Бакр Каддуре, Абу Бакр ат-Турки и Халифа бин Шаабан¹⁰. Это были ливийцы, проживавшие в Сирии, Ливане, Палестине и на других арабских подмандатных территориях¹¹.

Приведенный выше Национальный пакт триполийцев и баркийцев был составлен в 1929 г. фактически как настоящая политическая программа. Он был опубликован от имени «Исполнительного комитета триполийско-баркийских диаспор» и распространен в странах эмиграции ливийцев¹². Его сопровождало воззвание следующего

⁸ Ашхаб М. Барка аль-арабийя амс ва-ль-яум (Арабская Киренаика вчера и сегодня). 1947. С. 530.

⁹ Del Boca A. Mohamed Fekini and the Fight to Free Libya / transl. by A. Shugaar. N.Y., 2011. P. 146.

¹⁰ Ас-Салляби, Али Мухаммад М. Указ. соч. С. 232.

¹¹ Шукр Х. Дж., Мустафа А. Указ. соч. С. 25.

¹² Шукри М. Указ. соч. С. 374.

содержания: «Дорогие братья! Необходимость требует от вас действовать на благо вашей родины путем сплочения ваших рядов и агитации, образовывать во всех странах вашего проживания ячейки Лиги, которая объединяет вас и собирает воедино, быть готовыми принести ваши сердца в жертву и воскресение за родину... А Аллах не забудет и последнего из своих верных. Во весь голос заявляйте о том, что постигло вашу несчастную родину от рук итальянских угнетателей, наполняйте газеты статьями и сам воздух протестами, распространяйте листовки, отслеживайте события, используйте представляющиеся возможности, чтобы быть полезными своей родине. Благотворная задача – сформировать нации (*такаввун аль-умам*)¹³, возбудить в них дух пробуждения и сосредоточенности. Также пестуйте в себе любовь к отечеству, свободе и независимости, впитывайте [в своих земляках] эти принципы с молоком матери, с самого их детства, с молодых ногтей. Учите их на примерах заслуг праведных предков, исторических деятелей и завоеваний ислама, которые посеют в их душах высокие стремления, дух доблести и патриотизм. И да будете вы полны предчувствия независимости и освобождения вашей родины от оков. Думайте о средствах, которые приблизят вас к этой благородной цели. Ведь итальянское государство, как бы ни усиливалось его самомнение и надменность, если увидит нас перед собой нацией возрождающейся, поднимающейся со всех сторон, в полной готовности сокрушить гнёт и деспотизм, и вы не будете подчиняться законам империализма и порабощения, то, несомненно, оно покорится нашим законным требованиям и нашему Национальному пакту, воплотить который мы поклялись Аллаху своими душами и всем самым дорогим, а Аллах [пребывает] с терпеливыми»¹⁴.

Отметим, что осязаемая религиозная составляющая приведенного послания являлась, возможно, не просто пропагандистским приемом. Она могла быть своеобразной декларацией условий, сигналом для носителей разного рода левых идей в арабском мире, что патриотизм ливийцев и их объединительный пафос строятся только на религиозном

¹³ Возможно, имеется в виду патриотическое самосознание ливийских племен.

¹⁴ Шукри М. Указ. соч. С. 374.

основании. Этот момент, судя по всему, тонко чувствовали арабские историки разных лет, которые в отношении ливийских националистов употребляли термин *муджахиды* (борцы в религиозном смысле), а их патриотическую борьбу именовали в основном *джихадом* (в отличие, например, от понятия *кифах* у арабских коммунистов, которое не несло религиозной смысловой нагрузки).

Другая подмеченная особенность состоит в том, что Национальный пакт не только упоминался, но и «напоминался» – воспроизводился полностью – в заявлении Лиги, в нашем исходном документе от мая 1937 г. Упоминался в нем также объединительный съезд в Герьяне далекого 1920 г., что позволяет говорить о явной преемственности объединительной идеи и упорстве деятелей эмиграции в ее планомерном воплощении для Ливии.

Очевидно, эта твердость в желании отстаивать единство Ливии, объединяя разрозненные племена Барки и Триполитании, а также сопротивляться итальянской колонизации и могла позволить руководству ИККИ считать ливийцев относительно близкими к идеалам Интернационала. Правда, в Национальном пакте недвусмысленно утверждалась опора на ислам и собственную культуру, но зато были прописаны и основные демократические государственные органы – на выборной основе.

Что касается финансирования организации, то сведения об этом скудны, однако могут косвенно указывать на вовлеченность в это англичан. Например, цитируемый автор книги 1948 г. сообщал, что Лига пользовалась большим вниманием со стороны «эмира Идриса» (находившегося в Египте) и получала от него то финансовую помощь, то достоверную информацию о происходящем в Ливии, в том числе о «бесчинствах итальянцев»¹⁵. Логично предположить, что помощь из Египта не могла поступать без ведома англичан.

Остается добавить, что в 1937 г. в Сирии, как утверждает английский исследователь Э. Монро, был созван Всеарабский съезд (объединительного, панарабского толка), на котором присутствовали в основном оппозиционеры из разных стран (скорее всего и ливийские). Официальные лица из арабских

¹⁵ Шукри М. Указ. соч. С. 373–374.

стран предпочли не участвовать в нем под разными предлогами, что автор объясняла тем, что «центробежные силы собственных интересов оказались сильнее центростремительных сил рационального единения»¹⁶.

В западных источниках имя Башира Саадауи встречается особенно часто в начале 50-х годов. Например, в рассекреченном докладе разведывательного отдела Госдепартамента США «Характеристика независимой Ливии» от июня 1952 г. американские разведаналитики увязывали внутривосточную стабильность в Ливии, среди прочего, «с отсутствием в стране в результате депортации такого главного смутьяна, как демагог Башир Бей Саадауи, и в меньшей степени – прокоммунистически настроенного Энрико Чибелли»¹⁷. Далее о Саадауи сказано так: «Перед общенациональными выборами в нижнюю палату парламента 19 февраля 1952 г. стабильности правительственного режима стала угрожать активность Башира Бея Саадауи, лидера Партии национального конгресса Триполитании ... Будучи родом из Триполитании, Саадауи имеет паспорт Саудовской Аравии; он пользуется уважением многих триполитанцев за свое многолетнее сопротивление итальянскому правлению в Ливии, за ораторский талант и престиж старейшины и советника короля Ибн Сауда»¹⁸.

О сторонниках Саадауи в ливийском парламенте говорится, что это одни из наиболее активных деятелей: «Большинство членов ливийского парламента – это неопытные политики, малоизвестные и без особых лидерских устремлений. Маленькое, но агрессивное меньшинство, состоящее из членов или сторонников бывшей Национальной ассоциации Киренаики или последователей Башира Саадауи в Триполитании, образуют ядро оппозиции и способны благодаря ораторским качествам их лидеров завоевать достаточную

¹⁶ Monroe E. *The Mediterranean in Politics*. L., 1938. P. 234.

¹⁷ Об этом левом деятеле, антифашисте и «филоарабе», см.: Loschi Ch. *Fuori dal regime fascista: organizzazioni politiche degli italiani a Tripoli durante la fase postcoloniale (1948–1951)* // *Diacronie. Studi di Storia Contemporanea*. 2011. No. 5: Dossier: Italie altre. Immagini e comunità italiane all'estero. P. 1–14.

¹⁸ US Department of State, Office of Intelligence Research. *Intelligence Report IR5930: An Estimate of Independent Libya*. June 13, 1952 (Secret/Declassified). 20 p. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79R01012A002300040021-1.pdf> (дата обращения: 19.01.2020).

поддержку для блокирования некоторых законодательных актов в нижней палате»¹⁹.

Авторы цитируемого секретного доклада, упоминая имя этого яркого политика, предупреждали: «Распространенные в народе антизападные настроения, которые местные умные политики используют время от времени, как показал перед ливийскими выборами Саадауи, могут однажды перерасти в националистическую ксенофобию, наподобие наблюдаемой сейчас в Египте и Ираке»²⁰.

Неуемная энергия и бескомпромиссный характер не позволили Баширу Саадауи смириться с доминированием в ливийской политике и экономике британцев и американцев. В итоге в 1953 г. его лишили гражданства, вынудили покинуть Ливию²¹ и эмигрировать в Саудовскую Аравию, где он был приближен к королевскому дому. Вернуться в родную страну ему не довелось до самой смерти в 1957 г.

Упущенные возможности Коминтерна

Огромный пласт документов ИККИ касается распространения коммунистической идеи и создания структур Коминтерна в Китае, Индии и других странах Востока. Однако арабский мир представлен значительно скромнее²². Авторы книги «Секретные шифровки Коминтерна», выпущенной по документам РГАСПИ Йельским университетом, делали труднообъяснимый акцент на том, что Георгий Димитров, генеральный секретарь ИККИ, часто передавал в Москву в секретариат Сталина письма на его имя из разных стран «как свидетельство его роли лидера мирового пролетариата». В книге приводится содержание одного из таких писем, где сирийские коммунисты, участники встречи в Дамаске 6 ноября 1937 г., передают Сталину следующее пожелание: «...Чтобы вы привели страну Советов к коммунизму

¹⁹ Ibid. P. 5.

²⁰ Ibid. P. 13.

²¹ Ahmid, A. A. *Forgotten Voices: Power and Agency in Colonial and Postcolonial Libya*. N. Y. – L., 2005. P. 63.

²² См. детальное исследование о коммунистах Машрика: Косач Г. Г. Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20–30-е годы. М., 2001.

и помогли трудящимся массам всего мира освободиться от капиталистической эксплуатации, фашистского варварства и империалистического ига»²³. Неужели авторам не удалось обнаружить более серьезных сведений о связях коммунистов с Москвой? Говоря об арабском мире в целом, остается недоумевать, почему в распоряжении историков так мало документов, говорящих в пользу заинтересованности Москвы в более широком вовлечении арабов в коммунистическое движение.

Впрочем, компартия в Сирии и Ливане к тому времени существовала уже более десятилетия. Сообщалось, что на выборах 1933 г. компартия набрала 977 голосов, что оценивалось как хороший результат в условиях репрессий против местных коммунистов²⁴. В Сирии партия выдвигала требования «эвакуации империалистических войск, национальной независимости, аграрной революции и Федерации арабских советских республик»²⁵. В то же время в Северной Африке коммунисты были представлены лишь отдельными деятелями в Египте, Алжире, Тунисе. (Формально, Впрочем, компартии существовали, но не были вполне независимы: известно, например, что коммунисты Туниса и Алжира зависели от французской компартии.)

Виной определенной изоляции коммунистов был, возможно, идеалистический ригоризм Коминтерна, от которого и решено было отступить. Еще на XI пленуме ИККИ весной 1931 г. были сформулированы основные принципы недоверия демократическим и республиканским реформистам, которые в силу самой логики формационного развития оказываются во власти националистических идей. «Фашизация социал-демократии оправдывается высшим законом нужды. Она фашизируется потому, что фашизируется монополистический капитализм, с почвы которого она не может сойти»²⁶.

²³ Цит. по: Firsov Fr.I., Klehr H., Earl Haynes J. Secret Cables of the Comintern, 1933–1943 / transl. by Lynn Visson. New Haven, L., 2014. P. 10.

²⁴ Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом: материалы. М., 1935. С. 495; см. также: Коминтерн и идея мировой революции. Документы / сост. и коммент. Я. С. Дабкин, Л. Г. Бабиченко, К. К. Шириня. М., 1998.

²⁵ Там же.

²⁶ Доклад Д. З. Мануильского на XI пленуме ИККИ 26 марта 1931 г. – См.: XI пленум ИККИ. М., 1932. Вып. I: Компартии и кризис капитализма: стенографический отчет. С. 59.

Отечественный автор исследования о деятельности Коминтерна К. К. Шириня писал, что уже после VII Конгресса Коминтерна в арабских странах была намечена новая стратегия. В утвержденной 29 февраля 1936 г. резолюции ИККИ признавалось, в частности: «Наши партии были фактически оторваны от национально-освободительного движения». Они отказывались от совместных действий с национал-реформистами в борьбе против империализма, «валили их в одну кучу с империалистами»²⁷.

Основные положения программ создаваемых объединенных «народных антиимпериалистических фронтов в арабских странах» должны были содержать, наряду с требованиями достижения национальной независимости, борьбы против превращения этих стран в военно-стратегические базы империализма, и задачи осуществления политических прав и ближайших требований трудящихся. Указывалось, что «нельзя выдвигать чрезмерно левые лозунги, к восприятию которых массы еще не готовы, ибо такой путь обрекает революционеров на изоляцию». На обсуждении в ИККИ было решено поддержать тенденцию к сплочению и объединению арабских народов, но сначала направить все силы на антиколониальную борьбу путем интеграции всех патриотических сил в единое национально-освободительное движение²⁸.

В рассматриваемый период, впрочем, эти задачи усложнялись ужесточением внутренней дисциплины в структуре ИККИ и начавшимися в 1936 г. страшными репрессиями «за измену партии»²⁹. Слухи об этом не могли не доходить до арабских деятелей, и так настороженно относившихся к коммунистам. Вполне возможно, что аресты членов ИККИ послужили серьезным фактором ограничения контактов арабов с сетью Коминтерна в арабском мире. В свою очередь, снижались возможности и мотивация самих коминтерновцев. Как отмечают авторы работы по структуре Коминтерна, «в обстановке, когда жертвами репрессий стали многие вид-

²⁷ Цит. по: Шириня К. К. Стратегия и тактика КИ в борьбе против фашизма и войны (1934–1939). М., 1979. С. 271–272.

²⁸ Там же. С. 273–274; см. также: Соркин Г. З. Коминтерн против милитаризма и войны. М., 1986. С. 70.

²⁹ Адиебеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 192.

ные работники Коминтерна, активность руководящих органов ИККИ резко снизилась»³⁰.

О снижении качества работы ИККИ может косвенно свидетельствовать и качество нашего исходного документа из архива Коминтерна, который содержит массу опечаток, в том числе в именах собственных.

Однако в любом случае для Коминтерна момент был упущен – большей частью ввиду внутренних проблем движения. Но имела место и победа регионального конкурента Италии – пропаганда и военная мощь обеспечили британцам доминирование в общественном мнении (особенно в Киренаике), а затем и на политической арене Ливии. При этом коренным образом изменилась и международно-политическая диспозиция: война с фашистской «осью» становилась мировой.

Есть основания полагать, что со временем удастся установить ту слабую нить, которая связывала, быть может, левые идеи ливийцев с деятельностью Коммунистического Интернационала. Можно предполагать, что попытки установления контактов ИККИ с ливийцами предпринимались не напрямую, а через Рабочий социалистический интернационал или же через организации и деятелей в эмиграции, в частности – через «Триполийско-баркийскую лигу защиты» в Сирии. Возможно, дальнейшее изучение архивных материалов сможет не только пролить свет на эту тему, но и ответить на другие вопросы, логически связанные с путями распространения коммунистических идей в арабском мире в 20–30-е годы XX в.

Источники

Коминтерн и идея мировой революции. Документы / сост. и коммент. Я. С. Драбкин, Л. Г. Бабиченко, К. К. Шириня. М.: Наука, 1998. 949 с.

Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом: материалы. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 606 с.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 24. НИИ НКП, Арабский кабинет. Сводка № 15 по Сирии за май–июнь 1937 г.

XI пленум ИККИ. М.: Партиздат, 1932. Вып. 1: Компартии и кризис капитализма: стенографический отчет. 640 с.

³⁰ Там же. С. 193.

Firsov Fr. I., Klehr H., Earl Haynes J. Secret Cables of the Comintern, 1933–1943 / transl. by Lynn Visson. New Haven, London: Yale University Press, 2014. 308 p.

Литература

Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.

Африка: Энциклопедический справочник. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1986. 695 с.

Егорин А. З., Миронова Г. В. Сенуситы в истории Ливии (1843–1969 гг.). М.: ИВ РАН, 2006. 432 с.

Косач Г. Г. Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20–30 годы. М.: ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. 419 с.

Соркин Г. З. Коминтерн против милитаризма и войны. М.: Мысль, 1986. 174 с.

Шириня К. К. Стратегия и тактика КИ в борьбе против фашизма и войны (1934–1939). М.: Политиздат, 1979. 406 с.

Ас-Салляби, Али Мухаммад М. Ас-сумар аз-закийя ли-ль-харака ас-санусийя фи Либия (Плоды движения сенуситов в Ливии. Т. 2: Сират аз-заимейн Идрис ас-Сануси ва Умар аль-Хаттар (Жизнеописание двух лидеров) Эмираты: Аш-Шарика; Каир: Айн Шамс, 2001. 368 с.

Ашхаб, Мухаммад ат-Тайиб бин Ахмад Идрис. Барка аль-арабийя амс ва-ль-яум (Арабская Киренаика вчера и сегодня). 1947. 646 с.

Шукри, Мухаммад Фуад. Ас-санусийя дин ва-д-дауля (Сенусия: религия и государство). Дар аль-фикр, 1948. 424 с.

Шукр, Хусейн Дж.; Мустафа, Алиа И. Маука Башир ас-Саадауи мин ляджнат ат-тахкик ад-дувалийя (ар-рубаййя), 20 тишрин аль-авваль – 20 айр 1947 (Позиция Башира ас-Саадауи на Международной следственной комиссии (четырёхсторонней) 20 октября – 20 мая 1947 г.) // Маджаллат Джамиат Кербела аль-ильмийя, м. 33, адад 1, 2015. С. 24–32.

Ahmida, Ali Abdullatif. Forgotten Voices: Power and Agency in Colonial and Postcolonial Libya. N. Y. – L.: Routledge, 2005. 108 p.

Del Boca A. Mohamed Fekini and the Fight to Free Libya / transl. by A. Shugaar. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 210 p.

Loschi Ch. Fuori dal regime fascista: organizzazioni politiche degli italiani a Tripoli durante la fase postcoloniale (1948–1951) // Diacronie. Studi di Storia Contemporanea. 2011. No. 5: Dossier: Italie altre. Immagini e comunità italiane all'estero. P. 1–14.

Monroe E. The Mediterranean in Politics. L.: Humphrey Milford, Oxford Univ. Press, 1938. 259 p.

Интернет-ресурсы

US Department of State, Office of Intelligence Research. Intelligence Report IR5930: An Estimate of Independent Libya. June 13, 1952 (Secret. Declassified). 20 p. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79R01012A002300040021-1.pdf> (дата обращения: 19.01.2020).

Коминтерн в «английском» Ираке: в поисках правильного ракурса

«...Мусульманское духовенство вновь самым решительным образом начинает внедрять в массы идеи панисламизма, являясь, таким образом, застрельщиком более активной контрреволюции и подготавливая для последней благоприятную почву»¹.

Яков Петерс,
руководитель Восточного отдела ОГПУ
(1922 г.)²

¹ Цит. по: Гусева Ю. Н. Дискурс отечественных спецслужб о «халифатском вопросе» 1920-х годов: Муса Бигиев, Восточный отдел ОГПУ и политическое единство исламского мира // Minbar. Islamic Studies. 2019. № 12(2). С. 421–437. URL: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-421-437> (дата обращения: 15.01.2021).

² Яков Петерс (1886–1938) – один из создателей и руководителей ВЧК при СНК РСФСР. До Февральской революции 1917 года несколько лет жил и работал в Лондоне. Был женат на Мейзи Фримен – дочери крупного английского банкира. До брака с Мейзи являлся близким другом Клэр Шеридан, двоюродной сестры Уинстона Черчилля, которая, как известно, открыто симпатизировала большевикам. Она лично знала и поддерживала контакты с некоторыми членами ЦК РКП(б). Как свидетельствуют последние исторические работы, основанные на архивных данных, Клэр Шеридан была сотрудником британской разведки.

«...Они избрали линию поведения, с которой трудно бороться, – союз между шиитами и суннитами, единство Ислама. И они управляют им изо всех сил»³.

Гертруда Белл,
офицер британской разведки в Ираке
(1921 г.)⁴

***О политическом контексте,
обусловившем специфику деятельности
Коминтерна в Иракском Королевстве***

Для конкретизации предметного поля данного исследования дадим краткую характеристику наиболее значимых, на наш взгляд, особенностей развития политической жизни Иракского Королевства, которые оказали влияние на формирование специфики работы Коминтерна в Ираке в рассматриваемый период. Первая особенность заключалась в том, что основные тенденции политического развития страны определялись соперничеством трех больших идеологических направлений, включавших в себя политические группировки самого различного толка, которые функционировали в общественно-политическом пространстве страны в те годы. Главными маркерами, отличавшими коллективную политическую идентичность этих трех направлений, являлись их абсолютно разное видение политической судьбы Ирака, их внешнеполитическая ориентация и, наконец, их понимание собственной идентичности.

Первое направление представляли националисты проанглийской ориентации. Они связывали свое будущее как политического класса прежде всего с Великобританией. Ярким представителем этого направления был ставленник англичан Нури Паша аль-Саид, который являлся выразителем интересов и потребностей крупной финансовой и промышленной буржуазии.

³ Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. Letter. 1 June 1920 // Newcastle University. Gertrude Bell Archive. URL: http://gertrudebell.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=393 (дата обращения: 15.01.2021).

⁴ Гертруда Белл (1868–1926) – востоковед, археолог, писательница, офицер британской военно-морской разведки, которой принадлежит огромная заслуга в создании Иракского Королевства. Одна из ближайших друзей короля Ирака Фейсала I.

Второе – националисты просоветской ориентации в том смысле, что это были группы, которые, с одной стороны, ориентировались на Советский Союз как на образец, то есть свободное, справедливое, антиколониальное, антикапиталистическое государство, где царят равноправие и дружба народов. С другой стороны, некоторые из этих групп, искренне боровшиеся за независимость своей страны или своего народа, связывали с молодой советской державой, бросившей вызов мировым колониальным империям, свои надежды на скорое освобождение Ирака от британского военно-политического контроля. В своей политической борьбе они рассчитывали на бескорыстную и действенную советскую помощь, но несмотря на это, безусловно, не желали заменить английское военно-политическое присутствие в Ираке на советское.

И третье направление представляла прогерманская группа националистов, которые выступали за развитие разносторонних отношений с Германией в противовес Британии. Они надеялись, что с помощью Германии смогут изгнать англичан из Ирака и добиться для своего народа столь желанной независимости. Одним из известнейших лидеров этой группы являлся крупный иракский политический деятель Рашид Али аль-Гайлани. Он тесно сотрудничал с нацистским руководством Германии и, будучи на высоких государственных постах, всегда боролся с коммунистическим движением. Например, в середине 1930-х годов, когда аль-Гайлани был главой Министерства внутренних дел Ирака, полиция фактически разгромила подпольно действовавшую Иракскую компартию.

Другой известный представитель этого националистического движения – генерал Бакр Сидки. Заняв пост начальника штаба армии после организованного им государственного переворота в 1936 г., генерал по указанию Берлина инициировал массовые политические репрессии против коммунистов и некоторых лидеров просоветской группы националистов, которые в качестве министров вошли в состав нового правительства Хикмета Сулеймана.

В ответ Коминтерн дал установку Иракской компартии всемерно бороться с фашистами, а также работать над «...созданием крепких, дружественных отношений и взаимного сотрудничества между иракским и британским народами

на основе укрепления демократических движений в обеих странах и объединения их борьбы против фашистской опасности и за всеобщий мир»⁵.

После войны политическое влияние этой группировки значительно уменьшилось, но не исчезло полностью. Как известно, тысячи нацистов осели в арабских странах. Не стал исключением и Ирак, в который с разрешения англичан перебрались, по разным данным, сотни бывших нацистов. Эта немецкая «миграция» придала определенный импульс дальнейшему развитию прогерманского движения иракских националистов в послевоенное время.

Здесь интересно отметить, что сразу после разгрома фашистской Германии иракское правительство обратилось к советскому руководству с просьбой выдать Ираку Рашида Али аль-Гайлани как государственного преступника и пособника нацистов, который как раз находился в занятом советскими войсками Берлине. Однако Москва ответила отказом, дав возможность аль-Гайлани скрыться в Саудовской Аравии. Через четыре года аль-Гайлани тайно приехал в Сирию для организации антибританского государственного переворота в Ираке.

Вторая особенность обнаруживает себя в том, что развитие политических институтов, процессов и технологий в Иракском Королевстве долгий период проходило в условиях внешнего управления со стороны Соединенного Королевства. Английский контроль страны играл двойную роль. Во-первых, это проявлялось в использовании Ирака в качестве своего сырьевого придатка, а также как стратегического пространства для развития британского военно-политического присутствия в регионе.

Такой подход, разумеется, обусловил создание в Иракском Королевстве определенной модели полуколониального управления, в рамках которой администрация английских военных управленцев была интегрирована с государственно-властной системой Ирака, что не могло не оказывать влияния на ход политической жизни государства и вместе с тем создавало определенные ограничения для свободного и равноправного участия в ней иракских граждан.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 14. Д. 383. Л. 11–12.

Во-вторых, такая ситуация питала антианглийские настроения в обществе, способствовала радикализации оппозиционных объединений, дестабилизировала и обостряла межобщинные отношения в стране. В свою очередь, это явилось одной из главных причин того, что ключевыми характеристиками политического процесса в стране стали нестабильность, неустойчивость и нелинейность развития. В целом все эти обстоятельства создавали благоприятные условия для успешной пропагандистской деятельности Коминтерна, которая, будучи закамуфлированной в лозунги «борьбы против английского империализма», находила немалый отклик в определенных кругах иракского общества.

Наличие третьей важнейшей особенности обусловлено тем, что основные векторы трансформации политической реальности Иракского Королевства определялись растущим влиянием в стране советского фактора. Коммунизм и Советский Союз были объявлены иракскими властями как одни из основных угроз национальной безопасности страны. В 1938 г. они издали даже специальный закон, направленный против коммунистической, а по сути, коминтерновской деятельности в стране.

Иракское руководство тратило достаточно много усилий и средств на борьбу с коммунистической и советской пропагандой, что было вызвано активной политикой СССР, нацеленной на разрушение «железного занавеса», установленного англичанами вокруг Ирака прежде всего для защиты от чрезмерного советского влияния. В определенном смысле можно говорить о том, что советское вмешательство, особенно по линии Коминтерна, обусловило как политическую направленность многих иракских оппозиционных групп, так и специфику противостояния курируемой англичанами властной системы и антианглийских оппозиционных движений, рассчитывавших на помощь СССР.

Четвертая особенность состояла в том, что на соперничество внутриполитических сил большое влияние оказывало геополитическое противостояние в регионе четырех мировых держав: Великобритании, США, СССР и Германии. Пытаясь утвердить и развить свое присутствие в арабском мире, эти страны старались поддерживать или втягивать в орбиту своего влияния те возникающие политические силы и движения,

которые могли быть им полезны для этой цели. Так, например, США всячески способствовали созданию и становлению в Ираке движения арабского социалистического возрождения в качестве новой политической силы, способной блокировать глубокое британское влияние в этой стране и обеспечить предпосылки для распространения американского присутствия на весь регион. Американцы стремились поддержать и иракскую военную организацию «Свободные офицеры», целью которой была силовая смена монархического режима и установление в стране республиканской формы правления.

То же самое можно сказать и о Великобритании, которая демонстрировала заинтересованность в использовании Иракской компартии как политической силы, могущей содействовать усилиям англичан по поэтапному созданию в исламском Ираке секулярной модели государственного устройства. Иначе говоря, англичане старались перехватить советскую инициативу по осуществлению управления иракским коммунистическим движением с тем, чтобы скорректировать деятельность иракских коммунистов в соответствии со своими внешнеполитическими целями и задачами.

Новая политическая реальность, в которой оказалось иракское общество, имела сложную динамику развития и не менее сложную структуру, формирование каждого элемента которой обуславливалось множеством разнородных факторов. Безусловно, важнейшим из них был религиозный. Он также достаточно многое определял в развитии политического процесса в Иракском Королевстве. В исследуемый период Великобритания достигла больших успехов в деле экономического порабощения Ирака. Но этого было недостаточно: Лондон стремился и к идеологическому закабалению страны. И если с ограблением иракских ресурсов все проходило более-менее успешно, то с осуществлением идеологической экспансии возникла определенная проблема – прежде всего в виде исламской идеологии.

Надо сказать, что сама арабская политика Великобритании имела совершенно конкретное идеологическое наполнение, не в последнюю очередь связанное с получившей в то время большое распространение в английских правящих кругах религиозной идеологией так называемого христианского сионизма. Ислам и христианский сионизм – две антаго-

нистические идеологические системы. На самом деле это очень важная деталь, которую историки часто игнорируют, предлагая те или иные интерпретации внешнеполитических мотивов англичан в Ираке. Между тем эта данность позволяет сделать вывод о том, что в определенном смысле цивилизационное столкновение британского и арабо-исламского миров в постосманский период в основе своей носило все же религиозный характер.

Но, несомненно, помимо собственно религиозных мотивов на иракскую политику Великобритании также оказывал влияние и внутренний межконфессиональный расклад сил: в Ираке, который создавали англичане, сложилась очень пестрая и сложная этноконфессиональная картина. В своем большинстве это было религиозное общество. Поэтому иракскую политику англичане выстраивали с учетом религиозной ситуации в стране. Они активно использовали этот фактор: решая собственные политические задачи, «играли» общинами, часто сталкивая их в междоусобных конфликтах. Но в то же время видели в религиозности населения и большую помеху для своих планов по «искусственной» вестернизации и секуляризации арабского общества.

Британское руководство проводило очень мощную идеологическую экспансию в Ираке, транслируя свои политические, культурные и духовные ценности, хотя многие из них не соответствовали культурному коду иракского общества, большая часть которого исповедовала ислам. Таким образом, на пути английской идеологической экспансии оказалась другая мощная идеологическая система – мусульманский религиозный закон, делегитимизировать который было не так-то просто даже по прошествии многих лет после разгрома османского халифата.

Большевики, внедряясь в Ирак, столкнулись с той же исламской проблемой, что и англичане: атеистическому и антирелигиозному Коминтерну приходилось работать в глубоко враждебной для себя религиозной среде. Москва очень четко это понимала и поэтому избрала гибкую тактику поэтапного проникновения в Ирак и вовлечения его в глобальный революционный проект.

Так, на первых этапах пропагандистской работы акцент был сделан главным образом на национальном и аграрном

вопросах. Здесь большевики старались даже подстроиться под ислам, прибегнув к своего рода идеологической мимикрии, вследствие чего иракские шииты в первое время очень часто сравнивали коммунизм с исламом. Например, в 1923 г. полпред в Персии Борис Шумяцкий писал Иосифу Сталину, что он попросил крупнейшего месопотамского муджтахиды, судя по всему, находившегося тогда в Тегеране очень известного иракского шейха Махди аль-Халиси, написать брошюру об отношении ислама к коммунизму. Что уважаемый шейх и сделал. Сталину была представлена брошюра шейха под названием «Азбука великих истин ислама». «Я принимаю меры к её распечатыванию на арабском и персидском языках», – докладывал Б. Шумяцкий И. Сталину.

В брошюре, которая, как указывал Шумяцкий, была написана превосходным языком, говорилось о том, что ислам и коммунизм имеют общие корни и содержат одинаковые принципы равенства и справедливости. Что Советская Россия – это единственное справедливое и сильное государство, где народы живут практически по законам ислама. И что лишь она одна в состоянии освободить Восток. «Поэтому долг обитателей стран Востока спешить к объединению с этим государством и создать Восточный Союз, который сумеет отомстить империалистическому западу...»⁶

На более поздних этапах, что было неизбежно, постепенно через коминтерновские структуры и компартию стали пропагандироваться идеи осуществления антимонархической революции, ликвидации пробританского правящего королевского дома, члены которого, между прочим, являлись потомками святого Пророка. В условиях мусульманской страны это была уже прямая атака на религию, поскольку институт мусульманской правящей семьи имел священный религиозный статус как в силу своего прямого родства с Пророком, так и по причине его принадлежности к исламской вере.

Иракское духовенство, которое оказывало большое влияние на общество, с великим почтением относилось к монаршей семье. И оно никогда не смирилось бы с правлением неверных. Но теперь это уже не останавливало Москву, которая постепенно переставала маскировать антирелигиозную сущность своей подрывной деятельности в Ираке.

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 76. Л. 164–175.

Сложность для Коминтерна заключалась еще и в том, что советское руководство и арабские националисты по-разному смотрели на вопрос независимости Ирака – даже просоветские националисты, будь то шиитской или суннитской направленности, несмотря на все межобщинные противоречия, не стремились осуществить коммунистическую революцию и ликвидировать освященный исламом Хашимитский королевский дом, а просто желали изгнать из своей арабской страны чужаков-англичан.

Они хорошо понимали, что пока их родина находится под чужеземным контролем, какую бы форму правления властный режим ни имел, их страна все равно будет плясать под английскую дудку. Тем более что, будучи чистокровными арабами, иракские Хашимиты, также желавшие независимости Ираку, были так или иначе связаны со многими группами арабских националистов, закулисно поддерживая их антианглийскую борьбу, насколько это было вообще возможно в тех условиях.

Коминтерн и иракское коммунистическое движение в 1940-х годах: к истории одного важного эпизода

В истории коммунистического движения Ирака есть интереснейший эпизод – это процесс воссоздания Иракской компартии после ее сокрушительного разгрома в 1937–1938 гг.

В период 1940-х годов политическое развитие Ирака приобрело качественно иное измерение. В эти годы его вектор постепенно изменил свое направление: в стране созрели предпосылки и получили организационное оформление политические силы, которые в итоге обусловили революционный переход страны от одной формы государственного правления – монархической к другой – республиканской.

Причин подобного развития событий было несколько. Но, безусловно, главным фактором, стимулировавшим активизацию национально-революционного движения в стране, являлась иракская политика Великобритании. Как и в прежние годы, она заключалась в прямом вмешательстве правительства Его Величества во внутренние дела Ирака, в поощрении авторитарного характера правления

иракского властного режима, в осуществлении агрессивной экспансии английского капитала в экономику страны, которая спровоцировала возникновение затяжного социально-экономического кризиса. Кроме того, активно продолжалась грабительская эксплуатация англо-американскими нефтедобывающими компаниями иракских месторождений нефти, сопровождавшаяся несправедливым распределением прибылей от экспорта добытой на них нефти.

На фоне глубокого экономического кризиса такая ситуация создала предпосылки для возникновения массового социального протеста. Он вылился в мощнейшую антисистемную кампанию. По всей стране проходили антибританские демонстрации, митинги и забастовки с сопутствующими этим явлениям последствиями: жестоким подавлением полицией протестных акций, человеческими жертвами, уголовным преследованием инакомыслящих, еще большим ограничением гражданских прав и демократических свобод иракцев, усилением репрессивного государственного аппарата.

Предпринимавшиеся властью меры по подавлению протестных настроений в обществе привели не только к радикализации форм борьбы оппозиционных политических групп, но и к усилению попыток некоторых лидеров иракского национально-освободительного движения найти поддержку своих национальных и патриотических устремлений за пределами Иракского Королевства. Вполне понятно, что главным государством, от которого многие иракские оппозиционеры и революционеры рассчитывали получить такого рода поддержку, был СССР – давний идейный и стратегический противник Великобритании. В свою очередь, Кремль не мог не воспользоваться подобными настроениями в иракском обществе и значительно активизировал в Ираке пропагандистскую работу по линии Коминтерна в эти годы⁷.

Как свидетельствуют архивные документы, важнейшими задачами, которые советское руководство ставило перед

⁷ В 1943 г. при ЦК ВКП(б) было создано специальное подразделение из коминтерновских кадров во главе с Г. Димитровым. В июле 1944 г. решением Политбюро оно было преобразовано в Отдел международной информации ЦК. Тогда же при этом Отделе были созданы три секретных научно-исследовательских института под номерами 99, 100 и 205. НИИ были сформированы главным образом из бывших сотрудников аппарата ИККИ, размещались в тех же зданиях и выполняли те же организационные и технические функции, что и прежние отделы ИККИ.

собой в своей иракской политике в 1940-е годы, были воссоздание Иракской коммунистической партии (ИКП) и создание Национально-демократической партии (НДП). Они должны были объединить все оппозиционные силы страны в единый фронт и под своим руководством организовать совместную политическую борьбу с существующей иракской властью. При этом ИКП была обязана обеспечить мобилизацию масс среди так называемых низов, НДП же – главным образом в среде различных элитных групп националистов.

В эти годы эмиссаром Коминтерна в Ираке являлся ассириец Юсеф Сальман Юсеф, имевший партийные псевдонимы Фахд, Фредерик и Фридрих Бернар⁸. В рамках задачи по скорейшему восстановлению Иракской компартии ему было поручено на месте заниматься реализацией коминтерновских установок, включавших структурную и идеологическую централизацию партии, возобновление и активизацию ее революционной деятельности.

В декабре 1942 г. Ю. Сальман был вызван в Москву для отчета о проделанной работе⁹. Большой интерес представляют доклады Фахда, в которых он подробно информировал ИККИ, что в соответствии с московскими директивами смог провести масштабные реорганизационные мероприятия, в результате которых произошло практическое возрождение Иракской компартии. Как он сообщал, первым его шагом в этом направлении было налаживание контактов с различными самостоятельно действующими прокоммунистическими группами Ирака. Установив связи, в частности, с группой адвоката Абдуллы Масуда, группой «еврейских товарищей» во главе с Якобом Когеном (Фадхил), группой Хасана Аббаса и некоторыми другими группами, Фахд инициировал создание новой компартии. В феврале 1942 г. по его инициативе был сформирован Центральный комитет вновь созданной партии в составе 10 человек¹⁰.

Следующим шагом нового иракского коммунистического лидера было создание местных комитетов и ячеек. «В связи с реорганизацией, – отмечал он далее в докладе, – ЦК под

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 14. Д. 383а. Л. 140; Ф. 495. Оп. 216. Д. 35 (личное дело «Юсеф Сальман Юсеф»). Л. 105.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 216. Д. 35 (личное дело «Юсеф Сальман Юсеф»). Л. 105.

¹⁰ Там же. Л. 129об.

моим руководством начал кампанию за объединение всех членов партии в ячейки и комитеты, учитывая при этом род занятий и территориальность...». Вскоре были сформированы 10 городских комитетов, функционировавших в основных городах страны: Багдаде, Басре, Амаре, Насирии, Дивании, Сулеймании, Мосуле, Неджефе, Куте и Хилле¹¹.

Одновременно для обеспечения максимально продуктивной деятельности партии Фахд работал над развитием ее организационной структуры. Им была создана разветвленная система партийного управления, во главе которой находился ее руководящий орган – Центральный комитет. Следующими элементами управленческого аппарата, связанными непосредственно с ЦК, были: «Комитет по работе в провинциях», «Легальный комитет», функция которого заключалась главным образом в издании легальной литературы, и, наконец, «Комитет “Искры”», отвечавший за нелегальную деятельность компартии, т.е. за издание и распространение ее печатного органа – газеты «Искра» («Аш-Шарара»)¹². Важным структурным элементом в системе управления организации Фахда был «Багдадский городской комитет» (БГК), работой которого занимались непосредственно члены ЦК. Организационно он состоял из нескольких отделений, каждое из них имело свою сферу деятельности, обязывающую охватывать основные слои иракского социума: рабочих, крестьянство, интеллигенцию, армию, торговцев, служащих, учащуюся молодежь и женщин¹³.

Таким образом, согласно докладу Ю. Сальмана, ему удалось создать практически новую коммунистическую организацию в Ираке, число членов которой быстро увеличивалось и к концу октября 1942 г. составляло уже 420 человек¹⁴. Это немало, если учесть, что, по словам Юсефа Сальмана, «партия начала свою реорганизацию, имея группу в количестве лишь 10 членов» (в 1940 г. – *И.М.*)¹⁵.

Заключительная часть доклада Ю. Сальмана, посвященная финансовому обеспечению деятельности партии,

¹¹ Там же. Л. 129.

¹² Там же. Л. 130.

¹³ Там же. Л. 129.

¹⁴ Там же. Л. 128об.

¹⁵ Там же. Л. 117.

прямо свидетельствовала об ее экономической зависимости от Москвы. Не вызывает сомнения тот факт, что финансовая помощь Иракской компартии являлась одним из важнейших рычагов советского влияния на ее повседневную революционную борьбу. Спонсируя коммунистическое движение в Ираке, Москва, очевидно, намеревалась установить над ним свой максимальный контроль. В докладе этому вопросу посвящены два раздела: «Необходимая финансовая помощь (ежемесячно)» и «Обоснование испрашиваемой финансовой помощи», в которых, в частности, указывались размеры сумм, требуемые для финансирования партийной работы. Так, например, испрашивались следующие необходимые денежные суммы: 300 динар – на «издание ежедневной газеты», 100 динар – на «издание легальной литературы» (памфлетов и книг), 200 – на «приобретение небольшого печатного станка для нелегальной работы», 40 – на «содержание партийных функционеров и связных...», 40 – на «партшколу для рабочих и товарищей из провинций», 20 – «...для оказания "красной помощи" терроризированным товарищам и их семьям...»¹⁶ Таким образом, общая сумма средств составляла 700 иракских динар ежемесячно и, соответственно, 8,4 тыс. динар в год.

Нужно отметить, что доклады Ю. Сальмана – это единственные на сегодняшний день доступные коминтерновские документы, свидетельствующие о существовании финансовых отношений между Москвой и ИКП в первой половине 1940-х годов. Что же касается последующего периода, то можно предположить, что советская финансовая помощь ИКП если не увеличилась, то и не прекратилась, поскольку в дальнейшем активность партии, ее управленческий аппарат и численность только возрастали, что, естественно, требовало новых и более существенных затрат¹⁷.

¹⁶ Там же. Л. 114об.

¹⁷ С полной уверенностью можно утверждать, что Москва несла бремя финансирования деятельности Иракской компартии и в последующие периоды ее существования. Это зафиксировано в справке о расходовании средств Международного профсоюзного фонда помощи левым рабочим организациям при Румынском Совете профсоюзов (см.: Архив Президента РФ. Ф. 89. Оп. 38. Д. 4. Л. 5). Документ датирован 1961 г. В справке указано, что Иракской компартии в 1961 г. (т.е. спустя всего три года после революции 1958 г.) была оказана помощь на сумму 4 млн долл. В дальнейшем, как указывается в более поздних документах архива,

Существует еще одно документальное подтверждение данному факту, правда, носящее косвенный характер. Это рапорт эмира Фарида Шехаба, директора ливанской разведки, который в 1949 г., т.е. спустя четыре года после описываемых событий, докладывал своему руководству о том, что финансирование Иракской компартии происходит через «Партию свободы», которая, по сути, является прикрытием деятельности компартии и Юсефа Сальмана. По данным Шехаба, снабжение компартии денежными средствами происходило через посредников – неких Даляля Сассуна и Ягуды Садика, находившихся в постоянном контакте с советской дипломатической миссией, которая и обеспечивала их финансово. Все контакты осуществлялись через русского агента по фамилии «Росирофф», который и снабжал их деньгами, бумагой, печатными станками и коммунистическими бюллетенями на всех языках¹⁸.

В феврале 1943 г. Ю. Сальман «был вновь направлен на работу в страну», говорится в его личном деле, хранящемся в архиве Коминтерна¹⁹. Возвратившись в Ирак, он продолжил работу над реализацией полученных им в Москве установок, однако столкнулся с немалыми проблемами, главной из которых была начавшаяся в его отсутствие внутрипартийная борьба за власть, сводившая на нет практически все предпринятые им ранее усилия по объединению иракских комгрупп в одну организацию. Раскол в партии на почве борьбы за руководство ею, безусловно, тормозил процесс создания Иракской компартии, что не могло не беспокоить контролирующую этот процесс Москву, чьи внешнеполитические интересы в результате такого развития событий могли остаться нереализованными.

Соответствующие советские коминтерновские структуры мгновенноотреагировали на этот внутрипартийный кризис. В связи с этим заслуживает внимания еще один интересный документ, который весьма красноречиво иллюстрирует как

Иракской компартии оказывалась финансовая помощь фактически до времени распада СССР.

¹⁸ Report to HE the Director of the Sûreté Générale, Emir Farid Chehab // Wilson Center, Digital Archive International History Declassified. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/176054> (дата обращения: 15.01.2021)

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 216. Д. 35. Л. 105об.

советские агентурные возможности в Ираке, так и степень вовлеченности Москвы в процесс создания ИКП. Речь идет о секретном донесении от 23 мая 1943 г. за подписью некоего «Малышева»²⁰, предположительно советского военного разведчика, действовавшего на территории Ирана, где в те годы размещался советский военно-технический контингент, обеспечивавший совместно с союзниками доставку ленд-лизовских грузов в Советский Союз.

По итогам бесед с только что вернувшимся из Ирака в Иран Мехди Хашимом, членом первого ЦК ИКП, «Малышев» докладывал в Москву, что до приезда Фредерика организации, по сути дела, там не было. Были лишь разрозненные группы, враждовавшие между собою за лидерство. Печатные издания использовались ими в этих же целях, что приводило к дезорганизации и замешательству рядовых членов этих групп, которые не понимали, за кем нужно следовать и кого можно считать действительным руководителем партии²¹. Далее «Малышев» сообщает, что всего в Ираке действует пять групп, «называющих себя коммунистическими организациями». Представляя краткие сведения о каждой из них, он начинает с описания одной из крупнейших – группы Танун Айюба, которая «имеет свою газету “Форвард”, насчитывает около 100 человек сторонников, главным образом интеллигентов и служащих». «Малышев» отмечает, что лидер группы – писатель и адвокат – ранее входил «в созданную в 1941 г. Фредериком организацию». Затем, выйдя из нее, создал свою «компартию»²².

Следующей по списку «Малышева» идет «Группа Абдуллы Масуда», которого Фахд, уезжая в Москву, оставил своим заместителем. «Как известно, – констатировал “Малышев”, – во время отсутствия Фредерика Масуд созвал конференцию, исключил Фредерика и образовал новый ЦК. Масуд – известный адвокат, и большая часть его сторонников – это адвокаты, которых также насчитывается около ста человек»²³.

Затем советский разведчик комментирует ситуацию в третьей по влиянию и значимости организации – «Группе

²⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 14. Д. 383а. Л. 139.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

Фредерика». По его данным, эта группа издает свою газету «Стандарт», которая принадлежит известному адвокату Сайеху Дауду, постоянному противнику Абдуллы Масуда. В этой связи «Малышев» выказывал опасение, что «не исключено, что он (Сайех Дауд. – *И.М.*) преследует личные цели – использовать Фредерика для увеличения своего престижа».

Что касается четвертой группы, то это так называемые правдисты, которых возглавлял судья Азиз Шариф. Как указывал «Малышев», эта группа не имеет большого политического влияния, что связано с ее малочисленностью. Выпускает газету «Правда».

Излагая состояние дел в пятой группе, «Малышев» докладывал, что ее лидером является Хасан Аббас, член первого состава ЦК партии, генеральным секретарем которого был еще Асым Флейех. Он активно привлекал в свою группу старых коммунистов и ветеранов движения за национальное освобождение страны, участников различных демократических организаций. Как подчеркивал «Малышев», среди его сторонников «...имеются известные нам лица: Хашим эль-Арави, Фида, Юсеф Метти, Заки Хейри...» При этом автор оговаривал тот факт, что «два последних Зогером (Касим Хасан. – *И.М.*) охарактеризованы с плохой стороны..., но Хашим (Мехди Хашим – *И.М.*) отвергает большинство этих обвинений...»²⁴

Резюмируя сведения Хашима, «Малышев» констатировал, что «налицо полный разброд, развал организации, причем хуже всего то, что большая часть энергии руководителей этих групп растрачивается на взаимные обвинения друг друга во всяких смертных грехах вплоть до троцкизма и провокации. Несомненно, что внутри этих групп такие элементы имеются, но в этой общей грызне трудно выявить и разоблачить действительных врагов движения». Далее он отмечал, что ситуация тяжелая, но исправимая: необходимо принять срочные меры с тем, чтобы остановить дальнейший межпартийный разлад, сплотить всех честных людей из вышеописанных групп и очистить их ряды от провокаторов. Для решения этих задач «Малышев» предлагает ряд практических мер, которые характеризуют прежде всего особенности разведывательной работы Москвы в Ираке в эти годы:

²⁴ Там же.

«1. Через Рахима проверить данные, сообщенные Хашимом, как в отношении фактов, так и особенно в отношении лиц.

2. Одновременно добиваться проведения в жизнь установок, данных Фредерику в отношении создания Народно-демократической партии. Считаю, что в сложившейся обстановке Фредерик возглавить это дело не сможет. Необходимо подыскать более авторитетную фигуру из известных в стране деятелей демократического движения. Не исключена возможность, что эту партию мог бы возглавить Джафар Абу Тимман. Изучить этот вопрос и дать конкретные предложения должен Рахим.

3. Немедленно установить с Рахимом регулярную прямую связь, одновременно наладить ее и через меня. Для этого нужен только человек, остальное я обеспечу.

4. На основе сообщений Рахима, а также изучения Вами посланных мною материалов группы Абдуллы Масуда дать конкретные указания в отношении лиц и обязательно рекомендовать руководящую фигуру для наших товарищей. Если этой фигурой окажется Фредерик – требуется подтвердить это. Все это провести через Рахима, которому необходимо назвать лиц, с которыми он должен связаться кроме Фредерика.

5. Категорически напомнить Фредерику о необходимости строжайшего соблюдения конспирации. А если подтвердятся факты его болтливости о его поездке (в СССР. – *И.М.*), сделать решительные выводы в отношении его, согласившись с предложением Хашима об отзыве его из страны.

6. На почве ... этих партий добиться объединения ... групп, созвать для этой цели нелегальное совещание руководителей групп»²⁵.

Вскоре в соответствии с директивами Москвы Ю. Сальман организовал первую национальную конференцию компартии, которая нелегально прошла в феврале 1944 г. в Багдаде. Преодолев раскол и добившись объединения комгрупп, он приступил к проведению следующего знакового мероприятия – первого съезда Иракской коммунистической партии. На съезде, состоявшемся в иракской столице в апреле 1945 г., Фахд, получив официальное признание большин-

²⁵ Там же. Л. 140.

ства иракских комгрупп в качестве генерального секретаря ИКП, обозначил главную задачу для партии на ближайшую перспективу – создание общенационального фронта борьбы с английскими колонизаторами и их союзниками – Хашимитскими правителями Ирака²⁶. В заключение стоит сказать, что, работая в Ираке в 1940-е годы, Москва главным образом пыталась взять под контроль уже существующие там коммунистические группы и организации. Судя по всему, ей не были интересны иракские коммунисты в отрыве от советской внешней политики – самостоятельные и автономные. Ей нужна была контролируемая организация, ориентированная в своей политической деятельности исключительно на СССР и его внешнеполитические интересы. В конечном счете усилия Москвы увенчались успехом: в Ираке была создана одна из самых сильных компартий в арабском мире. Став в 1950-е годы влиятельнейшей политической силой в иракском политическом пространстве, она сыграла важную роль в организации июльской революции 1958 г., в результате которой представители ИКП впервые в истории Ирака, пусть и на короткое время, получили значительные посты в различных структурах вновь созданной республиканской системы управления страной.

На запáсном пути к иракской революции

В 1940-е годы вскоре после открытия советской дипломатической миссии в Багдаде иракские националисты стали напрямую обращаться к советскому правительству за помощью в борьбе с английским оккупационным режимом. В частности, об этом свидетельствуют уникальные документы Архива внешней политики РФ («Секретариат т. Кавтарадзе»). Как следует из этих архивных материалов, в июне 1945 г. велись переговоры между советским посланником в Ираке Г. Зайцевым и шейхом племени Аль-Ансар, доктором Абдул Вахаб Аль-Аскари – генеральным секретарем

²⁶ Подробнее о программных установках первой конференции и первого съезда ИКП по вопросам организации общенациональной коалиции антиколониальных и антимонархических сил см.: Косач Г. Г. Коммунисты и проблемы буржуазно-демократической революции в Ираке (середина 30–40-е годы) // Национальные и социальные движения на Востоке: История и современность. М., 1986.

подпольной на тот момент «Национальной партии Ирака» (другое название – «Партия народа»)²⁷.

В ходе переговоров шейх рассказал Г. Зайцеву о целях и задачах, которые ставит перед собой его партия, охарактеризованная им как чисто большевистская. По его словам, она насчитывает около 100 тысяч членов и имеет широкую сеть первичных организаций по всему Ираку и даже в армии. Главная цель партии, как сообщил шейх, – «свергнуть английский колонизаторский строй в Ираке и установить демократическую республику в стране». По этой причине «мы протестуем против существующего ныне иракского правительства, которое создано специально, чтобы помогать колонистам». Для достижения своих целей, заявил шейх, «...мы готовы поднять восстание арабов, подорвать мосты, разрушить нефтепровод и поджечь нефтехранилища англичан. Однако, – констатировал Абдул Вахаб Аль-Аскари, – без внешней помощи мы не в состоянии выгнать англичан из Ирака и тем более завоевать власть». При этом шейх отметил, что «иракская армия, состоящая из трех дивизий, может перейти на нашу сторону, потому что мы имеем в армии своих сторонников. Английская армия, насчитывающая 70–80 тысяч, немедленно начнет борьбу против нас, и англичане постараются подкрепить свои гарнизоны в Ираке». Поэтому, заключал шейх, «...мы обращаемся за Вашей благосклонной помощью в широких масштабах»²⁸.

Важно отметить, что во время переговоров с советским дипломатом шейх также затронул темы, из которых выясняются отдельные фрагменты истории взаимодействия его организации с СССР. Так, шейх напомнил, что в 1930 г. он уже встречался с советским представителем в Тегеране – неким майором Бингардтом, через которого просил помощи у советского руководства. Во время войны, утверждал Абдул Вахаб Аль-Аскари, «...мы всячески старались помочь Вам, посылая 1000 арабских шоферов и молодых рабочих на службу Советскому Союзу..., а в 1940 г. подняли восстание, как только увидели, что власть перешла в руки стран оси»²⁹.

²⁷ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 015. Оп. 5. Пор. 3. Папка 8. Л. 4–6.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Здесь интересно заметить, что в 1946 г., когда «Партия народа» смогла пройти регистрацию в Министерстве внутренних дел Ирака и получила право заниматься политической деятельностью, ее возглавил известный иракский деятель Азиз Шариф – в будущем друг СССР и лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Примечательно, что генеральный секретарь «Партии народа» был не единственным представителем национальной оппозиции, кто летом 1945 г. обращался за «военной» поддержкой к Москве. Кроме него, посланника СССР в Ираке также навещил представитель «Партии независимости» Бахер Фаик. По итогам этого визита Г. Зайцев докладывал в центр соображения иракского националиста: «Англия достаточно сильна, чтобы сбросить ее нашими внутренними силами. Мы ждем толчка извне. Стоит только Индии освободиться от Англии или произойти там мощному национально-освободительному движению, как Англия будет не в состоянии удержать в своем подчинении весь Восток. Второй выход, наиболее надежный, это помощь СССР в предстоящих событиях на Ближнем и Среднем Востоке»³⁰.

Стоит отметить, что «Партия независимости» была необычным гибридным политическим проектом. Среди ее членов были националисты как просоветской, так и прогерманской ориентации. Ее лидером являлся все тот же Рашид Али аль-Гайлани, который находился в эмиграции. К этому времени Рашида аль-Гайлани очень многое связывало с Москвой, которая в 1945 году не выдала его Ираку по запросу иракских спецслужб. В дальнейшем «Партия независимости» поддерживала практически все московские инициативы Компартии Ирака.

Как можно видеть, Советской России симпатизировали многие иракские оппозиционные организации, включая такие крупные и влиятельные, как «Партия народа» и «Партия независимости». Программы этих партийных организаций были во многом схожи и содержали пункты о расторжении всех кабальных договоров Ирака с Великобританией, выводе ее войск из страны, предоставлении иракскому государству полной независимости. Они были

³⁰ Там же.

открыты к сотрудничеству с Москвой и, по-видимому, очень рассчитывали на ее содействие в их борьбе с британским военно-политическим контролем в Ираке.

Конечно, смелость, с которой иракские националисты стали обращаться к Советскому Союзу за помощью, появилась у них не случайно. В 1945 г. они в определенном смысле были подталкиваемы к активизации контактов с Москвой четырьмя обстоятельствами: 1) разгромом Советской армией гитлеровской Германии, после чего международный авторитет СССР поднялся на уровень, несравнимый с довоенным периодом; 2) нахождением значительной группы советских войск в соседнем Иране; 3) распадом Британской колониальной империи и обострением советско-английского противостояния в регионе и мире; 4) официальной позицией Москвы, которая выступала за предоставление независимости всем арабским странам. Все эти обстоятельства давали надежду иракским оппозиционным группам на скорое получение независимости при непосредственном дипломатическом, а может быть, и военном содействии Советского Союза.

В этом контексте одной из основных задач, поставленных руководством Коминтерна перед руководителем компартии Ю. Сальманом в 1940-е годы, являлась консолидация всех разрозненных иракских оппозиционных сил в единый фронт борьбы. Начать эту работу необходимо было с объединения усилий коммунистов и просоветских националистов по созданию Народно-демократической партии. По-видимому, советские лидеры отдавали себе отчет в том, что загнанная в подполье КПИ, над которой постоянно висела угроза разгрома, не могла в полной мере обеспечить широкомасштабное противодействие проанглийской политике иракских властей. КПИ могла действовать главным образом на уровне и внутри только определенных слоев общества, которыми, собственно, и ограничивалось ее влияние. В Москве понимали ущербность такого положения, поэтому была необходима параллельная официальная политическая структура, которая объединяла бы национальных лидеров, близких к элите политиков и которую возглавляли бы известные люди, действовавшие в интересах Кремля.

По указанию ИККИ генеральный секретарь компартии начал с того, что выступил инициатором создания в Ираке единого демократического фронта против фашизма, который, как он сообщал в своих отчетных докладах, практически сразу же получил неофициальное признание «даже британских институтов в Ираке и иракского правительства»³¹. Одновременно в рамках кампании борьбы за «Единый антифашистский фронт» компартия Фридриха Бернара (Ю. Сальмана) выдвинула требование создать в стране демократическую партию «с чисто буржуазно-демократической программой»³². С таким заявлением компартия, в частности, обращалась к регенту Абдул Иляху, Нури аль-Саиду и министру внутренних дел. На встрече с Абдул Иляхом делегация, организованная Фахдом, заявила регенту о недовольстве демократов по поводу незаконного ограничения правительством конституционных свобод граждан. В качестве примера делегаты указали на факт отказа правительством создать в стране демократическую партию и профсоюзы, а также на отклонение им просьбы начать издание ежедневных газет национально-демократической направленности, на недружелюбное отношение Департамента пропаганды к демократическим журналам. Они также выразили свое недовольство в связи с проведением обысков квартир и рабочих мест демократов, заключением их в концентрационные лагеря, что систематически осуществлялось реакционными правительственными чиновниками и полицейскими департаментами как в самой столице, так и в провинциях. В связи с этим делегация выдвинула требования вывести из правительства профашистские и реакционные элементы, установить дипломатические отношения с Советским Союзом, освободить из концентрационных лагерей демократов³³. Показательна реакция Абдул Иляха, который, как указывал Фахд, «...принял делегацию с уважением (хотя было известно, что она состоит из коммунистов). Он выразил ей признательность за ее искренность и, поблагодарив за то, что она довела до его сведения жалобы народа, дал ей определенные положительные обещания»³⁴.

³¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 14. Д. 383а. Л. 120.

³² Там же. Л. 122об.

³³ Там же. Л. 122–123об.

³⁴ Там же. Л. 123.

Обратимся к донесению сотрудника советского консульства в Иране Иванова, в котором он, подтверждая сведения Юсефа Сальмана, подробно сообщает в Москву об основных мероприятиях, проводимых лидером компартии по созданию НДП. Из его донесения следует, что компартия действительно предпринимала неоднократные попытки начать кампанию по созданию Народно-демократической партии. Так, одним из первых шагов в этом направлении стало образование Фахдом (вскоре после его возвращения из Москвы) «Инициативного кабинета», в задачи которого входила исключительно разработка вопроса об учреждении НДП. Как только создалась благоприятная обстановка, докладывал Иванов, а это произошло в январе 1944 г., сразу после официального заявления иракского правительства об установлении в скором времени дипломатических отношений с СССР, члены «Инициативного кабинета» компартии встретились с премьер-министром Нури Пашой аль-Саидом. На встрече с премьер-министром ими была изложена политическая платформа будущей НДП. Нури аль-Саид ознакомился с основными положениями практической программы создаваемой партии и пообещал оказать необходимое содействие, но не более того. Далее, сообщая о последующих действиях Юсефа, Иванов информировал Москву о том, что в середине февраля 1944 г. Юсеф созвал конференцию, на которой среди прочих рассматривался и вопрос о создании НДП. В результате на конференции состоялось утверждение декларации НДП, которая была опубликована в иракских газетах. «Основная задача партии после конференции, – сообщал Иванов, – усиленная кампания за создание Народно-демократической партии»³⁵.

После конференции партия Ю. Сальмана во второй раз отправила делегацию «Инициативного кабинета» к главе правительства Нури аль-Саиду. Однако, как указывал Иванов, «...дело создания Народно-демократической партии пока еще не увенчалось успехом...», ибо, несмотря на то, что «...условия для создания такой партии чрезвычайно благоприятны, ...попытки осуществления этого дела наталкиваются на непреодолимые препятствия», чинимые со стороны англичан. «В то же время, – констатировал Иванов, –

³⁵ Там же. Л. 161.

по указанию Ю. Сальмана «Инициативный кабинет» провел переговоры с лидером иракских националистов Камилем Аль-Чадарчи, в ходе которых ему было предложено принять участие в создании НДП». На это предложение коммунистов К. Аль-Чадарчи заявил, что пока он не может принять участие в таком деле, так как убежден, что «...для создания такой партии в Ираке нет достаточно людей». Он уточнил, что пока он видит всего только двух человек, пригодных для создания такой партии, — это он сам и редактор его газеты³⁶. По-видимому, говоря о редакторе, К. Аль-Чадарчи имел в виду Касима Хасана (Наима Зогера), который работал редактором газеты «Аль-Ахали» до закрытия ее властями в 1935 г. Думается, что Аль-Чадарчи не случайно упомянул своего старого коллегу и бывшего секретаря ИКП, который на момент переговоров Аль-Чадарчи с коммунистами как раз находился в СССР, куда он уехал еще в 1941 г., скрываясь от репрессий. Как бы то ни было, но в Москве быстро отреагировали на намек Аль-Чадарчи, и уже в конце того же 1944 г. Касим Хасан был отправлен на «работу» в Ирак³⁷.

В 1946 г. в результате усилий Фахда под бдительным оком Москвы Национально-демократическая партия все же была создана, и именно во главе с К. Аль-Чадарчи. В первой половине 1950-х партия К. Аль-Чадарчи совместно с ИКП организовала «Союз Национального фронта»³⁸, объединивший в своих рядах фактически все оппозиционные официальному правительству партии.

В 1950-е годы Национально-демократическая партия установила постоянные контакты с одной из фракций тайной иракской военной организации «Свободные офицеры», которая в 1958 г. (в союзе с просоветскими НДП, ИКП и Демократической партией Курдистана) совершила государственный переворот с целью свержения проанглийского властного режима³⁹. После революции 14 июля 1958 г. ряд членов НДП занял министерские посты в новом правительстве Абдель Керима Касема. Сам же К. Аль-Чадарчи, которому, по некоторым данным, был предложен пост президента Иракской

³⁶ Там же.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 216. Д. 3 (личное дело «Зогер Наим/Касим Хасан»). Л. 28.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 216. Д. 24 (личное дело «Камиль Чадарчи»). Л. 19.

³⁹ Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985. М., 1988. С. 291–293.

Республики, отказался участвовать в первом республиканском правительстве, сославшись на плохое состояние здоровья⁴⁰. Можно предположить, что именно его отказ стал причиной решения Президиума ЦК КПСС от 6 марта 1959 г. о приглашении К. Аль-Чадарчи в СССР для прохождения четырехмесячного курса лечения. Во время пребывания в советской столице лидер НДП встретился с рядом представителей высшего руководства страны, включая бывшего министра обороны СССР Г. К. Жукова⁴¹.

***Контролировал ли Лондон
деятельность иракских коммунистов?
Взгляд с неправильного ракурса***

Как правило, в современных научных работах, посвященных изучению деятельности Коминтерна в Ираке, эта тема традиционно рассматривается в контексте непримиримого противостояния двух сторон: британской администрации, которая активно боролась с советским влиянием в стране, и теми иракскими коммунистами и националистами, которые уповали на помощь Советского Союза в деле избавления Ирака от английского военно-политического присутствия.

Однако сегодня благодаря многим интересным исследованиям и открытым архивам есть возможность взглянуть на эту проблему и с другого ракурса, т.е. с противоположной точки зрения, суть которой заключается в убеждении, что у англичан была стратегическая заинтересованность в присутствии в иракском политическом пространстве коммунистического движения, а не наоборот. Одним из главных оснований рассматривать данную проблему в этом ключе является, на мой взгляд, достаточно большое количество документов и фактов, которые свидетельствуют о том, что англичане, по крайней мере, пытались управлять этим фактором, используя его в своей иракской политике.

Нужен ли был Лондону Коминтерн в Иракском Королевстве? Пытались ли англичане использовать его? Вредила или же содействовала эта международная организация целям и задачам, которые Великобритания преследовала в Ираке?

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 216. Д. 24 (личное дело «Камиль Чадарчи»). Л. 19.

⁴¹ Там же. Л. 48–49.

Почему на эти вопросы стоит найти правильные ответы? Исследователям хорошо известно официальное отношение Лондона к коммунистической проблеме в Иракском Королевстве. Оно выражалось в борьбе с коммунизмом. Но вместе с тем мы видим, что парадоксальным результатом этой борьбы стало значительное развитие иракского коммунистического движения, а также усиление советского влияния в стране, а не наоборот. Могла ли по-настоящему непримиримая и жесточайшая борьба с коммунизмом привести к его массовому распространению в стране? Феномен превращения ИКП в серьезную политическую силу историки объясняют совершенно разными причинами, которые, бесспорно, имели место. Однако стоит отметить, что практически никогда исследователями даже в виде гипотезы не рассматривался такой фактор, как «поддержка» компартии со стороны самих англичан. Под словом «поддержка» я имею в виду целенаправленное осуществление Лондоном определенного, так сказать, регулируемого уровня давления на нее, позволявшего ей развиваться только в определенной степени и в определенном направлении, но не дававшего ей возможности полноценного и официального участия в политической жизни страны. Между тем данная трактовка, опирающаяся на конкретные примеры, позволяет многое прояснить – особенно в остающихся до сих пор неясными отдельных эпизодах иракской политики англичан, в непонятной и трагической судьбе иракского королевского дома Хашимитов, в процессе успешной многолетней подготовки и проведения июльской революции 1958 г. и, наконец, в истории компартии.

Приведу несколько примеров, которые, по моему мнению, могут служить аргументами в пользу высказанного выше тезиса и показать различные грани этой «поддержки». Первый – многочисленные донесения британской секретной службы, которые в изобилии приводит в своей фундаментальной и широко известной работе американский историк Ханна Ботато⁴². Они свидетельствуют об очень высоком уровне осведомленности английских и иракских спецслужб о секретных связях между представителями соответствующих

⁴² Batatu H. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. Princeton (N.J.), 1978. С. 445–446, 1156–1158.

ведомств СССР и лидерами национально-патриотической оппозиции Ирака, а также о том, что происходило внутри иракского коммунистического движения. Как минимум, это говорит о наличии серьезной английской агентуры в иракском «филиале» Коминтерна.

Второй пример показывает, в частности, как англичане использовали иракских коммунистов для ограничения германского военно-политического проникновения в Ирак во второй половине 1930-х годов. Так, в 1937 г. они не стали мешать иракским коммунистам в совершении покушения на уже упоминавшегося выше генерала Бакра Сидки, прогерманского иракского военно-политического лидера, на которого Берлин возлагал большие надежды в плане успешного развития немецкого присутствия в Иракском Королевстве в противовес Великобритании. Тогда немцы зашли слишком далеко, создав в Ираке при помощи генерала свою иракскую «секретную службу». Итоги проведенного расследования покушения не вызывают сомнения в том, что Лондон со своими агентурными возможностями не мог не знать как о подготовке к нему, так и о существовании в иракской армии прокоммунистической группировки, насчитывавшей несколько десятков человек⁴³. Можно допустить, что у англичан были и другие мотивы, но их сознательное невмешательство в этот антифашистский военный коммунистический заговор остается фактом. Так же как и остается фактом не совсем обычная для иракской политики Москвы того времени установка, данная тогда же Коминтерном иракским коммунистам, о необходимости развития дружественных отношений между иракским и британским народами в целях совместной борьбы с фашизмом.

Третий интересный пример – это организованный нацистами антианглийский государственный переворот в Ираке в 1941 г., приведший к массовому антианглийскому восстанию. В организации его важнейшую роль сыграли коммунисты и просоветские националисты. Берлин тогда заявил о готовности оказать военную поддержку восставшим. Лондон, который мог остановить заговорщиков на любом этапе,

⁴³ Подробнее см.: Миняжетдинов И. Х. К вопросу об особенностях иракской политики Коминтерна накануне Второй мировой войны // Ученые записки Центра арабских и исламских исследований. М., 2015. С. 47–64.

опять же предусмотрительно не вмешивался в ход событий до самого последнего момента. И уже скоро стало понятно почему. В условиях Второй мировой войны это восстание, дипломатически поддержанное тогдашними союзниками СССР и Германией, стало законным поводом для повторной оккупации чрезвычайно богатого нефтяными ресурсами Ирака английскими войсками⁴⁴. Стотысячная английская армия вошла в страну, очень легко и быстро подавив мятеж. Надо пояснить, что к этому английское руководство стремилось уже много лет, но не имело соответствующего законного повода. Теперь же Великобритания смогла «официально» продлить прямую военную оккупацию Ирака еще на несколько лет.

Еще одна показательная история, которая очень хорошо иллюстрирует предлагаемый в данной статье подход. В начале 1940-х годов Москва, собиравшаяся снова возобновить партийную работу в Ираке, обнаружила там целых пять самостоятельно действующих компартий. Такими, по крайней мере, они сами себя считали. Здесь же важно отметить, что большинство из них, судя по коминтерновским документам, достаточно свободно функционировали, имели свои печатные издания соответствующей направленности, возглавлялись довольно уважаемыми и успешными людьми и насчитывали от нескольких десятков до сотни членов. Правда, у всех была одна общая особенность – на тот момент они не работали с Москвой. Как эти партии смогли возникнуть в условиях жесткой политической цензуры и репрессий? Почему английская разведка и иракская полиция их не трогали, давая им возможность заниматься пропагандой коммунизма в непростое военное время?

Кроме того, из доклада генерального секретаря компартии Юсефа Сальмана мы узнаем о том, что в этот период в стране также существовали и псевдокоммунистические группы пробританской направленности. Об одной из таких групп, действовавших в сфере железнодорожного транспорта, он сообщал следующие факты: «Этой группой руководят иракские гражданские офицеры – Яхья Кассим и Кедоури. Они

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Миняжетдинов И. Х. За кулисами англо-иракской войны 1941 года: Черчилль и Гитлер против Сталина // Вторая мировая война и Восток: коллективная монография. М., 2019. С. 185–201.

называют себя коммунистами, социалистами и др. и в своей легальной работе действуют как “легальные марксисты”. Они благосклонно относятся к Советскому Союзу, но критикуют его прежнюю политику по отношению к Чемберлену и заключение советско-германского пакта о ненападении. Группа имеет постоянную связь с главным пропагандистским центром в английском посольстве. Группа действует одновременно как подгруппа пробританского экс-министра Ибрагима Камалы. Главным редактором их ежедневной политической газеты “Аль-Ахбар” является Абдул Карим Махмуд. Кроме обычных сообщений о советских фронтах и общей информации о Советском Союзе, она помещает на своих страницах ряд специальных и хороших статей о Советском Союзе...»⁴⁵

В своем докладе Юсеф Сальман не раз отмечал, что та «вольница», которую получили иракские коммунисты разных мастей в эти годы, возникла под влиянием англичан, которые «притормаживали» антикоммунистический напор правительства и полиции. Так, он сообщал: «Английская пропагандистская деятельность в пользу Советского Союза усилилась. Для того чтобы дать возможность газетам свободно печатать сообщения и статьи о Советском Союзе, англичане оказали давление на иракский департамент печати и пропаганды, большинство чиновников которого были настроены реакционно». При этом он информировал Москву о том, что его компартия, помимо нелегальных изданий, также имеет свои легальные ежемесячные журналы. «От имени таких журналов, — докладывал он, — мы организуем делегации к ответственным министрам, предъявляем требования, заявляем протесты...»⁴⁶

Особняком стоят события, связанные с подготовкой и проведением июльской революции 1958 г., которые являются, пожалуй, самым красноречивым фактом, свидетельствующим о стремлении Лондона использовать иракских коммунистов. На их рассмотрении стоит остановиться немного более подробно. Утром 14 июля 1958 г. в британский Форин-офис на Даунинг-стрит пришло секретное донесение с пометкой «срочно». Из английского посольства в Багдаде сообщали,

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 14. Д. 383а. Л. 119.

⁴⁶ Там же. Л. 122.

что в стране произошел государственный переворот, путчи-стами захвачены королевский дворец и радиостанция, судьба короля Фейсала II, кронпринца Абдул Иляха и премьера Нури Аль-Саида неизвестна. Уже в следующих донесениях английских дипломатов, внимательно следивших за развитием иракских событий, особо и неоднократно подчеркивалась роль коммунистов в перевороте⁴⁷.

Обычно в подобных случаях в страну при необходимости вводились дополнительные войска, задействовались силы английских военных баз, расположенные как в самом Ираке, так и в соседних странах. Теперь же что-то заставило Великобританию, почти 40 лет державшую Ирак мертвой хваткой, изменить своим традиционным имперским приоритетам и вскоре пойти на сотрудничество с новой властью, официально признав ее легитимность. Не совсем понятным было и то, что новое руководство страны, в составе которого оказались представители и компартии, сразу же заверило Лондон в своем дружеском расположении и готовности к дальнейшему двустороннему сотрудничеству. Это было тем более неожиданно, если иметь в виду, что восставшие осуществили не просто переворот, а антимонархическую революцию, ликвидировавшую основу основ британского регионального могущества – марионеточный режим Хашимитской монархии.

До сих пор историки спорят о том, почему Лондон, имея возможность реально помочь Хашимитам, попросту умыл руки, не предприняв мало-мальски серьезной попытки спасти своих ставленников, помешав путчистам захватить власть в стране? Тем более что подготовка к революции велась несколько лет и, как оказалось, не была секретом для англичан.

Мне удалось взять удивительное интервью у редкого свидетеля тех событий – Эйфари Абдель Кадемовича (Эйфари Абдель Захра Кадем), доктора экономических наук, профессора Российского университета дружбы народов (РУДН). В те далекие времена Эйфари Абдель Кадемович был молодым членом иракской компартии. Подвергшись репрессиям за свои убеждения, он оказался в иракской тюрьме.

⁴⁷ Подробнее см.: Миняжетдинов Ильдар, Вадим Эрлихман. Нефть и кровь Иракской революции // Вокруг света. 2008. № 7. С. 94–103.

Это произошло как раз за несколько лет до революционных событий 1958 года. Не скрою, его подробный рассказ о тюремных буднях иракских коммунистов накануне революции меня поразил. В частности, он поведал, что в тюрьме вместе с ним находилось около 240 коммунистов, которых держали, так сказать, на «особом положении». Несколько раз в день по часу им давали слушать по радио московские радиопередачи, которые транслировались тогда на арабском языке специально для стран арабского мира. За работу радио отвечал Мукаррам Тальябани – в будущем министр водных ресурсов и ирригации Ирака при Саддаме Хусейне. В тюрьме также была марксистская библиотека, включавшая ленинские труды на английском языке. Кроме того, заключенные коммунисты, по словам А. К. Эйфари, свободно отмечали в тюрьме такие праздники, как 1 мая, 9 мая, годовщина Октябрьской революции и день рождения В. И. Ленина. Так и хочется сказать: «Без комментариев!» После ознакомления с подобным свидетельством невольно напрашивается вывод о том, что, создав такую обстановку в тюрьме, власти, по всей вероятности, целенаправленно содействовали формированию у иракских коммунистов идеологически «правильного» мировосприятия, подготавливая их к определенной политической роли в будущем революционном проекте.

Действительно, как выяснилось впоследствии, разброд и шатания в иракской армии ни для кого не были тайной. Руководители британского и американского дипломатических представительств в Ираке, которые хорошо были осведомлены обо всех тайных обществах в армии, неоднократно предупреждали Нури Пашу аль-Саида и Фейсала II об опасных тенденциях в офицерской среде⁴⁸. Более того, незадолго до трагических событий лидеры стран-участниц Багдадского пакта ставили в известность правительство Нури аль-Саида, что у них есть достоверные сведения об активизации в иракской армии нескольких оппозиционно настроенных группировок, которые в скором времени готовы объединиться против правительства. В частности, власти соседнего Ирана регулярно информировали короля и премьер-министра о том, что на расположенном в 40 милях от города Наджаф военном посту «Мосаиб» ведется совершенно открытая и явная

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 93. Оп. 14. П. 8. Д. 10. Л. 14–22.

деятельность офицеров – сторонников президента Насера и коммунизма⁴⁹.

Ситуация выглядела еще более парадоксальной, если иметь в виду, что деятельность заговорщиков уже давно засекала королевская служба военной разведки, которая, к слову сказать, довольно плотно сотрудничала с английской разведкой. Менее чем за месяц до революции в королевский дворец пришло донесение, в котором приводились подробности о действиях подпольных организаций в армии, направленных на подготовку к свержению режима, сообщались конкретные имена офицеров, развивших враждебную деятельность в Третьей дивизии. Это донесение даже стало поводом для срочной встречи короля Абд аль-Иляха, Нури аль-Саида и начальника Генерального штаба Рафика Арефа. Они обсудили всех офицеров, чьи имена были упомянуты в донесении, и пришли к выводу, что большинство из них – очень близкие к режиму люди. Настолько близкие, что у собравшихся не было никаких сомнений в их преданности и верности власти⁵⁰.

По данным авторитетного издания «Эхо Ирана», Нури аль-Саид действительно был информирован о действовавших в иракской армии различных оппозиционно настроенных группировках, но ошибкой премьера было то, что он не мог до конца поверить, что в один прекрасный день офицерская оппозиция восстанет против короля и правительства. Нури аль-Саид был уверен, что армия находится под полным контролем и ни один офицер никогда не осмелится выступить против правительства⁵¹. Думается, что, скорее всего, он был убежден в своих покровителях-англичанах, надеясь на то, что они-то точно никогда не позволят такому случиться.

Военные, подготовившие и осуществившие революционный переворот, были членами тайного общества «Свободные офицеры». Его первые подпольные ячейки появились в частях иракской армии еще в конце 1940-х годов. Накануне же июльской революции это движение объединяло уже около 300 офицеров, которые были разделены на три

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

крупные группировки, придерживающиеся различных политических убеждений.

Доминирующее положение в организации занимала группировка под руководством Абдель Керима Касема. Большинство ее членов были из 19-й и 20-й бригад Третьей дивизии. Костяк организации составляли представители высшего офицерского состава. Они поддерживали постоянные контакты с просоветским руководством уже упоминавшейся ранее Национально-демократической партии. Одним из влиятельных лидеров группировки был Абдель Салям Ареф – начальник второго отдела Генштаба иракской армии. По иронии судьбы именно ему было поручено правительством выявить группы заговорщиков и раскрыть антиправительственный заговор в армии⁵².

Руководителем второй организации был полковник Рифаат аль-Хадж Сиррий, который считался первым человеком, создавшим секретные ячейки в среде иракских офицеров в 1949 г. с целью осуществления военного переворота. Эти офицеры являлись сторонниками идеи арабского единства⁵³.

Самой многочисленной была третья группировка офицеров-коммунистов. Одним из ее лидеров был Атшан аль-Азерджави – член Центрального комитета Коммунистической партии Ирака. 90% членов организации были младшими офицерами и унтер-офицерами. Именно коммунисты, создав боевые отряды, стали основной движущей силой революции, мобилизовавшей широкие народные массы, обеспечившие поддержку революционного переворота. По некоторым данным, лейтенант Аль-Абоси, приказавший своим солдатам расстрелять королевскую семью, был коммунистом⁵⁴. Кстати говоря, вышеупомянутый Эйфари А. К. также подтвердил, что офицер, отдавший приказ расстрелять короля и всю его семью, был членом компартии.

Факты о многолетней пропагандистской деятельности коммунистов в армейской среде также подтверждаются ливанской разведкой. В частности, еще в 1949 г. уже упоминавшийся эмир Фарид Шехаб, директор ливанской разведывательной службы, докладывал своему руководству о коммунистах в иракской армии. Он сообщал: «Сегодня

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

коммунизм распространяется в Ираке как эпидемия, он проник в иракскую армию, и офицеры пополняют его ряды с поразительной быстротой... Офицеры ожидают, что что-то произойдет, но не говорят, что именно, и упоминают об этом только шепотом и с большой секретностью. Они плохо отзываются о тех, кто находится у власти в арабских странах, и говорят, что спасение арабской молодежи может прийти только от их рук. Есть категорическое доказательство того, что за этим всепроникающим революционным духом стоит прежде всего Россия...»⁵⁵

Конечно, убийство революционерами членов иракской королевской семьи – потомков Пророка – это отдельный большой вопрос, требующий серьезного изучения. Тем не менее здесь хотелось бы высказаться по поводу небольшого наблюдения, связанного с темой данного исследования. Приказ о расстреле всей монаршей семьи не мог быть случайностью или произволом одного отдельно взятого офицера. Это, что называется, не тот уровень. С большой долей вероятности можно утверждать, что данная акция была согласована с революционным штабом, куда входили представители и ЦК компартии, и армейской организации «Свободные офицеры». ЦК координировал всю свою работу с Москвой, которая редактировала даже тексты обращений к народу генерального секретаря партии, не говоря уже о проведении каких-либо более масштабных мероприятий. Об этой плотной координационной работе свидетельствуют многие коминтерновские документы. Другими словами, Москва, как представляется, не только заранее знала о судьбе короля и его близких, но и могла дать соответствующие инструкции на этот счет руководству иракской компартии. Тем более, как неоднократно указывал в своих воспоминаниях П. Судоплатов – один из высокопоставленных руководителей НКВД в то время, – уже со второй половины 1940-х годов он по указанию Кремля занимался подготовкой операции по свержению правительства Нури аль-Саида и короля Фейсала в Ираке⁵⁶.

⁵⁵ Report to HE the Director of the Sûreté Générale, Emir Farid Chehab // Wilson Center, Digital Archive International History Declassified. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/176054> (дата обращения: 15.01.2021).

⁵⁶ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 2002. С. 425–429.

Что касается англичан, которые тоже, как описано выше, были заранее хорошо информированы о предстоящих событиях, то они не только не предприняли мер по предупреждению и защите монаршей семьи, но, по сути, оказали содействие путчистам даже в этом деле. Англичане задержали до утра давно запланированный рейс самолета, на котором король и молодой регент должны были накануне вечером улететь в Стамбул с официальным визитом, что, безусловно, спасло бы их от трагического исхода. Однако рейс намеренно был задержан англичанами ровно до того времени, когда произошел переворот и заговорщики атаковали королевский дворец.

Приведенные архивные данные и малоизвестные факты позволяют выдвинуть несколько следующих предположений.

Процесс развития советского идеологического присутствия в «английском Ираке», в том числе и по линии Коминтерна, был обусловлен в значительной степени большой заинтересованностью в этом самого британского руководства, которое пыталось не только контролировать, но и использовать в своей иракской политике как Коминтерн, так и местных коммунистов. Как представляется, это произошло благодаря возникшему совпадению советских и британских интересов в одном, но ключевом вопросе.

Совпадение интересов проявилось в том, что и у Москвы, и у Лондона была общая главная проблема – ислам. И Коминтерн, и «Секрет Сервис» видели в исламе и мусульманском духовенстве врага, с которым необходимо всемерно бороться. Они не могли допустить существования халифата. К такому же выводу пришла и историк-востоковед Ю. Н. Гусева в своей статье, посвященной изучению дискурса отечественных спецслужб в отношении вопроса о халифате. Она, в частности, резюмировала следующее: «Проводя сравнительный анализ репрезентации “халифатского вопроса” в документах советских и британских спецслужб, отметим следующее. Они были едины в неприятии халифата как политического института: и те, и другие связывали его с идущей с довоенных времен “панисламистской” угрозой объединения мусульманского мира против стран Европы»⁵⁷.

⁵⁷ Гусева Ю. Н. Дискурс отечественных спецслужб о «халифатском вопросе» 1920-х годов: Муса Бигиев, Восточный отдел ОГПУ и политическое единство

Действительно, англичане боялись возрождения халифата и тех сил, которые смогли бы это совершить. Только-только пал могущественный Османский халифат. Поэтому главная задача, которую они преследовали, состояла в трансформации политического пространства региона в направлении от религиозной формы социально-государственного устройства к светской. То есть всесторонняя модернизация Ирака по образцу кемалистской Турции. Они понимали, что в одночасье религиозное сознание мусульманских народных масс изменить нельзя. Арабы были еще не готовы к этому. Нужна была переходная форма государственного устройства, которая внешне была бы привычной для местного населения, сохраняя видимость религиозного правления обществом, а по содержанию – постепенно содействовала бы формированию нового политического пространства страны, имеющего светский характер, в котором состоялось бы отделение религии от государства. И в определенной степени это удалось совершить. За более чем 30-летний период правления марионеточного Хашимитского королевского режима иракское общество претерпело глубокие изменения – в частности, религиозная традиция практически окончательно перестала играть роль регулятора политической жизни.

Хашимитская монархия была задумана англичанами как переходная форма власти, от которой со временем необходимо было избавиться «классическим» революционным путем. Уже в сороковые годы двадцатого века англичане начали готовить новую политическую силу – Партию арабского социалистического возрождения, которой впоследствии суждено будет управлять Ираком более сорока лет. Лондон пытался формировать в Ираке новое общество, лишенное «старых» религиозных предрассудков. Конечно, англичане были заинтересованы в том, чтобы в создаваемой ими стране возникали и действовали «прогрессивные» светские политические силы, которые смогли бы осуществить эту трансформацию в самых разных сферах – от политики до образования. Поэтому Лондону нужен был Коминтерн в Ираке прежде всего как инструмент трансформации иракского общества, как средство борьбы с массовым религиозным сознанием,

которое тормозило многие модернизационные начинания Великобритании.

Известно, что Коминтерн представлял собой инструмент распространения определенной идеологии. В этом смысле он являлся обоюдоострым мечом, направленным, с одной стороны, на крушение созданного англичанами монархического режима в Ираке, а с другой – на разрушение сформировавшегося веками духовного пространства региона, основой которого был традиционный ислам. И в том, и в другом качестве Коминтерн содействовал политике англичан, преследовавших цель поэтапной модернизации Ирака и построения в нем секулярного общества.

Источники

АВП РФ. Ф. 015. Оп. 5. Пор. 3. Папка 8; Ф. 93. Оп. 14. П. 8. Д. 10.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 14. Д. 383а; Оп. 90. Д. 76; Оп. 216. Д. 3 (личное дело «Зогер Наим / Касим Хасан»); Д. 24 (личное дело «Камиль Чадарчи»); Д. 35 (личное дело «Юсеф Сальман Юсеф»).

Литература

Косач Г. Г. Коммунисты и проблемы буржуазно-демократической революции в Ираке (середина 30–40-е годы) // Национальные и социальные движения на Востоке: история и современность. М.: Наука, 1986. С. 156–196.

Миняжетдинов Ильдар, Эрлихман Вадим. Нефть и кровь Иракской революции // Вокруг света. 2008. № 7. С. 94–103.

Миняжетдинов И. Х. К вопросу об особенностях иракской политики Коминтерна накануне Второй мировой войны // Ученые записки Центра арабских и исламских исследований. Отв. ред. А. И. Яковлев. М.: ИВ РАН, 2015. С. 47–64.

Миняжетдинов И. Х. За кулисами англо-иракской войны 1941 года: Черчилль и Гитлер против Сталина // Вторая мировая война и Восток: коллективная монография / отв. ред. и сост. Н. Г. Романова, Т. А. Филиппова. М.: ИВ РАН, 2019. С. 185–201.

Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985 / ред. Е. Примаков, Е. Лебедев, В. Наумкин и др. М.: Наука, 1988. 636 с.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 673 с.

Batatu H. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. Princeton (N.J.), 1978. 1284 p.

Интернет-ресурсы

Гусева Ю. Н. Дискурс отечественных спецслужб о «халифатском вопросе» 1920-х годов: Муса Бигиев, Восточный отдел ОГПУ и политическое единство исламского мира. *Minbar. Islamic Studies*. 2019. № 12(2). С. 421–437. URL: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-421-437> (дата обращения: 15.01.2021).

Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell. Letter. 1 June 1920. // Newcastle University. Gertrude Bell Archive. URL: http://gertrudebell.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=393 (дата обращения: 15.01.2021).

Report to HE the Director of the Sûreté Générale, Emir Farid Chehab // Wilson Center, Digital Archive International History Declassified. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/176054> (дата обращения: 15.01.2021).

Турецкая коммунистическая партия и попытка переноса революционной деятельности Коминтерна в Турцию во второй половине 1920 – начале 1921 г.

История турецкого коммунистического движения неоднократно становилась предметом исследования отечественных востоковедов¹. Не обошли ее своим вниманием и зарубежные ученые, прежде всего турецкие². Несмотря на достаточно

¹ Багиров Ю. Из истории образования Коммунистической партии Турции. Резюме // Ученые записки (Ин-т народов Ближнего и Среднего Востока). Т. V: Вопросы истории Ирана и Турции. Баку, 1966. С. 96–97; Его же. Первый съезд народов Востока в Баку (К 50-летию со дня созыва) // Известия АН АзССР. Сер.: История, философия, право. Баку, 1970. № 3–4. С. 125–131; Навширванов З. Социалистическое движение в Турции // Новый Восток. 1922. Кн. 2. С. 619–621; Турция: рождение национального государства. 1918–1923: (по документам РГАСПИ). М., 2007; Павлович Мих. О коммунистическом движении в Турции // Коммунистический Интернационал (1921). № 17. Стлб. 4225–4232; Шамсутдинов А. М. Первый съезд Коммунистической партии Турции (К сорокалетию ее создания) // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. 1961. XXX. С. 227–237; Павлович Мих. Гибель турецких коммунистов. Герои и мученики пролетарской революции. Вып. I. М., 1924. 103 с.; Персиц М. А. Турецкие интернационалисты в России // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 59–67; Субаев Н., Хамидуллин Ф. Мустафа Субхи в Татари (1918–1919) // Народы Азии и Африки. 1969. № 2. С. 72–77.

² См., например: Yavuz Aslan. Türkiye Komünist Fırkasının Kuruluşu ve Mustafa Suphi. Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, 1997; Betül Aslan. Yeni Belgeler Işığında Karakol Cemiyeti, Uşak Kongresi ve Karakol Cemiyetinin Bolşeviklerle Yaptığı Anlaşma. URL: <https://docplayer.biz.tr/24649360-Yrd-doc-dr-betul-aslan.html> (дата обраще-

большое количество публикаций, некоторые эпизоды деятельности турецких коммунистов в связке с Коминтерном остались малоизученными и породили многочисленные споры. Одним из таких эпизодов является попытка переноса активной деятельности Коминтерна на территорию, находившуюся под контролем правительства турецкого Великого национального собрания в Анкаре, осенью–зимой 1920–1921 гг. Этот процесс был тесно связан с деятельностью Турецкой коммунистической партии под руководством Мустафы Субхи. Сразу после Съезда народов Востока в Баку М. Субхи при поддержке Совета действия и пропаганды на Востоке попытался интегрировать в ряды образованной им Турецкой коммунистической партии разрозненные группы турецких коммунистов, социалистов и сторонников III Интернационала. Отсутствие или закрытость как турецких, так и отечественных документов по данной теме, недосказанность ряда событий и фактов и их политически ангажированное описание порождают определенные заблуждения и схематические упрощения сложной и многогранной ситуации.

Прежде чем перейти к описанию событий, нелишним будет привести вкратце биографию Мустафы Субхи и его деятельность по созданию турецких коммунистических структур.

Мустафа Субхи родился 9 июля 1882 г. на территории уезда Гиресун провинции Трабзон. Его отец был османским чиновником, а мать – дочерью городского головы Самсуна. Начальное образование М. Субхи получил в Иерусалиме и Дамаске, где служил его отец. Впоследствии он поступил в престижный Галатасарайский лицей, а по его окончании – в Стамбульскую школу права, которую успешно окончил в 1906 г. С 1901 г. начал свою трудовую деятельность в качестве мелкого клерка в одном из подразделений Государственного совета Османской империи.

После окончания Стамбульской школы права М. Субхи отправился в Париж и поступил в Свободную школу поли-

ния: 08.12.2020); Гасанлы Дж. История дипломатии Азербайджанской Республики. В 3 томах. Т. II. Внешняя политика Азербайджана в годы советской власти (1920–1939). М., 2013; Bayur H. Mustafa Suphi ve Milli Mücadeleye El Koymaya Çalışan Başlı Dışarda Akımlar // Belleten. XXXV/140. Nisan 1971. S. 587–654; Aybars E. Mustafa Suphi'nin Anadolu'ya Gelişi Öldürüşüyle ilgili Görüşler ve Erzurum'dan Trabzon'a Gidişleriyle ilgili belgeler // A.Ü. DTCF Tarih Araştırmaları Dergisi. XIII/24, 1979–1980. S. 88–104, и др.

тических наук, которую окончил в июне 1910 г. В Париже он подготовил диссертацию о состоянии и перспективах сельскохозяйственного вопроса в Турции, которая была весьма высоко оценена. В годы учебы в Париже М. Субхи впервые знакомится с деятельностью европейских социалистов и, по сообщениям ряда авторов, вступает в ряды II Интернационала.

Некоторые советские биографы отмечают, что по возвращении в Стамбул М. Субхи мог вступить в Османскую социалистическую партию³, но это опровергается турецкими исследователями⁴. По возвращении в Стамбул М. Субхи работает на преподавательских должностях в Торговой школе, Высшем преподавательском училище и Султанской школе, читая лекции по политэкономии. В это время он активно выступает против политики партии «Единение и прогресс» на страницах османских газет, а также участвует в деятельности Национальной конституционной партии, созданной в 1912 г. Ю. Акчурой и Феритом, и интересуется идеями тюркского национализма, активно разрабатывавшегося Ю. Акчурой. Совместно с Феритом они издают газету «Ифхам» («Толкование»), в которой Субхи является главным редактором.

В связи с покушением на великого визиря Махмута Шевкет пашу Субхи попадает в число подозреваемых. Хотя достаточных доказательств его причастности к этому преступлению не было найдено, его вместе с другими политически неблагонадежными журналистами и лицами в июне 1913 года отправляют в ссылку в Синоп. Само же покушение было использовано членами партии «Единение и прогресс» для подавления инакомыслящих и оппозиции.

Будучи последовательным и жестким критиком политики партии «Единение и прогресс», М. Субхи принял решение бежать из Османской империи, чтобы продолжить политическую борьбу за рубежом. В Синопе ему удалось собрать группу единомышленников, с которыми был задуман и осуществлен план побега. Предполагалось сначала отплыть в море на лодках, а затем пересечь на борт парохода, шедшего в Россию.

³ Навширванов З. Социалистическое движение в Турции // Новый Восток. 1922. Кн. 2. С. 620.

⁴ Yavuz Aslan. Türkiye Komünist Fırkasının Kuruluşu ve Mustafa Suphi. Ankara, 1997. S. 8.

Дальнейшей целью М. Субхи было перебраться в Европу или на Кавказ для продолжения издания оппозиционной газеты.

Однако план удалось реализовать лишь частично. Пароход найти беглецы не смогли, но попалась парусная лодка, команду которой под угрозой применения оружия они заставили идти к берегам Крыма. В итоге побег, начавшийся 24 мая 1914 г., закончился сдачей русским властям в Севастополе 29 мая того же года. В Крыму М. Субхи встретил теплый прием со стороны крымских татар, а о его побеге в Россию сообщил ряд центральных и местных газет.

Уже в июле 1914 г. М. Субхи перебрался в Баку, который был избран, вероятно, не случайно. По сообщению местной газеты «Икбаль», посвятившей статью его приезду в город, там Субхи намеревался создать «Тюркскую партию», которая занималась бы просвещением тюрок Анатолии.

С началом Первой мировой войны М. Субхи публикует в бакинских газетах свои статьи, содержавшие его взгляды на положение Турции в начинавшейся мировой войне. Он освещает вопросы отношения Турции к ее соседям – Болгарии, Румынии и России, полагая, что его родная страна к новой тотальной войне не готова и ее участие в боевых действиях приведет лишь к ее дальнейшему обеднению, банкротству и разрушению. После вступления Турции в войну Мустафа Субхи переезжает в Батуми, где интересуется судьбой турецких военнопленных.

С началом боевых действий против Османской империи все ее подданные были арестованы и перемещены во внутренние районы России. Подобная судьба постигла и Мустафу Субхи, которого после ареста этапировали в Калугу. В Калуге ему была предоставлена возможность жить в отдельной меблированной комнате. Первоначально Субхи зарабатывал себе на жизнь преподаванием французского языка, пытался получить от российских властей статус политического эмигранта, но неудачно.

С 1915 г. вместе с другими турецкими военнопленными его начинают привлекать к работе на заводах и фабриках. Благодаря этому он знакомится с уральским коммунистическим подпольем, в том же году вступает в РСДРП и начинает революционную агитацию среди турецких военнопленных. Агитация эта не всегда была эффективной, и далеко не все

турецкие подданные, особенно офицеры, готовы были ее принять. Тем не менее именно из турецких военнопленных, гражданских пленных лиц и политических эмигрантов и сложился костяк будущей турецкой коммунистической организации в Советской России.

В феврале–марте 1918 г. Мустафа Субхи появляется в Москве и при комиссариате по делам мусульман с разрешения наркома по делам национальностей И. В. Сталина начинает издавать газету «Йени Дюнья» («Новый мир»). Вскоре, в июле 1918 г., он вместе с другими турецкими подданными проводит в Казани Конференцию тюркских социалистов, которая становится отправной точкой для создания официальной Турецкой коммунистической организации в Советской России. Здесь же начинается история формирования «Турецкой красной роты» – вооруженного ядра турецкой коммунистической партии, созданного из распропагандированных турецких военнопленных. Первым боевым крещением для нее становятся бои с чехами за Казань.

В ноябре 1918 г. М. Субхи участвует в первом съезде мусульман-коммунистов в Казани и добивается признания участниками съезда ТКО в качестве коммунистической организации. В начале 1919 г. он активно ведет партийную и пропагандистскую работу в Крыму среди местных мусульман, турок и крымских татар. Затем, когда появилась угроза захвата Крыма войсками А. И. Деникина, вместе с соратниками перебирается в Одессу, где они активно готовятся к возвращению в Турцию, рассылая воззвания к трудящимся Турции и экземпляры газеты «Йени Дюнья».

В марте 1919 г. Субхи участвует в работе I Конгресса III Интернационала. В начале 1920 г. его направляют в Ташкент, где он ведет агитацию среди бывших турецких военнопленных и помогает формировать из них воинские подразделения для главнокомандующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе. Впоследствии эти подразделения будут по просьбе Субхи направлены в Баку и станут основой Турецкого коммунистического полка.

27 мая Субхи прибывает в Баку, где к тому времени уже существовала фиктивная «коммунистическая» организация. Фактически она представляла собой посредническую структуру, созданную сторонниками турецкого тайного

общества «Каракол», ориентированного на сопротивление интервентам, связанного одновременно с национальными силами в Анкаре и поддерживавшего связи с руководителями комитета «Единение и прогресс» для получения советской помощи, прежде всего – финансовой⁵. М. Субхи достаточно быстро разобрался в ситуации и уже 12 июня предложил азербайджанскому советскому руководству заново учредить Турецкую коммунистическую партию в Баку. Его предложение было принято, и М. Субхи сумел таким образом взять под свой контроль данную политическую структуру, очистив ее от сторонников ненавистных ему младотурок.

В июне 1920 г. были учреждены Бакинский комитет Турецкой коммунистической организации и ее Центральное бюро. В качестве места пребывания ТКО Баку был выбран не случайно. Во-первых, Баку, как и Крым, находился в географической близости к территории Турции. Во-вторых, многие турецкие военнопленные, возвращавшиеся после мировой войны на родину, следовали через Кавказ. Однако из-за гражданской войны и образования дашнакской Армении в Баку скопилось большое количество турецких граждан, которым невозможно было добраться домой кратчайшим путем. Это обстоятельство создавало благоприятную среду для коммунистической пропаганды, которую весьма умело научился вести М. Субхи. К середине 1920 г. Мустафа Субхи стал заметным лидером среди «красных мусульман», инкорпорированных в структуры Коминтерна.

Необходимо отметить, что к лету 1920 г. советско-турецкие отношения претерпели кардинальные изменения. Советская дипломатия оказалась свидетельницей возникновения и институционализации национальных сил в Турции во главе с Мустафой Кемалем. Практически сразу после учреждения Великого национального собрания в Анкаре 24 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль решил обратиться к Советской России за помощью в борьбе с интервентами. 26 апреля он отправил адресованное В. И. Ленину письмо, в котором

⁵ Об этом см.: Betül Aslan, Yeni Belgeler Işığında Karakol Cemiyeti, Uşak Kongresi ve Karakol Cemiyetinin Bolşeviklerle Yaptığı Anlaşma. URL: <https://docplayer.biz.tr/24649360-Yrd-doc-dr-betul-aslan.html> (дата обращения: 08.12.2020). Также см.: Гасанлы Дж. История дипломатии Азербайджанской Республики. В 3 т. Т. II. Внешняя политика Азербайджана в годы советской власти (1920–1939). М., 2013. С. 264–265.

говорилось об общности целей Советской России и Турции в борьбе с мировым империализмом⁶. В Москве к данному письму отнеслись с воодушевлением. Г. В. Чичерин в своем ответе от 3 июня 1920 г. от имени советского правительства фактически соглашался с провозглашенными в январе 1920 г. турецким парламентом в Стамбуле национальными границами Турции⁷.

Вскоре в Москве появились видные члены бывшего младотурецкого триумвирата – Джемаль-паша (5 июня) и Энвер-паша (15 августа). Их пребывание в столице новой России совпало по времени с переговорами о советско-турецком договоре с представителями Мустафы Кемаля. Джемаль-паша практически сразу направился в Туркестан и далее в Афганистан, где предоставил М. В. Фрунзе военно-политические сведения о состоянии Бухарского эмирата и позиции Афганистана в случае возможной советизации Бухары⁸. Энвер же успел прибыть в Советскую Россию как раз к моменту организации Съезда народов Востока в Баку, участие в котором он считал весьма важным для укрепления своего влияния в мусульманском мире.

Контакты с наиболее важными акторами на турецком направлении создавали перед советским руководством проблему выбора: на кого сделать ставку в своей будущей политике на территории Турции – национальные силы, коммунистов или «энверистов»?⁹ По всей видимости, советское руководство не было едино в своем мнении. Однако на основании российских архивных документов можно предположить, что определенное «распределение ролей» между турецкими представителями, стремившимися установить контакты с Советской Россией, все же существовало.

⁶ См.: Atatürk'ün Tamim, Telgraf ve Beyannameleri. Ankara, 1964. Belge No. 288. Цит. по: Stefanos Yerasimos. Kurtuluş Savaşında Türk-Sovyet İlişkileri (1917–1923). İstanbul, 2000. S. 223.

⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. Док. 372. С. 554–556.

⁸ «Считать необходимой скорейшую ликвидацию эмирата...» М. В. Фрунзе о внутри- и внешнеполитической ситуации вокруг экспорта революции в Бухару. Публикация А. Д. Васильева // Восточный архив. 2018. № 2 (38). С. 71–76.

⁹ Термин «энверисты» постоянно упоминается в документах Восточного отдела ГПУ и был введен, вероятно, для обобщенного обозначения сторонников Энвер-паши.

Так, на взгляд автора этого текста, Джемаль-паша и Энвер-паша выступили в качестве посредников в связях большевиков с мусульманским миром. При этом, вероятно, с подачи К. Радека, учитывались связи Энвера и Джемалья в колониях стран Антанты, их предвоенные контакты с индийскими революционерами и в целом влияние в мусульманском мире. На Энвера возлагалась роль посредника в отношениях с мировой мусульманской «закулисой» и азиатским «масонством», что отчетливо видно в языке и терминологии российских архивных документов Восточного отдела ГПУ¹⁰.

Советские дипломаты указывали, что и в Турции Энвер пользовался определенной поддержкой, особенно среди офицеров. Поэтому советское руководство могло рассчитывать на него как на альтернативного лидера Турции в случае убийства Мустафы Кемаля или его поражения. Однако часть советской политической элиты, особенно из числа национальных кадров, в самом Энвере видела одного из «поджигателей» мировой войны, и приглашение его на Съезд народов Востока вызвало ее негативную реакцию¹¹.

В этой связи интересны взгляды советского руководства на роль самого Мустафы Субхи. Отчасти они становятся понятными при анализе работ советских функционеров-востоковедов, участвовавших в становлении турецкой компартии. Например, в книге М. Л. Павловича (Вельтмана) автор позволяет определенную критику в адрес правительства Мустафы Кемаля, которое, по его мнению, ничего не сде-

¹⁰ См., например, доклад об истоках образования партии «Единение и прогресс» с характеристикой ее лидеров и анализом перспектив сотрудничества с ними сов. руководства. Управление регистрации архивных фондов ФСБ РФ (далее – УРАФ ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 448. Л. 97–99об.

¹¹ В частности, см. выступления на Съезде народов Востока О. Эфендиева, Дж. Коркмасова (Первый Съезд народов Востока (1–8 сентября 1920 г.): стенографические отчеты. Пг., 1920. С. 76–77, 94–95). Заслушав декларацию Энвер-паши, съезд принял по ней особую резолюцию, в которой подчеркивалось, что национальное правительство ведет лишь борьбу против интервентов, и его успех не означал бы освобождения турецких крестьян от эксплуатации. В резолюции говорилось, что съезд находит необходимым осторожно относиться к тем вождям младотурецкого движения, которые «вели на бойню» турецких крестьян в интересах империалистических групп, и советует этим вождям теперь делом доказать, что они готовы служить трудящемуся народу. Там же (Первый Съезд народов Востока). С. 116–117.

лало для улучшения жизни крестьян и рабочих¹². Надежды на улучшение быта рядового крестьянина и рабочего Павлович связывал с появлением в Турции коммунистической партии, которая проведет радикальные реформы и таким образом возьмет власть снизу. Интересно, что договор с правительством Национального собрания сам Павлович считал актом, «который может ускорить процесс назревания социальной революции как на всем мусульманском Востоке, так и в самой Турции»¹³.

По всей видимости, в популярном и энергичном лидере турецких коммунистов видели потенциального участника турецкой партийной системы, который мог бы взять власть мирным путем, опираясь на симпатии крестьян, а также штыки распропагандированных бывших турецких военнопленных. Руководство Коминтерна активно собирало и анализировало информацию о происходящем в Турции. Накануне Съезда народов Востока М. С. Султангалеев поручил М. Субхи подготовить для Восточного отдела Коминтерна доклады по целому ряду связанных с Турцией тем: «Распад Османской империи», «Борьба Великих держав за влияние в Турции и новейшая история турецкой революции», «Причины революции и партийная борьба», «Турецко-греческая война», «Об экономических и социальных причинах греко-турецкой и армяно-турецкой вражды», «О социальной сущности и политической базе партии “Единение и прогресс”», «О роли и деятельности турецких политических партий», «О территориальных проблемах Турции»¹⁴.

К концу лета 1920 г. наметился перелом в ходе Гражданской войны на территории России. Инициатива перешла к РККА, Белое движение потеряло большую часть контролируемых районов на территории России, кроме Крыма. Успешная борьба с белыми силами в Закаспии, советизация Хивы в начале 1920 г. и Азербайджана в апреле 1920 г. давали советскому руководству повод полагать, что настал удобный момент для экспорта революции. В мае 1920 г. началась операция по поддержке повстанцев в иранской

¹² Павлович М. Революционная Турция. М., 1921. С. 80.

¹³ Там же. С. 90.

¹⁴ Приводятся по изданию: Yavuz Aslan. Türkiye Komünist Fırkasının Kuruluşu ve Mustafa Suphi. Ankara, 1997. S.194.

провинции Гилян, а в августе под руководством М. В. Фрунзе была успешно проведена операция по свержению власти бухарского эмира Алим-хана под видом помощи трудящимся Бухары.

По сравнению с Бухарой, Хивой, Азербайджаном и Ираном в Турции власть находилась в руках националистически настроенных военно-бюрократических сил, прошедших суровую школу внутригосударственных переворотов, череды малых и крупных военных конфликтов начала XX в. и к тому же подозрительно относившихся к России. В связи с этим типичный сценарий советизации, опробованный на примере Азербайджана, Бухары или Гиляна, мог не совсем соответствовать турецким политическим условиям.

Турецкая коммунистическая организация, опиравшаяся на организационную, финансовую и военную поддержку Советской России, могла быть тем политическим инструментом, который можно было использовать для последующего легального вмешательства и установления советского влияния в Турции. Однако ТКО представляла собой лишь небольшую организацию, далеко не всегда имевшую связь с «народными массами» на местах. Отсутствовали и разветвленные структуры ТКО на территории самой Турции.

В этом отношении поворотным моментом для М. Субхи и ТКО должен был стать Первый Съезд народов Востока в Баку (1–8 сентября 1920 г.) и последовавший практически сразу за ним Первый съезд турецких коммунистических организаций (Баку, 10–15 сентября 1920 г.). Предполагалось, что на них прибудут симпатизирующие турецким коммунистам представители «с мест» и это позволит укрепить связь с крестьянской и рабочей массами в Турции.

Первый Съезд народов Востока достаточно подробно описан в отечественной и зарубежной литературе, поэтому в рамках данной статьи он будет рассматриваться лишь в связи с «турецкой» частью его повестки. Съезд был организован для дальнейшего расширения революционной деятельности в странах Востока. Участие в нем видных мусульманских политических деятелей тюркского происхождения (Энвер-паши, Дж. Коркмасова, Н. Нариманова, М. Субхи и др.) свидетельствует о том, что в целом тюркское направление революционной деятельности руководством Коминтерна

расценивалось как одно из наиболее важных. В то же время Энвер-паша, который участвовал в съезде как представитель мусульман Марокко, Алжира, Туниса и Ливии, должен был символизировать связь советского руководства прежде всего с мусульманским сопротивлением европейскому колониализму, оставляя за скобками вопросы этнического происхождения и вынося на первый план вопросы мусульманско-христианского, европейско-восточного противостояния.

Турцию на съезде представляли 235 человек, что было отражено в его официальных протоколах¹⁵. Делегация эта оказалась самой многочисленной, что обуславливалось, во-первых, близостью Турции, а во-вторых, стремлением различных политических групп внутри Турции контролировать работу съезда и по возможности влиять на принимаемые решения. Интересно, что правительству ВНСТ не было направлено официального приглашения для участия в этом мероприятии. Руководство Коминтерна обращалось к турецкому народу как бы напрямую, предлагая прислать на него своих избранных представителей.

Подобное положение дел вызвало крайне негативную реакцию Мустафы Кемаля, который высказался о съезде, его участниках и задачах весьма неодобрительно. Его точка зрения состояла в том, что Великое национальное собрание Турции является правомочным представителем турецкой нации и именно ВНСТ должно представлять турецкий народ на съезде. Поэтому отрицал всякое его значение¹⁶. Однако сделал все возможное, чтобы держать под контролем работу съезда и его повестку.

Так, находящемуся в Москве в качестве представителя правительства ВНСТ Ибрагиму Тали бею¹⁷ было поручено присутствовать на съезде в качестве наблюдателя. Впоследствии И. Тали выступил с приветствием к участникам съезда¹⁸ и отправил Мустафе Кемалю достаточно подробный отчет о мероприятии. Кроме того, правительство ВНСТ и его сорат-

¹⁵ Первый Съезд народов Востока (1–8 сентября 1920 г.): стенографические отчеты. Пг., 1920. С. 5. В списке народностей турки идут на первом месте. Всего из 1891 участника 368 человек (т. е. около 20% состава съезда) тюркского происхождения.

¹⁶ Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. I–III. Ankara, 1989. S. 102–103.

¹⁷ Cebesoy Ali Fuat. Moskova Hatıraları. Ankara, 1982. S. 22.

¹⁸ Первый Съезд народов Востока (1–8 сентября 1920 г.). С 112–116.

ники на местах сделали все возможное, чтобы затруднить выезд представителей турецких коммунистических или крестьянских организаций в Баку. Один из архитекторов турецкой политики в Закавказье того периода, командующий Восточным фронтом генерал Кязым Карабекир-паша весьма откровенно в своих воспоминаниях писал, что велел некоторым своим офицерам под видом гражданских представителей от Трабзона и Эрзерума принять участие в съезде¹⁹. По согласованию с ВНСТ им была дана инструкция в случае обсуждения ситуации в Турции настаивать на том, что «политическую революцию» турки уже совершили, а более радикальные реформы невозможны, пока идет борьба с Антантой. Любые решения относительно Турции предписывалось не признавать легитимными²⁰.

Около 50 турецких участников съезда являлись представителями турецких обществ защиты прав, региональных администраций и официальных органов власти. Спектр политических взглядов турецких делегатов был весьма обширным – от традиционалистских религиозных воззрений до откровенной поддержки идеологии III Интернационала. Вместе с тем было и довольно много приверженцев партии «Единение и прогресс». Например, среди участников от Трабзона были и родственники человека, впоследствии причастного к убийству М. Субхи, – Кахья Яхья. К. Яхья был активным деятелем трабзонской ячейки младотурецкой партии «Единение и прогресс» и крайне враждебно относился к коммунистам. Однако с целью выявления в Трабзоне скрытых симпатизантов большевиков он вместе со своими родственниками состоял в организованном соратниками М. Субхи трабзонском Союзе портовых грузчиков. Примечательно, что его брат Зекерия был заявлен в качестве одного из представителей трабзонских коммунистов для участия в съезде²¹. Подобные случаи были весьма распространенным явлением. Наряду с искренними сторонниками М. Субхи среди участников Съезда народов Востока, а затем и учредительного съезда Турецкой коммунистической партии было

¹⁹ Karabekir K. İstiklal Harbimiz. İstanbul, 1988. S. 807–808, 814.

²⁰ Cebesoy Ali Fuat. Op. cit. S. 22.

²¹ Üçüncü U. Milli Mücadele Yıllarında Trabzon'da İttihatçı bir Sima: Kahya Yahya. Trabzon, 2015. S. 128.

довольно большое количество тайно направленных ВНСТ лиц и тайно симпатизировавших старым врагам М. Субхи – младотуркам.

Тем не менее обстановка на Съезде народов Востока благоприятствовала М. Субхи и его деятельности по строительству Турецкой коммунистической организации. По предложению коммунистической фракции М. Субхи был включен в состав Президиума съезда. Протест правительства ВНСТ, а также приезд Энвер-паши и его выступление вызвали негативную реакцию участников, которые считали его одним из виновников мировой войны. В состав образованного по итогам проведения съезда Совета пропаганды и действия народов Востока были введены соратники М. Субхи – Исмаил Хаккы, Сулейман Нури и Баха Шакир²².

Практически сразу после Съезда народов Востока и в продолжение его генеральной линии на расширение революционной борьбы в странах Востока в Баку состоялся Первый съезд турецких коммунистических организаций. М. Субхи весьма прозорливо решил воспользоваться прибытием в Баку представителей турецких социалистических, коммунистических, крестьянских и рабочих организаций, чтобы интегрировать их под эгидой Турецкой коммунистической партии. Съезд принял решение об объединении коммунистических организаций Советской России и Турции, а также о кооперации между Турецкой коммунистической партией и прочими левыми, крестьянскими и социалистическими движениями на территории Турции. Съезд утвердил программу ТКП и состав ее ЦК, сформулировал ее отношение к земельному вопросу в Турции, подход к вопросу равенства мужчин и женщин, необходимости развития в Турции объединений рабочих и профсоюзов.

От Совета пропаганды и действия в работе съезда принимали участие известные советские деятели Дж. Коркмасов, М. Л. Павлович (Вельтман), Е. Д. Стасова, Н. Нариманов, которые от имени ЦК ВКП(б), ЦК Компартии Азербайджана, руководства III Интернационала и Совета пропаганды и действия обещали ТКП всевозможную поддержку. Участвовавший в заседаниях Дж. Коркмасов подчеркнул важность работы турецких коммунистов «на земле» –

²² Первый Съезд народов Востока (1–8 сентября 1920 г.). С. 219.

прежде всего с турецким крестьянством, которое и будет составлять опору ТКП. В заключительном выступлении на закрытии съезда М. Л. Павлович, поздравив участников с началом серьезной работы, заявил, что утверждение коммунизма в Турции послужит образцом для всего мусульманского мира²³.

Вскоре после образования ТКП М. Субхи планировал перенести революционно-пропагандистскую работу в Анатолию. В датированном 19 сентября письме на имя военного губернатора Эрзерума К. Карабекира он сообщил о своем намерении приехать в Анкару. Однако начало в 20-х числах сентября 1920 г. армяно-турецкой войны заставило его отложить переезд. Большинство исследователей сходятся во мнении, что М. Субхи получил от Мустафы Кемаля или от правительства ВНСТ (что, по сути дела, одно и то же) разрешение на перемещение партийного центра в Турцию²⁴. Сам М. Субхи колебался и, вероятно, планировал оставить часть партийных органов в Баку, так как не был уверен в искренности Мустафы Кемаля и своей безопасности²⁵. Кроме того, некоторые авторы пишут о том, что руководство Коминтерна также рекомендовало М. Субхи дожидаться более подходящего момента для переезда²⁶.

Созданный усилиями М. Субхи Турецкий коммунистический полк попытался с боями пробиться в Анатолию, но в столкновении с дашнаками понес потери и вынужден был вернуться в Баку²⁷. Однако летом – осенью 1920 г. правительство ВНСТ находилось в критической зависимости от советской финансовой помощи. Советские деньги сразу же были запущены в обращение в Турции²⁸. Советское правительство, вероятно, это учитывало. 31 августа 1920 г.

²³ Цит. по: Yavuz Aslan. Türkiye Komünist Fırkasının Kuruluşu ve Mustafa Suphi. Türk Tarih Kurumu Basımevi. Ankara, 1997. S. 240–241.

²⁴ Yavuz Aslan. Op. cit. S. 288–289.

²⁵ Bağirov Y. Türkiye Kommunist Partiyasının Yaranması Tarihinden // Вопросы истории Ирана и Турции. Вып. V. Баку, 1966. С. 92.

²⁶ Yavuz Aslan. Op. cit. S. 286–287.

²⁷ Познахирев В. В. Боевое применение 1-го стрелкового полка Турецкой Красной Армии в Зангезуре в ноябре 1920 г. // КЛИО. 2013. № 3 (75). С. 88–91.

²⁸ Müderrisoğlu A. Kurtuluş Savaşının Mali Kaynakları. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 2013. S. 514–516.

в Эрзерум прибыл первый советский поверенный в делах в Анкаре Я. Я. Упмал-Ангарский, передавший турецкой стороне более 200 кг золота в слитках.

В разговоре с К. Карабекиром он подчеркнул важность легализации коммунистической пропаганды в Анатолии. По его словам, если турецкое правительство находит неудобным самому вести пропаганду среди своего населения, то пусть разрешит Турецкой коммунистической организации это делать гласно. Тогда советское правительство увидит, что в Турции тоже борются с империализмом²⁹. Учитывая это, отказать Мустафе Субхи в праве вернуться Мустафа Кемаль не мог.

Необходимо отметить, что Я. Я. Упмал-Ангарский в ходе своего пребывания в Анкаре вел достаточно активную деятельность по укреплению влияния турецких коммунистов. По мнению одного из информаторов ВО ОГПУ, организованная осенью 1920 г. Турецкая народно-коммунистическая партия (ТНКП) была «рождена в реторте тов. Упмала»³⁰. Создание ТНКП и ее деятельность до сих пор вызывают среди исследователей массу вопросов. По-видимому, она появилась для того, чтобы, во-первых, нивелировать политический эффект от создания Мустафой Кемалем партии своих «карманных» коммунистов. Во-вторых, через функционеров партии можно было поддерживать связи с оппозиционными правительству ВНСТ полевыми командирами «Зеленой армии» – полурегулярных вооруженных формирований, отказывавшихся признать главенство Анкары и Мустафы Кемаля и контролировавших отдельные районы Центральной Анатолии.

Поддерживал Я. Я. Упмал-Ангарский и издание прокоммунистических газет и агитационных материалов³¹. Сам он, судя по отрывочной информации, сохранившейся в российских архивах, весьма нереалистично оценивал обстановку в Турции, полагая, что возможна даже конфедерация с Советской Россией³².

²⁹ Karabekir K. Op.cit. S. 843.

³⁰ УРАФ ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 448. Л. 153.

³¹ Там же. Л. 152–153.

³² Заявление Мустафы Кемаль-паши первому секретарю постпредства РСФСР в Турции Я. Упмал-Ангарскому. 25.10.1920 // Коллекция документов АВП РФ.

Обеспокоенный усилением коммунистической пропаганды, Мустафа Кемаль 18 октября создает в парламенте легальную Турецкую коммунистическую партию. Из переписки начальника турецкого Генерального штаба Исмета-паши (Инёню) и К. Карабекира становится ясно, что Мустафе Субхи предлагалось вести исключительно легальную работу в рамках парламента, будучи членом данной партии, вступив в ее ряды. По прибытии в Эрзерум К. Карабекиру предписывалось сразу же принять командование Турецким коммунистическим полком, разоружить его и отправить личный состав на пополнение частей греческого фронта³³.

В октябре правительству ВНСТ, а также К. Карабекиру и Мустафе Кемалю начали поступать первые обобщенные рапорты тех лиц, которые были направлены на Съезд народов Востока и Съезд ТКП. Их выводы были весьма неутешительны: практически единодушным было мнение о том, что ТКП создана для захвата власти в Турции, а коммунистические идеи противоречат всему традиционному укладу турецкого общества, подрывая власть анкарского правительства. Беспокоила и активная пропаганда коммунистических идей среди турецкого крестьянства, распространение в Турции коммунистической прессы, в частности, издававшейся М. Субхи в Баку газеты «Йени Дюнья» и финансируемой Я. Я. Упмал-Ангарским газеты «Эмек» («Труд»).

Завершение турецко-армянской войны и открытие наиболее удобного сообщения с Турцией к декабрю 1920 г. увеличили возможности доставки агитационной литературы и функционеров ТКП из Баку в Анатолию. 25 декабря К. Карабекир сообщил в Анкару, что М. Субхи уже выехал из Баку и направляется в Турцию. Пришедший 29 декабря ответ Мустафы Кемалья был довольно пессимистичным и состоял в том, что события вокруг турецких коммунистов развиваются в нежелательном для правительства ВНСТ направлении, активность коммунистов в ВНСТ и влияние их в стране в целом растет. К. Карабекиру было предписано встретиться с М. Субхи по прибытии того в Карс и выяснить его дальнейшие намерения.

В декабре Мустафа Кемаль действительно испытывал серьезные трудности. С осени 1920 г. правительство ВНСТ

³³ Yavuz Aslan. Op. cit. S. 294–295.

активно проводило централизацию власти, консолидировало структуры управления под своим контролем, восстанавливало фискальную систему и пыталось пополнить национальные вооруженные силы новыми рекрутами. В ответ на это в подконтрольных правительству районах начались стихийные выступления крестьян, а ряд независимых полевых командиров, во главе с Черкесом Этхемом образовавших «Зеленую армию», открыто отказались подчиняться ВНСТ. К середине декабря политические разногласия с ними переросли в вооруженный конфликт. Тогда же возобновилось продвижение греческих войск на восток (что привело в январе 1921 г. к первому сражению при Инёню). Принимая во внимание возросшую активность коммунистов, внутриполитическое положение правительства ВНСТ в этот период представлялось достаточно шатким.

Прибывший в Карс 28 декабря М. Субхи со своими соратниками был с почетом встречен К. Карабекиром и задержался в Карсе на три недели. Из Карса М. Субхи по совету К. Карабекира направил в адрес правительства ВНСТ пространную телеграмму, в которой говорил о своем желании вместе с правительством Мустафы Кемаля бороться с иностранными интервентами, использовать для защиты отечества все возможные способы и влияние ТКП и европейского пролетариата. М. Субхи просил не истолковывать его приезд и слова превратно и разрешить ему и его товарищам вести легальную политическую работу в рамках партийной программы³⁴.

Однако уже в начале января К. Карабекир, по некоторым данным, получил указание из Анкары о недопустимости прибытия М. Субхи в столицу³⁵. Возникал вопрос: как исполнить данное поручение и одновременно не вызвать серьезных протестов со стороны России, которые могли бы повредить получению советской помощи? После совещания с вали (губернатором) Эрзерума Хамит-беем К. Карабекир решил организовать по прибытии М. Субхи из Карса в Эрзерум массовые антикоммунистические демонстрации и протесты

³⁴ Karabekir K. Op. cit. S. 869; Tunçay M. Türkiye’de Sol Akımlar (1908–1925). İstanbul, 1991. C. II. S. 341.

³⁵ Bayur H. Mustafa Suphi ve Milli Mücadeleye El Koymaya Çalışan Başlı Dışarda Akımlar // Belleten. XXXV/140. Nisan, 1971. S.642.

против приезда турецких коммунистов. Затем под предлогом того, что турецкие власти не могли гарантировать Субхи и его соратникам безопасность, предполагалось выдворить их обратно в Советскую Россию через Трабзон³⁶.

План К. Карабекира был реализован в полной мере. Не только в Эрзеруме, но и по всему маршруту следования М. Субхи и его группы вплоть до Трабзона местными администрациями были организованы акции протеста, а сам Субхи и его товарищи подвергались оскорблениям и угрозам. 28 января М. Субхи и группа сопровождавших его членов ТКП прибыли в Трабзон, откуда должны были отправиться в Батум вечером того же дня. В ночь с 28 на 29 января М. Субхи, его жена и его соратники по ТКП были убиты в море недалеко от Трабзона. Турецкие исследователи, акцентируя внимание на том, что официальных приказов об устранении М. Субхи не имеется, выдвигают различные версии того, кто мог стоять за его убийством. По их мнению, это могли быть сторонники Энвера, правительство ВНСТ и Мустафа Кемаль. Еще одна версия заключается в том, что М. Субхи вез с собой партийную кассу, попытка завладеть которой и стала причиной его гибели³⁷.

Как бы то ни было, убийство стало последствием намеренной провокации высокопоставленных руководителей турецкого национального движения. Одновременно в середине января в Анкаре начались репрессии против турецких коммунистов – членов ТКП и функционеров ТНКП. Турецкие официальные лица указывали на причастность к активной коммунистической пропаганде советского представителя Я. Я. Упмал-Ангарского, приводя в качестве доказательств обнаруженные при обысках у членов ТНКП записи о получении от него денег на издание агитационных материалов³⁸.

Сам Я. Я. Упмал-Ангарский, оказавшись в данной непростой ситуации, был весьма скомпрометирован тем, что часть преследуемых турецких коммунистов-народников укры-

³⁶ Aybars E. Mustafa Suphi'nin Anadolu'ya Gelişi Öldürüşüyle ilgili Görüşler ve Erzurum'dan Trabzon'a Gidişleriyle ilgili belgeler // A.Ü. DTCF Tarih Araştırmaları Dergisi. XIII/24. 1979–1980. S. 92–96.

³⁷ Достаточно подробно все эти версии анализирует Я. Аслан. См.: Yavuz Aslan. Ibid. S. 338–359.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С (Турция). Д. 71. Л. 2.

лась в советском представительстве, воспользовавшись его защитой. На требование представителей турецкого министра иностранных дел выдать их Я. Я. Упмал-Ангарский отвечал, что не собирается выдавать полиции политических преступников вообще, тем более – коммунистов. На фоне обсуждения в Москве деталей будущего российско-турецкого договора возник болезненный для обеих сторон дипломатический скандал. Еще до прибытия Субхи в Трабзон Я. Я. Упмал-Ангарский был отозван С. Орджоникидзе в Баку «с докладом»³⁹. Для срочного исправления ситуации в Анкару был направлен Б. Мдивани.

Тем не менее 16 марта 1921 г. был подписан советско-турецкий договор о дружбе и братстве, в который была включена статья о том, что договаривающиеся стороны не будут поддерживать на своей территории движения и организации, действующие против сторон договора. Новым представителем РСФСР в Анкаре впоследствии стал С. П. Нацаренус, которому пришлось действовать в атмосфере «полудоверия» (по меткому выражению С. Орджоникидзе) между Советской Россией и Турцией.

Таким образом, разгром коммунистических сил зимой 1920–1921 гг. создал кризисную ситуацию в советско-турецких отношениях, усилившую взаимные подозрения. Однако зависимость от советской помощи и совместная борьба с Антантой сыграли важную роль в их сохранении. Произошедшее заставило советское руководство изменить свой подход к политике в отношении правительства ВНСТ. Пришедшие к власти в Турции военные и гражданские бюрократы обладали большим опытом участия в сложной политической жизни Османской империи накануне Первой мировой войны. Многие из них были задействованы в работе тайных обществ, созданных младотурками по всей территории страны, и хорошо понимали суть политической борьбы и смысл агитации и пропаганды ТКП.

Об этом свидетельствовали судебные процессы против арестованных коммунистов, продолжавшиеся до лета 1921 г. Сказались и исторические фобии и предрассудки – многие турецкие военные и чиновники рассматривали союз с Советской Россией как временный шаг. Руководство Коминтерна,

³⁹ Там же. Л. 1.

по всей видимости, осознало, что имеет дело с сильным, политически зрелым и дисциплинированным оппонентом в лице Мустафы Кемаля (да и национальных сил в целом), который не допустит появления легальной политической оппозиции, пропагандирующей коммунистические идеи и опирающейся на серьезную финансовую и организационную поддержку Советской России.

Примечательно, что руководство Коминтерна вело с помощью ТКП активную работу на турецком направлении одновременно с переговорами между советским правительством и представителями ВНСТ. Деятельность ТКП и Мустафы Субхи, таким образом, представляла собой часть советской тайной дипломатии на Востоке, которая осуществлялась параллельно официальным дипломатическим контактам, а часто могла вступать в определенное противоречие с ними. Гибель такого яркого и известного лидера, как Мустафа Субхи, и его сподвижников обезглавила турецкое коммунистическое движение. В начале 1921 г. руководство Коминтерна, по всей видимости, осознало, что перенос революционной деятельности в Турцию невозможен, и турецкое направление в деятельности Коминтерна перестало быть в числе приоритетных.

Источники

Заявление Мустафа Кемаль-паши первому секретарю постпредства РСФСР в Турции Я. Упмал-Ангарскому. 25.10.1920 // Коллекция документов АВП РФ.

Первый Съезд народов Востока (1–8 сентября 1920 г.): стенографические отчеты. Пг.: Издательство Коммунистического Интернационала, 1920. 232 с.

РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С (Турция). Д. 71.

УРАФ ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 448.

Мемуары

Cebesoy, Ali Fuat. Moskova Hatıraları. Milli Mücadele ve Bolşevik Rusya. Ankara: Temel Yayınları, 1982. 399 s.

Karabekir, K. İstiklal Harbimiz. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 1988. 1342 s.

Литература

Багиров Ю. Из истории образования Коммунистической партии Турции. Резюме // Ученые записки (Ин-т народов Ближнего и Среднего Востока). Т. V. Вопросы истории Ирана и Турции. Баку, 1966. С. 96–97.

Багиров Ю. А. Первый съезд народов Востока в Баку (К 50-летию со дня созыва) // Известия АН АзССР. Сер.: История, философия, право. Баку, 1970. № 3–4. С. 125–131.

Гасанлы Дж. История дипломатии Азербайджанской Республики. В 3 т. Т. II. Внешняя политика Азербайджана в годы советской власти (1920–1939). М.: Флинта, Наука, 2013. 720 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 2. Док. 372. МИД СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 405 с.

Навширванов З. Социалистическое движение в Турции // Новый Восток. Кн. 2. 1922. С. 619–621.

Павлович Мих. Революционная Турция. М.: Государственное издательство, 1921. 127 с.

Павлович Мих. О коммунистическом движении в Турции // Коммунистический интернационал. 1921. № 17. Стлб. 4225–4232.

Павлович Мих. Гибель турецких коммунистов. Герои и мученики пролетарской революции. Вып. I. М.: Московский рабочий, 1924. 103 с.

Персиц М. А. Турецкие интернационалисты в России // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 59–67.

Познахирев В. В. Боевое применение 1-го стрелкового полка Турецкой Красной Армии в Зангезуре в ноябре 1920 г. // КЛИО. 2013. № 3 (75). С. 88–91.

Субаев Н., Хамидуллин Ф. Мустафа Субхи в Татарии (1918–1919) // Народы Азии и Африки. 1969. № 2. С. 72–77.

«Считать необходимой скорейшую ликвидацию эмирата...». М. В. Фрунзе о внутри- и внешнеполитической ситуации вокруг экспорта революции в Бухару. Публикация А. Д. Васильева // Восточный архив. 2018. № 2 (38). С. 71–76.

Турция: рождение национального государства. 1918–1923: (по документам РГАСПИ). М.: Гуманитарий, 2007. 337 с.

Шамсутдинов А. М. Первый съезд Коммунистической партии Турции (К сорокалетию ее создания) // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. 1961. Вып. XXX. С. 227–237.

Atatürk'ün Tamim, Telgraf ve Beyannameleri. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 1964. 745 s.

Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. I–III. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 1989. 555 s.

Aybars E. Mustafa Suphi'nin Anadolu'ya Gelişi Öldürüşüyle ilgili Görüşler ve Erzurum'dan Trabzon'a Gidişiyle ilgili belgeler // A.Ü. DTCF Tarih Araştırmaları Dergisi. XIII/24. 1979–1980. S. 88–104.

Aslan Yavuz. Türkiye Komünist Fırkasının Kuruluşu ve Mustafa Suphi. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1997. 401 s.

Багиров Y. Türkiye Kommunist Partiyasının Yaranması Tarihinden // Вопросы истории Ирана и Турции. Вып. V. Баку, 1966. С. 61–98.

Bayur H. Mustafa Suphi ve Milli Mücadeleye El Koymaya Çalışan Başlı Dışarda Akımlar // Belleten, XXXV/140. Nisan, 1971. S. 587–654.

Müderrişoğlu A. Kurtuluş Savaşının Mali Kaynakları. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 2013. S. 514–516.

Tunçay M. Türkiye'de Sol Akımlar (1908–1925). İstanbul: Bilgi Yayınevi, 1991. C. I–II. 554 s.

Üçüncü, U. Milli Mücadele Yıllarında Trabzon'da İttihatçı bir Sima: Kahya Yahya. Trabzon: SERANDER, 2015. 461 s.

Yerasimos, Stefanos. Kurtuluş Savaşında Türk-Sovyet İlişkileri (1917–1923). İstanbul: Boyut Kitapları, 2000. 640 s.

Интернет-ресурсы

Aslan Betül. Yeni Belgeler Işığında Karakol Cemiyeti, Uşak Kongresi ve Karakol Cemiyetinin Bolşeviklerle Yaptığı Anlaşma. URL: <https://docplayer.biz.tr/24649360-Yrd-doc-dr-betul-aslan.html> (дата обращения: 08.12.2020).

Раздел II

КОМИНТЕРН И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Коминтерн и японо-советские отношения по «китайскому вопросу»

Коммунистическое учение и Коминтерн как орудие его распространения в мире таили в себе тройную угрозу для Японии: во-первых, влияли на социалистическое движение в самой Японии; во-вторых, служили теорией и практикой борьбы с японским колониализмом в Корее и на Тайване¹ и, в-третьих, с успехом призывали под свои знамена соседний Китай, имеющий огромное значение для будущего Японии.

Первая угроза была наименьшей. Коммунизм, по большому счету, самой Японии не угрожал. Здесь не было особого «горючего материала» для успеха коммунистических идей. Во-первых, в силу особенностей государственного устройства с императором как объединяющим и цементирующим элементом всей ее конструкции, основой национальной идентичности, уходящей корнями в древность. Во-вторых, из-за отсутствия крайних проявлений социального и имущественного неравенства, острых форм эксплуатации в виде

¹ Головачев В. Ц., Молодяков В. Э. Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке: аналитический обзор. М., 2014. URL: <https://book.ivran.ru/f/taiwanfin-140620.pdf> (дата обращения: 26.06.2020).

крепостничества или колониального гнета (Япония никогда не была колонией), из-за сглаженности сословных и классовых противоречий за счет тяги в целом к балансу и гармонии в производственно-общественных отношениях, из-за влияния природного и географического факторов, усиливавших инстинкт национальной солидарности для самовывживания.

Отказ от крайних форм и радикализма в идентичности делал коммунизм с его учением о диктатуре пролетариата и радикальными реформами трудноусвояемым национальным сознанием. К тому же в стране, где вся история строилась на принципе преемственности эпох и поколений, где новая формация не отрицала прежних институтов, опыта и культурного наследия, основной массе народа были чужды коммунистические идеалы, воплощенные в «Интернационале»: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» И наконец, роль японского государства, его регулятивных и репрессивных функций позволяла эффективно контролировать социальные движения. В годы Гражданской войны, когда оккупация Советской России иностранными войсками стала реальной, Троцкий писал: «Если бы... Россия оказалась, хотя бы временно, перед необходимостью избирать между японской оккупацией и германской, то, разумеется, пришлось бы признать, что японская не менее, а более опасна для судьбы русского народа, ибо у нас несравненно меньше основания надеяться на возможность глубоких внутренних перемен в Японии в ближайшее время, чем в Германии»².

Внутриполитической стабильностью можно было объяснить и то, что в японской печати тема Коминтерна не была под запретом. Начиная со съезда коммунистов в Цюрихе 1 января 1919 г., газеты активно знакомили с деятельностью этой организации, довольно подробно освещался и II Конгресс Коминтерна, начавший свою работу в середине июля 1920 г. в Петрограде.

В Японии живо реагировали на то, что после неудач в Европе (Венгерская революция, Ноябрьская революция в Германии) крен в деятельности Коминтерна наметился в сторону Азии. Троцкий в одном из писем ставил вопрос об использовании Красной армии для похода в Индию.

² Известия. 22.06.1918.

Внимание к собственно Японии проявилось после смерти Ленина. На заседании Президиума ИККИ по японскому вопросу от 8 сентября 1925 г., отмечая специфику Японии, Г. Зиновьев предлагал сосредоточиться на легальной работе. *Это не предреволюционная Россия: величайшая глупость, если мы попытаемся теперь создать в Японии по так называемому российскому образцу для предреволюционного времени нелегальную партию*³.

*Я полагаю, что сегодняшнее решение должно состоять в том, что мы скажем нашим японским друзьям: со всей радостью, со всей энергией и силой – в движение за самостоятельную Рабочую партию! Я думаю, уже в рамках этого дела постепенно образуется коммунистическая партия, которая сначала, возможно, будет нелегальной, позднее, вероятно, легализуется. Но сначала товарищи должны иметь среду, основу, почву. Это рамки, в которых будет формироваться коммунистическая партия...*⁴

По итогам обсуждения «японского вопроса» было принято Постановление Президиума ИККИ:

«Москва, 8 сентября 1925 г.

1. В настоящий момент оживления в японском рабочем движении задачей наших товарищей в Японии является самое энергичное и организованное участие в создании и оформлении открытых массовых организаций рабочих и крестьян.

2. Считать важнейшей задачей наших японских товарищей добиваться максимального развития кампании по созданию широкой Рабочей партии. Кампания эта должна вестись одновременно с самой энергичной работой по укреплению и расширению профсоюзов и борьбой за их единство. Лишь на основе укрепления и усиления нашего влияния в этих массовых организациях постепенно могут быть созданы условия для организации массовой коммунистической партии.

3. В кампании по созданию Рабочей партии коммунистические группы Японии должны проявить максимальную сплоченность и единство действий. Добиваясь система-

³ Курсивом дан сокращенный пересказ документа или цитаты. В кавычках – точная цитата.

⁴ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М., 2001. С. 361.

тического руководства кампанией и в дальнейшем самой Рабочей партией, наши товарищи должны делать это с большой осторожностью, ни в коем случае не допуская методов командования»⁵.

Особого упоминания заслуживает японская группа в Коминтерне во главе с основателем японской компартии Сэном Катаямой. В нее входил один из ее «столпов» Токуда Кюити, тайно покинувший Японию для участия в III Конгрессе Коминтерна в Москве⁶.

В японской колонии – Корее – коммунизм находил благодатную почву скорее как идеология национально-освободительного движения, нежели социального. Но репрессивный японский режим внутри Кореи загонял коммунистическое движение глубоко в подполье, давая ему возможность развиваться на территории советского Дальнего Востока.

* * *

Коммунизм как теория и как практика в лице Коминтерна наибольшую опасность для Японии представлял в соседнем Китае. После многих тысячелетий династийного существования гигантская страна превратилась в первую в Азии республику в результате антифеодальной Синьхайской революции. Помимо этого «разрыва времен» возникла и территориально-политическая раздробленность: на Юге правили гоминьдановцы, а Север оставался под контролем военно-феодалов кланов.

Как результат, единственная политическая сила в стране – Гоминьдан, возникший, кстати, в Японии, был заражен коммунистической идеей. Тягой к коммунистической системе, вдохновившись примерами успехов в государственном строительстве Советской России, а затем СССР, «страдал» лидер китайской революции Сунь Ятсен. Но даже после его смерти и прихода к власти Чан Кайши, убежденного антикоммуниста, в Японии еще долго, особенно с началом войны с Китаем, Гоминьдан называли секцией Коминтерна⁷.

⁵ Там же. С. 363.

⁶ Асахи. 24.11.1921 (вечерний выпуск).

⁷ Percy N. When Japan Fights. Tokyo, 1937.

Прямое участие Коминтерна и его попытки влиять на ход развития китайской революции можно проследить по японским документам в период переговоров по установлению дипотношений между Дальневосточной республикой и Японией в 1921 г.

В 1920-е годы роль руководителя делами Коминтерна в Китае обычно выполнял советский полпред в этой стране. С 1922 г. им становится Адольф Абрамович Иоффе – один из авторов Брест-Литовского договора. «Третий по рангу советский дипломат после Чичерина» – так характеризовали его японские дипломаты⁸. Вторым, видимо, был М. М. Литвинов. Но как политик он превосходил всех. Это был человек, которому Ленин писал в своей экзальтированной манере: *«Вы из первых и лучших дипломатов... Вы были и остаетесь из первейших и лучших дипломатов и политиков»* (письмо от 17 марта 1921 г.)⁹.

Перед тем как отправиться в Токио в попытке установить дипломатические отношения с Японией, 26 января 1923 г. Иоффе встречался с Сунь Ятсеном и вел теоретические беседы о стратегии и тактике революционной партии. Это вылилось в публикацию совместного заявления («Декларация Сунь Ятсена и Иоффе»). Лидер Синьхайской революции подчеркивал, что *Китай еще не созрел для коммунизма и советского строя*. Иоффе с этим соглашался, отмечая, что *главная задача Китая – воссоединение разрозненных частей и независимость*¹⁰.

Через своих агентов из числа иностранных советников в Кантоне Коминтерн пытался воздействовать на мировоззрение Сунь Ятсена. Главным из них был знаменитый М. М. Бородин (Грузенберг Михаил Маркович, большевик, агент Коминтерна, умер в 1951 г. в тюрьме в Лефортово после пыток), работавший тесно с советскими полпредами в Китае. Иоффе сменил Лев Карахан. Бородин и Карахан пытались рассеять «прояпонские настроения» Сунь Ятсена и убежденность последнего в возможности тройственного союза между Китаем, Японией и Советским Союзом.

⁸ Документы внешней политики Японии (Нихон гайко бунсё) (далее – ДВПЯ). 1926. МИД Японии. Токио, 1985. 1922/1/16. С. 561.

⁹ Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 52. С. 100, 101.

¹⁰ New York Times. 27.01.1923.

Об этом говорится в «Докладной записке» Бородина: *«В ноябре 1924 г., когда в результате неожиданного переворота в Пекине новое правительство пригласило Сунь Ятсена для переговоров об будущем единого Китая, и он решил добираться через Японию, где у него было много друзей, имевшие на него большое влияние Бородин и Карахан отговаривали его от этой поездки, но потом решили, что это полезно для того, чтобы он избавился от прояпонских иллюзий»*¹¹.

В Токио, где ставку делали на военно-феодалный клан Чжан Цзолиня, стремились на всякий случай контактировать со всеми политическими силами и поэтому неослабно следили за ситуацией в Кантоне, с беспокойством отмечая быстрый рост советского влияния. *«В Кантоне число гражданских и военных советников из числа русских уже достигает нескольких сотен. Гражданским начальником города фактически является г-н Бородин. Вроде генерал-губернатора – генерал Карин (Карин Фёдор Яковлевич (Тодрес Янкелевич Крутянский, чекист, легальный резидент ОГПУ в Харбине и нелегал в США и Германии; расстрелян в 1937 г.). – К.С.) держит всю военную власть в своих руках, что же касается Чан Кайши и уже с ним, то все они угодничают перед русскими, являясь не чем иным, как их марионетками»,* – писала «Асахи»¹².

Сунь Ятсен умер 12 марта 1925 г. в американском госпитале в Пекине, после чего началась борьба за власть в Гоминьдане и органах власти в Кантоне. В Японии влияние большевиков на Гоминьдан и тесные отношения между ними и Фэн Юйсяном, совершившим переворот в Пекине, выглядели как геополитический кошмар, приближающаяся «советизация» всего Китая. Теперь военно-феодалный режим Чжан Цзолиня в Мукдене мог показаться единственным средством от того, чтобы то же самое не произошло в колыбели японских интересов – в Маньчжурии и Восточной Монголии¹³.

¹¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. Т. I; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. М., 1994. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/100770-dokladnaya-zapiska-m-m-borodina-o-gomindane-pekina-24-yanvarya-1925-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 26.06.2020).

¹² Асахи. 02.09.1925.

¹³ Асахи. 14.11.1925.

Японская дипломатия использовала все возможности, чтобы вбить клин в отношения Москвы (Коминтерна) и Гоминьдана. Для этого лучше всего было убедить Гоминьдан в том, что у советских коммунистов те же цели, что и у западных империалистов, в частности Великобритании, с осуждения которой в эти месяцы начиналась «антиимпериалистическая кампания» кантонского правительства.

«Антибританские выступления – дело рук “коммунистической фракции” в Гоминьдане, чем искусно пользуется Москва. Противоречия китайцев с большевиками по поводу КВЖД позволяют направить острие атак на Англию и против Москвы», – писал японский министр иностранных дел Сидэхара 16 февраля 1926 г. японскому послу в Лондоне¹⁴.

В 1926 г. Чан Кайши внезапно заявил о своей отставке с постов начальника гарнизона Кантона и генерал-инспектора национально-революционной армии (НРА – армия Гоминьдана)¹⁵. Однако скоро он не только вернулся к власти, но 20 марта 1926 г. организовал первую, пока бескровную, чистку Гоминьдана от коммунистов. Она не была напрямую инспирирована японцами, но те знали о ней заранее. 13 марта генеральный консул Японии в Кантоне Морита передал Сидэхаре информацию источника, связанного с «неким высокопоставленным лицом» из правого крыла Гоминьдана, прося министра держать это в строгом секрете. *«В последнее время стремительно растет влияние прокоммунистической фракции в партии, – информировал секретный источник. – Министерства и все службы правительства действуют под диктовку советских советников. Но очень скоро все другие фракции в партии объединятся и изгонят их из правительства»*¹⁶.

Как сообщал корреспондент японской газеты из Шанхая, сам Чан Кайши отрекся от участия в чистке или, как ее называли, в «перевороте», убеждая, что его совершили командующие 1-го, 3-го и 4-го армейских корпусов НРА. Они

¹⁴ ДВПЯ. 1926. Т. 2. Ч. 1. Д. 2. «Действия гоминьдановского правительства и Северный поход Народно-революционной армии». 1926/2–1/2. С. 209.

¹⁵ Асахи. 28.02.1926.

¹⁶ ДВПЯ. 1926/ 2–1/2. С. 211.

решили выступить против «коммунистической фракции» и нанесли ей упреждающий удар¹⁷.

Укрепив свою власть в Кантоне, Чан Кайши во главе НРА 1 июля 1926 г. начал реализовывать старую мечту Сунь Ятсена – поход на север для покорения военных кланов и объединения страны. «Северный поход» был тяжелым испытанием для страны. Воинские части, к которым по пути следования присоединялись локальные формирования, мало напоминали регулярную армию с жесткой дисциплиной и строгой субординацией. Солдаты и офицеры зачастую вместо жалования получали право на мародерство. Действия «революционных войск» приводили в ужас местное население, особенно иностранцев в селтльментах. В Ханькоу японские военные корабли, стоявшие на рейде на Янцзы, вынуждены были стрелять холостыми снарядами по толпе. Устроенная Чан Кайши с помощью «Зеленых банд» (мафии, орудовавшей в бассейне Янцзы) резня коммунистов и левых в Шанхае (12 апреля 1927 г.) привела к расколу в рядах Гоминьдана на «левых» и «правых».

Но это не отразилось на решимости Чан Кайши двигаться в сторону Пекина. По пути из Шанхая в «северную столицу» его армия «завернула» на Шаньдунский полуостров. Путь туда открыл переход на ее сторону подразделений одной из двух армий противника. Однако попытка уговорить остальных стать союзниками оказалась неудачной, и последовавшие поражения заставили Чан Кайши искать примирения с левой фракцией Гоминьдана в Ухане. Условием примирения стала отставка со всех постов. Чан Кайши принял это условие, разумно решив, что нужно выиграть время, чтобы переломить левый уклон в партии.

Теперь, когда у него было много свободного времени, уже как частное лицо он отправился в заграничное турне – сначала в Японию, затем планировал посетить США. Но это не была прогулка. В Японии он встречался не только с сочувствующими ему соотечественниками, но и вел беседы в японском Генштабе и МИД.

Из секретной встречи 5 ноября 1927 г. с премьер-министром Японии можно было понять, чего от него ждет Япония и как будет строиться ее политика в отношении

¹⁷ Асахи. 04.04.1926.

соседа. Танака Гиити «рекомендовал» прежде всего консолидировать власть на Юге Китая и не тратить силы на «освобождение» северных провинций – их лидеры *скоро передерутся друг с другом, и власть перейдет к нему. Он четко дал понять, что при соблюдении «нейтралитета» и невмешательства во внутриполитическую борьбу Японии не будет сторонним наблюдателем, если голову поднимут китайские коммунисты* (здесь и далее подчеркнуто автором. – К.С.).

Японский премьер промолчал еще об одном исключении – Маньчжурии. Интересы Японии в этой провинции Китая были настолько велики, что в случае, если кто-либо, включая самого Чан Кайши, поставит их под угрозу, японское правительство не будет сидеть сложа руки.

Убедиться в этом пришлось очень скоро. Отказавшись от поездки в США, Чан Кайши вернулся в Китай, чтобы вновь возглавить Национально-революционную армию и продолжить поход на Пекин, не вняв совету, который дал ему Танака. Намерение завоевать столицу, провозгласить себя здесь «объединителем страны» и этим триумфом укрепить свое шаткое положение в Гоминьдане было вполне понятно, а главное, выполнимо: ему противостояли слабые и непопулярные личности, в первую очередь Чжан Цзолинь. Из маньчжурской столицы (Мукден) он переехал в один из императорских дворцов Пекина, который не хотел покидать, несмотря на уговоры своих соратников и собственного сына, генерала одной из армий.

После раскола в Гоминьдане на «левый» (в Ухане) и «правый» (в Нанкине) уклоны во главе «левого» стал Ван Цзинвэй, который под влиянием Коминтерна пытался свергнуть Чан Кайши¹⁸. Развернувшаяся в это время в Коминтерне дискуссия о путях развития китайской революции проходила на фоне глубокого раскола в ВКП(б) после смерти Ленина. Острые споры между Сталиным и Троцким, Бухариным и Зиновьевым переходили порой в перепалку и личные выпады. Отношение к крестьянству, его роли в революции наряду со сталинской теорией о «победе коммунизма в отдельно взятой стране» стало причиной появления в боль-

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 10. 1 января 1927–31 декабря 1927 г. М., 1965. С. 229.

шевистской партии «левой оппозиции» («троцкистской оппозиции») и вывода Троцкого, Зиновьева и Каменева из состава Политбюро в октябре 1926 г.

24 мая 1927 г. Сталин выступил на X заседании VIII пленума ИККИ, громя позицию Троцкого по вопросу о путях развития китайской революции. Опровергая утверждение Троцкого, что «левое» правительство в Ухане является «фикцией» (что в будущем оправдалось), Сталин обрушился на него с язвительными замечаниями. Спор сводился к тому, что считать первостепенным в китайской революции – борьбу с феодальными пережитками или борьбу с империализмом: *«Троцкий говорит, что Ухань, т.е. Ханькоу, есть фикция. Зиновьев, наоборот, утверждает, что Ухань есть правительство кемалистов. Отсюда следовало бы сделать вывод: борьба с фикцией, или борьба за свержение уханьского правительства. А между тем как Троцкий, так и Зиновьев пасуют перед выводом, неизбежно вытекающим из их предпосылок, а Зиновьев идет даже дальше, предлагая “самую энергичную и всестороннюю помощь Ханькоу”. О чем говорит все это? О том, что оппозиция запуталась в противоречиях. Она потеряла способность мыслить логически и растеряла все перспективы. Путаница во взглядах, потеря всякой перспективы по вопросу об Ухане, такова установка Троцкого и оппозиции, если вообще можно назвать путаницу установкой»*¹⁹.

«Левая оппозиция» после проведения отдельной несанкционированной демонстрации 7 ноября 1927 г. и разгона ее ОГПУ была выведена из игры, а ее лидеры исключены из партии. В ее число попал и упоминавшийся Иоффе. Исключенный из партии и пораженный смертельным мучительным недугом, он кончил жизнь самоубийством.

В 1930-е годы после захвата Японией Маньчжурии японский экспансионизм в Китае принимает открытые формы борьбы с Гоминьданом и влиянием Коминтерна в Китае. Эта политика достигает своего пика в 1936 г. с заключением Антикоминтерновского пакта с Германией. Но и позднее, после захвата территорий в Северном Китае и Внутренней

¹⁹ Сталин И. В. Революция в Китае и задачи Коминтерна. Речь на X заседании VIII пленума ИККИ 24 мая 1927 г. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t9/t9_20.htm (дата обращения: 24.06.2020).

Монголии, формирования в них марионеточных режимов, официальная идеология включала в себя «борьбу с коммунизмом» («бокё»). Она же стала одной из центральных в развязывании войны с Китаем в июле 1937 г.

Оккупация Маньчжурии осенью 1931 г. и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го резко осложнили отношения Японии с Гоминьданом. Тем не менее Чан Кайши пытался найти некое компромиссное соглашение с Токио, считая японскую угрозу второстепенной по сравнению с китайским коммунизмом и стоящим за его спиной Коминтерном. Создание «буферных зон» вокруг марионеточного государства Маньчжоу-Го, ползучая экспансия в Хэбэе и других частях Северного Китая и Внутренней Монголии окончательно испортили отношения Токио с Чан Кайши, подталкивая последнего к формированию общенационального фронта «Антияпонского сопротивления» и примирению с китайскими коммунистами.

В то же время советская внешняя политика вначале формально, а потом и по существу дистанцировалась от Коминтерна, подчеркивая, что политика государства на внешней арене не носит идеологического характера. Япония, а затем и Германия тоже стали утверждать, что их выступления против коммунизма не являются борьбой против Советского Союза. В этом была своя логика, и с особой силой она проявилась при заключении Антикоминтерновского пакта с Германией. Трансформация советского режима в сторону культа Сталина и жесткой тоталитарности давала дополнительные основания считать советскую идеологию условно «коммунистической».

Сталин, портрет которого уже висел в залах Коминтерна за Марксом, Энгельсом и Лениным, тяготился коминтерновскими резолюциями, которые основательно портили межгосударственные отношения с Германией и Японией. VII Конгресс Коминтерна в июле 1935 г. принял документ под названием «Борьба за создание антивоенного фронта в период возникновения очагов войны», который открыто призывал международное коммунистическое движение к борьбе против правящих режимов в Германии и Японии.

«...В связи с событиями на Дальнем Востоке особую опасность представлял курс японского милитаризма

на паназиатизм, его пропаганда борьбы против “белого империализма”, за создание “восточноазиатской сферы взаимного процветания”. Такой курс определял политику Японии в отношении Маньчжурии, создания паназиатских экономических и политических блоков, политику, направленную в конечном счете против Китая и СССР.

Захват Маньчжурии, кровавые события в Шанхае, как и все злодеяния японских хищников, вызвали гнев и возмущение народов Азии, всего мира, подняли тысячи патриотов на борьбу с агрессией. Задачи КПЯ в этот период были сформулированы в одном из документов, разработанных совместно с Коминтерном ... Состоявшийся в августе – сентябре 1932 г. XII пленум ИККИ указал, что КПЯ обязана усилить свою работу в армии и на флоте, в особенности в Маньчжурии... С началом японской агрессии на Дальнем Востоке особенно сложные задачи встали перед Коммунистической партией Китая. Определяя их, Коминтерн нацеливал коммунистов на организацию массового анти-японского движения в Китае, на повсеместное вооруженное сопротивление захватчикам»²⁰.

Этот документ сыграл не последнюю роль в появлении на свет в ноябре 1936 г. японо-германского Антикоминтерновского пакта. Но Япония пыталась всячески убедить Москву, что борьба с Коминтерном не является борьбой против Советского Союза. Министр иностранных дел Японии Арита говорил советскому послу Юренёву: «Соглашение не направлено против советского правительства, а исключительно против III Интернационала. Речь вовсе не идет ни о союзе, ни о взаимной помощи»²¹.

Замечание советского посла, что «Коминтерн является независимой международной организацией», за которую советское правительство не отвечает, Арита не только не ставил под сомнение, но даже соглашался: «Японское правительство рассматривает вопрос о коммунистической опасности и борьбу против СССР как две совершенно различные вещи. Он не спорит, что некоторые в Японии отождествляют Коминтерн и СССР и считают, что борьба против коммунистической

²⁰ URL: <http://istorya.ru/book/ww2/36.php> (дата обращения: 26.06.2020).

²¹ Документы внешней политики СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. М., 1974. С. 579, 580.

опасности является борьбой против СССР, но японское правительство так не думает. Стремясь оградить себя от коммунистической опасности, желает развития дружественных отношений с СССР и не видит в этом никаких противоречий. Поэтому если бы японское правительство заключило с какой-либо другой страной соглашение, о котором говорилось, то это не означало бы, что оно вступило в блок, направленный против СССР. Я прошу довести эту мысль до сведения вашего правительства, дабы между нами не было недоразумений»²².

На упрек Юренёва, что соглашения Японии с Германией или Италией, которые откровенно отождествляют борьбу с коммунизмом с борьбой против СССР, бросают и на нее тень, Арита отвечал: «Японское правительство не ставит себе задачу “спасения мира” от коммунизма, как это делает Германия. У Японии есть одно желание – спасти Японию и Азию от коммунистической опасности. Поскольку Коминтерн является международной организацией, то ему необходимо противопоставить также международную организацию. Известно, что печатные издания и воззвания Коминтерна проникают в Японию через Америку и лиц, принадлежащих к национальностям других стран, поэтому необходимо установить контакт с другими странами, ибо иначе справиться невозможно. Отсюда и вытекает необходимость международного сотрудничества»²³.

«Японо-германское соглашение о защите от коммунизма» было подписано 25 ноября 1936 г. в Берлине. Оно состояло из трех статей:

1. Взаимно информировать, консультироваться и тесно сотрудничать относительно деятельности Коминтерна.
2. Рекомендовать другим странам принимать меры и присоединиться к договору.
3. Договор действует в течение 5 лет.

Прилагался Протокол из трех пунктов:

1. Тесное сотрудничество соответствующих властей сторон по обмену информацией.
2. Разъяснительные и защитные меры в отношении деятельности Коминтерна.

²² Там же. С. 591.

²³ Там же. С. 592.

3. Строгие меры в отношении лиц на его службе или содействующих его деятельности; создание постоянной комиссии для изучения и обсуждения соответствующих мер.

Открытая часть пакта дополнялась «Секретным дополнительным соглашением», которое опровергало уверения Ариты, что пакт *не направлен против советского правительства, а исключительно против III Интернационала*²⁴.

Советская дипломатия взяла своеобразный реванш, заключив 21 августа 1937 г. Договор о ненападении между СССР и Китаем. Подписанный спустя полтора месяца после начала японской агрессии в Китае («инцидент у моста Марко Поло»), он состоял из вполне мирных статей. Стороны подтверждали, что они *осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и что они отказываются от таковой как орудия национальной политики в их отношениях друг с другом, и как следствие этого обязательства, они обязуются воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами. В случае же, если одна из сторон подвергнется нападению со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно никакой помощи такой третьей или третьим державам в продолжение всего конфликта...*²⁵

В целом безобидный официальный договор вызвал крайне нервную реакцию Токио. Японский МИД называл «фарсом» декларированную в договоре приверженность Китая миру и отказу от войны, подчеркнув, что, подписав этот договор, Нанкин стал *орудием в руках Коминтерна, который на своем конгрессе в июле 1935 г. прямо объявил Японию своим врагом*²⁶.

На фоне военных побед на Севере Китая и в Шанхае советско-китайский договор воспринимался как «дипломатическое поражение» Токио. Одной из главных целей японской агрессии в Китае было стремление защитить

²⁴ Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Т. 3. М., 2000. С. 188–190.

²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. М., 1976. С. 467.

²⁶ Асахи. 30.08.1937.

Китай от «коммунистического влияния», а результат оказался обратным. На это парадоксальное явление обратили внимание партнеры Японии по Антикоминтерновскому пакту. Германский посол в Токио Дирксен после взятия японцами китайской столицы Нанкина в декабре 1937 г. получил указание из Берлина обратить внимание японцев, что с агрессией в Китае «пора закругляться», а затягивание конфликта приведет к «большевизации» Китая, а это, в свою очередь, по мнению германского МИД, противоречит Антикоминтерновскому пакту. *Общие интересы Германии и Японии в борьбе с Коминтерном требуют скорейшего восстановления нормальной жизни в Китае, даже если для этого потребуются такие условия для мира, которые не вполне отвечают чаяниям Японии*²⁷.

Борьба с Коминтерном и китайским коммунизмом была важнейшей, но не основной целью японской агрессии в Китае. Главное было сформировать в Нанкине лояльный Токио режим, который признал бы японскую марионетку Маньчжоу-Го, прояпонские автономные режимы в Северном Китае и Внутренней Монголии и согласился бы на экономическое и военно-политическое сотрудничество, которое, в свою очередь, позволило бы предотвратить усиление влияния компартии Китая, получавшей щедрую помощь от Коминтерна, эффективно блокировать границу с МНР, советскими республиками Средней Азии и советским Дальним Востоком.

Источники

Асахи. 24.11.1921 (вечерний выпуск); 02.09.1925; 14.11.1925; 28.02.1926; 04.04.1926; 30.08.1937.

Известия. 22.06.1981.

New York Times (newspaper). 27.01.1923.

ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. М.: АО «Буклет», 1994. 792 с.

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.

²⁷ Fox J. P. Germany and the Far Eastern Crisis, 1931–1938: A Study in Diplomacy and Ideology. Oxford, 1982. P. 279.

Документы внешней политики СССР. Т. 10. 1 января 1927 – 31 декабря 1927 г. М.: Госполитиздат, 1965. 688 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. М.: Госполитиздат, 1974. 824 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. М.: Госполитиздат, 1976. 816 с.

Документы внешней политики Японии (Нихон гайко бунсё). 1926. Т. 2. Часть 1. Дело 2. «Действия гоминьдановского правительства и Северный поход Народно-революционной армии». Токио: МИД Японии, 1985. 717 с.

Литература

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 52. М.: Издательство политической литературы, 1970. 551 с.

Пономарев М. В., Смирнова С. Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Т. 3. М.: Владос, 2004. 384 с.

Fox J. P. Germany and the Far Eastern Crisis, 1931–1938: A Study in Diplomacy and Ideology. Oxford: Oxford University Press, 1982. 458 с.

Percy N. When Japan Fights. Tokyo: The Hokuseido Press, 1937. 249 с.

Интернет-ресурсы

ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. М., 1994. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/100770-dokladnaya-zapiska-m-m-borodina-o-gomindane-pekin-24-yanvary-a-1925-#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 26.06.2020).

Головачев В. Ц., Молодяков В. Э. Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке: аналитический обзор. М.: ИВ РАН, 2014. URL: <https://book.ivran.ru/f/taiwanfin-140620.pdf> (дата обращения: 26.06.2020).

Сталин И. В. Революция в Китае и задачи Коминтерна: Речь на X заседании VIII пленума ИККИ 24 мая 1927 г. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t9/t9_20.htm (дата обращения: 24.06. 2020).

XIII пленум ИККИ. «Борьба за создание антивоенного фронта в период возникновения очагов войны». URL: <http://istorya.ru/book/ww2/36.php> (дата обращения: 26.06.2020).

Коминтерн и разведка

Коминтерн и его сотрудничество с советскими спецслужбами

Третий Коммунистический Интернационал, 100-летие образования которого отмечалось в 2019 г., осуществлял свою деятельность в 1919–1943 гг. Мы привыкли к тому, что чаще его именуют Коминтерном и связывают с именем его основателя В. И. Ленина. Стоя у истоков его создания, вождь международного коммунистического движения видел в этой организации в первую очередь штаб грядущей мировой революции, идею которой выдвинули в 1848 году в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс и развил в целое учение о перманентной, т.е. нескончаемой, революции по всему миру в своих теоретических работах Лев Троцкий. К середине 1924 г. в Коминтерн входили 46 зарубежных коммунистических и рабочих партий. Это была боевая организация профессиональных революционеров, занимавшаяся экспортом революции.

Однако со временем роль штаба международного коммунистического движения становилась все более символической и не столь деятельной, какой видел ее в свое время Ленин. И. В. Сталин превратил Коминтерн в инструмент политической борьбы, рычаг политического диктата, в то время как коммунистические партии видели в нем школу интернационализма и революционного братства. Это противоречие

во многом предопределило последующую судьбу этой организации, которая была распущена 15 мая 1943 г. ради укрепления союзнических отношений с западными державами, поскольку только на этом условии Великобритания и США соглашались открыть второй фронт.

О Коминтерне много написано, в особенности в советское время. И тем не менее современные исследователи считают, что до сих пор не раскрыты многие тайные стороны деятельности этой организации. В первую очередь речь идет о взаимодействии этого центра международного коммунистического движения с советскими спецслужбами. Достаточно заметить, что уже к 1925 г. советская власть видела главную практическую пользу существования Коминтерна исключительно как обслуживающего органа советских спецслужб. А вся его роль как штаба всемирной революции была оставлена в качестве символа видимой преемственности идеям Ленина.

Все началось еще в начале 1920-х годов, когда молодая советская разведка стала активно использовать Коминтерн в своих оперативных целях. Напомним, что в те годы в СССР существовали две специальные службы, занимавшиеся ведением разведки за рубежом. При Совнаркоме действовало Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), ставшее преемником ВЧК, в состав которого входил Иностранный отдел (ИНО). В Красной армии также велась зарубежная разведывательная деятельность, за организацию которой отвечало Разведывательное управление Штаба РККА (с 1927 г.) – IV управление Генштаба РККА.

В тесном контакте с этими организациями действовали и разведывательные структуры Коминтерна, осуществлявшие тайные контакты с иностранными компартиями и занимавшиеся значительной частью всей нелегальной работы за рубежом. Коминтерновским кадрам или подконтрольным этой организации деятелям зарубежных компартий зачастую поручались задания, к которым нецелесообразно было привлекать кадровых разведчиков. Отсюда же на Лубянку шла добытая по каналам Коминтерна ценная информация, здесь же подбирались коминтерновские кадры для советской разведки, шел обмен документами для оперативных целей, готовились за границей явки и документы прикрытия и т.д.

Под контролем советских спецслужб оказались такие специфические структуры Коминтерна, как комиссия нелегальной работы, бюджетная комиссия, занимавшаяся среди прочего распределением денег из советского бюджета зарубежным коммунистам, военная секция, в задачи которой входил отбор коминтерновских кадров на диверсионную работу и т.д. В Коминтерне существовало еще одно засекреченное даже от многих аппаратчиков этой структуры подразделение, носившее название «специального отдела». Это был отдел собственной безопасности Коминтерна, который вел работу по проверке своих кадров, а также руководителей зарубежных компартий. Здесь активно взаимодействовали с ГПУ НКВД, правда, не с разведкой ИНО, а с отделом контрразведки КРО А. Х. Артузова и со Спецотделом Г. И. Бокии, который занимался схожими вопросами собственной безопасности внутри ГПУ. С 1932 г. эту структуру возглавлял польский коммунист Краевский, который в 1937 г. был арестован по делу о «врагах народа» в Коминтерне и вскоре расстрелян.

Главной же разведывательной структурой в составе Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала являлся Отдел международных связей (ОМС), ставший главной кузницей кадров для советской разведки. Все это происходило по хорошо отработанной схеме: после успешной работы в рядах Коммунистического Интернационала его сотрудники, пройдя определенную проверку, передавались в Разведупр РККА или в ИНО ОГПУ. Возможно, в силу этих обстоятельств на Западе сложилось устойчивое представление, что именно ОМС являлся разведкой Коминтерна, которая наряду с военной разведкой (IV управление Генштаба РККА или Разведупр) и внешнеполитической разведкой занималась шпионажем в пользу СССР.

В ту пору Исполком Коминтерна возглавлял член Политбюро ЦК ВКП(б) Г. Е. Зиновьев, однако практическую работу в этой организации осуществляли ее партийные функционеры О. А. Пятницкий, Д. З. Мануильский, а также известный финский коммунист О. Куусинен. Не меньшим влиянием пользовался и видный партийный деятель О. А. Пятницкий, который долгие годы являлся главным лицом в ОМС.

Перед тем как получить оперативное задание либо перейти в смежную структуру, практически каждый сотрудник

Коминтерна обязательно проходил через его кабинет, где проводились своего рода «установочные» беседы, во время которых Пятницкий стремился убедить будущих профессиональных разведчиков в том, что и на новом месте они будут продолжать ту же работу, трудиться на общее дело, и рекомендовал при этом не прерывать связь с Коминтерном. Эти инструктивные встречи должны были еще больше укрепить в них убеждение в том, что они продолжают работать на Коммунистический Интернационал, преследуя при этом такие высокие цели, как тайная война против фашизма за мирное счастливое будущее всех народов.

ОМС был создан в 1920 г. в качестве специального секретного подразделения Исполкома Коминтерна и являлся, пожалуй, самым главным механизмом в реализации тех грандиозных и сложных задач, которые стояли перед всей организацией в целом. И здесь речь идет не только о так называемом экспорте революции в другие страны. Отдел, по существу, руководил всей конспиративной деятельностью Коммунистического Интернационала и имел разветвленную систему прямых связей с руководством национальных компартий всего мира. При этом следует заметить, что не только ОМС, но и другие отделы ИККИ – в первую очередь информационный и организационный, которые курировали работу компартий – активно участвовали в разведывательной деятельности.

ОМС имел свои нелегальные резидентуры – так называемые пункты связи во многих столицах мира: в Берлине, Париже, Вене, Копенгагене и др. При каждой компартии создавался небольшой специальный аппарат, который обеспечивал связь ИККИ с руководством национальных партий в обоих направлениях, передавая необходимую информацию и печатную продукцию, снабжал компартии всевозможными документами, в том числе удостоверениями личности, и финансовыми субсидиями. Кроме того, опорные пункты связи ОМС были созданы в некоторых городах Советского Союза: в Харькове (затем он был ликвидирован), в Чите, в Хабаровске и Владивостоке.

В распоряжении ОМС были также нелегальные объекты, расположенные недалеко от Москвы, – мощный радицентр, оборудованный по последнему слову техники и позволявший

осуществлять надежную радиосвязь с резидентурой ОМС во всех странах Запада и Востока; так называемая Школа связи Коминтерна – по существу, разведшкола, в которой одновременно проходили курс обучения около 100 тщательно отобранных слушателей: специально подобранные молодые, умные, холостые люди, имевшие способности к изучению иностранных языков и технологии.

Работа была построена так, что каждый опорный пункт ОМС был тесно связан с соседними странами. Для этой цели существовала целая сеть коммуникаций, по которым курсировали эмиссары ИККИ из числа партийных функционеров и сочувствующих лиц, как правило, нелегально. Через пункты связи ОМС передавались шифрограммы, деньги и документы так называемых соседей – Разведуправления РККА (Разведупр) и ИНО ОГПУ. В свою очередь, и «соседи» помогали в случае необходимости ОМС в его работе.

Первое время в начале 1920-х годов работники ОМС чаще всего являлись сотрудниками посольств СССР, торгпредств, представительств ТАСС и других легальных советских организаций за границей. А после 1927 г. все легальные работники были заменены лицами с иностранными паспортами. Для связи же с этими нелегальными представителями ОМС, передачи им денег и т.д. назначался кто-либо из уже работавших в посольстве сотрудников, выполнявших задания ОМС как бы по совместительству. В ряде случаев работниками пунктов связи ОМС становились и местные коммунисты.

В целом ОМС с системой своих опорных пунктов во всех регионах мира, снабженных радиосвязью, системой конспиративных связей с курьерами, явочными квартирами и прочими атрибутами составлял основу деятельности Коминтерна. Не секрет, что многие разведки мира мечтали забросить собственную агентуру в руководство компаний в своих странах и сам штаб Коммунистического Интернационала. Поэтому ОМС был сугубо закрытой, глубоко законспирированной даже от основного контингента работников аппарата Коминтерна организацией. Доступ в Отдел международных связей был весьма ограничен и осуществлялся строго по специальным пропускам.

До середины 1930-х годов четкого разграничения сфер влияния между разведками армии, ОГПУ и Коминтерна

не существовало. При этом Разведупр больше был связан и в некотором отношении курировал военную работу Орготдела ИККИ, а ИНО ОГПУ больше тяготел к работе ОМС ИККИ и курировал отдел кадров Коминтерна. Контрразведывательный отдел ОГПУ был тесно связан по работе с нелегальной комиссией ИККИ и Интернациональной контрольной комиссией, оберегая Коминтерн от проникновения в его структуры вражеской агентуры.

Естественно, что ОМС, ИНО ОГПУ и Разведупр тесно сотрудничали между собой и за рубежом. ИНО ОГПУ проводил агентурное обследование контрреволюционных и оппозиционных организаций – как русских эмигрантских, так и иностранных за границей – от социал-демократических и IV Интернационала до фашистских и через ОМС делился этими материалами с Коминтерном. Из всех поступающих из-за рубежа материалов выделялись те, которые могли бы заинтересовать Коминтерн, и под грифом «секретно» посылались в ИККИ на имя «отца», т.е. руководителя ОМС – старого большевика О. А. Пятницкого. А информация, которая могла заинтересовать ОГПУ или Разведупр РККА, шла от имени Пятницкого в их адрес. Разведупр РККА часто пользовался помощью военных организаций национальных компартий для сбора необходимой военной информации, так как их представителям было легче внедриться в нужные учреждения зарубежных стран.

Одним словом, сотрудничество было всесторонним. И надо признать, что руководитель Коминтерна Г. Димитров принимал в этом самое активное участие. Буквально в самом начале Великой Отечественной войны состоялись его встречи с руководителями советской внешней и военной разведки, сотрудничество между которыми приобретало новые формы. Так, в архиве Коминтерна, который находится сейчас в РГАСПИ, сохранились сообщения Разведуправления по Японии, которые поступали в адрес руководства военной разведки от зарубежной резидентуры и были предназначены для самого узкого круга сотрудников. На документах даже перечислены фамилии тех, кому эти спецсообщения Разведуправление пересылало. Среди них было обычно 8–10 человек, начиная со Сталина, представителей военного командования и др. Г. Димитров также был допущен к этой секретной

информации, во всяком случае касающейся положения дел в Японии и работавших там советских агентов, в том числе советского резидента в этой стране Рихарда Зорге, бывшего сотрудника Коминтерна.

Зорге: подвиг разведчика

В СССР Рихард Зорге появился в конце 1924 г., когда его, молодого, но уже громко заявившего о себе участием в революционных событиях в Германии известного журналиста, члена Коммунистической партии Германии (КПГ) пригласили на работу в Коммунистический Интернационал. Первоначально эта идея исходила от представителя КПГ О. Гешке, который к тому времени уже был хорошо и много наслышан о молодом коммунисте, перешедшем в 1918 г. из НСДПГ в только что созданную тогда Компартию Германии.

А в сентябре 1924 г. на IX съезде КПГ во Франкфурте произошло еще одно знаменательное событие, которое также имело далеко идущие последствия для Зорге. На съезд нелегально прибыла представительная делегация Коминтерна в составе Д. З. Мануильского, С. А. Лозовского, О. А. Пятницкого и О. Куусинена. Зорге было поручено сопровождать высоких гостей, обеспечив им безопасность пребывания. Он успешно справился с этой задачей, произведя самое благоприятное впечатление на руководство Коминтерна, и в скором времени молодой и энергичный активист КПГ был приглашен на работу в Москву.

Через год Зорге вступил в ВКП(б) и до конца своих дней оставался членом двух компартий. При этом, уже будучи в Японии, в 1933 г. он вынужден был вступить в ряды НСДАП, как говорится, для отвода глаз. Ведь его коллегам из посольства Германии могло показаться странным, что такой успешный немецкий журналист, корреспондент ведущих немецких изданий не является членом партии. Правда, этот факт чуть не сыграл с разведчиком злую шутку: его жизнь висела буквально на волоске. Не зная истинного положения вещей, немецкие коммунисты не могли простить Зорге «измены» марксистским убеждениям и, вынеся ему партийный приговор идеологического «отступника», начали готовить покушение на него. По существующим правилам Компартия Герма-

нии уведомила о своем решении Коминтерн. Там ужаснулись, забили тревогу и категорически запретили приводить приговор в исполнение.

Знал ли Рихард Зорге, что на него ведут охоту немецкие коммунисты? На этот счет никаких подтверждений нет. Зато вполне очевиден ответ на вопрос, что стало бы с Зорге, вернись он в СССР, как того требовало московское начальство, в 1937–1938 гг. Скорее всего, он разделит бы трагические судьбы сотен своих коллег, ставших жертвами сталинских репрессий. Но жизнь распорядилась иначе. Советский разведчик остался в Японии, где и встретил свою смерть.

Всю историю этого легендарного человека можно разделить на два периода. Первый – документальный, в который укладывается его жизнь от рождения и до начала работы на советскую военную разведку. А второй – история Зорге-разведчика, о которой и сегодня имеется не так много достоверных сведений. Мы же остановимся более подробно на его работе в Коминтерне, где Зорге честно отслужил в общей сложности пять лет – с 1924 по 1929 г., пройдя там большую школу профессиональной подготовки, начиная с референта по экономике в информотделе и заканчивая оргинструктором ОМС. Это было самое законспирированное подразделение, штаты которого были разъединены со штатами ИККИ. Поэтому при поступлении сюда ему даже пришлось формально уволиться из ИККИ.

За пять лет Зорге сменил не одно подразделение Коминтерна. В архиве организации сохранились документы, связанные с деятельностью Зорге этого периода, в том числе и ряд его собственных записок, напечатанных на машинке на немецком языке, что позволяет нам получить достаточно полное представление не только о выполняемых им поручениях, но и о его книгах, статьях, написанных им в эти годы, стенограммах его выступлений и т.д. Все это воссоздает образ будущего легендарного разведчика как человека больших способностей, наделенного амбициями и чувством собственного достоинства, серьезно относившегося к порученному делу, преданного идеалам коммунизма и нетерпимого к бюрократическим порядкам и аппаратным «играм». Годы его в Коминтерне выглядят как непрерывная череда административных

разбирательств, «наказаний» и перемещений из отдела в отдел. Но за всем этим просматривается лишь одна причина: Зорге пришел в Коминтерн служить мировой революции, а аппаратный стиль работы в «штабе мировой революции» его угнетал, и он, как мог, противостоял этому.

В августе 1925 г. Рихарда перевели в секретариат Д. З. Мануильского, а в январе следующего года он был назначен инструктором организационного отдела ИККИ, которым руководил тогда О. А. Пятницкий, в дальнейшем возглавивший ОМС. В то время в Исполкоме Коминтерна был введен территориальный принцип в работе с зарубежными компартиями: были организованы так называемые лендерсекретариаты, по которым распределяли всех работавших в нем сотрудников. Зорге привлекли к работе в скандинавском лендерсекретариате, курировавшем компартии Швеции, Дании, Норвегии и Исландии.

В 1927 г. ему дали новое поручение. Д. З. Мануильский рекомендовал его в отдел международных связей Коминтерна в качестве инструктора, одного из тех, кто курировал работу компартий. И Зорге продолжил свои контакты со скандинавскими коммунистами. В том же 1927 г. он получил свое первое заграничное задание – отправиться в Скандинавию для создания местной шпионской сети. В 1929 г. он выезжал в Великобританию, где попал в поле зрения Особого отдела Скотланд-Ярда. Американский исследователь Роберт Ваймант писал о том, что предположительной целью приезда Зорге в Великобританию была встреча с одним из старших офицеров британской разведки МИ-6 и получение от него ценной информации¹. Так будущий разведчик обрстал необходимыми связями и ценным опытом, которые пригодились в его дальнейшей работе.

И все это время Зорге много писал. Помимо подготовки материалов для еженедельного бюллетеня он был автором печатных органов Коминтерна, проявив себя в очередной раз как талантливый аналитик, одинаково сведущий в вопросах экономики, политики и геополитики. Только в 1925–

¹ Фархутдинов И. З. Доктор Зорге – агент Коминтерна // Евразийский юридический журнал. URL: <https://eurasia-law.ru/nahi-rubriki/yuridichskie-statii/doctor-zorge-agent-lomintena> (дата обращения: 05.05.2020).

1926 гг. из-под пера этого талантливового человека вышли статьи «Восемь месяцев “стабилизации” мирового хозяйства», «Германская таможенная политика», «Позиция КПГ и тактика фронта (между йенским и берлинским партсъездами 1925 года)», «Своеобразный характер возрождающегося германского империализма» и т.д. Однако особого внимания заслуживает его теоретическая работа этих лет «План Дауэса и его последствия». Она была посвящена анализу негативных последствий для революционного движения в Европе плана американского политика и крупного финансиста Ч. Дауэса, возглавлявшего союзническую комиссию по репарациям по итогам Первой мировой войны.

Можно сказать, что по своим теоретическим позициям и политическим симпатиям Зорге был близок к Бухарину. Ему не импонировали левацкие и явно сектантские установки, которые навязывали Коминтерну И. В. Сталин и его сторонники. Как видно из анализа теоретической работы Зорге «Новый немецкий империализм» (1928), он рассматривал Н. И. Бухарина как теоретика, который продолжал и развивал ленинские взгляды на империализм, близкие и самому Зорге. Характерно, что в этой работе не нашлось места ни для одной сталинской цитаты. По-видимому, Сталин не был его кумиром.

В Коминтерне, как и любой крупной политической организации того времени, особенно международной, постоянно происходило столкновение различных точек зрения и мнений, связанных с идейной и политической борьбой в коммунистическом движении. Достаточно вспомнить, что в конце 1926 г. эта внутренняя борьба стоила Г. Е. Зиновьеву поста председателя ИККИ и привела к ликвидации самого поста. В Коминтерне стал осуществляться принцип коллективного руководства в форме вновь образованного Политсекретариата. Однако фактическим руководителем Коминтерна в силу своих способностей, знаний и опыта был в 1927 г. Н. И. Бухарин. Именно на этот период пришлось и выдвижение Зорге на более самостоятельную политическую работу в этой организации.

Судя по архивным документам, Зорге достаточно часто контактировал с Н. И. Бухариным, когда был контролером секретариата. И хотя в личном плане они не были так же

близки с Н. И. Бухариным, как, скажем, с Д. З. Мануильским или О. А. Пятницким, тем не менее искренние человеческие симпатии связывали этих двух людей. Особо тесное личное общение и сотрудничество между Зорге и Бухариным установилось лишь во время VI Конгресса Коминтерна – в период острого противостояния Бухарина со Сталиным как по вопросам внутренней политики ВКП(б), так и по его курсу в международном коммунистическом движении. Эта активность Зорге в команде Бухарина не могла не быть замечена в противоположном лагере. И, как показали последовавшие события, это имело роковые последствия для Зорге.

В ноябре 1928 г. Бухарин демонстративно подал в отставку с поста члена Президиума ИККИ, а также с ответственного поста главного редактора газеты «Правда». Руководство партии отстранило эту отставку, но Бухарин так и не вернулся к исполнению своих обязанностей. И в конце апреля 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) отозвал его из Коминтерна и снял с работы в «Правде». Это означало фактически окончательное прекращение деятельности Бухарина в международном коммунистическом движении.

С устранением Бухарина из Коминтерна началась чистка «штаба мировой революции» от его сторонников и просто от тех работников, которые симпатизировали политике. В их числе оказался и Рихард Зорге: 31 октября 1929 г. он был уволен из аппарата ИККИ с формулировкой «в распоряжение ЦК ВКП(б)», что на самом деле было лишь бюрократической отпиской, означавшей в те годы не более чем переход на другую работу. И судя по тому, какой извилистый путь прошел будущий разведчик по коминтерновским кабинетам, можно сделать вывод, что избавились от него без особого сожаления: он был слишком независимым и слишком инициативным, что редко нравилось политическим функционерам.

Зато эти черты оценили в советской военной разведке. Руководство Разведуправления не смутило даже то обстоятельство, что Зорге в Коминтерне был связан с правой оппозицией. Не исключено, что свою роль сыграла и серьезная партийная чистка, которую он прошел в аппарате ИККИ буквально накануне формального увольнения из Коминтерна 20 октября 1929 г. и даже получил официальный аттестат с записью: «считать проверенным».

Напомним, что первым заданием Зорге в военной разведке была командировка в Китай, куда он отправился в мае 1930 г. под псевдонимом Рамзай, который станет фактически вторым именем легендарного разведчика. Здесь он провел около двух с половиной лет, до декабря 1932 г., изучая обычаи, культуру и настроение местных жителей. На самом деле все это время он негласно занимался подготовительной работой по организации агентурной сети и восстановлением радиосвязи между Шанхаем и Советским Союзом. Главное достижение Зорге в Китае – снабжение Москвы важной информацией, которая помогла определить политику Коминтерна по отношению к Коммунистической партии Китая.

В 1933 г. разведчика перебросили в Японию. Отсюда он заблаговременно телеграфировал советскому руководству о дате нападения гитлеровской Германии на СССР и направлении главных ударов. И все-таки главная заслуга этого человека состоит в том, что благодаря его шифротелеграммам из Токио, сообщавшим, что в 1941 г. Япония не откроет фронт против СССР, советское командование смогло перебросить с Дальнего Востока значительные силы и перейти в контрнаступление под Москвой, приведшее к победе. Кстати говоря, именно в Японии появится последний оперативный псевдоним Зорге – Инсон, которым он впервые подписал служебную телеграмму 20 июня 1941 г., за четыре месяца до своего ареста. В октябре того же 1941 г. Зорге был схвачен политической полицией Токио и спустя 1100 дней, проведенных в застенках тюрьмы Сугамо, казнен.

Существует несколько версий того, какие последние слова произнес Зорге перед казнью. Исследователь Ю. Георгиев, например, пишет о том, что, поднявшись на эшафот, он воскликнул: «Сэкигун!» («Красная армия!»), «Кокусай кёсанто!» («Коминтерн!»), «Собиэто кёсанто!» («Советская Компартия!»)². Причем, как стало известно, советский разведчик «специально заучил эти слова по-японски, чтобы присутствующие запомнили их как его политическое завещание».

При этом тюремщики, присутствовавшие при казни, ничуть не были удивлены таким заявлением, поскольку о коммунистической деятельности самого Зорге и членов

² Георгиев Ю. Собиратель колосков // Совершенно секретно. 01.04.2010. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/sobiratel-koloskov/> (дата обращения: 28.05.2020).

его группы стало известно еще до их ареста. Другое дело, что его долгое время принимали за немецкого шпиона.

Примечательно, что ни в своих показаниях, ни на допросах легендарный советский разведчик так ни разу и не признался, что работал на советскую военную разведку, утверждая, что сотрудничал только с Коминтерном. Да и остальные его соратники, даже находясь в тюремных застенках, не скрывали своих коммунистических убеждений, настаивая на том, что они были не шпионами, а политическими деятелями, боровшимися с фашизмом и милитаризмом по идейным причинам. В силу этих обстоятельств следствие и суд над членами группы Зорге проходили как политический процесс «над агентами Коминтерна».

Старейший советский чекист Б. И. Гудзь, руководивший деятельностью группы Рамзая и более года курировавший ее из Москвы, так писал по поводу признаний Зорге на суде: «Понимаете, как он поставил вопрос так: я – друг, а не собиратель шпионский сведений. – И тут высказываю мою сугубо личную точку зрения: – Зорге проявил себя вроде как человеком Коминтерна. Он не шпион, а идейный работник. А в СССР связи с Коминтерном старались скрывать. Сталину позиция, занятая Зорге, не понравилась»³.

И это стало еще одной причиной для отказа советского руководства от предложенного японской стороной обмена советского разведчика на двух высокопоставленных японских офицеров, находившихся в советском плену. Японцы ответили на отказ весьма символично, казнив Зорге и его ближайшего соратника Одзаки Хоцуми 7 ноября 1944 г. – в день главного в СССР национального революционного праздника. Ну, а главная причина состояла в том, что Сталин, и не только он, считал Зорге «двойником», работавшим на нас и на Германию.

Именно поэтому о подвиге Зорге и его товарищей было абсолютно неизвестно в нашей стране целых 20 лет – до распоряжения советского партийного руководителя Н. С. Хрущева расследовать все подробности этого непростого дела. И только 5 ноября 1964 г. его подвиг официально признали в СССР, свидетельством чему стало присвоение разведчику

³ Долгополов Н. Почему Сталин не обменял Зорге? // Родина. 01.10.2015. URL: <https://rg.ru/2015/10/01/rodina0zorge.html> (дата обращения: 11.11.2019).

звания Героя Советского Союза. В стране сразу же появились памятники Зорге, улицы с его именем и т.д. А 19 января 1965 г. специальным Указом Президиума Верховного Совета СССР советскими орденами были отмечены заслуги его соратников перед нашей страной.

Мияги Ётоку: служение делу ценою в жизнь

Среди награжденных был и художник Мияги Ётоку⁴, один из ближайших помощников Зорге. Правда, присужденный ему тогда посмертно орден Отечественной войны II степени его семья получила лишь в 2010 г., и то благодаря огромным усилиям его племянницы Токуяма Тосико, которая по прошествии многих лет каким-то образом узнала об этой награде и все-таки добилась восстановления исторической справедливости в отношении своего ближайшего родственника. Почему так произошло? Сегодня на этот вопрос трудно ответить. Скорее всего, из-за того, что в 1960-е годы просто не смогли отыскать членов семьи героя, проживавших за пределами Японии, и вручить советскую награду было некому. Поскольку Указ Президиума Верховного Совета, судя по всему, был закрытым, не исключено, что могли помешать и бюрократические формальности, и проволочки, а со временем забыли об этом упущении.

Вероятно, основная причина столь долгого забвения имени Мияги заключалась в тех необоснованных слухах, которые попали в японскую печать, растиражировавшую миф о его причастности к провалу группы Зорге. В свою очередь, земляки Мияги с о. Окинава, где еще долгие годы после окончания войны витал националистический дух, прочитав скудные сообщения в японской прессе о так называемом деле Зорге и его соратников, сразу посчитали Мияги предателем родины и стали буквально третировать семью Токуяма.

Сама Токуяма Тосико не могла смириться с этим и начала буквально по крупицам собирать правду о жизни своего дяди. Почти 20 лет ушло на то, чтобы она и небольшая группа ее сторонников восстановили в глазах местной общественности благородный облик Мияги как мужественного борца за мир.

⁴ Японские имена и фамилии в статье пишутся в соответствии с общепринятым в Японии порядком: вначале фамилия, затем имя.

И хотя сегодня и те, и другие бездоказательные обвинения с Мияги полностью сняты, до сих пор продолжаются споры по поводу того, виноват ли он в провале группы Рамзая. Случился ли провал по доносу кого-то из местных коммунистов, с которыми Мияги поддерживал регулярные связи, то ли просто политическая охранка, следившая за коммунистами, сама вышла на советского агента.

По мнению Б. И. Гудзя, основной причиной провала группы Зорге стали его активные связи по коммунистической линии. В одном из своих последних интервью этот заслуженный ветеран откровенно признал, что «в отношении Зорге была допущена очень крупная ошибка. Он держал связь с реэмигрантом, коммунистом Иотоку Мияги. Но как же можно работать с коммунистами... Напомню, что дело Рамзая было открыто в Японии не военной контрразведкой, а их политической охранкой. Она, работавшая по коммунистам, и вышла через другую коммунистку, тоже раньше жившую в США, на Мияги»⁵.

Таким образом, Мияги первым оказался «под колпаком» политической охранки. Но при этом не исключено, что свою роль сыграли не только связи с местными коммунистами, но и подозрительно обширные контакты с иностранцами и представителями местной политической и военной элиты, портреты которых японский художник-коммунист писал в своем ателье, получая за работу ценную информацию.

Вслед за этим засекли его регулярные встречи с влиятельным югославским журналистом, близким к политическим кругам и даже к самому премьер-министру, Одзакі Хоцуми, Бранко Вукеличем и другими членами разведгруппы. А еще раньше агенты японской охранки установили, что художник постоянно встречается с корреспондентом ведущих немецких газет Рихардом Зорге, задаваясь при этом вопросом, что может быть общего между коммунистом и нацистом, практически не покидающим немецкое посольство. На исходе второй недели слежки выяснилось, что после этих встреч Зорге спешит в дом коммерсанта Клаузена – тот самый дом, в котором, как свидетельствовал пленгатор, работала рация. Сомнения почти отпали. И хотя оставались спорные

⁵ Долгополов Н. Рядом с Зорге // Рустрана. 24.12.2007. URL: рустрана.рф.347645. Ryadom-s-Zorge (дата обращения: 31.05.2020).

моменты, вскоре начались аресты, причем начались именно с Мияги.

Есть еще одна версия на этот счет, вновь ведущая к Мияги. И она также выглядит достаточно правдоподобно. В начале 1940-х годов в Токио с подозрительностью смотрели на все с клеймом «сделано в США». Полицейские составили список японских граждан, которые, проведя годы в Соединенных Штатах, вернулись на родину. Время от времени осуществлялась выборочная проверка каждого такого «американца». Настал и черед Мияги, японца по происхождению и человека с весьма богатой биографией, приехавшего из Америки.

Он родился в г. Наго на острове Окинава, который в начале прошлого века был полуголодным захолустьем Японии, жители которого занимались в основном выращиванием сахарного тростника. Влачивших жалкое существование окинавцев правящая верхушка не считала «настоящими японцами» и подвергала жестокой дискриминации за их малопонятный диалект и самобытную культуру. По этим причинам значительная часть населения острова массово вынуждена была эмигрировать за границу – на ананасовые плантации в Гавайи, Бразилию, Перу и США.

В Штаты потянулся и Мияги: в 1921 г. он уехал на учебу в США и поселился в Калифорнии. Здесь окончил художественную школу, стал профессиональным художником и вскоре примкнул к Обществу пролетарского искусства. После захвата Японией Маньчжурии в 1931 г. он решил бороться против японской агрессии вместе с коммунистами. Так Мияги стал членом американской компартии и японской секции Компартии США, однако не принимал активного участия в партийной работе. О его принадлежности к партии не знали даже его ближайшие друзья, так что молодой японец оказался на положении своеобразного «тайного» члена американской компартии. Возможно, именно этим объяснялось то, что уже в 1932 г. на него обратили внимание сотрудники Коминтерна, подбиравшие зарубежные кадры для советской разведки.

Конкретнее говоря, Москва тогда лихорадочно искала людей для создания шпионской сети в Японии, которая бы действовала под прикрытием Коминтерна. И по распоряжению тогдашнего начальника военной разведки Я. К. Берзина

Мияги был завербован советскими спецслужбами в США. Об этом в свое время свидетельствовал и Б. И. Гудзь. По его словам, «после того, как художник Мияги переехал из Японии в США, его завербовала разведка ИНО, а затем передала военной разведке, на которую он и стал работать»⁶.

На самом деле, как свидетельствовал на допросах сам разведчик, однажды его посетили два человека – японец и «белый» – и от имени Коминтерна приказали отправиться на подпольную партийную работу в Японию. Одним из них был легендарный советский разведчик Наум Эйтингон. Он не раз выезжал в США в качестве заместителя руководителя Особой группы при председателе ОГПУ В. Р. Менжинском для вербовки китайских и японских эмигрантов – тех, кто мог бы пригодиться советской разведке в случае войны с Японией. Кто был спутником Эйтингона, точно не установлено, но, по всей вероятности, речь идет о Носаке Сандзо – видном деятеле японских коммунистов, к биографии которого мы еще вернемся в этой главе. Дело в том, что долгие годы Носака являлся активным функционером Коминтерна, а на тот момент был его связным с японской секцией Компартии США. Одним словом, для этих людей вербовка Мияги являлась их привычной повседневной работой.

Осенью 1933 г. Мияги вернулся к себе на родину, теперь уже в качестве советского разведчика, хотя даже и не подозревал об истинных целях своего нового назначения. О них он впервые узнал лишь во время первой встречи с Зорге в 1933 г. И был буквально потрясен тем, что ему предстоит не заниматься коммунистической агитацией в рабочей среде, как он предполагал первоначально, а работать на советскую разведку и собирать информацию для СССР. Конечно же, его вовсе не привлекала роль предателя и шпиона.

Однако Зорге нашел сильный аргумент, убедив своего нового помощника в том, что «достойная и самая важная на сегодняшний день работа для коммуниста и патриота – предотвратить войну между Японией и СССР, спасти жизни миллионов простых рабочих и крестьян, которых капиталисты и помещики готовы послать на бойню»⁷. Мияги согласился с таким доводом и стал одним из самых активных

⁶ Долгополов Н. Рядом с Зорге.

⁷ Там же.

членов в группе Зорге. А далее последовали уже хорошо известные всем события.

Говорят, когда за Мияги пришли полицейские, он попытался покончить с собой, совершив харакири. По одной версии – с помощью самурайского меча, с которым ему позировали натурщики. По другой – воткнул в живот старинный нож. Но смельчака успели спасти, быстро доставив в тюремную больницу. Тогда он, обманув охрану, ухитрился выброситься с третьего этажа. Но и на этот раз самоубийство не удалось.

Мияги не суждено было умереть легкой смертью. Его допрашивали с необычайной жестокостью. Во время пыток он терял сознание, тогда его обливали водой, снова били, но он продолжал утверждать, что работал не на советскую разведку, а выполнял партийное поручение. По этому поводу Мияги даже сделал следующее заявление во время следствия: «Понимая, что главная задача заключается в том, чтобы избежать войны между Японией и СССР, я принял решение вступить в организацию как простой солдат. Я принял участие в ней, отдавая себе отчет, что в военное время буду приговорен к смерти»⁸. В его словах не было ни доли раскаяния, а, наоборот, звучала гордость: он, коммунист, вместе с товарищами сражался против фашизма. Однако приговора он так и не дождался, умерев 2 августа 1943 г. в тюрьме Сугамо от туберкулеза, которым страдал долгие годы.

В 2003 г. в г. Наго, на родине Мияги, широко отметили 100-летие со дня его рождения, приурочив к этой дате международный симпозиум, в котором посчастливилось принять участие и автору этого материала. А в 2006 г. в парке у местного музея, где собраны картины Мияги, был поставлен скромный обелиск в память о художнике и герое. Теперь в этом музее выставлен и советский орден Отечественной войны.

Носака Сандзо: цена предательства

И наконец, перед нами судьба еще одного японского коммуниста – Носаки Сандзо, чья многолетняя деятельность

⁸ Долгополов Н. Кто выдал Рамзая? Пять версий провала выдающегося советского разведчика Рихарда Зорге // Родина. № 10. 01.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/04/rodina-zorge.html> (дата обращения: 26.05.2020).

в Коминтерне в полной мере отражает суть многих событий того времени. Он – один из основателей Компартии Японии, уникальный коммунист-долгожитель, который вплоть до своего 100-летнего юбилея продолжал являться почетным председателем КПЯ, пока неожиданно для всех не был с позором исключен из ее рядов.

Причиной тому послужили случайно попавшие в 1992 г. в руки японских журналистов секретные документы КПСС. Именно тогда впервые заговорили о тайных контактах Носаки с советскими партийными руководителями и представителями спецслужб. И в этом на первый взгляд не было ничего удивительного, поскольку он долгие годы представлял японских коммунистов в Исполкоме Коминтерна и выполнял самые ответственные секретные поручения своего руководства, работая рука об руку с советскими разведорганами.

Достаточно вспомнить, к примеру, о почти пятилетней секретной деятельности японского коммуниста в Китае, куда он был направлен под именем китайского гражданина Ли Куя по линии Коминтерна в 1940 г. для идеологической работы с японскими военнопленными, или о его деятельности в так называемом японском кабинете при политотделе 8-й армии.

Вслед за этим при активной поддержке Чжоу Эньлая в мае 1940 г. Носака организовал в Яньани отделение японской Антивоенной лиги, затем – японскую рабоче-крестьянскую школу, о чем докладывал в Москву в письме Г. Димитрову от 23–26 января 1941 г. В нем он, в частности, писал, что «из привезенных с собой из Москвы 5000 долл. он уже истратил 1450 долл., в том числе на организацию школы. Оставшаяся сумма предназначалась для создания типографии, достройки школы и т.д., а также для возможной отправки агентов в Японию»⁹.

23 июня 1942 г. Носака создал Союз японских коммунистов в Китае. Сразу после этого под его руководством возник Северо-китайский объединенный совет Антивоенной лиги, которая в 1944 г. по плану все того же Носаки была преобразована в Народно-освободительную лигу. Замечу, что весной 1943 г. по решению Сталина Коминтерн был распущен,

⁹ Вада Харуки. Судьба коммуниста: Носака Сандзо (2003) // Рабкрин. 18.08.2019. URL: <https://rabkrin.org/vada-sudba-kommunista-Nosaka-Sandzo-2003-statya> (дата обращения: 31.05.2020).

но негибимый японский коммунист продолжал активно продвигать в Китае свою идею о трех этапах в реализации стратегической линии партии. Это – ликвидация пережитков милитаризма, феодальной системы, установление демократии и последующий переход от капитализма к социализму.

Вот почему 10 августа 1945 г., на следующий день после объявления Советским Союзом войны с Японией, Г. Димитров направляет И. В. Сталину, Г. М. Маленкову и В. М. Молотову памятную записку о «группе Окано (Носака)», которая, по его мнению, могла бы быть использована при установлении нового режима в Японии¹⁰. Так начинался новый этап сотрудничества Носаки с советскими партийными структурами.

Но не эти факты биографии известного японского коммуниста так всколыхнули в 1992 г. японское общество. В центре всеобщего внимания оказалось письмо Носаки в адрес Г. Димитрова от 22 февраля 1939 г., которое в Японии было истолковано как донос на его японского коллегу по работе в Коминтерне Ямамото Кэндзо и его жену Сэки Мацу. «Многие чтут Носака Сандзо, патриарха, достигшего столетнего возраста, как бога. До войны он боролся с милитаристами, после войны с оккупационными властями... Однако обнаруженные в Москве секретные документы КПСС сегодня разоблачают этот миф», – так выглядит подзаголовок публикации письма предавшего своих товарищей Носаки, впервые обнародованного в Японии в журнале «Сюкан Бунсюн» 3 сентября 1992 г.¹¹

Для Компартии Японии эта публикация стала тяжелым ударом по ее репутации, после чего сразу же последовали оперативные действия. Для начала руководство КПЯ получило копию этого документа, а затем спешно собранный партийный пленум снял Носаку с поста почетного председателя. В его резолюции говорилось, что действия Носаки являются «еще одним важным актом, легшим в основу репрессивной политики советского правительства» и «предательством в отношении Ямамото»¹².

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 716. Л. 97.

¹¹ Цит. по: Вада Харуки. Судьба коммуниста: Носака Сандзо (2003).

¹² Като Тэцудзиро. Мосукува дэ тайхосарэта нихондзин (Японцы, арестованные в Москве). Токио, 1994. С. 282.

Дело в том, что Ямамото Кэндзо, начавший свою деятельность в СССР с работы в Профинтерне, в дальнейшем стал одним из ближайших соратников Носаки. Впервые они встретились во Владивостоке, куда ненадолго заезжал Носака со своей женой по дороге в Москву, где в мае 1931 г. приступил к работе в качестве одного из представителей КПЯ в Исполкоме Коминтерна. На VII Конгрессе Коминтерна (1935) он уже был избран членом Исполкома Коминтерна и членом Президиума ИККИ. Однако в Москве японский коммунист задержался ненадолго: уже в марте 1934 г. Носака был командирован в США, где ему была поручена работа по созданию в Лос-Анджелесе Центра для помощи японским коммунистам и руководства их деятельностью, который создавался Коминтерном совместно с американской компартией. Успешно наладив порученное ему дело, Носака проработал там до июня 1935 г., после чего благополучно возвратился в Москву.

Как раз в это время, в июле 1935 г., здесь проходил VII Конгресс Коминтерна, на котором Г. Димитров выступил с известным докладом «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма», выдвинув лозунг создания антифашистского народного фронта. А спустя полгода после конгресса, в феврале 1936 г., Носака вместе с Ямамото под своими партийными именами Окано и Танака опубликовали письмо японским коммунистам, определившее новый курс КПЯ. Называя главным врагом «фашистскую военщину», они указывали: «Только мощное народное движение на основе единства действий пролетариата и единого народного антифашистского фронта может спасти японский народ от ужасов фашизма и войны. Задача Компартии состоит в том, чтобы объединить всех трудящихся против военщины, реакции и войны»¹³. Вскоре после этого Носака вновь отбыл в США.

Тем временем в Советском Союзе развернулась кампания репрессий против «пособников» германского фашизма и японского милитаризма. Оставшиеся в Москве японские коммунисты один за другим оказывались в тюремных застенках. 2 ноября 1937 г. по обвинению в провокаторской и шпионской деятельности был арестован Ямамото,

¹³ Цит. по: Вада Харуки. Судьба коммуниста: Носака Сандзо (2003).

в ту пору уже являвшийся представителем КПЯ в ИККИ. Его арест стал реальной угрозой для Рё, жены Носаки, в то время работавшей в аппарате ИККИ, поскольку она была знакома с Ямамото с 1922 г., и более того, он когда-то даже жил в ее доме. 2 ноября она написала письмо в партком ИККИ, в котором признавала свои ошибки и просила принять решение партии на ее счет. Решение было вынесено в феврале 1938 г. На основании его она была арестована по обвинению в шпионской деятельности.

Узнав о произошедшем, Носака, все еще находившийся в Америке, начал предпринимать отчаянные попытки, чтобы помочь Рё. Это был по-настоящему невиданный смелый поступок, поскольку хлопотать за жену, арестованную в качестве «врага народа», в те годы не решались даже члены Политбюро. Но он отважился и даже обратился за помощью к Г. Димитрову, который обладал достаточным влиянием в руководстве спецслужб, чтобы вмешаться в ее судьбу. И уже 31 марта 1938 г. Рё была на свободе. А в августе в Москву вернулся и сам Носака. Судя по ранее опубликованным им воспоминаниям, именно тогда он узнал об аресте представителя КПЯ в Профинтерне Ямамото Кэндзо и сразу письменно запросил О. Куусинена и Г. Димитрова о причинах случившегося¹⁴. Однако на самом деле все происходило совершенно по-другому.

К тому времени Ямамото уже 9 месяцев находился в тюрьме НКВД. И, как казалось тогда многим, Носака должен был публично осудить своего бывшего товарища. Но он, напротив, проявлял к нему явное сочувствие, откровенно признавая, что «Танака (Ямамото) мой лучший друг, товарищ, с которым мы всегда работали вместе»¹⁵. Естественно, такие высказывания осуждались в партийной среде. В справке отдела кадров ИККИ от 28 ноября 1938 г. по факту ареста Ямамото говорилось, что Носака «не по-партийному подошел» к случившемуся, «не проявив при этом должной бдительности»¹⁶.

Однако Носака продолжал игнорировать подобного рода нападки. В сентябре он направил Г. Димитрову докладную

¹⁴ Носака Сандзо. Фусэцу-но аюми (Сквозь ветер и снег). Токио, 1989. Т. 8. С. 224.

¹⁵ Цит. по: Вада Харуки. Судьба коммуниста: Носака Сандзо (2003).

¹⁶ Там же.

записку «О Японии и нашей работе», в которой ни словом не упомянул «дело Ямамото». В октябре послал Д. З. Мануильскому перевод статьи из выходившей в Лос-Анджелесе японской газеты «Райфу симпо», в которой приводились слухи об аресте Ямамото и самого Носаки. Вывод автора статьи: «Руководство японской компартии в России уничтожено. Это означает, что Коминтерн отрекся от японского (коммунистического) движения»¹⁷. Посылая такой текст руководству Коминтерна, Носака давал понять, каким образом был воспринят за границей арест Ямамото.

Эти тревожные сигналы от Носаки в Москве не были услышаны наверху, и, чтобы спастись от неминуемой кары, он решил действовать в рамках негласных правил того времени. В результате и появилось его письмо-донос Г. Димитрову от 22 февраля 1939 г., наделавшее столько шума в Японии в 1992 г. В нем Носака откровенно признал, что его связывают с Ямамото долгие годы знакомства. И тем не менее, «когда я узнал в 1937 г. о преступной деятельности троцкистов, бухаринцев, японских шпионов и т.п., я почувствовал своим долгом сообщить Вам о всех фактах, которые в большей или меньшей мере вызывали подозрения относительно Танака, так как я думал, что это могло бы помочь Вам в деле проверки всех кадров и очистить аппарат ИККИ от всех сомнительных элементов», — написал он¹⁸.

Следом Носака привел девять пунктов подозрений в отношении Ямамото, семь из которых не заслуживают особого внимания, тогда как два оставшихся дают почву для размышлений. Они касаются ареста двух японских коммунистов, тайно отправленных в Японию в 1934 г. и 1936 г. В заключение Носака дал развернутую и в целом достаточно обтекаемую характеристику своему коллеге: «Его знали как одного из старейших работников профсоюзов, как бесстрашного борца, как хорошего оратора». И далее Носака заявил: «Я не знаю всех обвинений, выдвинутых органами НКВД против Танака. Но мне очень хотелось бы знать, что он сделал»¹⁹.

В целом это письмо больше похоже не на донос, а на попытку Носаки рассказать о Ямамото все, что ему

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 4951. Д. 550. Л. 41–42.

¹⁸ Цит. по: Вада Харуки. Судьба коммуниста: Носака Сандзо (2003).

¹⁹ Там же.

известно. В письме нет ни слова о том, что его автор считает Ямамото «врагом народа». Скорее, оно выглядит осторожной попыткой его защиты. Однако и она оказалась напрасной. 10 марта 1939 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Ямамото к смертной казни через расстрел, который был приведен в исполнение на следующий день.

Жене Ямамото удалось избежать печальной участи своего мужа, несмотря на то, что Носака успел донести и на нее, уведомив Интернациональную контрольную комиссию (ИКК) Коминтерна о том, что в своей автобиографии Сэки сообщила о себе ложные сведения. Конечно, в эпоху, когда обвинение в шпионаже в пользу иностранных разведок вело к смерти, акцентирование внимания на простом сообщении ложных сведений в личном деле могло быть просто попыткой облегчить участь подозреваемого. Но Носака, скорее всего, руководствовался другим: он стремился всячески препятствовать возвращению Сэки в Японию, чтобы на родине не узнали о его предательстве в отношении ее мужа.

И, кстати говоря, ей так и не удалось вновь увидеть родные берега. После подробных разбирательств в ИКК, куда ее вызывали несколько раз, она была исключена из КПЯ «за полное притупление партийной бдительности, за неискренность и обман ИКК»²⁰. С началом Великой Отечественной войны Сэки была отправлена в Уфу вместе со всем аппаратом Коминтерна, где работала уборщицей. В 1944 г. бывшую японскую коммунистку арестовали за мелкую кражу и осудили на пять лет лагерей, а в 1949 г. выслали в Красноярский край. Разрешение на выезд в Японию советские власти ей так и не дали²¹. Но остались ее показания, также волею случая попавшие в руки авторов публикации в «Сюкан бунсю», из которых стало ясно, что донес на нее именно Носака²². И это явилось вторым смертельным ударом по прославленному коммунисту. А вслед за этим все в том же журнале последовала новая сенсационная статья, в которой прямо

²⁰ Кобаяси Сюньити, Като Акира. Ями-но отоко: Носака Сандзо-но хякунээн (Человек тьмы: сто лет Носака Сандзо). Токио, 1993. С. 70.

²¹ Там же.

²² Кобаяси Сюньити. Като Акира. Носака Сандзо. Мо хитоцу-но дайдай (Еще одно большое преступление Носака) // Сюкан бунсюн. 08.10.1992.

утверждалось, что Носака был агентом советской разведки еще со времени своего прибытия в Москву²³.

Что мог ответить тогда легендарный Носака на все эти обвинения? Только то, что ему нечего сказать. После этого 100-летнего лидера исключили из КПЯ, лишили статуса почетного председателя партии и прекратили выплату партийной пенсии. А через год после разоблачения, в 1993 г., он умер в своем доме от старости в возрасте 101 года.

Вот такие три разные судьбы иностранных коммунистов, ставших советскими разведчиками благодаря вере в Коминтерн, коммунистическую партию и мировую революцию.

Источники

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. / Отв. ред. Г. Алибеков, Харуки Вада. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.

РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д 716; Ф. 4951. Д. 550.

Литература

Като Тэцудзиро. Мосукува дэ тайхосарэта нихондзин (Японцы, арестованные в Москве). Токио: Аоки сётэн, 1994. 373 с.

Кобаяси Сюнъити. Като Акира. Носака Сандзо. Мо хитоцу-но дайджай (Еще одно большое преступление Носака) // Еженедельный журнал «Сюкан бунсюн». 08.10.1992. С. 36–43.

Кобаяси Сюнъити, Като Акира. Ями-но отоко: Носака Сандзо-но хякунээн (Человек тьмы: сто лет Носака Сандзо). Токио: Бунгэй сюндзю, 1993. 254 с.

Носака Сандзо. Фусэцу-но аюми (Сквозь ветер и снег). Токио: Синнипон сюппанся, 1989. Т. 8. 307 с.

Интернет-ресурсы

Вада Харуки. Судьба коммуниста: Носака Сандзо (2003) // Рабкрин. 18.08.2019. URL: <https://rabkrin.org/vada-sudba-kommunista-Nosaka-Sandzo-2003-statya> (дата обращения: 31.05.2020).

Георгиев Ю. Собиратель колосков // Совершенно секретно. 01.04.2010. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/sobiratel-koloskov/> (дата обращения: 28.05.2020).

Долгополов Н. Рядом с Зорге // Рустрана. 24.12.2007. URL: рустрана.рф.347645. Ryadom-s-Zorge (дата обращения: 31.05.2020).

²³ Вада Харуки: Судьба коммуниста: Носака Сандзо (2003).

Долгополов Н. Почему Сталин не обменял Зорге? // Родина 01.10.2015. URL: <https://rg.ru/2015/10/01/rodina0zorge.html> (дата обращения: 11.11.2019).

Долгополов Н. Кто выдал Рамзая? Пять версий провала выдающегося советского разведчика Рихарда Зорге // Родина. № 10. 01.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/04/rodina-zorge.html> (дата обращения: 26.05.2020).

Фархутдинов И. З. Доктор Зорге – агент Коминтерна // Евразийский юридический журнал. URL: <https://eurusialaw.ru/nahi-rubriki/yuridichskie-stati/doctor-zorge-agent-lomintena> (дата обращения: 05.05.2020).

Национально-освободительная борьба в Корее в 1920–1930-е годы и Коминтерн (по служебным изданиям японского генерал-губернаторства)

В год 100-летия со дня образования Коминтерна хотелось бы обратиться к колониальной истории Японии и Кореи, в частности к национально-освободительной борьбе корейского народа в 1920–1930-е годы, на которые пришлась деятельность этой организации. Тема эта освещалась в трудах отечественных востоковедов-корееведов: Ф. И. Шабшиной (Куликовой)¹, В. И. Шипаева, М. Н. Пака, Ю. В. Ванина и др. Они высоко оценивали патриотизм и самоотверженность корейских патриотов. Однако данная проблематика остается актуальной и по сей день; вместе с тем источниковедческая база этих исследований представляется недостаточно изученной. Одним из важных источников изучения колониального периода Японии и Кореи можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства, в частности публикации тайной полиции, суда, прокуратуры, изданные в Сеуле на японском языке в 1920-х – начале 1940-х годов. Поэтому крайне важно проследить, как японские служебные (закрытые) издания оценивают освободительную борьбу корейцев

¹ Автор хотел бы особо отметить книгу Ф. И. Шабшиной «В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца». М., 1982.

в этот период, прослеживают ли они связь между антияпонской борьбой и деятельностью Коминтерна.

Сведения, содержащиеся в японских изданиях, могут помочь исследователям проанализировать политику колониальных властей, их оценку происходящих событий, в том числе корейской освободительной борьбы. В первую очередь это касается внешних и внутренних факторов, как стимулировавших, так и ограничивавших эту борьбу. В частности, издание «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» отмечает большое влияние на Корею революционных событий в России. Оно было сильным по ряду причин. Среди них – соседство стран; наличие в России большого числа корейских отходников, сезонных рабочих, политических эмигрантов; участие корейцев в Гражданской войне на Дальнем Востоке.

Рассматриваемые издания свидетельствуют, что в первое десятилетие японского господства в стране сложилась взрывоопасная ситуация, острого накала достиг протест против национального гнета и социального бесправия, что предопределяло неизбежность взрыва народного недовольства. Это вылилось в мощное общенациональное, самое крупное в те времена на колониальном Востоке освободительное движение 1919 г. Выступление, получившее название «первомартовского» восстания, было жестоко подавлено². Прояпонские авторы указывают, что в Корее не сложились внутренних условий для активной освободительной борьбы, что она экспортировалась и искусственно внедрялась Москвой. Неоднократно подчеркивалась и роль Коминтерна в инспирировании антияпонских настроений и выступлений в 1920–1930-х годах.

Говоря о воздействии революционных событий в России на ситуацию в Корее, следует признать большую объективно обусловленную их роль, но нужно учитывать и отрицательные черты большевистского опыта. Под ними имеются в виду жесткая бескомпромиссность, приверженность к радикальным действиям, перенесение в Корею, перед которой стояли задачи национального освобождения, социалистических идей. Конечно, насильственные действия были ответом на репрессии властей.

² История Кореи. М., 1974. Т. 2. С. 37–58.

Влияние революционных событий в России не могло не беспокоить колониальную администрацию. Так, издание «Корейская полиция» отмечает: «В начале 1-й мировой войны в Корее было много недовольных. Но особенно это недовольство и движение народных умов возросло после второй русской революции 1917 г. Стало нарастать движение за независимость, разжигаемое корейцами, находящимися за границей»³. Другое закрытое издание – «Словарь тайной полиции» – также полагает, что «идеи независимости в это время (конец 10-х – начало 20-х годов) получили распространение среди широких народных масс»⁴. Они неизменно связывались с «рукой Москвы», утверждалось, что среди корейцев насаждаются идеи о том, что только решительной борьбой, насилием можно добиться независимости. Выступления с освободительными лозунгами стали именоваться «идеологическими преступлениями».

Значительно умереннее отмечается воздействие на корейцев вильсоновских принципов, что позволяет предположить, что и само влияние не в такой степени беспокоило колониальные власти. Для значительной части корейского населения – среднего класса, а особенно интеллигенции – была характерна скорее ориентация на США. Однако это не мешало ей оставаться на позициях активного патриотизма.

Источники подкрепляют тезис о тесном переплетении в корейской освободительной борьбе двух внешнеполитических ориентаций, что убедительно засвидетельствовали события 1919 г. Реформы, на которые была вынуждена пойти Япония, – одна из побед народного движения 1919 г. Одновременно они показали многоплановость системы мер, принятых Японией, маневренность и гибкость ее политики. Это время реформ было названо периодом «культурного управления».

В японских изданиях период после реформ именуется временем легальной борьбы левых сил. И действительно, появилось немало организаций различной направленности. В газетах, которые начали выходить в это время, стали печататься сообщения о Советской России, о коммунистическом учении. Этот период освободительной борьбы характери-

³ Корейская полиция (Тё: сэн кэйсацугайё:). Сеул, 1938. С. 49.

⁴ Словарь тайной полиции (Ко: то: кэйсацу ё: годзитэн). Сеул, 1935. С. 275.

зуется японскими полицейскими изданиями как прямой непосредственный перенос, экспорт в Корею из-за границы – в первую очередь из России, а также из Китая и Японии – коммунистических идей. Указывается на создание множества легальных организаций коммунистического толка, которые проводили лекции, митинги, вели широкую агитацию и пропаганду своих идей в массах. Например, в книге «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» говорится, что коммунистическое движение возникло в Корее в 1920-е годы; были созданы различные общественные организации, союзы рабочих, молодежи, развернувшие широкую деятельность⁵.

Первые корейские коммунистические группы возникли за рубежами страны – в России, Китае и Японии. Внутренние условия в Корее, в первую очередь полицейские репрессии, делали неизбежным эмигрантский период. Японские источники указывают на создание таких центров в Чите, Иркутске, Шанхае, а также групп студентов, обучающихся в Японии. В книге «Состояние общественного спокойствия...» указывается, что «все они боролись за руководство в движении, что в течение нескольких лет коммунистические идеи распространились по всей Корее, подавляя националистическое движение». В апреле 1925 г. в Сеуле коммунистические группы, одна из которых поддерживала тесную связь с Иркутской группой, другая – со студентами в Токио, создали компартию и комсомол. Они были признаны Коминтерном и «стали руководить движением в Корее»⁶.

В полицейских изданиях есть сведения и о близких к компартии организациях, в частности об «Обществе вторника» («Хваёхве»). «Вестник идеологии» упоминает о материальной помощи, оказанной этой организации Коминтерном (бюджет партии составил 363 000 иен, из них 100 000 – деньги, присланные Коминтерном в июле 1926 г.)⁷.

Итак, в источниках содержится тезис, что в 1920–1925 гг. леворадикальное, или «коммунистическое», как его именуют авторы японских изданий, «преобладало над националисти-

⁵ Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время (Сайкин-ни окэру тё: сэндзиан дзё: кё:). Сеул, 1939. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ Вестник идеологии (Сисо: ихо:). Сеул, 1937. № 11. С. 72. Приложения.

ческим». Как указывалось ранее, рассматриваемое пятилетие было временем так называемого культурного управления, реформ, проведенных после событий 1919 г. Несколько расширились возможности легальной деятельности левых сил. Многие националисты потянулись в марксистские кружки, леворадикальные группы. То была дань моде. Думается, что источники все же завышают степень их влияния в массах: оно было сильным, но не преобладало над другими организациями, выступающими с антияпонскими лозунгами. Материалы показывают, что в данный период националистические организации и деятели блокировались с леворадикальными группами, в частности, во время июньских событий 1926 г. Они свидетельствуют о высоком патриотическом подъеме разных слоев населения, в первую очередь интеллигенции, учащейся молодежи. Активную роль играло и религиозное общество Чхондогё. Несмотря на массовые аресты, борьба прогрессивных сил за единство действий и сотрудничество патриотических организаций продолжалась. Говоря о едином корейском антияпонском фронте, точнее, о его зачатках в 1920-е годы, надо охарактеризовать его как объединение усилий снизу. Удар по нему был нанесен решениями VI Конгресса Коминтерна, в котором содержались левацкие, сектантские установки.

Японские издания содержат сведения о деятельности компартии во второй половине 1920-х годов. Отмечается, что «компартия развернула практическую деятельность, выдвинув в 1926 г. лозунг о переходе от частичных экономических требований к политической борьбе по всему фронту; она установила связи с националистическим движением, объединила различные национальные общественные организации во главе с Синганхве (Общество обновления) – единой национальной партией и развернула легальную борьбу и движение за национальную независимость»⁸. Комсомол как единая организация был основан в 1924 г., до образования КПК, и действовал под непосредственным руководством КИМ. В 1925 г. состоялся его II учредительный съезд. В издании «Словарь тайной полиции» нет четкого разграничения компартии и комсомола⁹. Это, по-видимому, объясняется

⁸ Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время. С. 7–8.

⁹ Словарь тайной полиции. С. 102–103.

тем, что многие коммунисты были молоды и одновременно состояли и в КПК, и в комсомоле. Представители старшего поколения находились преимущественно в эмиграции.

В этот период активизировались многие левые анти-японские организации, продолжались массовые выступления. Среди них особое место занимает июньская демонстрация 1926 г. Ее организаторами были компартия, комсомол и Чхондогё, в руководстве которой в то время находились левые деятели; участвовали в выступлении и умеренные националисты; печатались листовки, воззвания, прокламации, призывавшие к борьбе за независимость. Июньская демонстрация, которая не стала общенациональным выступлением и ограничилась Сеулом, стала заметной вехой в корейском освободительном движении, так как продемонстрировала значение и возможность единства действий патриотов разной политической ориентации – коммунистов и общества Чхондогё, пользовавшегося большим влиянием в разных слоях населения и имевшего в стране множество филиалов. В японских изданиях материалов об этом событии не так много. «Вестник идеологии» трактует июньскую демонстрацию 1926 г. главным образом как выступление корейских студентов¹⁰.

Деятельность созданного в 1927 г. Общества Синганхве строилась по принципу общенациональной партии. Его организаторы пытались направить свою работу в русло борьбы за единый фронт, но при этом Общество оказалось крайне разнородным. Вместе с тем оно объединяло много людей и имело более 100 отделений по всей стране. В японских полицейских изданиях Синганхве именуется организацией бескомпромиссного направления – характеристика, применяемая полицией в отношении коммунистических и левых организаций. О роспуске этой организации издание «Состояние общественного спокойствия...» пишет: «Внутри организации возникли разногласия между сторонниками легальных и нелегальных методов борьбы, и в 1931 г. организация Синганхве распалась»¹¹.

Интересна и трактовка японскими изданиями роспуска компартии Кореи в 1928 г. Решение VI Конгресса Комин-

¹⁰ Вестник идеологии. 1937. № 11. С. 70.

¹¹ Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время. С. 9.

терна не признать ни одну из делегаций, прибывших на Конгресс (это стало причиной того, что ККП перестала существовать как централизованная организация), думается, не оправдало себя. Наиболее результативно национально-освободительная борьба велась именно в период существования ККП. Яркий пример тому – июньская демонстрация 1926 г. Распуск ККП был данью сектантству, революционному нетерпению со стороны Коминтерна, который к тому же не очень хорошо представлял происходящее в Корее. «В связи с продолжающимися арестами корейская компартия была распущена, – говорится в книге “Состояние общественного спокойствия...”», – VI Конгрессом Коминтерна в августе 1928 г., но исполком Коминтерна в декабре того же года принял тезисы о восстановлении компартии Кореи, которые были адресованы рабочим, крестьянам и другим неимущим слоям общества. Развернулась активная борьба за восстановление партии; расширилось самое левое, радикальное движение»¹².

«Словарь тайной полиции» также упоминает о «декабрьских тезисах» по поводу положения в компартии Кореи. Там говорится, что Дальневосточный отдел Коминтерна создал «для стимулирования борьбы народов колоний» комиссию по корейскому вопросу и в декабре 1928 г. выработал тезисы о воссоздании корейской компартии. «Декабрьские тезисы», принятые Политсекретариатом ИККИ в декабре 1928 г., отражали общий курс, взятый VI Конгрессом Коминтерна, и его левацкие, сектантские установки. В них говорилось, что национально-освободительное движение в Корее является не только антиимпериалистическим и антифеодальным, но и тесно связанным с борьбой пролетариата против национальной буржуазии. В них предлагалось отвергать любое блокирование с национальной буржуазией, утверждалось, что она не представляет в колониях силы, противостоящей империализму. Тем самым как бы отсекались от освободительной борьбы союзники коммунистов, вместе с ними выступавшие в 1926 г. Комментируя «декабрьские тезисы», «Словарь тайной полиции» отмечает, что «под их влиянием блуждавшая из-за раскола и внутренних распрей компартия одним махом “пришла в себя”, а корейские коммунисты активно присту-

¹² Там же.

пили к сплочению своих рядов»¹³. При том что «заслугу» роспуска ККП полиция приписывает исключительно своему усердию, нельзя не согласиться, что главной причиной того, что ККП прекратила в 1928 г. свое существование в качестве единой силы, были именно акции властей, репрессии.

Дальнейшее развитие антияпонского сопротивления проходило в Корее в условиях мирового экономического кризиса, нарастающей милитаризации Японии и нового курса Коминтерна. В конце 1920-х годов произошел ряд крупных выступлений рабочих, крестьян, интеллигенции. Возникнув на базе ухудшающегося положения масс, усиливающейся дискриминации корейцев, они вместе с тем явились результатом деятельности патриотических сил.

В первой половине 1930-х годов стали нарастать милитаристские устремления Японии и связанные с этим меры по обеспечению спокойствия в Корее, созданию прочного тыла. Особенно эта тенденция проявилась после захвата Маньчжурии и усиления подготовки к «большой» войне. Корее придавалось особое значение как плацдарму продвижения на материк; в связи с этим большое внимание уделялось «успокоению» жителей колонии. Усилился полицейский контроль, у народа отбирались остатки тех частичных свобод, которые японская колониальная администрация была вынуждена дать ему после движения 1919 г., ужесточились карательные акции в отношении антиколониальных и антивоенных сил.

В то же время деятельность корейских патриотов, борющихся за свое освобождение, в этот период приобрела новые черты. В леворадикальном движении усилились ультрареволюционные настроения, отход от наметившегося единства действий с буржуазно-патриотическими силами. Это было отражением установок VI Конгресса Коминтерна. Рассматриваемые издания приводят сведения о так называемых красных рабочих и крестьянских союзах, подпольных организациях интеллигенции, учащихся, которые наряду с борьбой за независимость Кореи выдвигали на первый план беспочвенные лозунги «коммунизации» Кореи, строительства там социалистического общества. Повышенное внимание эти источники уделяют левым союзам интелли-

¹³ Словарь тайной полиции. С. 165–166.

гентов; «левые» по-прежнему рассматривались японской администрацией как влиятельная, активная сила освободительной борьбы.

Умеренное крыло корейской интеллигенции, центристы (как явствует из японских изданий, некоторые из них входили в «красные» союзы) не поддерживали левацкий курс, выступали за первоочередность решения национально-освободительных задач, за блокирование с националистами-патриотами разных политических направлений. Центристы старались сочетать подпольную работу с легальной, вели культурно-просветительскую деятельность, ратовали за духовное развитие деревни и корейского общества.

В рассматриваемое время усилился процесс дифференциации в среде национал-реформистов. Это было связано не только с приобщением корейской буржуазии к военно-промышленному строительству, но в большей мере и с крайним левачеством в подполье страны. Одних патриотов, не согласных с ним, оно толкало вправо, другие вовсе отходили от освободительной борьбы. Отток, как следует из японских изданий, был очень значительным. И все же японские материалы позволяют судить о мужестве и самоотверженности оставшихся в подполье патриотов. Вместо репрессированных, отошедших от борьбы лидеров, активистов, участников приходили новые люди. Взамен разгромленных организаций создавались под разными названиями другие. Несмотря на глубокую ошибочность курса, на драматизм его последствий, на заведомо обреченные на провал выступления и многочисленные жертвы, подполье продолжало функционировать. Оно сильно тревожило японскую администрацию, притом что ей был на руку отказ разнородных политических сил от блокирования.

Велась в этот период и партизанская борьба. Вместе с тем по сравнению с 1920-ми годами активность партизан в первой половине 1930-х годов снижается. Вот как оценивает ее издание «Состояние общественного спокойствия...»: «Во время маньчжурских событий здесь (в Маньчжурии) насчитывалось около 50 тыс. партизан; затем с созданием маньчжурского государства усилились объединенные действия против них японо-маньчжурских войск и полиции, и к концу марта того же года (1931 г.) число партизан сократилось до 10 тыс.

С началом китайских событий активность партизан возросла, и число их превысило 16 тыс. чел.»¹⁴.

Вторая половина 1930-х годов была временем серьезных перемен в мире, связанных с усиливающимся наступлением фашизма и ростом угрозы войны. Мировая ситуация требовала новой стратегии и тактики освободительной борьбы народов, в том числе колониальных и зависимых стран, создания широкого единого фронта. Нуждались в пересмотре ошибочные левацкие установки VI Конгресса Коминтерна. VII Конгресс (1935 г.) провозгласил политику единого широкого народного фронта для борьбы против фашизма и войны, для решения общедемократических задач. На конгрессе подверглась критике недооценка общенациональных, антиимпериалистических задач, преждевременность лозунгов «рабоче-крестьянской революции», «советского правительства» и других, признавалось, что для колоний и полуколоний первым шагом народной революции будет этап национально-освободительной борьбы, направленный против колонизаторов. Решения VII Конгресса Коминтерна сыграли определенную роль в развитии национально-освободительной борьбы в Корее, переходе ее к новому этапу.

Борьба корейского народа за свое освобождение во второй половине 1930-х годов велась по двум потокам – и в самой стране, и в Маньчжурии. К середине 1930-х годов центр партизанского движения переместился в Маньчжурию: на территории Кореи действия партизан были почти невозможны. Как известно, в Маньчжурии были сильны традиции вооруженных форм борьбы. Партизанское сопротивление велось там еще с начала XX в.; здесь действовали «Армия справедливости» (Ыйбён) и «Армия независимости» (Топпункун). Способствовали ведению партизанской борьбы и географическое положение, непосредственная близость к Корее, особенности ландшафта. К 1935 г. в Маньчжурии проживало около 1 млн корейцев, многие из них включились в антияпонское движение. Там обосновалось и значительное количество коммунистов, которые после роспуска корейской компартии объявили о своем слиянии с компартией Китая (1930 г.). Отряды корейских коммунистов-партизан вошли в Китайскую освободительную армию.

¹⁴ Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время. С. 412–413.

Вот что пишут японские издания, в частности «Состояние общественного спокойствия...», о партизанской борьбе во второй половине 1930-х годов: «Приблизительно до 1935 г. коммунисты и партизанские группы действовали раздельно, без всякой связи между собой. Однако в 1935 г. КПК опубликовала так называемую декларацию “8.1” (“Спасение страны и борьба с Японией”), объединив на базе прежней Северо-восточной народно-революционной армии все партизанские группы, находившиеся в Маньчжурии. Преобразовав эти силы в Объединенную Северо-восточную антияпонскую армию, КПК подчинила ее своему руководству. Каждой армии или дивизии был определен свой участок действий; в каждую такую армию, дивизию или группу были посланы политработники. Находившийся по ту сторону границы от провинции Южная Хамгён маньчжурский уезд Чанбай был определен районом действий 6-й дивизии 2-й армии в составе антияпонской объединенной армии. Командиром был назначен Ким Ир Сен. В районах действий 6-й дивизии под его руководством совершались частые рейды, сопровождавшиеся убийствами, грабежами, похищениями отдельных лиц... По указанию Коминтерна и Компартии Китая эта дивизия... развернула работу по расширению организаций антияпонского фронта»¹⁵.

В изданиях приводится материал о связях партизан с корейскими патриотами. К примеру, в книге «Состояние общественного спокойствия...» сказано, что «Ким Ир Сен привлек некоторых радикалов из пограничного района Южная Хамген волости Унхын, поручил им развернуть там активную деятельность»¹⁶. В том же издании говорится, что «политработники 6-й дивизии были командированы на важные военные базы Кореи в Ханным, Хамхын, Вонсан, Синьджу и др., где были созданы антияпонские организации». Наиболее широкая их сеть была в пограничных районах провинции Южная Хамген и в районе Хыннам, где проводились аресты, казалось бы, окончательно разгромившие эти организации. На деле оказалось не совсем так¹⁷. В числе якобы разгромленных, но продолжавших функциониро-

¹⁵ Там же. С. 409–410.

¹⁶ Там же. С. 410.

¹⁷ Там же.

вать организаций названы «Союз освобождения корейской нации», «Корейское общество возрождения отечества», «Лига истинных друзей», «Антияпонская лига» и др. Число сторонников этих организаций после арестов составляло 200 человек¹⁸. По сведениям рассматриваемых изданий, «партизаны нападали на военные объекты, нарушали связь, совершали диверсии на железных дорогах, срывали важные работы военного характера, разоружали японские гарнизоны». Для борьбы с партизанами полицией Японии была установлена тесная связь с полицейскими органами Маньчжурии, проводились массовые аресты¹⁹.

Корейские партизаны действовали и во время подготовки Японии к войне против СССР, когда в 1938 г. в районе оз. Хасан и в 1939 г. в Монголии, у р. Халхин-Гол, имели место японские провокации. В эти годы в промышленных центрах Северной Кореи участились случаи саботажа и диверсий на военных объектах, ухода рабочих в партизанские отряды. Как сообщают японские издания, ранее аналогичные факты имели место и в других районах Северной Кореи²⁰. Можно предположить, что внимание японских властей было приковано не к ущербу, который партизаны наносили японским подразделениям (он был незначителен), а к напряжению, создаваемому партизанами в японских тылах.

Итак, служебные материалы японского генерал-губернаторства в Корее являются важным источником исследования колониальной истории, в частности борьбы корейского народа против японского колониального господства. Они содержат ценную информацию об антияпонских настроениях и выступлениях корейцев. При этом в изданиях неоднократно приводится тезис о диктате Москвы при полном отсутствии внутренних условий для освободительного движения в колонии. Думается, с ним нельзя безоговорочно согласиться, но вместе с тем автор все же считает необходимым напомнить о помощи со стороны Советской России и Коминтерна. Его решения, указания, рекомендации, как известно, были далеко не однозначны: наряду с дельными советами и практической помощью в Корее насаждались

¹⁸ Там же. С. 422.

¹⁹ Вестник идеологии. 1937. № 11. С. 84–85, 92.

²⁰ Там же.

большевистские приемы, советский опыт, механически воспринимавшийся патриотами, что вело к огромным издержкам и жертвам. Особенно сильно это проявилось в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов, когда в освободительном движении стали ощущаться отзвуки сектантских, левацких установок VI Конгресса Коминтерна, смещение акцентов в задачах борьбы с национально-освободительных на классовые, отход с позиций единого фронта патриотических сил. Эти установки нуждались в пересмотре. VII Конгресс Коминтерна выдвинул политику единого широкого народного фронта для борьбы против фашизма и войны и решения общедемократических задач. Его тезисы сыграли определенную роль в развитии национально-освободительного движения в Корее, его переходе к новому этапу. В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в борьбу корейского народа за независимость свой вклад внесли все его потоки и участники.

Источники

Вестник идеологии (Сисо: ихо:). Вып. 6. Сеул: Изд. генерал-губернаторства, 1936. 321 с. (на яп. яз.); Вып. 11. Сеул: Изд. генерал-губернаторства, 1937. 321 с. (на яп. яз.).

Корейская полиция (Тё: сэн кэйсацугайё:). Сеул: Изд. генерал-губернаторства, 1938. 161 с. (на яп. яз.).

Словарь тайной полиции (Ко: то: кэйсацу ё: годзитэн). Сеул: Изд. генерал-губернаторства, 1935. 258 с. (на яп. яз.).

Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время (Сайкин-ни окэру тё: сэндзиан дзё: кё:). Сеул: Изд. генерал-губернаторства, 1939. 480 с. (на яп. яз.).

Литература

История Кореи. М.: Наука, 1974. Т. 2. 480 с.

Шабшина Ф. И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца. М.: Наука, 1982. 287 с.

Роль корейских коммунистов СССР (Иркутская группа) в движении за освобождение Кореи от японского ига

Участие ряда корейских партизанских отрядов в борьбе с японскими интервентами и белогвардейцами на стороне красных, а также служба корейцев в регулярных частях Красной армии в период Гражданской войны способствовали распространению идей большевизма в корейской среде. Важную роль в развитии корейского революционного процесса сыграл Коминтерн и его авангард – советские корейцы-коммунисты. Они участвовали в образовании коммунистических групп в среде корейских революционеров и эмигрантов, прежде всего в российском Приморье и Сибири, где в 1920-е годы сформировались зарубежные центры этого движения.

Участие в Гражданской войне и изгнании японских интервентов. Основание Корейской коммунистической партии в Иркутске

Во второй половине 1919 г. начала свою деятельность подпольная корейская коммунистическая ячейка в г. Иркутске, организованная Нам Манчхуном (Павлом Никифоровичем Намом), члены которой составили ядро будущей Иркут-

ской компартии. В состав ячейки входили Пак Сынман, Ким Черхун, Юн Хеб, Чо Хун (Тё Хун), Пак Алексей, Ким Шенчан (Чунжен), Ан Донбак (Николай). Вначале она не имела связи с русскими организациями. В своих рядах ячейка тогда насчитывала только восемь человек¹. Поначалу они создали боевое формирование «Герсада» («Кёльсадэ») («Отряд смертников»), куда вошли члены ячейки. Целью этого формирования было под лозунгом «За освобождение Кореи» создать из корейцев боевую организацию, в которой «проводить идеи коммунизма и в случае противодействия их работе бороться посредством террора»². Инициатором создания боевой организации являлся член одного из самых представительных антияпонских секретных объединений в Корее – «Союза освобождения» – Чо Хун.

В конце декабря 1919 г. из Читы по поручению Дальбюро ЦК РКП(б) и командования Народно-революционной армии Дальневосточной Республики нелегально перешла линию фронта и пробралась в освобожденный от белогвардейцев Иркутск представитель Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) Аврелия Александровна Нонява³, с которой Нам Манчхун был знаком со времени обучения в гимназии в Чите. В начале 1920 г. А. Нонява работала ответственным секретарем газеты «Власть труда»⁴ – органа Иркутского окружного комитета ВКП(б). Благодаря ей корейской секции удалось установить связь с русскими коммунистами. Все восемь человек вошли в интернациональную коммунистическую организацию, которая тогда называлась Культурно-просветительским отделом Центрального штаба рабоче-крестьянской дружины (при Политическом центре). В его состав входили восемь национальных секций – немецкая, мадьярская, корейская, китайская, мусульманская, польская, чешская и югославянская⁵, – стоящие на платформе III Интернационала.

¹ Пак Б. Д., Пак Б. Б. Нам Манчхун. М., 2017. С. 35.

² Доклад Корейской секции об организации в Иркутске Корейской коммунистической организации // ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. Л. 32.

³ Анкета П. Н. Намма. 1920 г. // ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308. Л. 9.

⁴ Сибирцева Т. Лера Нонява. Воспоминания // Из личного архива Аэлиты Михайловны Битиевой и Вахида Вахидовича Битиева. Рукопись. Л. 10.

⁵ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. Л. 32; Пак Б. Д. СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение, 1918–1925: очерки, документы, материалы. М., 2006. С. 178.

Павел Нам и другие члены организации приняли активное участие в свержении правительства А. В. Колчака и изгнании японских оккупационных войск из Иркутска. В январе 1920 г. Нам Манчхун являлся одним из главных организаторов боевой Интернациональной коммунистической дружины из революционно настроенных военнопленных (венгры, поляки, чехи), корейцев и китайцев, был избран комиссаром и начальником штаба дружины⁶, которая получила название 1-я Интернациональная коммунистическая дружина имени III Интернационала. В ее состав входило 2000 добровольцев. В подготовленной в мае 1920 г. П. Н. Намом сводке иностранного подотдела Народно-революционной армии говорится: «Большинство товарищей корейцев и китайцев выразили горячее желание вступить в Красную Армию и воевать на любом фронте. Самое горячее желание воевать против Японии...»⁷.

Корейская секция, насчитывающая уже 36 человек, была переименована в I Интернациональную коммунистическую дивизию и действовала как боевая организация – корейская рота. Она участвовала в боях против белых в районе Олонки⁸. Тогда же Нам Манчхун был выбран на должность начальника штаба дивизии. С 1 по 28 февраля 1920 г. он исполнял обязанности начальника штаба дивизии, будучи одновременно и политическим руководителем Восточной группы дивизии. В том же 1920 г. Иркутский горком партии принял Нам Манчхуна в ряды РКП(б)⁹. В мае–июне 1920 г. при Сиббюро ЦК РКП(б) был создан отдел национальных меньшинств, который развернул большую работу по объединению всех групп иностранных коммунистов в Сибири.

Павла Нама, выделявшегося среди коллег своими обширными познаниями, обладавшего незаурядным ораторским

⁶ Данные о прохождении службы Намманчуном с 1914-го по 1920 год. Л. 5 // Из личного архива М. С. Хлопонина.

⁷ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами советской России (1917–1922). М., 1957. С. 57.

⁸ ГАНИИО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 452. Л. 32; Пак Б. Д. СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение. С. 178.

⁹ Протокол заседания корейской секции при Иркгубкоме РКП от 21 марта 1920 г. // ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. Л. 24.

и писательским даром¹⁰, в марте 1920 г. избрали председателем отдела Иркутского губкома РКП(б) по делам национальностей, состоявшего из корейской, эстонской, латышской, бурятской, мусульманской, мадьярской, славянской, китайской секций. С 1 мая 1920 г. отдел по делам национальностей был переименован в отдел нацменьшинств губкома партии¹¹, а позже, в ноябре 1920 г., преобразован в подотдел нацменьшинств отдела агитации и пропаганды Сиббюро ЦК РКП(б). В период работы (до июля 1920 г.) Павла Нама председателем отдела Иркутского губкома РКП(б) по делам национальностей под его началом работали видные интернационалисты. Важнейшей частью работы восточных секций отдела нацменьшинств был вопрос об организации воинских частей будущей Восточной армии.

После ликвидации каппелевских частей и входа в город 7 марта отрядов 5-й армии члены венгерской, немецкой, польской, чешской и югославянской секций («западники»-интернационалисты) были переведены в г. Омск для формирования из них интернациональных боевых частей. «Восточников» (китайцев, корейцев и мусульман), объединенных в батальон запасного полка Иркутской стрелковой дивизии, по их просьбе переформировали в Инструкторский батальон. Бюро восточных секций отдела нацменьшинств, считая необходимым создание в г. Иркутске базы как политической, так и боевой организации, приступило к формированию Интернационального инструкторского батальона как отдельной части для подготовки инструкторов, ядра будущей «Китайско-корейской пролетарской армии для борьбы с японским империализмом», в ряды которого входили китайская, корейская и временно мусульманская роты.

Корейская секция (восемь человек) как автономная ячейка вошла в состав губкома партии. В Верхнеудинске членами секции была создана партийная ячейка из корейцев. Они вели большую агитационно-пропагандистскую работу как устного, так и печатного характера среди корейского населения Иркутской губернии, которое насчитывало несколько тысяч человек. Секции удалось выпустить на корейском языке

¹⁰ Опросный лист П. Намма 27 марта 1920 г. // ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 308. Л. 186.

¹¹ ГАНИИО. Ф. 1. Д. 308. Л. 8.

три номера партийной газеты «Красное знамя», два раза – прокламации, которые распространялись по всей России, Сибири¹² и даже были отправлены за границу, вплоть до Японии. Устная агитация велась только в пределах г. Иркутска и в Черемховских коях. Так, 1 марта 1920 г. – день Корейской революции – отпраздновали грандиозной манифестацией, в которой приняли участие и корейцы-националисты (Кукминхве). В мае 1920 г. корейская секция Иркутского губкома РКП(б) и Восточный отдел НКВД выступили с предложением созвать в Иркутске съезд корейских коммунистических организаций России и Сибири для их объединения и создания единого руководящего органа¹³. Необходимость созыва съезда была продиктована разрозненностью корейских коммунистических организаций и отсутствием общего плана работы на Востоке¹⁴. 27 мая на заседании секции была утверждена его повестка¹⁵.

В связи с необходимостью руководства Дальневосточной Республикой и проведением в ней большевистской линии 3 марта 1920 г. Сиббюро создало Дальневосточное бюро РКП(б) (Дальбюро) в столице ДВР Верхнеудинске, в августе 1920 г. преобразованное в Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) с прямым подчинением ЦК РКП(б). К этому времени относится начало работы по созданию Дальневосточного секретариата Коминтерна. На заседании 26–28 июня 1920 г. Сиббюро постановило организовать в Иркутске центр для работы среди восточных народов, назвав его «Секцией восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б)»¹⁶. В нее вошли китайский, корейский и монгольский отделы. Корейский отдел представляли Ли Сон (председатель отдела), Пак Сынман (зав. иностранным подотделом), Хан Гюсон (зав. издательским подотделом),

¹² На тот момент все порты Приморья и крупные сибирские и дальневосточные города восточнее Читы были оккупированы японцами.

¹³ Протокол заседания Иркутской Корейской секции РКП(б). 23 мая 1920 г. // ГАНИИО. Ф. 1. Д. 452. Л. 52.

¹⁴ Телеграмма председателя Иркутского Губпарткома Анучина в Сибоблбюро в Омск // ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 445. Л. 14.

¹⁵ Протокол заседания Иркутской Корейской секции РКП(б). 27 мая 1920 г. // ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 48.

¹⁶ Пак Б. Д. СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение, 1918–1925: очерки, документы, материалы. М., 2006. С. 182.

Нам Манчхун (зав. подотделом информации и связи), Цай Александр (секретарь) и Чо Хун (сотрудник подотдела информации и связи)¹⁷.

Съезд корейских коммунистических организаций открылся 12 июля 1920 г. в Иркутске в помещении Народного дома. На нем присутствовали представители корейских коммунистических организаций России и делегация из Кореи. Съезд обсудил вопросы об отношении корейских коммунистов к религиозным организациям, к корейским социалистическим партиям и другим революционным формированиям, о создании центрального органа корейских коммунистических объединений и работе коммунистов на местах и за границей¹⁸.

По вопросу об отношении к религиозным и политическим организациям в Корее выступил с докладом Нам Манчхун. Охарактеризовав историю возникновения и деятельности крупных объединений «Новая народная партия» («Синминдан»), «Союз восстановления независимости Кореи», «Партия независимости» («Тоннипдан»), «Союз женщин», «Небесный путь» («Чхондогё»), докладчик сделал вывод: «Хотя поименованные партии имеют разные социальные программы, — все они одинаково стремятся к освобождению Кореи от японского ига и поэтому могут быть использованы для революционного движения на Востоке»¹⁹. Несмотря на предложение некоторых делегатов создать Корейскую коммунистическую партию, съезд решил ограничиться пока только образованием Центрального комитета корейских коммунистических организаций и поручить ему организационную работу по подготовке к учредительному съезду Корейской компартии²⁰.

С целью установления связи с коммунистическими организациями как в России, так и за рубежом почти все работники ЦК были командированы в Корею, Китай, на русский Дальний Восток. В Шанхай, где ранее местное отделение секции организовало Корейское бюро,

¹⁷ Там же. С. 182–183.

¹⁸ См. об этом также: СССР и Корея. М., 1988. С. 42–43.

¹⁹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. Л. 58.

²⁰ СССР и Корея. С. 42.

в августе 1920 г. был послан Ли Гвар с материалами съезда для установления контакта с социалистической партией и Шанхайским правительством. В Корею через Шанхай командировали Чо Хуна. В его обязанности входило информировать о положении в Корее и Японии, посылать представителей корейских коммунистических организаций на иркутский съезд. В конце 1920 г. секцией была отправлена экспедиция из членов корейского ЦК в Корею, Кандо²¹ и на русский Дальний Восток. Задачей их являлось завершение начавшегося объединения социалистической и коммунистической партий, объединение и налаживание руководства и организации партизанского движения²².

Агитационно-пропагандистско-издательский подотдел ЦК корейских коммунистических организаций (корейский отдел), возглавляемый Нам Манчхуном, начал издавать на корейском языке газету «Тона консан» («Восточноазиатская коммуна»), рассылавшуюся не только по всем городам России, где жили корейцы, но и за границу (в Корею, Китай и Японию). С 14 августа по 25 сентября 1920 г. было издано три номера. В своей работе сотрудники газеты руководствовались следующими основными принципами: «1) будированием чисто национального движения, 2) разъяснением сущности капиталистической эксплуатации, 3) экономическим обоснованием захвата Кореи, колониальной политики вообще».

Тематика газеты касалась таких вопросов, как общность интересов колониальных народов и пролетариата на Дальнем Востоке, объединенная экономическая борьба и ориентация на Советскую Россию, сущность интернациональной борьбы III Интернационала; рабочее движение в Японии и революционное движение в Китае и других государствах Востока. Тогда же были переведены на корейский язык работы Н. И. Бухарина «Программа коммунистов (большевиков)»

²¹ Кандо (кит. 間島 Цзяньдао, кор. 간도 Кандо) – историческое название территории на востоке провинции Гирич, на северо-востоке Китая, где проживает много этнических корейцев.

²² Из доклада Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) Исполкому Коминтерна о деятельности секции. Иркутск. 21 декабря 1920 г. Док. № 32 // ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941. М., 2007. С. 95–97.

(М., 1918) и «Азбука коммунизма» (М., 1919)²³, другие брошюры²⁴.

Наиболее важный отдел – информационный – был создан при корейском отделе отдела восточных народов Иргубкома РКП(б), где на тот момент работали наиболее опытные, получившие классическое образование в России кадры. Это было сделано в связи с особым значением, придаваемым политическому воспитанию народов Дальнего Востока, и необходимостью поставить на должную высоту издательскую, переводческую деятельность, а также с созданием в газете «Власть труда» нового раздела «Положение на Дальнем Востоке», который должен был информировать широкие корейские, китайские и монгольские народные массы о том, что в настоящее время происходит на Дальнем Востоке; переводить газеты, брошюры и листовки так, чтобы они «обрисовали все стороны текущего момента и положения дела, чтобы ясно дали понять простому рабочему то, что ему необходимо»²⁵. Разработка подробного плана газеты и перевода всего материала на русский язык была поручена информационному отделу под руководством Нам Манчхуна.

Тогда же при ЦК корейских коммунистических организаций была открыта партийная школа, заведующей которой с 1921 г. стала Александра Нам и где преподавал Нам Манчхун. Программа школы, которую к лету 1921 г. окончили 18 человек²⁶, предусматривала изучение политических наук с прохождением военных предметов, преподававшихся на пехотных курсах командного состава.

В октябре 1920 г. секции восточных народов была поручена организация в Омске съезда корейских рабочих и революционных организаций России в Сибири для

²³ [Отчет] Корейский Отдел Цека Коркоморганизаций // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 10. Л. 9об.

²⁴ Доклад Цека Коркоморганизаций о работе Корейского отдела секции Восточных народов при Сибирском бюро ЦК РКП(б) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 19. Л. 22, 22 об., 23.

²⁵ Протокол заседания Президиума секции восточных народов с корейским отделом 19 сентября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 10. Л. 3.

²⁶ Протокол заседания секции вост. нар. Сибоблбюро РКП(б) от 29 июля 1920 г. Иркутск // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 8. Л. 2; Пак Б. Д., Пак Б. Б. Нам Манчхун. С. 51–52.

объединения корейского трудового населения. На съезд были избраны 16 делегатов от секции восточных народов ЦК РКП(б) и ЦК коркоморганизаций, составивших ядро коммунистической фракции съезда, куда помимо Нам Манчхуна вошли «иркутяне» Ли Сон, Цай Григорий, Пак Сынман, Ким Чхорхун и др. Съезд открылся 7 октября 1920 г. На нем присутствовали 55 делегатов. Нам Манчхун выступил с докладом о колониальной политике империалистических держав. «Съезд считает своей первоочередной задачей, – говорилось в резолюции по текущему вопросу, – объявить беспощадную борьбу японскому и мировому капиталу, борьбу за освобождение угнетенного корейского народа, поработенных народов и эксплуатируемых рабочих и крестьян всего мира. Он призывает трудовые массы Кореи встать на борьбу с японским капиталом, призывает их объединиться с трудящимися угнетенного Востока и западным пролетариатом и под руководством мирового революционного III Коммунистического Интернационала добиться свержения мирового капитализма»²⁷. Съезд избрал Центральный Совет агитации и пропаганды (ЦСАП), куда вошли в качестве постоянных членов Ким Чхорхун, Хан Гюсон, Нам Манчхун, Цай Григорий, Пак Сынман, Ким Бёнук, Пак Унхак и пять кандидатов²⁸.

В ноябре 1920 г. ЦК принял решение о созыве в Иркутске в марте 1921 г. учредительного съезда Корейской компартии²⁹.

15 января 1921 г. Коминтерн учредил Дальневосточный секретариат Исполнительного Комитета Коминтерна в Иркутске, нередко именовавшийся Отделом Дальнего Востока ИККИ³⁰. В его ведение была передана секция восточных народов, и кадры секции перешли в аппарат Коминтерна. К концу 1921 г. в его составе были четыре секции: монголо-тибетская, китайская, корейская и японская. Дальневосточный секретариат ИККИ добился ликвидации Корбюро при Дальневосточном бюро ЦК РКП(б), отдав таким образом

²⁷ Пак Б. Д. Указ. соч. С. 190.

²⁸ Там же. Л. 191.

²⁹ Там же. С. 186; Учредительный съезд Корейской коммунистической партии // Народы Дальнего Востока. 1921. № 2. Л. 240.

³⁰ ГАНИИО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 452. Л. 32; Пак Б. Д. Указ. соч. С. 179.

лидерство в корейском коммунистическом движении и подчинив все корейское освободительное движение Корейской компартии в Иркутске.

19 марта 1921 г. на перроне станции Иркутск были встречены делегаты учредительного съезда Корейской коммунистической партии, прибывшие из Кореи, Китая, Дальнего Востока и Сибири. 17 апреля состоялась торжественная церемония по случаю первого выпуска курсантов-коммунистов партийной школы при ЦК Корейской коммунистической партии в России, где присутствовали делегаты учредительного съезда Корейской коммунистической партии, представители корейских воинских частей³¹.

4 мая 1921 г. в Иркутске в большом зале Советского народного дома начались заседания учредительного съезда Корейской коммунистической партии, в котором приняли участие 85 делегатов. На съезде был избран Центральный комитет, куда вошли руководящие деятели Иркутской группы: Нам Манчхун (председатель), Хан Мён Се, Чо Хун, Ким Мангем, Чхве Горё, Ли Сон, Ким Чхорхун, Афанасий Арсеньевич Ким и др. Ли Гвар стал членом ревизионной комиссии ЦК. Делегатами на III съезд Коминтерна избрали Нам Манчхуна и Хан Мёнсе.

Учредительный съезд Корейской компартии проделал большую работу, дав ответы на важнейшие вопросы, связанные с тактической линией партии и ее очередными задачами. Заслушав и обсудив доклады «Национальная и колониальная политика Японии в Корее», «Японский пролетариат и Корея», «Коминтерн и задачи Корейской коммунистической партии» и др., съезд выразил свое отношение к японским рабочим как будущим союзникам, к колониальной политике японских империалистов в Корее. Провозглашая непосредственной задачей корейских коммунистов организацию активной вооруженной борьбы корейских трудовых масс с японским империализмом путем использования для этого всех видов «революционного сотрудничества и боевого товарищества с коммунистами и революционерами РСФСР, ДВР, Китая, Японии и Монголии», съезд признавал вооруженное восстание в качестве единственного средства борьбы за вос-

³¹ Романов Н. С. Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 218.

становление независимости Кореи³². На заключительном заседании съезда делегаты приняли и подписали «Акт Учредительного съезда Корейской коммунистической партии», в котором провозглашались создание Корейской коммунистической партии и приверженность принципам III Интернационала³³.

III Конгресс Коминтерна. Подготовка единого революционного центра в Корее

Конгрессы Коминтерна, молодежного движения являлись единственной трибуной, которую делегаты корейских революционных организаций могли использовать для привлечения внимания мировой общественности к их борьбе с колониализмом в условиях полицейского террора в Корее.

На III Конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г., преобладали представители Корейской компартии из Иркутска. Будучи избранным делегатом на конгресс, Павел Нам выступил с докладом, в котором дал подробный отчет о работе учредительного съезда ККП, назвал ее ближайшие задачи, первоочередной из которых была «вооруженная борьба с японским империализмом как на территории самой Кореи – созданием повстанческих и террористических отрядов, – так и объединением всех разрозненных партизанских отрядов на китайской и русской территориях в одну организованную армию для систематической борьбы с японскими оккупационными войсками» с объявлением мобилизации всех «корейских коммунистов».

Съезд поддержал докладчика и призвал всех делегатов «немедленно разъехаться по местам» и приступить «к боевой и партийной организационной работе, объединяя 9-миллионный корейский пролетариат в классовую армию». Одновременно объявлялось о начале работы партийных школ, главным образом в Иркутске при Корсекции Дальневосточного секретариата Коминтерна, откуда был произведен первый выпуск и отправлен к местам работы и в партизанские отряды, «уже имеющие в своих рядах 5000 испытанных ста-

³² Пак Б. Д. Указ. соч. С. 234.

³³ Народы Дальнего Востока. 1921. № 2. С. 245–247.

рых партизан Кандо, долженствующих послужить основным ядром нарождающейся армии»³⁴.

В докладе особое внимание обращалось на издательскую деятельность. Учитывая отсутствие на корейском языке партийной литературы и связывая успех коммунистического движения с наличием хорошо подобранной теоретической и агитационной печати, ЦК придавал этому направлению работы первостепенное значение. В частности, к началу конгресса ЦК коркоморганизаций, руководимый Нам Манчхун, выпустил 14 номеров своей газеты «Восточная Коммуна» («Дон-ха Генсан»), были выпущены переводные и оригинальные брошюры; вышло шесть номеров издания Иркутской Корсекции «Пургын-гый» («Красное знамя»).

Издательское дело было сосредоточено в двух центрах: в Китае и Иркутске, где планировалась работа переводческих коллективов. При разработке программы издательской деятельности в соответствии с заявленной задачей создания корейской революционной красной армии и подготовки командного состава в первую очередь решено было издать воинские уставы, учебники для курсов командного состава, материалы съезда, программу и устав партии³⁵.

В условиях разрастания освободительного движения в Корее и прилегающих к ней местностях Китая и русского Дальнего Востока возникла острая потребность в установлении тесных связей с Кореей, Китаем и Японией, подготовке там почвы для объединения всех патриотических сил и создания единого революционного центра. С этой целью осенью 1921 г. Павел Нам из Иркутска был направлен на нелегальную работу в Пекин по заданию Коминтерна. Там, по всей видимости, в его обязанности входило: 1) распространение информации о положении в Советской России, ДВР; 2) сбор информации о положении в Корее, Китае, Японии и на русском Дальнем Востоке, о характере и размахе работы местных [коммунистических] организаций; 3) выяснение принципиальной линии компартии по восточному вопросу (экономическая структура стран Дальнего Востока, смысл национально-революционной борьбы, происходящей в этих странах, империализм и колониальная политика), создание

³⁴ Народы Дальнего Востока. 1921. № 3. С. 252–260.

³⁵ Там же.

единого революционного центра; 4) установление телеграфной, почтовой и курьерской связи, пересылка литературы, средств и оружия; 5) организация и контроль издательской работы; 6) агитационная, пропагандистская и инструкторская работа³⁶. Дело осложнялось постоянными преследованиями полиции. Из Пекина ему пришлось бежать в Маньчжурию, а оттуда – в Читу³⁷.

В 1920-е годы Павел Нам Манчхун написал несколько книг на русском и корейском языках, опубликовал ряд статей, посвященных вопросам японского военно-полицейского режима в Корее, формам и методам колониальной эксплуатации и положению в сельском хозяйстве и промышленности Кореи. Самая известная из них – «Угнетенная Корея» – разоблачала колонизаторскую деятельность японского империализма, создавала целостную картину рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения в Корее. В других его работах, посвященных колониальной Корее, например «Современная Корея», «Положение крестьянства и его движение в Корее», основанных на японских статистических материалах, официальных сообщениях генерал-губернаторства, разоблачалась деятельность Восточно-колониального общества, созданного японской буржуазией как орудие закабаления корейских крестьян методами торгово-ростовщической эксплуатации для захвата их земель; не меньше внимания в них уделялось положению рабочего класса, формам и методам его эксплуатации колониальными властями, их политике дискриминации корейского рабочего по сравнению с японским, экономическому и правовому положению женщин.

***Роспуск Иркутской и Шанхайской групп
и создание Корейского бюро
при Дальневосточном отделе ИККИ***

В период проведения в 1922 г. в Верхнеудинске объединительного съезда Корейской компартии в корейском комдви-

³⁶ Инструкция по поездке в Китай для установления связи, взаимной информации и инструктирования // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 7. Л. 38–39.

³⁷ Ким М. Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918–1922). М., 1979. С. 67–68.

жении произошел раскол между Иркутской и Шанхайской группировками³⁸.

В 1922–1924 гг. Иркутской группой руководил Хан Менше. Нам Манчхун в этот период работал в Дальбюро ЦК РКП(б) в столице Дальневосточной Республики г. Чите, где заведовал корейско-японской секцией.

Согласно резолюции комиссии IV Конгресса Коминтерна по корейскому вопросу от 29 декабря 1922 г., с 1923 г. руководство корейским коммунистическим движением среди корейцев не только за рубежом, но и на территории русского Дальнего Востока и в пограничной полосе Китая и России было передано вновь сформированному Корейскому бюро Дальневосточного отдела ИККИ под председательством Катаямы Сэн и его заместителя Г. Н. Войтинского. В его состав вошли Ли Донхви и Хан Менше, а также Ким Чхор Хун, Ким Мангем и И. Файнберг. Корейская комиссия IV Конгресса Коминтерна приняла решение, утвержденное 22 декабря 1922 г. Президиумом ИККИ, о роспуске всех фракций, ЦК групп Иркутской и Шанхайской, как и объединенного ЦК, созданного весной 1922 г. комиссией ИККИ. Создавалось Корейское бюро при Дальневосточном отделе Коминтерна из семи человек. Центр тяжести корейской коммунистической деятельности переносился на работу в Корею и Кандо³⁹. Было сформировано Внутреннее бюро в Корею⁴⁰.

Представители Корейского бюро Дальневосточного отдела ИККИ в составе зам. председателя Г. Н. Войтинского и членов бюро Ли Донхви, Юн Джэхёна, Чон У (Чон Джэдаль) и Хан Мёнсе прибыли в феврале 1923 г. во Владивосток. Представителей Корейского бюро прежде всего интересовали вопросы национально-освободительного движения в Корею. Еще в январе 1923 г. оно выпустило воззвание ко всем корейским национальным революционным формированиям, указывая на необходимость организации корейского освободительного движения на новых началах, а именно: «объединения всех... революционных элементов в борьбе

³⁸ Шабшина Ф. И. История корейского коммунистического движения (1918–1945 гг.). М., 1988. С. 94–95; Пак Б. Д. Указ. соч. С. 288–290.

³⁹ ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 227–229; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 55. Л. 12–19.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 466. Л. 53.

против японского господства и образования единого национального революционного фронта в форме единой революционной партии с конкретной платформой и программой»⁴¹. Обсуждению доклада Г. Н. Войтинского с платформой единого национально-революционного фронта и координации его действий с японским революционным движением было посвящено специальное заседание Корейского бюро 18 марта 1923 г. Заслушав доклад Г. Н. Войтинского, бюро постановило:

«1. Для осуществления единого национально-революционного фронта необходимо выдвинуть следующую платформу:

А) Единый национально-революционный фронт:

а) борьба за полную независимость Кореи (тоннип);

б) борьба против сторонников самоуправления Кореи под протекторатом Японии и трезвый учет каждого акта японского правительства в его эксплуатации корейского народа при помощи новых методов: ослабления политического гнета, с одной стороны, и усиления экономического обескровления Кореи – с другой;

в) высвобождение революционных сил из-под влияния мелкобуржуазной идеологии и, в частности, от идеологического влияния на нее американского “демократизма”;

г) разъяснение возрождающейся национальной буржуазии, что развитие национальной промышленности невозможно без полного политического и экономического освобождения Кореи от оккупационного японского аппарата;

д) требование прекращения японизации корейских школ;

е) требование свободы вероисповедания;

ж) требование национализации земли и передачи ее трудящимся;

з) требование освобождения трудового населения от всяких земельных, подворных и др. видов налогов;

и) создание главной революционной базы в рабочих и полупролетарских местах;

к) организация рабочих и пауперизованных пролетариев в политические и профессиональные организации;

⁴¹ Воззвание Корейского бюро Коминтерна «К единству корейского национального движения». Январь 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 190. Л. 75–77.

л) установление будущей формы государственного управления по освобождению Кореи предоставляется народному волеизъявлению, ныне же форма управления не выставляется»⁴².

Осуществление продуманной, отвечающей условиям Кореи платформы Войтинского при наличии в Корее и в эмиграции действительно революционной партии могло бы обеспечить создание единого национально-освободительного фронта. Но такой партии еще не было, а первая попытка создания объединенного фронта на национальном съезде в Шанхае в марте 1923 г. окончилась неудачей⁴³.

Роспуск Корейского бюро и образование Корейской компартии (апрель 1925 г.)

Разногласия внутри Корбюро и между различными коммунистическими и национальными группировками в конечном счете привели к роспуску ИККИ Корейского бюро в феврале 1924 г.⁴⁴ Тогда же Президиум ИККИ принял решение о создании вместо него Организационного бюро по созыву объединительного съезда Корейской коммунистической партии непосредственно в Корее с целью создания единого фронта национально-революционной борьбы⁴⁵. Решение ИККИ о создании партии в самой Корее было вызвано изменениями во внутривнутриполитическом положении Кореи в связи с подготовкой внутренних условий для широкого национального движения⁴⁶.

Определенное влияние на деятельность коммунистических групп в Корее оказывало Корейское бюро Дальневосточного отдела ИККИ. В Корею были командированы Син Ёнги и Чон

⁴² Протокол № 4 заседания Корбюро от 18 марта 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 187. Л. 9–10; Пак Б. Д. Указ. соч. С. 334.

⁴³ Там же. С. 338–339.

⁴⁴ Там же. С. 340–341.

⁴⁵ Резолюция Президиума ИККИ по корейскому вопросу. Москва, 19 февраля 1924 г. // ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 281–284.

⁴⁶ Проект «тезисов по вопросу о корейском национальном движении», подготовленный Г. Н. Войтинским. Москва, [ранее 19 февраля] 1924 г. // ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 279–280.

У, проделавшие большую работу по формированию в мае 1923 г. Внутрикореянского бюро в целях подготовки создания единой Корейской коммунистической партии⁴⁷.

В июле 1923 г. в результате деятельности Иркутской группы корейских коммунистов было основано «Общество изучения новых идей» («Синсасан ёнгухве»). К осени 1924 г. оно учредило свои ячейки в большинстве важнейших городов Кореи – Синыйджу, Пхеньяне, Инчхоне, Тэгу, Масане, Кванджу и др. Среди активистов было 300 рабочих. В Сеуле и других крупных городах были созданы также ячейки молодежной организации общества. 19 ноября 1924 г. (во вторник) «Общество изучения новых идей» было переименовано в «Общество вторника» («Хваёхве») в честь дня рождения К. Маркса. Его лидерами стали Ким Джэбон, Чо Бонъам, Ким Данъя, Хон Чунсик и др.⁴⁸. В 1923 г. в Корее появилась еще одна коммунистическая организация, связанная с деятельностью обучавшихся в Токио корейских студентов, – «Общество северной звезды» («Пуксонхве»), в ноябре 1924 г. переименованное в «Общество северного ветра» («Пукпхунхве»).

В середине 1920-х годов в Корее стали предприниматься попытки объединения организаций трудящихся. В апреле 1924 г. состоялся Всекорейский всеобщий рабоче-крестьянский съезд. В результате образовалась «Рабоче-крестьянская федерация Кореи» («Чосон нонон тонмэн»), в создании которой руководящую роль сыграл прибывший из Владивостока член бывшей Иркутской группы Со Чхо⁴⁹.

На совещании при Восточном отделе ИККИ во Владивостоке 9 мая 1924 г. Нам Манчхун был утвержден секретарем (председателем) Оргбюро по созыву съезда Корейской компартии во Владивостоке⁵⁰. В составе Оргбюро представители Иркутской группы оказались в большинстве⁵¹. В полномочия и задачи бюро, утвержденные 7 мая 1924 г., входила подготовка

⁴⁷ Пак Б. Д. Указ. соч. С. 351.

⁴⁸ Ше Де Сук. Корейское коммунистическое движение 1918–1948 гг. М., 2002. С. 71–72.

⁴⁹ Шабшина Ф. И. Указ. соч. С. 78–79.

⁵⁰ Протокол совещания по корейскому вопросу при Восточном отделе ИККИ. Владивосток, 9 мая 1924 г. // ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 291–292.

⁵¹ Из отчетного доклада Бюро по созыву съезда ККП в Восточный отдел ИККИ 14 октября 1924 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 71. Л. 83–101об.

учредительного съезда ККП, заключающаяся в «выяснении наличных сил коммунистического движения и в последующем объединении и организации всех коммунистических групп, действовавших разрозненно и вопреки друг другу»⁵². Для достижения этой цели бюро необходимо было установить непосредственные связи с коммунистическими группами внутри Кореи и с организациями Китая. Первым делом бюро должно было ознакомить корейских коммунистов с последними решениями ИККИ и обратиться к ним с предложением провести объединение и съезд под руководством Коминтерна. Для этого в Корею были направлены члены бюро Ли Сон и Тен У, на месте собиравшие данные о составе и деятельности отдельных коммунистических групп, рабочих и крестьянских союзов, политическом и экономическом положении внутри Кореи⁵³. На основе этих данных Оргбюро под руководством Нам Манчхуна вырабатывало линию по ситуации во внутренней Кореи⁵⁴.

Предпринимались меры к объединению коммунистических групп во внутренней Кореи и эмиграции⁵⁵. Однако попытка образовать объединенную компартию в Кореи не удалась. Командированные Оргбюро в Корею Ли Сон и Чон У были встречены враждебно «Группой 13-ти», состоящей из представителей коммунистических групп «Общества северной звезды» («Пуксенхой»), «Сеульского союза молодежи» и «шанхайцев». «Сеульский союз молодежи» во главе с Ким Са Гуком стремился к лидерству и выдвинул лозунги: «Корея для корейцев», «Долой эмигрантов», «Долой Шанхайскую и Иркутскую группы»⁵⁶.

В этой ситуации Оргбюро в докладе в Восточный отдел ИККИ от 29 марта 1925 г. поставило вопрос об отказе от прежних попыток объединить существующие комгруппы в Кореи и созыва объединительного съезда, о необходимости положить в основу создания Корейской коммунистической партии две основные группы: «Хваёхве», связанную с Владивостокским Оргбюро, и «Общество северного

⁵² ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 287–290.

⁵³ Там же. С. 288.

⁵⁴ Отчетное письмо Бюро по созыву съезда ККП в Восточный отдел ИККИ 14 октября 1924 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 71. Л. 69–71об.

⁵⁵ ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 780.

⁵⁶ Пак Б. Д. Указ. соч. С. 354.

ветра» («Пунпхунхве»)⁵⁷. Они стали опорой ИККИ, при их решающем участии был подготовлен учредительный съезд партии, который открылся 17 апреля 1925 г. в Сеуле под председательством Ким Яксу, лидера «Хваёхве». Съезд провозгласил образование Корейской коммунистической партии (Чосон консандан). По вопросу об отношении к национально-революционному движению съезд постановил: «Поддержать национально-освободительное движение масс и туземной буржуазии во всех его проявлениях ...направляя движение по линии образования единого национально-революционного фронта и увязки его с движением угнетенных народов других колоний, а также мирового пролетариата»⁵⁸.

Не позднее 15 мая 1925 г. Нам Манчхун как руководитель Владивостокского Корейского бюро был вызван в Москву Восточным отделом ИККИ для разработки рабочей платформы Корейской компартии программного и тактического характера⁵⁹. В связи с созданием ККП Оргбюро по созыву учредительного съезда во Владивостоке распускалось. 21 сентября 1925 г. ККП была признана секцией Коминтерна⁶⁰. В конце 1925 г. Нам Манчхун был направлен Коминтерном в Шанхай в качестве члена редколлегии центрального органа Корейской компартии «Перкут» («Искра») и для связи с ЦК Китайской компартии⁶¹.

***Идейное руководство Заграничного бюро ЦК
Корейской коммунистической партии.
Вдохновители шоньской демонстрации 1926 г.
в Корее***

После разгрома ККП первого созыва в конце ноября 1925 г. и ареста более 30 видных ее членов во главе с Ким Джебоном

⁵⁷ ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 321–322.

⁵⁸ Пак Б. Д. Указ. соч. С. 356–357; Краткая история Коммунистической партии Кореи. Декабрь 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 111. Л. 247–248.

⁵⁹ Из отчета Восточного отдела ИККИ Президиуму ИККИ, г. Москва. 22 мая 1925 г. // ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 327.

⁶⁰ Резолюция «Ближайшие организационные задачи корейских коморганизаций». Москва. 21 сентября 1925 г. // ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 338–340.

⁶¹ Пак Б. Д., Пак Б. Б. Нам Манчхун. С. 51–52.

в феврале 1926 г. ЦК ККП был воссоздан Кан Даль Ёном. Другие лидеры ККП, избежавшие ареста, Ким Дань Я, Ким Чхан, Чо Бон Ам выехали в Шанхай, где вместе с Нам Манчхунм создали Заграничное бюро ЦК ККП, группировавшееся вокруг «Искры». Но новый ЦК не утвердил его состав⁶², а признал лишь печатный орган «Искра». Тогда Загранбюро переименовало себя в «Тхыкпер еллакпу» («Чрезвычайный пункт связи»)⁶³. Находясь в Шанхае, Загранбюро осуществляло идейное руководство ЦК ККП, давая советы по организационной перестройке, постановке нелегальной техники работы⁶⁴.

Большое значение имела борьба Нам Манчхуна за единство в корейском коммунистическом движении с фракционностью и левацким уклоном в ККП. В вопросе о создании Единого национально-революционного фронта – Народно-революционной партии Нам Манчхуну удалось убедить ЦК ККП принять свою точку зрения: «создать Народно-Революционную Партию широким охватом всех живых сил страны “без различия веры, партийности”», принимающих платформу борьбы с японским империализмом, с центром в Корею (а не в эмиграции)»⁶⁵.

Наиболее значительным результатом деятельности Корейской компартии явилась июньская демонстрация 1926 г. – крупнейшее после Первомартовского восстания 1919 г. антиимпериалистическое выступление корейского народа, которое явилось итогом совместных действий коммунистических и комсомольских организаций, буржуазно-патриотических сил и религиозных обществ.

Удалось установить, что в связи со смертью экс-императора Сунджона 26 апреля 1926 г., похороны которого были намечены на 10 июня, идея использовать момент для проведения «широкой политической агитации... и при возможности расширения движения – для антиимпериалистического выступления за независимость Кореи во всей стране, задействуя “Нондондан”, все виды выступлений: отказ платить налоги, вносить аренду, всеобщую стачку,

⁶² ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 365–367.

⁶³ Там же. С. 368–369.

⁶⁴ Там же. С. 371–375.

⁶⁵ Там же.

бойкот товаров и японских учреждений» – принадлежала Нам Манчхуну. В сочетании с требованиями свободы слова, печати, стачек, ухода японских войск, всеобщего обучения, рабочими и крестьянскими лозунгами, по его мнению, это должно было политически «поднять и воспитать массы, стать шагом к более решительной борьбе», «репетицией восстания»⁶⁶.

Демонстрация 10 июня 1926 г. показала не только необходимость, но и наличие условий для объединения всех патриотических сил Кореи в единый антияпонский фронт для успешной борьбы против ненавистного колониального гнета. Она также продемонстрировала народу мужество и самоотверженность коммунистов в отстаивании интересов корейского народа. Не случайно японская полиция обрушила репрессии именно на коммунистов.

Положение в Корее, освободительное движение в стране, в том числе и июньская демонстрация, были проанализированы в опубликованном в 1926 г. первом программном документе Корейской компартии – «Манифесте Коммунистической партии Кореи ко всем трудящимся Кореи, ко всему корейскому народу»⁶⁷, который выдвинул программу и тактику борьбы партии, ее основную задачу – полное освобождение Кореи от ига японского империализма с созданием из всех антиимпериалистических сил страны единого национально-революционного фронта для ее решения⁶⁸.

Из важных достижений шестимесячной работы Загранбюро отметим установление связи с «Чхондогё», достигнутое согласие его правой и левой групп с идеей ИККИ о необходимости образования единого национального революционного фронта.

К основным результатам издательской деятельности за полгода пребывания в Шанхае можно отнести: издание пяти номеров «Искры», организацию связи и транспорта, организацию пунктов выпуска агитационных брошюр в Шанхае, а внутри Кореи – листовок, создание рабкорских и крест-

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 381–388; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 124. Л. 104–106 об.

⁶⁸ ВКП(б), Коминтерн и Корея. С. 385.

корских организаций⁶⁹. Высоко можно оценить и деятельность членов «Хваёхве», российских корейцев из Приморья, выпускников КУТВ по руководству многими стачками рабочих в Хамхыне, Тхоене, Пусане, Инчхоне, Вонсане, Мокпо и др., оказанию моральной и материальной поддержки бастующим⁷⁰.

27 апреля 1926 г. было создано Дальневосточное бюро ИККИ в Шанхае для направления работы в Китае, Японии, Корее во главе с председателем Г. Н. Войтинским. В этот период происходят регулярные совещания с членами Загранбюро ЦК ККП об образовании национальной партии, направлении корейцев в КУТВ⁷¹.

Роспуск Корейской компартии. Репрессии против корейских коммунистов в СССР

В октябре–ноябре 1926 г. руководство ВКП(б) и Коминтерна признало работу Дальбюро неудовлетворительной. Практически с начала 1927 г. его деятельность в Китае была прекращена⁷². В 1927 г. Г. Н. Войтинский был отозван, а Дальневосточное бюро ИККИ в Шанхае закрыто. Это было связано с обострением внутренней борьбы и временным сворачиванием работы Коминтерна в Китае⁷³.

После поражения революции 1925–1927 гг. в Китае и измены Гоминьдана в 1927–1928 гг. происходят изменения в тактике мирового коммунистического движения по вопросу о едином антиимпериалистическом фронте. В частности, в тезисах VI Конгресса Коминтерна национальная буржуазия колониальных и полуколониальных стран была исключена из рядов единого антиимпериалистического фронта в национально-освободительном движении. Одним

⁶⁹ Там же. С. 371–376.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 379.

⁷² Сотникова И. Н. Реорганизация органов Коминтерна, занимавшихся проблемами Китая (1926 г.) // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. М., 1995. Ч. II. С. 120.

⁷³ Пескова Г. Н. Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924–1929 // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 70, 107.

из последствий этих изменений для Кореи явился роспуск в 1931 г. «Синганхве»⁷⁴.

VI Конгресс Коминтерна, учитывая групповую борьбу в партии, решил не принимать прибывших на конгресс делегатов, что означало прекращение существования Корейской компартии в качестве единой организованной политической силы. После признания Корейской компартии несуществующей в 1928–1929 гг. большинство «иркутян» от участия в организации коммунистического движения в Корее были отстранены⁷⁵.

В партийную чистку 1929 г. «иркутян» исключили из рядов ВКП(б), часто по обвинению «в ведении фракционной борьбы»⁷⁶. Однако в течение 1929–1930 гг. снова восстановили. В период чистки 1933 г. «иркутяне» вторично были исключены из партии⁷⁷. В ходе проверки многие из них подверглись репрессиям. В 1937–1938 гг. были арестованы по обвинению в «шпионаже в пользу Японии», а затем расстреляны корейские коммунисты – бывшие лидеры Иркутской группы Нам Манчхун, Хан Менше, Цой Шен У, Ким Данъ Я, Чо Хун, Ким Ман Гем, Ли Гвар, Чен Мин. Расстреляли и лидера «шанхайцев» Пака Диншуна.

Репрессии против корейских коммунистов происходили в атмосфере всеобщей шпиономании и подозрительности и последовали в связи с тем, что И. В. Сталин считал Коминтерн главным каналом проникновения в СССР враждебных элементов и ввиду изменения военно-политической обстановки на Дальнем Востоке с началом в июле 1937 г. японо-китайской войны, усилением приготовлений к неизбежному столкновению СССР с Японией на Дальнем Востоке решил принять превентивные меры. Репрессии практически уничтожили кадровый состав Корейского ядра ИККИ.

⁷⁴ Пак Б. Д. Указ. соч. С. 393–394.

⁷⁵ Тен В. А. Освободительное движение корейцев Приамурья в начале 1920-х годов // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. 1993. № 2. С. 2–9.

⁷⁶ Результаты проверки партдокументов членов ВКП(б), парторганизации сельхозтехникума, проведенной 16.IX.35 г.г. Ворошилов Уссурийской области, ДВК // Из личного архива В. А. Тена.

⁷⁷ Личные показания Нам-ман-чуна Павла Никифоровича // Из личного архива В. А. Тена.

Вместо заключения

Основанная в мае 1921 г. в Иркутске на базе корейских коммунистических организаций Сибири и Дальнего Востока компартия Кореи сформировалась в глубине национально-освободительного движения. Численно превышая Шанхайскую, она объединяла наряду с интеллигентами немало крестьян. Будучи теоретически более зрелой, обладала значительным влиянием. Корейская секция коммунистической партии в Иркутске стала ядром коммунистической партии всех русских корейцев. Ее члены активно участвовали в деятельности Коминтерна, КИМ, съездов народов Востока.

Иркутская компартия сумела организовать масштабную агитационно-пропагандистскую работу по разъяснению корейцам Сибири и Дальнего Востока, населению Кореи идей интернациональной солидарности, линии ИККИ о необходимости образования единого национально-революционного фронта за союз с буржуазными националистами-патриотами различных политических направлений; выступала за первоочередность национально-освободительных задач, призывая к вооруженной борьбе с японским империализмом как на территории самой Кореи, так и на китайской и российской территории; провозглашала необходимость создания Корейской компартии, призванной стать ядром и ведущей силой этой борьбы.

Деятели Иркутской группы внесли немалую лепту в налаживание общения с народом соседней Кореи, в становление союза корейского народа с СССР. Сражаясь против общего врага Советской России и Кореи – Японии, – российские корейцы-коммунисты знакомили корейских патриотов-эмигрантов с революционной теорией, обучали опыту борьбы, формировали первое поколение борцов-революционеров. Они отправлялись на рискованную подпольную работу в Корею, Маньчжурию, действовали в условиях оккупационного режима, вели кампанию в печати по обличению колониальной политики Японии. Они устанавливали контакты с местными революционерами, помогали им в создании коммунистических организаций. Будучи работниками Коминтерна, журналистами, «иркутяне» много сделали для разоблачения стремлений Японии превратить Корею в источ-

ник сырья и плацдарм для экспансии на материк, раскрывали созданный ею в Корее механизм колониальной системы. Все они были страстными пропагандистами, призывавшими мировую общественность содействовать корейскому народу в освобождении от японского колониального ига. Проникнутые солидарностью с корейским народом, стремлением помочь ему в освобождении от ненавистного колониального рабства, они знакомили советскую и мировую общественность с условиями его жизни, поддерживали патриотические силы Кореи в их сопротивлении японским поработителям.

Источники

ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10, 19, 58, 71, 308, 440, 665, 452.

ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 466.

Данные о прохождении службы Намманчуном с 1914-го по 1920 год. Л. 5 // Из личного архива М. С. Хлопонина.

Из архива Ли Ин Себа. URL: <https://koryo-saram.ru/avtobiografiya-chhve-koryo-tsoj-nikolaj-maksimovich-1893/#comments> (дата обращения: 20.08.2021).

Из воспоминаний Ким Техе.

Из доклада Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) Исполкому Коминтерна о деятельности секции г. Иркутск. 21 декабря 1920 г. Док. № 32 // ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 / Отв. ред. Харуки Вада, К. Шириня. РГАСПИ, Фонд японских историков. М.: РОССПЭН, 2007. С. 95–97.

Личные показания Нам-ман-чуна Павла Никифоровича // Из личного архива В. А. Тена.

Показания Нам Манчхуна / Из архива В. А. Тена.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 10, 124; Оп. 154. Д. 7, 8, 55, 187, 190.

Результаты проверки партдокументов членов ВКП(б), парторганизации сельхозтехникума, проведенной 16.IX.35 г. в г. Ворошилов Уссурийской области, ДВК // Из личного архива В. А. Тена.

Сибирцева Т. Лера Ноньява. Воспоминания / Из личного архива Аэлиты Михайловны Битиевой и Вахида Вахидовича Битиева. Рукопись.

Литература

Ким М. Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918–1922) / Авт. вступ. статьи В. К. Пак, Ф. И. Шабшина. М.: Наука, 1979. 144 с.

Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1937. М.: Моск. регион. обществ. орг. «Первое марта», 2000. Кн. 1. 278 с.

Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов; вступ. ст. Н. В. Куликаускене. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 559 с.

Павлов А. Т. Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами советской России (1917–1922). М.: Советская Россия, 1957. 574 с.

Пак Б. Д. СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение, 1918–1925: очерки, документы, материалы. М.: ИВ РАН, 2006. 415 с.

Пак Б. Д., Пак Б. Б. Нам Манчхун. М.: ИВ РАН, 2017. 512 с.

Пескова Г. Н. Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924–1929 // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 106–119; № 2. С. 66–88.

Сотникова И. Н. Реорганизация органов Коминтерна, занимавшихся проблемами Китая (1926 г.) // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. Тезисы докладов VI Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 11–13 октября 1995 г.). М., 1995. Ч. II. С. 111–131.

СССР и Корея / Ю. В. Ванин, Б. Д. Пак, Г. К. Плотников и др.; отв. ред. Ю. В. Ванин. М.: Наука, 1988. 413 с.

Тен В. А. Освободительное движение корейцев Приамурья в начале 1920-х годов // Известия о корееведении в Казахстане и Средней Азии. Алматы, 1993. № 2. С. 2–9.

Учредительный съезд Корейской коммунистической партии // Народы Дальнего Востока. 1921. № 2. Л. 209–260.

Шабшина Ф. И. История корейского коммунистического движения (1918–1945 гг.). М.: Наука, 1988. 299 с.

Ше Де Сук. Корейское коммунистическое движение 1918–1948 гг. / пер. с англ. А. Н. Пака. М.: Локис, 2002. 370 с.

Троцкий и идея мировой революции в контексте будущего Китая

(с обзором историографии)

Лев Троцкий – один из ключевых деятелей российской революции, Гражданской войны и первого десятилетия советской власти. Он оставил в качестве политического наследия, не считая множества теоретических и публицистических работ, IV Интернационал и троцкистские группы, при этом, однако, был успешно исключен из советской официальной истории (и в конце концов физически уничтожен). Идеи Троцкого нашли поддержку и получили известное практическое развитие, но не привели в то время к существенному изменению политических ориентиров. Гораздо большее значение имели осознание Лениным весной 1920 г. угрозы «левизны» в коммунизме и его предостережения об опасности самоизоляции коммунистов от пролетарских масс¹. С 1919 по 1943 г. начала развиваться одна из величайших интриг XX в. – идея перманентной революции в мире и продвижение мер советского государства по ее воплощению².

¹ Коминтерн и идея мировой революции: документы. М., 1998. С. 16–17 (Док. 16, 23).

² Идея эта не могла осуществиться открыто, ибо, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, здесь отмечается двойственность: право народов на самоопределение предполагает, что можно считать законным «создание суверенного и независимого государства, свободное присоеди-

Интерес российской и зарубежной исторической общественности к Коминтерну всегда был велик, однако за последние десятилетия он значительно возрос благодаря открытию широкого доступа к его документам в начале 1990-х годов. Источники и литература 1920–1930-х годов приводят многочисленные упоминания событий, имен и теоретических построений ленинской гвардии о Китае и китайской революции 1925–1927 гг. в контексте развития мировой революции. На сегодня литература о Л. Д. Троцком³, его деятельности составляет совершенно гигантское наследие, поэтому ограничимся лишь кратким анализом изданий, примыкающих непосредственно к теме «Коминтерн и Восток», «Л. Троцкий и Восток», «Л. Троцкий и Китай», «Троцкий и идея мировой революции». Источниками служат работы самого Л. Троцкого, посвященные различным событиям в Китае и мире, и его теоретические разработки о возможности использования этих знаний в будущей мировой революции⁴.

ние к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса», а с другой стороны, – это прямое вмешательство во внутренние дела других стран, что грозит свержением существующей власти.

³ Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – революционный деятель XX в., идеолог троцкизма – одного из течений марксизма. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 г., создателей Красной армии, основателей и идеологов Коминтерна, член его Исполкома. В первом советском правительстве – нарком по иностранным делам, в 1918–1925 гг. – нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета РСФСР/СССР, с 1923 г. – лидер внутрипартийной левой оппозиции, член Политбюро ВКП(б) в 1919–1926 гг. В 1927 г. снят со всех постов, отправлен в ссылку. В 1929 г. выслан за пределы СССР, в 1932 г. лишен советского гражданства. После высылки из СССР – создатель и главный теоретик IV Интернационала (1938). Автор работ по истории революционного движения в России, создатель капитальных исторических трудов по революции 1917 г., литературно-критических статей, воспоминаний «Моя жизнь» (Берлин, 1930). Был смертельно ранен агентом НКВД Рамоном Меркадером 20 августа 1940 г. в Мексике // См.: Троцкий Лев Давидович. ЛитЛайф: URL: <https://litlife.club/authors/14083> (дата обращения: 13.01.2020).

⁴ Троцкий Л. Д. Бюллетень оппозиции большевиков-ленинцев (печатный орган русской секции Четвертого Интернационала, выходивший с 1929 по 1941 год под общей редакцией Л. Д. Троцкого), из них: Советско-китайский конфликт и задачи оппозиции; Советско-китайский конфликт и позиция бельгийских левых коммунистов; Некоторые итоги советско-китайского конфликта; Ответ тов. Троцкого китайским оппозиционерам; Сталин и китайская революция; Письмо китайской левой оппозиции; Япония и Китай (Интервью); Предстоящий процесс дипломатов;

Обращение Троцкого к теме расширения политического влияния идей революции на Западе и Востоке относится к достаточно раннему времени. Так, еще в 1912 г. в газете «Луч» были помещены его тезисы по Западу и Востоку⁵, существенно расширенные и переработанные в брошюре «Запад и Восток» в 1924 г. Конечно, за 12 лет произошло кардинальное изменение исторической обстановки, поменялся взгляд и сама структура изложения материала. Так, наглядно заметно, насколько отрешается от дела III Интернационала разочарованный Троцкий, перенося свои надежды на деятельность будущего IV Интернационала⁶.

Развертывая свои тезисы 1912 года в брошюре «Запад и Восток»⁷, Троцкий писал, что все нынешнее политиче-

Речь о китайской революции; Речь на заседании Исполкома Коминтерна 23 мая 1927 г.; Новый этап китайской революции от Чан Кайши к Ван Цзинвэю // Архив Троцкого. Т. 3. С. 225, 227–228, 236; Записка в ЦК РКП 05.08.1919 // Архив Троцкого. М., 1990. Т. 1. С. 174–181, 184; Архив Троцкого. Т. I–III. Харьков, 1999. 456 с.; Архив Троцкого. Т. 1. С. 174–181; Моя жизнь. М., 1991. С. 21; Тезисы о внешней политике // Архив Троцкого Т. 2. С. 250; По поводу китайской революции // Архив Троцкого. Т. 2. С. 201; Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии // Архив Троцкого. Т. 2. С. 175; Вторая Речь на заседании ЦКК // Архив Троцкого. Т. 3; Ответ т. Троцкого китайским оппозиционерам // Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. С. 30; Китайская компартия и Гоминьдан // Архив Троцкого. Т. 2. С. 107; Наше международное положение и опасность войны // Архив Троцкого. Т. 4. С. 22–23; Письмо Альскому // Архив Троцкого. Т. 2. С. 212; Некоторые итоги советско-китайского конфликта // Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. С. 27 и др. URL: <https://iskra-research.org/FI/BO/index.shtml> (дата обращения: 13.01.2020).

⁵ Троцкий Л. Д. С Запада на Восток // Луч (газета, 26 сентября). 1912. № 9. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/С_Запада_на_Восток_1912.jpg (дата обращения: 10.09.2020).

⁶ Первый Интернационал (1864–1872) заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал. Второй Интернационал (1889–1914) был международной организацией пролетарского движения, рост которого пошел вширь, что не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без временного усиления оппортунизма, приведшего в конце концов к позорному краху Интернационала. Третий Интернационал фактически создавался в 1918 г., когда многолетний процесс борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом, особенно во время Первой мировой войны, привел к образованию коммунистических партий в ряде стран. Формально III Интернационал основан на его первом съезде в марте 1919 г. в Москве // См.: Третий Интернационал и его место в истории. Дата создания: 15 апреля 1919, опубли.: май 1919.

⁷ Глава II под названием «Перспективы и задачи на Востоке» (Речь на трехлетнем юбилее Коммунистического Университета Трудящихся Востока 21 апреля

ское и культурное движение «опирается на капитализм, из него вырастает, из него выросло, его переросло»⁸. Капитализм имеет два разных облика: капитализм метрополии и капитализм колоний. «Классический образец метрополии – Англия... В колониях капитализм развивается не на собственных дрожжах, а вторжением иностранного капитала. То, что отличает наш Советский Союз от Англии в отношении путей и форм развития, – то еще более ярко проявится в развитии стран Востока. Туда капитализм вторгается в виде иностранного финансового капитала. Действие капитализма в странах Востока не постепенное и медленное, не “эволюционное”, а резкое, катастрофическое – во многих случаях гораздо более катастрофическое, чем у нас, чем в бывшей царской России. С этой основной точки зрения, товарищи, надо рассматривать судьбу Востока в ближайшие годы и в ближайшие десятилетия...»⁹, – писал Троцкий.

Троцкий не сомневался, «что если китайской партии Гоминьдан удастся объединить Китай под национально-демократическим режимом, то капиталистическое развитие Китая пойдет вперед семимильными шагами. А это все готовит мобилизацию неисчислимых пролетарских масс, которые будут вырываться сразу из доисторического полуварварского состояния и будут ввергаться в фабричный котел индустрии. Там не будет, следовательно, времени для сохранения и накопления в сознании трудящихся мусора веков; нет, в их сознании как бы пройдет гильотина, которая сразу отрежет прошлое от будущего и заставит их искать новых идей, новых форм, новых путей жизни и борьбы». Говоря о необходимости растить специально подготовленные кадры для будущей работы, Троцкий считал, что в этих странах должны появиться «марксистско-ленинские партии Востока: японские коммунисты, китайские коммунисты, турецкие, индийские и пр. [Со времени образования русской группы «Освобождение труда» с 1883 до 1917 г. прошло 34 года – одна треть столе-

1924 г.) // См.: Троцкий Л. Д. Запад и Восток: вопросы мировой политики и мировой революции. М., 1924. С. II (10).

⁸ Троцкий Л. Д. Запад и Восток. С. 30.

⁹ Там же. С. 31–32.

тия – одно поколение (сокр.)]. С точки зрения масштабов истории это небывалый, неистовый, бешеный темп. А в странах Востока темп развития будет, по всем данным, еще более быстрым».

«Второй Интернационал, – писал Троцкий в предисловии к брошюре, – приспособляясь, меняясь, или, вернее, перекрашиваясь, остается главной консервативной силой истории. С ним держится и с ним падает капитализм, по крайней мере, в Европе. Третий Интернационал, прокладывая себе путь через все препятствия, придет и приведет европейский пролетариат к революции. Без пролетарской революции Европе нет спасения. Без победы пролетариата в Европе не может быть полного освобождения Востока. Эти два процесса питают и дополняют друг друга»¹⁰. Как видим, для теоретиков будущих мировых движений мировая революция прежде всего должна была начаться на Западе и лишь потом перекинуться на Восток и Юг.

Коминтерн как организация интернационального сообщества рабочего класса и интеллигенции разных стран был создан в марте 1919 г. по инициативе Ленина. Эта организация должна была объединять и координировать действия всех революционеров мира. Штаб мировой революции – Исполком Коминтерна – находился прямо напротив Кремля, и оттуда во все части света начали разъезжаться эмиссары, чтобы возвращать новые кадры своего движения. «В Китай, отрезанный от Москвы "белой" Сибирью, добраться было нелегко, и туда посылали дальневосточных большевиков-коминтерновцев»¹¹.

Когда стало очевидно, что на Западе мировая революция не вспыхнет, надежды советских вождей обратились на Восток¹². В частности, в августе 1919 г. Троцкий предложил перенести «маршрут мировой революции» именно

¹⁰ Цит. по: Троцкий Л. Запад и Восток. С. 10, 30–34, 38–41.

¹¹ Коминтерн и идея мировой революции: документы. С. 3, 16–17 (Док. 16, 23); Уфимцев Ю. при участии Кречетникова А. для bbcrussian.com 9 ноября 2017 URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41835972#> (дата обращения: 09.07.2020).

¹² Саран А. Ю. Восприятие Китая политической элитой СССР 1920-х годов: Л. Д. Троцкий // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000. Вып. 1: Памяти Ю. С. Борисова. С. 271–283.

сюда¹³. В известном смысле это предложение развивало соображения, высказанные за полгода до того заместителем наркома иностранных дел Л. Караханом о финансировании пропаганды на Востоке¹⁴.

В предисловии к сборнику «Коминтерн и идея мировой революции»¹⁵ отмечалось, что приведенные документы впервые позволяют на основе первоисточников проследить, как «происходило трагическое и губительное превращение изначально гуманной идеи, имевшей целью спасти от гибели человеческую цивилизацию и открыть перспективы социализма, в свою полную противоположность – в прикрытие националистически-державной политики сталинизма». В этих документах говорится, что наиболее активно мысль о направлении мировой революции на Восток продвигал Л. Троцкий¹⁶. «Идея включения Востока в сферу деятельности Коминтерна, не считая высказываний Л. Троцкого, развивалась и уточнялась еще в период, предшествовавший созыву II Конгресса Коминтерна [июль–август 1920 г.]. В докладе В. И. Ленина на конгрессе она получила интерпретацию, оказавшуюся в значительной степени полезной для Китая»¹⁷.

Конгресс КИ обращал внимание на возможность поэтапного, последовательного развития национальных движений, причем содержание текущего этапа определялось приоритетом национальных (антиимпериалистических) и общеполитических (стабилизирующих политическую ситуацию) задач и руководящими позициями национальных партий¹⁸.

В материалах конгресса имелись Дополнительные тезисы по национальному и колониальному вопросам, которые выдвигали две противоречивые, в чем-то взаимоисключающие идеи дальнейшего развития революционного процесса в странах Востока. С одной стороны, идея руководящей роли «коммунистического авангарда»,

¹³ Коминтерн и идея мировой революции: документы. (Док. 16, 23).

¹⁴ Там же. С. 3 (Док. 16).

¹⁵ Там же. С. 3 (Док. 16), С. 6 (Док. 23).

¹⁶ Там же. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 6–7.

¹⁸ Там же. С. 8.

с другой – установка «на перерастание буржуазно-демократических революций в социалистические». В самой постановке вопросов «присутствовали элементы классовой ограниченности и социальной обусловленности». Получалось, что сближение всех прогрессивных сил прямо связывалось «с классовыми интересами преимущественно рабочих и крестьян», а здравая идея объединения коммунистического и национального движений на современном этапе рассматривалась как «внутренне противоречивая и непрочная»¹⁹.

В отличие от основных, Дополнительные тезисы зафиксировали попытку представить на основе идеи мировой революции конкретный *план развития национальных революций* (курсив автора. – Л.Ч.), что, конечно, было преждевременно и фактически не учитывало национальной страновой специфики. На повестке дня у передовых людей Китая встал вопрос о создании китайской пролетарской политической партии, которая руководствуется теорией марксизма. В феврале 1920 г. Чэнь Дусю и Ли Дачжао – будущие руководители Компартии Китая – начали обмениваться мнениями по поводу создания в Китае подобной партии.

В статье А. Ю. Сарана о Троцком и его восприятии Китая²⁰ последовательно освещается обращение революционного деятеля к китайской теме (что существенно помогло оперативно войти в изучаемый материал). А. Ю. Саран акцентирует внимание на том, что «...обращался к китайским проблемам Л. Д. Троцкий с точки зрения интересов коммунистического руководства России и СССР, что вполне естественно для политика. Политические деятели и группировки Китая рассматривались им как друзья, союзники или “изменники и враги”»²¹. Если в начале 1920-х годов Троцкий почти не уделял внимания Китаю, полагает А. Ю. Саран, то «в середине 1920-х

¹⁹ Там же. С. 8–9.

²⁰ Саран А. Ю. Восприятие Китая политической элитой СССР 1920-х годов: Л. Д. Троцкий // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. С. 271–283.

²¹ Троцкий Л. Д. Революция в Китае и задачи Коминтерна. Речь на X заседании VIII пленума ИККИ 24 мая 1927 г. С. 2.

он пытался влиять на принятие советским руководством политических решений в отношении Китая. При этом он рассматривал коммунистическое руководство как “классовую силу истории”, то есть активное начало, обладающее свободой воли, и упрекал его в пассивности, превращающей субъект в “бесклассовую инспекцию над историческим процессом в целом”»²². Более того, одним из источников сведений о Китае в 1920-е годы для Л. Д. Троцкого были встречи с уроженцами этой страны. Китайские отряды наряду с латышами, венграми и другими народами охраняли советское руководство уже в 1917–1918 гг. 27 ноября 1923 г. Троцкий принял главу китайской делегации в СССР генерала Чан Кайши. При этом советский военный лидер и член Политбюро воздержался от конкретных советов по работе партии Гоминьдан²³, что придало встрече скорее информационный характер. В своих работах Троцкий упоминал и о сборниках международных сообщений ТАСС с грифом «Не для печати», и о прессе как источнике информации о Китае.

Известно, что Троцкий «становится соратником Ленина» накануне Октябрьской революции²⁴, хотя еще в феврале 1917 г. оба находились за границей в разных странах. В этом смысле интересен вопрос как о взаимоотношениях двух политических фигур Октябрьской революции²⁵, так и их личных характеристиках-сравнениях, о чем писали, например, иностранные очевидцы тех событий. Мы приведем свидетельство «практического политика Брюса Локкарта» – одного из компетентных свидетелей событий Октябрьской революции, который, отправляя свои депеши в Лондон (1918 г.), высказался о Ленине и Троцком, что их можно сравнить как «муху со слоном»²⁶.

²² Троцкий Л. Д. Ответ т. Троцкого китайским оппозиционерам // Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. URL: <https://iskra-research.org/FI/BO/index.shtml> (дата обращения: 09.07.2020).

²³ Васецкий Н. А. Троцкий: опыт политической биографии. М., 1992. С. 2.

²⁴ Лев Давидович Троцкий // Хронос. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_t/trocki_maslin.php (дата обращения: 13.01.2020).

²⁵ Ленин В. И. О Троцком и троцкизме: сб. статей. Л., 1925.

²⁶ Элевтеров Г. Ленин и Троцкий // Спецназ.ру. 28 Февраля 2010. URL: <http://www.specnaz.ru/articles/163/8/1120.htm> (дата обращения: 13.01.2020).

После личной встречи с Лениным Брюс Локкарт писал, что на него впечатление «произвела ... его потрясающая сила воли, непреклонная решимость и полное отсутствие эмоций». Для него Ленин и Троцкий были «мыслитель и, скорее, лицедей». Ленин «...представлял полную противоположность Троцкому, который, странно молчаливый, тоже присутствовал при нашей беседе. Троцкий был весь темперамент – индивидуалист и художник, на тщеславии которого я мог не без успеха играть. Ленин был безличен и почти бесчеловечен. Его тщеславие не поддавалось лести. Единственное, к чему можно было в нем апеллировать, был сардонический юмор, высоко развитый у него ...Троцкий был великим организатором и человеком огромного физического мужества. В моральном отношении, однако, он был не способен противостоять Ленину, как блоха не может противостоять слону...»²⁷ «В своей вере в мировую революцию Ленин был беззастенчив и непреклонен, как иезуит. В его кодексе политической морали цель оправдывала все средства...» Со слов Чичерина, Локкарт передает эпизод заседания СНК: «Троцкий выдвигает предложение. Другие комиссары горячо оспаривают его. Следует бесконечная дискуссия, во время которой Ленин делает заметки у себя на колене, сосредоточивая все внимание на какой-нибудь своей работе. Наконец, кто-нибудь говорит: “Пусть решает Владимир Ильич” ... Ленин подымает глаза от работы, дает в одной фразе свое решение, и все успокаиваются»²⁸.

Другой известный западный мыслитель Бертран Рассел оставил свои впечатления от встречи с Лениным и Троцким (в 1920 г. на английском языке, в России перевод вышел в 1991 г.)²⁹. Он писал о Ленине: «Я обнаружил, что он, как и другие коммунистические лидеры, ждет от заключения мира и снятия блокады гораздо меньшего, чем мы в нашей делегации. Он убежден в том, что ничего действительно ценного нельзя достичь без миро-

²⁷ Локкарт Б. История изнутри: мемуары британского агента. М., 1991. С. 54. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=187955&p=54> (дата обращения: 10.06.2020).

²⁸ Там же.

²⁹ Рассел Б. Практика и теория большевизма / пер. с англ. издания 1920 г. М., 1991. С. 18–20.

вой революции и уничтожения капитализма; я почувствовал, что он относится к идее возобновления торговли с капиталистическими странами не более как к временной уступке сомнительной ценности...»³⁰. На вопрос Рассела – не создаст ли возобновление торговли с капиталистическими странами центры капиталистического влияния и не затруднит ли это сохранение коммунизма, – Ленин и его соратники показали, что у них нет сомнений в вере в победу их идеи... Троцкий произвел на Рассела большее впечатление по личным качествам и свободе выражения эмоций: «У него горящие глаза, военная выправка, искрящийся ум и магнетическое обаяние. Он очень симпатичен, с прекрасными вьющимися волосами... В нем чувствуется жизнерадостность и добрый юмор – до тех пор, впрочем, пока ему не противоречат. Мне показалось – возможно, я и не прав, – что его тщеславие даже больше, чем его любовь к власти, – это тот сорт тщеславия, который скорее можно встретить у художника или актера»³¹. Таким образом, и у Локкарта, и у Рассела оценки Троцкого (чисто внешние) вполне совпадают.

Деятельность Л. Д. Троцкого на посту наркома иностранных дел после Октября 1917 г. освещает публикация о подписании Брест-Литовского мирного договора в 1918 г.³² Ей вторит известный документальный справочник «Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов: документы и материалы»³³, где описан эпизод из деятельности Л. Д. Троцкого при заключении Брестского мира. В агентурном сообщении Иноотдела ОГПУ о белых организациях в Харбине излагается история ген. Андогского, которому белые генералы ставили в вину участие в подписании Брестского договора в качестве военного эксперта по определению границ демаркационной линии. «Утверждают, что он [в генералы был] произведен уже Троцким, которому

³⁰ Там же. С. 22–24.

³¹ Там же. С. 24–25.

³² Лев Троцкий – первый советский дипломат [Электронный ресурс] / А. Столыпин // Грани. 1979. № 111–112. С. 448–482. URL: <https://rucont.ru/efd/347017> (дата обращения: 10.06.2020).

³³ Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов: документы и материалы. М., 2015. Т. 7. Восточная ветвь, 1920–1928 гг. С. 852.

было интересно, чтобы Брестский договор был подписан не полковником Генштаба, а генералом. Хотя Андогский и утверждал, что его роль в Брестском договоре была ему навязана насильно, но общественное мнение правых стави[ло] в пример ему генерала Скалона, который был в таком же положении, но такого позора на себя не взял и застрелился»³⁴. Так, в решительную минуту перед напором Троцкого-трибуна генерал дрогнул, и это стоило ему как минимум репутации в кругах белой эмиграции.

Обширная база данных документов по истории Коминтерна содержится в Архиве А. Н. Яковлева³⁵, в собрании которого в 1980–1990-е годы оказались архивные документы РГАСПИ. Отметим, что и деятели Гражданской войны, и сподвижники революции, и простые граждане Советской России весьма неплохо разбирались в политических реалиях страны. Так, в деле героя Гражданской войны Филиппа Миронова³⁶, в материалах Донской ЧК имелся его доклад на собрании сподвижников. Эти материалы подчеркивают, что в России было немало людей, во-первых, отмечающих ошибки и перекосы внутренней политики большевиков, и, во-вторых, быстро реагировавших на колебания в «маршруте» Коминтерна в отношении иных стран и партий. В частности, отмечалось: «Миронов указал, что Ленин и Троцкий, разочаровавшись в революционности западноевропейского пролетариата, направляют свою агитацию на Восток с целью зажечь его огнем революции. Миронов остановился на политике Совет[ской] власти в казачьих областях, стремящейся к тому, чтобы казаков из положения хозяев и господ обитаемых ими земель поставить в положение подневольное. Такая политика Совет[ской] власти в целом, по мнению Миронова, приведет республику к краху, который произойдет

³⁴ ЦА СВР РФ. Арх. (Архивный документ) № 651. Т. 1. Л. 243–249. Копия // См.: ЦА СВР РФ. Арх. № 722. Т. 3. Л. 49–51. Копия. Цит. по: Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы (Док. 38. Агентурное сообщение Иностранного отдела ОГПУ о белых организациях в Харбине (ИНО ОГПУ, № 63874 от 18.08.1927 г.).

³⁵ Архив Александра Н. Яковлева. База данных документов. URL://<https://www.alexanderyakovlev.org/db-docs> (дата обращения: 10.09.2020).

³⁶ Там же. Док. 343–403.

весною или осенью этого года [1919 г.]»³⁷. На собрании 8 февраля 1919 г. Миронов коснулся формы правления РСФСР и «подчеркнул, что в данное время правит государством не народ, а, наоборот, народом правит маленькая кучка людей: Ленин, Троцкий, Сталин и др., которые бесконтрольно распоряжаются достоянием и честью народа». Далее Миронов указал, что агитация Ленина и Троцкого направлена теперь на Восток, который они постараются охватить «огнем революции» (т.е. еще раз повторил. — Л.Ч.)³⁸.

Вызывает интерес то, что Троцкий не был ни профессиональным дипломатом, ни военным, с молодости он встал на путь революционера с неясным прошлым и таким же неясным будущим. По сути, он мало что знал о Китае и практически до дня своей смерти разрабатывал революционную тактику борьбы в Китае и в других неевропейских странах, исходя из собственного эмпирического опыта (опыта российской революции и Гражданской войны) понимал, что у восточного соседа движущими силами революции могут быть иные социальные силы, чем в России, а потому для компромисса между этими силами нужно: а) их подготавливать, воспитывать, обучать; б) пытаться лавировать между различными политическими группировками, расширяя и углубляя пропаганду революции среди широких народных масс. В своих теоретических построениях начала XX в. Троцкий допускал, что «социалистическая революция вполне может начаться в России». Но в отношении социалистического движения на Западе «Лев Давидович испытывал серьезный скепсис — как выяснилось позже, вполне оправданный.

³⁷ Архив Александра Н. Яковлева. База данных документов. URL:// (дата обращения: 10.09.2020); Филипп Миронов. Раздел VII. Расправа [Документ № 395. Заключительный акт по делу Ф. К. Миронова и его сподвижников, составленный в Донской ЧК. 28.03.1921] / ЦА ФСБ РФ. С/д Н-217. Т. 2. Л. 554–555. Подлинник; РГВА. Ф. 246. Оп. 6. Д. 1. Л. 268–273. Автограф Миронова. Л. 209–246. Машинописный экземпляр; ЦА ФСБ РФ. С/д Н-217. Т. 2. Л. 558–566; Т. 7. Л. 133–142. Автографы Миронова. URL://<https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1013901> (дата обращения: 10.08.2020).

³⁸ Архив Александра Н. Яковлева. База данных документов. URL:// (дата обращения: 10.09.2020); Филипп Миронов. Раздел VII. Расправа [Документ № 399. Заключение 16-го специального отделения Особого отдела ВЧК по делу Ф. К. Миронова и его сподвижников. 13.08.1921].

Троцкий решил сделать главную ставку не на западный пролетариат, а на западную буржуазию. Он считал, что с ней вполне можно заключить взаимовыгодную сделку. Западные плутократы должны были поддержать социалистическую революцию в России, а лидеры этой революции, придя к власти, должны были оказать Западу множество разных услуг...»³⁹. Не исключено, что свое убеждение он переносил и на китайскую почву.

Несомненно, для победы революции необходимы были подготовленные люди. По сути, наставления Троцкого слушателям превратились в тезисы по стратегии завоевания восточных пространств силами подготовленных кадров. Обращаясь к слушателям КУТВ, Л. Троцкий писал: «Что же такое ваш Коммунистический Университет Трудящихся Востока в свете намеченной перспективы – что это такое? Это – рассадник групп освобождения труда для стран Востока. Национальное движение на Востоке есть прогрессивный фактор истории... Борьба за освобождение Китая, идеология Сун-Ят-Сена, это – борьба демократическая, идеология прогрессивная, но буржуазная. Мы стоим за то, чтобы коммунисты поддерживали Гоминьдан в Китае, толкая его вперед. Это необходимо, но здесь есть опасность национально-демократического перерождения. И так во всех странах Востока, которые являются ареной национальной борьбы за освобождение от колониального рабства»⁴⁰. Далее он предупреждал: «Существует опасность для молодых марксистов Востока растворения в национальной идеологии. Однако с такой опасностью легко справиться, опираясь на опыт СССР, на опыт российских политических партий». «...Основное ядро, которое выйдет из Коммунистического Университета Трудящихся Востока, займет свое надлежащее место в качестве классовой закваски, марксистской закваски, ленинской закваски в движении пролетариата стран Востока. Спрос на вас, товарищи, проявится гигантский, он обнаружится, как

³⁹ Елисеев А. «Демон революции» на службе у Запада. 130 лет тому назад, 7 ноября (26 октября) 1879 года, родился Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) // Столетие. 06.11.2009. URL://http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/demon_revologii_na_sluzhbe_u_zapada_2009-11-06.htm (дата обращения: 10.09.2020).

⁴⁰ Троцкий Л. Д. Запад и Восток. С. 34.

я уже говорил, не постепенно, а сразу, тоже в своем роде “катастрофически”. Развитие революции на Западе может задержаться... Центр тяжести революционного движения перенесется целиком и полностью на Восток. Такова одна из исторических возможностей... Мы знаем, что в Китае трудящиеся, которые, вероятно, не прочли в своей жизни ни одной статьи Ленина, страстно тяготеют к большевизму, ибо – так могуче веяние истории!»⁴¹

Несмотря на страстность «трибуна революции», в недрах ИККИ и партии большевиков зрело недовольство Троцким ввиду как раз этой яркости – настолько он «выпал» из общей когорты соратников Ленина, считающих, что второй человек в партии (после Ленина) несколько зарвался и слишком самонадеян. Уже в 1922 г. в секретных документах разведки начинают отражаться противоречия в Политбюро, о которых говорят даже в белой эмиграции⁴². В архиве Коминтерна сохранилась небольшая пачка документов, собранных Зиновьевым в отдельную папку. Их открывает саркастическая рукописная ремарка (вероятно, сочиненная Бухариным), датированная 1922 г. (!): «Тезисы о статье тов. Сталина, хитроумно названные тезисами о расширенном пленуме ИККИ. Издание исправленное и дополненное, частью переделанное наоборот с использованием общего внутреннего (так в цитате. – Л.Ч.) врага, маркиза Троцкизы де Сухумо [Троцкий лечился в то время в Сухуми].

Постановка ЦК РКП(б). Отв. режиссер Семерка»⁴³ [«Семерка» – Политбюро ЦК РКП(б)].

Так, уже с 1922 г., т.е. еще при жизни Ленина, к Троцкому соратники-ленинцы относились с плохо скрываемым скепсисом. Более того, происходили и открытые столкновения. В частности, в это время произошел первый конфликт О. А. Пятницкого, руководителя аппа-

⁴¹ Там же. С. 38–41.

⁴² «Так, из Москвы мы имеем сообщение, что не так-то там непрочна власть, как предполагают, [Сталин справляется] со всеми течениями, возникающими около него, в результате чего было падение группы Троцкого и правой группы Рыкова» // Ист.: ЦА СВР РФ. Арх. № 722. Т. 3. Л. 49–51. Копия. Цит. по: Линдер И., Чуркин С. А. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М., 2005. С. 343.

⁴³ Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции. С. 36.

рата Коминтерна в 1921–1937 гг., с Л. Троцким на почве «диктаторских замашек» Троцкого. Конфликт произошел на фоне противодействия Троцкого в лице «Цектрана» (Центрального комитета транспортных рабочих – единого его профсоюза, возглавляемого Троцким) коллегиальному решению вопросов двух слившихся профсоюзов (объединивших работников железнодорожного и водного транспорта в единый профсоюз транспортных рабочих, который стал самым крупным профсоюзом РСФСР). Троцкий всячески игнорировал выборность и коллегиальность в работе профсоюзного аппарата. Пятницкий считал, что «Троцкий все-таки не большевик. Теперь он с нами, но все же не наш». Во время дискуссии о профсоюзах (навязанной партии Троцким) Пятницкий полностью поддержал позицию Ленина (о коллегиальном руководстве профсоюзами), и подавляющее большинство железнодорожников-большевиков пошло за ним, а не за Троцким⁴⁴.

Пятницкий вспоминает, что в бытность свою председателем РВС и наркомвоенмором Советской России Лев Троцкий направил в ЦК РКП(б) секретную записку, в которой излагался план развития мировой революции через страны Азии. В частности, он писал, что дорога на Индию «может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения... Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо дееспособнее Исполкома III Интернационала».

⁴⁴ Там же. С. 57; Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории. Май 1919 // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд 5-е. М., 1974. Т. 38: март–июнь 1919. С. 301–309.

Далее он считал, что ареной близких восстаний может стать Азия. «Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение туда центра тяжести нашей международной ориентации»⁴⁵. Автор книги резюмирует, что, несмотря на различные подходы к определению направления основного удара, «ориентация на мировую пролетарскую революцию еще долго доминировала в политике руководства Советской России и, следовательно, Коммунистического Интернационала»⁴⁶.

Пятницкий пишет о напряженных внутренних отношениях в советской делегации в ИККИ, а стало быть, и в руководстве Коминтерном: «Троцкого все отвергали сообща. Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков и Сталин имели группы своих сторонников. Каждая из этих групп вела свою собственную политическую линию, то блокируясь, то вступая в бой между собой. Но каждая из них стремилась встать во главе международного коммунистического движения. Это значительно поднимало их авторитет в собственной партии»⁴⁷.

В 1933 г. в Партиздате вышла история Коминтерна в документах (решения, тезисы и воззвания конгрессов и пленумов ИККИ (1919–1932))⁴⁸. В этих материалах, среди прочего, подробно излагается проведение Восьмого пленума Исполкома Коминтерна 1927 г., на котором, собственно, и произошло столкновение левой оппозиции со сталинской группой во главе с Бухариным. Материалы пленума были засекречены, и лишь через месяц после него в газете «Правда» появились доклад Сталина на пленуме и выступление Бухарина на партактиве московской организации ВКП(б). В связи с тем, что позиция Троцкого не была опубликована (он выступал с докладом), через год (!) его речи на пленуме вышли в виде брошюры

⁴⁵ Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск, 2004. С. 82.

⁴⁶ Там же. С. 82–83.

⁴⁷ Там же. С. 114.

⁴⁸ Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ (1919–1932). М., 1933. URL: <http://xn-80aagrlbl7a.net/index.php?md=books&to=art&id=2725> (дата обращения: 23.08.2020).

нец», представитель французской компартии Альбер Трен в эти дни высказался в том духе, что «таким образом мы не добьемся успеха». На что Сталин ответил, что «у нас нет столько денег, чтобы их подкупить [имея в виду китайских солдат НРА и солдат из армий северных генералов-диктаторов]» и что «в открытом бою мы проиграем»⁵¹. «Мы в 1917 г. победили с помощью такой [осторожной] тактики, победите и вы», – заверяли советчики ошеломленных китайцев... Чэнь Дусю⁵² назвал меры Сталина «купанием в сточной канаве», а ЦК КПК по-восточному послал благодарственную телеграмму с оговоркой, что «реализация предложенных мер преждевременна»⁵³. В мае 1927 г. в письме пленуму Исполкома Коминтерна Троцкий снова предложил развернуть работу по созданию рабочих и крестьянских Советов в Китае, однако это предложение было отвергнуто. Пленум принял специальную резолюцию с осуждением лозунга создания Советов в Китае⁵⁴.

О смещении «троцкистской оппозиции» со всех постов Пятницкий писал: «Пленум вывел Зиновьева из состава Политбюро, а в октябре 1926 года следующий Объединенный Пленум высших органов партии отозвал Зиновьева с коминтерновской работы и рекомендовал ИККИ освободить Зиновьева от должности председателя Исполкома Коминтерна. На том же Пленуме было принято решение об исключении Троцкого из членов Политбюро, а Каменева – из числа кандидатов в члены этого высшего органа ВКП(б)»⁵⁵.

Годом позже произошла полная расправа с Троцким. Пятницкий пишет: «27 сентября 1927 г. на совместном

⁵¹ Там же.

⁵² Чэнь Дусю (陈独秀, Chén Dúxiù, 1879–1942) – китайский революционер и политик, философ, один из основателей и первый генеральный секретарь Коммунистической партии Китая. Один из лидеров Синхайской революции и «Движения 4 мая». Зачинатель и идейный вдохновитель «Движения за новую культуру», основатель журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь»). В результате внутрипартийной борьбы и конфликта с Мао Цзэдуном в 1927 г. был смещен со всех партийных постов, а затем исключен из КПК.

⁵³ Коммунистический Интернационал в документах. URL: <http://xn-80aagr1bl7a.net/index.php?md=books&to=art&id=2725> (дата обращения: 23.08.2020).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Пятницкий В. И. Указ. соч. С. 116.

заседании Президиума ИККИ и Интернациональной контрольной комиссии Троцкий и Вуйнович были исключены из состава Исполкома Коминтерна. В своем выступлении на этом заседании Троцкий заявил: «Личное несчастье Сталина, которое все больше становится несчастьем партии, состоит в грандиозном несоответствии между идейными ресурсами Сталина и тем могуществом, которое сосредоточил в его руках партийно-государственный аппарат... Бюрократический режим неотвратимо ведет к единоначалию. Коллективное руководство возможно (мыслимо) только на основе партийной демократии». Характеризуя режим, сложившийся в Коминтерне и в его делегации от ВКП(б), Троцкий выступил против сохранения запрета на фракционную борьбу мнений. Он напомнил, что решение о запрете фракций X съезд РКП(б) принял в условиях политического и экономического кризиса в партии и в стране»⁵⁶.

Троцкий тогда утверждал, что «фракционность неизбежно связана с жизнью и развитием партий. Между тем Сталин и его приверженцы превратили запрещение фракций в инструмент завоевания власти и усиленно внедряли его во все национальные компартии. Исполком Коминтерна они превратили в орган, стоящий выше критики, поставив каждого коммуниста перед выбором: подчиняться любым его решениям или оказаться вне партии». Троцкий заявил, что такая «политика приведет к ухудшению идейной жизни национальных компартий и Коминтерна в целом». Время подтвердило его правоту, хотя следует отметить, что и сам Троцкий не отличался приверженностью к демократии, он тоже хотел быть «вождем»⁵⁷.

⁵⁶ Там же. С. 120.

⁵⁷ Вслед за этим ЦК ВКП(б) исключил Троцкого из партии. Его выслали в Алма-Ату, а в 1929 г. – в Турцию. Оттуда он вскоре уехал в Мексику. «Сталинские “ликвидаторы” совершили ряд неудачных покушений на его жизнь. Наконец, в 1940 г. агент НКВД, испанец Рамон Меркадер, убил 61-летнего Троцкого несколькими ударами альпенштока по голове. За этот “подвиг” он получил звание Героя Советского Союза. Отсидев 20 лет в мексиканской тюрьме, в конце 1960 г. Меркадер вышел на свободу и уже через день вылетел самолетом в Чехословакию – доживать остаток своей никчемной жизни в Карловых Варах, на персональную пенсию, назначенную ему “еще Сталиным” и заботливо сохраненную Хрущевым» / Пятницкий В. И. Указ. соч. С. 120–121.

Сначала – троцкисты, потом – бухаринцы.

«В декабре 1929 года на заседании ИККИ Сталин потребовал изгнать из рядов компартии Германии “правых” и “примиренцев” (после чего последовала волна исключений сторонников Бухарина из КПГ, в том числе Брандлера и Тальгеймера). В период конца 1929 – первой половины 1930 гг. произошло массовое изгнание сторонников Бухарина (так называемых правых) из руководства всех зарубежных компартий. Так Сталин захватил руководство всемирным коммунистическим движением. Сам Бухарин с апреля 1929 г. остался вне партийных дел, ибо пост главного редактора газеты “Известия”, который он вскоре занял, не давал ему никакой возможности хоть как-то влиять на решения высшего партийного руководства. Позже, уже в 1934 г., Бухарина отстранили и от этой должности, вывели из состава ЦК. В 1938 г. его расстреляли»⁵⁸.

Правые – левые и центристы. В данной связи заслуживает внимания определение Троцким разных подходов к проведению общественно-политических преобразований в СССР. По его мнению, «правая линия» – это попытка возрождения социал-демократической концепции построения общества. Ее пытались проводить Бухарин, Рыков, Томский и их последователи. «Левая линия» предполагала продолжение развития большевизма и Октябрьской революции. Ее проводниками были Троцкий, Зиновьев, Каменев и их сторонники. Между этими двумя линиями находилась «центристская линия», которая не имела собственного принципиального содержания, но больше тяготела к правым. «Выразителями ее были Сталин с группой своих приближенных. Они преследовали свои собственные, одним им известные цели. Все остальные приверженцы центризма – Мануильский, Куусинен, Ярославский, Лозовский и другие представляли собой приспособленцев, готовых перекраситься в любой цвет, лишь бы не идти против течения. Отстранение Бухарина от руководства Коминтерном повлекло за собой весьма серьезные последствия. Уже летом 1929 г. его единомышленников, итальянца Серра и швейцарца Эмбер-Дро, являвшихся членами Президиума ИККИ,

⁵⁸ Там же. С. 122.

вывели из Исполкома Коминтерна. Серра исключили из компартии Италии, руководство ею перешло к сталинисту Пальмиро Тольятти (Эр-колли)»⁵⁹.

В собрании документов Льва Троцкого «Коминтерн после Ленина»⁶⁰ представлена суть противостоящей сталинизму программы левой оппозиции по принципиальным вопросам международной политики. Здесь опубликованы две политические программы левой оппозиции – «Что же дальше?» и «Критика программы Коммунистического Интернационала», с которой левая оппозиция вышла на VI Конгресс КИ (1928 г.). В книге также опубликованы работы «Китайский вопрос после VI Конгресса» и «Кто руководит ныне Коминтерном?», которыми и заканчивалось французское издание книги (1930 г.). В предисловии к французскому изданию Л. Троцкий заявил, что оно – единственное из изданий, за которое он мог бы нести ответственность. На самом деле, как уже говорилось, противоречия внутри соратников-ленинцев накапливались с периода Гражданской войны, и вместо того, чтобы разрешать эти противоречия, наслаивались недомолвки, складывались коалиции и тайные группировки, которые только усугубляли внутривнутрипартийный раскол.

Сам Троцкий также отвечал неприязнью и высокомерием, весьма чувствительным для врагов, своим недавним политическим соратникам. В документах архива Троцкого отложилось достаточно материалов для подборки характеристик ведущих политических оппонентов под названием «Портреты» (архив Гарвардского университета)⁶¹. Всего

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Троцкий Л. Д. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. М., 1993.

⁶¹ Троцкий Л. Д. Портреты / Подборка материалов из архива Гарвардского университета осуществлена Ю. Фельштинским. Вермонт, 1984. «Chalidze Publications» – названо по имени издателя Чалидзе Валерия Николаевича (1938–2018, род. в Москве, умер в США) – активного советского правозащитника, диссидента, физика, публициста, позднее – американского издателя и редактора, историка, автора многочисленных публикаций. С середины 1960-х годов – активный участник движения за права человека. В 1970 г. вместе с А. Д. Сахаровым и А. Н. Твердохлебовым основал Комитет прав человека в СССР. В 1972 г. выехал в США для чтения лекций; во время пребывания в США был лишен советского гражданства, остался в эмиграции. Жил в США

имеется 13 портретов, открывающихся портретом Сталина, куда вошли характеристики партийных, государственных, общественных функционеров-партийцев, деятелей ГПУ, а также литераторов и технической интеллигенции (Маяковский, Демьян Бедный, Серебровский, Блюмкин)⁶². В отношении Маяковского Троцкий заметил: «Маяковский был не только “певцом”, но и жертвой переломной эпохи, которая хоть и формирует элементы новой культуры с небывалой никогда ранее силой, но все же гораздо более медленно и противоречиво, чем это нужно для гармонического развития отдельного поэта, или одного поколения поэтов, отдавшего себя революции»⁶³. О Бухарине им с горечью сказано (памятуя бухаринские персональные выпады-кампании против троцкизма): «В начале 1918 года ...Бухарин писал [о перманентной революции]: ”Перед российским пролетариатом становится так резко, как никогда, проблема международной революции. Вся совокупность отношений, сложившихся в Европе, ведет к этому неизбежному концу. Так, перманентная революция в России переходит в европейскую революцию пролетариата”... Как далек был Бухарин тогда от теории социализма

(Вермонт). В 1989 г., после многолетнего запрета на публикации в СССР, статья Чалидзе появилась в партийном журнале «Коммунист», а в 1990 г. ему было возвращено советское гражданство. Основал собственное издательство «Chalidze Publications» (Нью-Йорк), в котором публиковал на русском языке документы и материалы из архива Л. Д. Троцкого, хранящегося с 1940 г. в библиотеке Гарвардского университета (США) и включающего в себя материалы по истории Советской России и о деятелях революции. В 1984 г. вышли ранее не публиковавшиеся мемуарные работы Троцкого «Портреты»; в 1986 г. – «Дневники и письма»; в 1988 г. – «Портреты революционеров» и др.; в 1989 г. вышли четыре тома документов «Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 гг.» (о борьбе «троцкистов» со «сталинцами»). Почти во всех этих публикациях в качестве составителя участвовал другой русско-американский историк – Ю. Г. Фельштинский. – См.: Дневники и письма Л. Д. Троцкого. 1928–1940. Гарвардский университет (США) // Знамя. 1990. № 7. С. 160–172; № 8. С. 165–198; Родина. 1993. № 7. С. 95; Слоним Е. Правозащитники. URL://www.pseudology.org/Slonim/Komitet Prava.htm (дата обращения: 10.08.2020); Правозащитник Валерий Чалидзе скончался на 80-м году жизни // Deutsche Welle. 2018.03.01.

⁶² Дневники и письма Л. Д. Троцкого. 1928–1940. Гарвардский университет (США) // Знамя. 1990. № 7. С. 165, 171, 245, 276.

⁶³ Там же. С. 166.

в отдельной стране!»⁶⁴ Книга составлена исключительно на документальной базе и показывает, как постепенно разверзалась пропасть между недавними близкими ленинскими соратниками в ходе строительства Коминтерна и социализма...

В другой части архива Л. Троцкого (за границей) имеются материалы, относящиеся к 1927 и 1928 гг. Сюда включены документы, связанные с деятельностью коммунистической оппозиции до высылки Троцкого из СССР, а также касающиеся травли Троцкого в СССР и его выдворения, сюда же вошел сводный список оппозиционеров, составленный Троцким⁶⁵. Интересно, что свою ссылку в Алма-Ату Троцкий рассматривал как «прикосновение к Востоку», где ему не приходилось до того бывать, и в своих мемуарах он отмечал, что «провел год на границе Китая»⁶⁶.

В 1926 г. он возглавил комиссию в составе Г. В. Чичерина, К. Е. Ворошилова и Ф. Э. Дзержинского, которая подготовила доклад «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии»⁶⁷. Политбюро ЦК ВКП(б) 1 апреля 1926 г. приняло резолюцию по этому вопросу. В 1926–1927 гг. китайские материалы неоднократно использовались в ожесточенной полемике внутри коммунистической партии как Л. Д. Троцким и его союзниками, так и их оппонентами. В 1928 г., уже в Алма-Ате, Троцкий написал работы «Итоги и перспективы китайской рево-

⁶⁴ Там же. С. 104. Далее Троцкий саркастически замечал: «Что Бухарин в своих воззрениях не очень стоек, достаточно известно...». «Ленин уже указывал, что кляуза составляет в минуты затруднения главное бухаринское орудие... А сейчас у него не минута затруднений, а долгие месяцы и годы...» [весна 1926 года]. См.: Троцкий Л. Д. Портреты. С. 106, 108, 112.

⁶⁵ В 1999 г. на Украине, в Харьковском издательстве, вышел трехтомник (с дополчаткой еще одного тома, т. е. 3+1) «Архив Троцкого», составленный украинскими учеными, под главной редакцией Ю. Г. Фельштинского. По сути, Архив Троцкого, хранящийся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, часть документов из Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Паоло-Альто, США) и ряд других были опубликованы впервые. Данный трехтомник продолжил документальную серию публикаций «Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927 гг.» в России и Украине. – См.: Архив Троцкого. Т. I. Харьков, 1999; Архив Троцкого. Т. I. С. 174–181; Архив Троцкого. Т. II. Харьков, 2001 [Коммунистическая оппозиция в СССР].

⁶⁶ Троцкий Л. Д. Китайская компартия и Гоминьдан // Архив Троцкого. Т. 2. С. 2.

⁶⁷ Цит. по: Саран А. Ю. Указ. соч. С. 2.

люции» и «Китайский вопрос после VI Конгресса Коммунистического интернационала». В эмиграции в 1929 г. он составил проект программы китайской оппозиции, изложив ее в нескольких статьях. «В этих работах затрагивались вопросы, касающиеся положения Китая в мире, его внешней и внутренней политики, положения в экономике и обществе; примечательно, что в них нет ни одного упоминания о китайской культуре»⁶⁸.

Троцкий подходил к анализу китайских событий прошлого и настоящего с точки зрения формационного подхода. Он считал, что причиной многих неудач и спада революционного движения стал фактор преобладания в Китае представителей феодальной формации, несмотря на развитие капитализма и буржуазии (зависимой от иностранного капитала). Китай для Троцкого был гигантской, но отсталой по сравнению с другими страной. Поэтому революция 1925–1927 гг. рассматривалась им как важнейшее мировое событие XX в. (после российской революции 1917 г.), антиимпериалистическое по своему характеру⁶⁹.

В дальнейшем Л. Д. Троцкий считал, что «политика Сталина и Бухарина в Китае являлась пародией – не столько на большевистскую, сколько на меньшевистскую политику в 1905 г.». Троцкий был решительным противником вступления компартии Китая в Гоминьдан, приема Гоминьдана в Коминтерн, избрания Чан Кайши почетным членом Исполкома Коминтерна. «Этим жестом, – говорил Л. Д. Троцкий, – Бухарин и Сталин демонстрировали “добрую волю” в отношении Гоминьдана и ударяли по компартии Китая»⁷⁰. Характерно, что при написании в СССР «Истории Гражданской войны» имя Троцкого было практически стерто сталинской редакцией⁷¹.

⁶⁸ Там же. С. 3.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды: в 2 кн. М., 2004. Т. 1: Воспоминания. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page &num=12407> (дата обращения: 10.08.2020).

⁷¹ В 1927 г. он был снят со всех постов и отправлен в ссылку; в 1929 г. выслан за пределы СССР, в 1932 г. лишен советского гражданства. См.: Архив Александра Н. Яковлева. База данных документов. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1015332> (дата обращения: 10.09.2020); Большая цензура. Раздел третий. «Великий перелом» (1930 – сентябрь 1939)

Размышления о пробах, ошибках и достижениях Коминтерна в Китае содержатся в записках революционера и видного деятеля Коминтерна Го Шаотана (А. Г. Крымова)⁷², обвиненного в «троцкизме». В 1928 г. Го Шаотан вступил в ряды ВКП(б) и был направлен Секретариатом ИК Коминтерна и ЦК ВКП(б) на учебу в Институт красной профессуры (ИКП); тогда наряду с учебой он вел партийную работу. С 1929 г. был сотрудником представительства ЦК КПК при ИККИ, преподавал в Международной ленинской школе, в КУТВ, входил в Большую редакцию журнала «Коммунистический интернационал», редактировал китайское издание журнала, являлся членом редколлегии по изданию произведений В. И. Ленина на китайском языке⁷³.

В материалах о компартии Китая в рядах Коминтерна также освещается борьба с троцкизмом (по сути, внутрипартийная борьба за лидерство, сплоченность и авторитарность во власти), которая не ограничивалась рамками только СССР. В январе 1937 г. Секретариат ИККИ уведомил

[Документ 261]; И. Минц – в главную редакцию «Истории Гражданской войны». Комментарии Сталина. 08.12.1934] // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3164. Л. 1–1об. Машинописный подлинник на бланке. Подпись – автограф. Комментарии Сталина – автографы.

⁷² Го Шаотан (Крымов А. Г.) Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990.

⁷³ Крымов Афанасий Гаврилович (Го Шаотан, кит. 郭肇堂, 1905–1988) – российский китаевед и историк, доктор исторических наук, сотрудник Коминтерна и китайский революционер. Политэмигрант. Сотрудник ИВ РАН. Член КПК с 1925 г. В конце 1925 г. приезжает в Москву на учебу в КУТВ, где учится до 1927 г., а затем возвращается в Китай. В 1928 г. после поражения революции КПК вновь возвращается на учебу в Москву. С 1932 г. он – инструктор ЦК ВКП(б) по Дальнему Востоку, а также член бюро Отдела по работе в деревне. В 1934 г. А. Г. Крымов окончил историко-партийное отделение ИКП с присвоением ему звания кандидата исторических наук, после чего решением ЦК ВКП(б) направлен в распоряжение ИККИ и назначен помощником зав. сектора Восточного секретариата ИККИ. В 1935 г. принял участие в работе VII Конгресса Коминтерна в качестве делегата от компартии Китая вместе с Кан Шэном. После конгресса работал в аппарате Георгия Димитрова, у которого стал референтом по китайскому вопросу и его политсекретарем. С мая 1937 по март 1938 г. Крымов работал зам. заведующего научным отделом НИИ НКП и участвовал в подготовке коммунистов стран Востока. В 1938 г. был арестован вместе с целым рядом китайских коммунистов, вышел на свободу, реабилитирован и восстановлен в партии в 1954 г. В 1950-е годы побывал в Китае, где встречался с видными деятелями КПК. См.: Сухарчук Г. Д. Ученый-интернационалист: (А. Г. Крымов – Го Шаотан) // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 5. С. 125–133.

ЦК КПК о прошедшем в Москве процессе над *«параллельным антисоветским троцкистским центром»* (Г. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников и К. Б. Радек), действовавшим заодно с осужденными ранее Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. В дальнейшем «троцкистов» выявляли в Европе и Азии, Коминтерн во главе с Г. Димитровым активно включился в кампанию по изгнанию ревизионистов из рядов международной (интернациональной) армии Коминтерна⁷⁴.

В одной из современных публицистических книг⁷⁵ автор пишет, что важным достижением внешней политики И. В. Сталина был советско-китайский союз. «...Я. Г. Блюмкин⁷⁶ ...в 1920 г. активно участвовал в попытке реализации одного из амбициозных планов Троцкого, т.н. “похода на Восток”. Суть замысла состояла в том, чтобы использовать подъем национально-освободительной борьбы народов Азии и военный потенциал РСФСР для “революционной войны” против Великобритании в ее азиатских колониях»⁷⁷. Такой «экспорт революции», полагает автор, был авантюрой, которая могла привести к гибели советской власти. Этот план не был претворен в жизнь, но отдельные попытки его осуществления предпринимались... «Весной 1929 г., возвращаясь с Ближнего Востока, Я. Г. Блюмкин в турецкой столице встречался с Л. Д. Троцким и заявил, что “отдает себя в его распоряжение”»⁷⁸, однако конкретных шагов осуществлено не было.

С высылкой Троцкого из СССР у его противников были развязаны руки. Однако не все верили в конец политической карьеры Троцкого. По оценке писателя И. Э. Бабея (частная переписка, 1936 г.), высылка Троцкого мало что изменила в мире: этого трибуна революции невозможно

⁷⁴ Осинцев М. Компартия Китая как член Коминтерна. 3 сентября 2019. URL: https://rkrp-rpk.ru/2019/09/03Компартия_Китая_как_член_Коминтерна (дата обращения: 10.08.2020).

⁷⁵ Пискун Е. Термидор в СССР. Идеи Л. Д. Троцкого и советская действительность 1920–1980-х гг. Рязань, 1997.

⁷⁶ Блюмкин Я. Г. с 1923 г. работал в ОГПУ и был ее резидентом в ряде стран Востока. Через несколько месяцев после возвращения в СССР был арестован и расстрелян.

⁷⁷ Пискун Е. Указ. соч. С. 54.

⁷⁸ Там же.

было остановить в его борьбе. «...А возьмите Троцкого. Нельзя себе представить обаяние и силу влияния его на людей, которые с ним сталкиваются. Троцкий, бесспорно, будет продолжать борьбу и его многие поддержат...»⁷⁹

В 1937 г. в докладе И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в адрес Троцкого и его последователей прозвучали обвинения во вредительской, диверсионно-шпионской работе. Как агентов иностранных государств, их обвиняли в проникновении не только в низовые организации [партии и управления государством], но и на административные и партийные ответственные посты государства. Сталин несколько раз повторил тезис о необходимости разглядеть «настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц», то есть от борьбы и дискуссий политические дебаты перешли в стадию свержения авторитетов и последующего физического устранения идеологических противников, какими бы методами это ни достигалось⁸⁰.

В документах из архива И. В. Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б)⁸¹ освещается деятельность троцкистской оппозиции в СССР и борьба с ней различных органов власти под руководством И. В. Сталина. Это подборка-исследование о борьбе Сталина с внутрипартийной оппозицией – «троцкистами» и с самим Львом Троцким. По словам редакторов (А. Петрова, С. Кудряшова), «...большинство материалов по борьбе с оппозицией Сталин оставлял в своем архиве. Многие из них рассекретили лишь недавно и передали на хранение в федеральные архивы – РГАНИ и РГА-

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 64. Л. 93–94. Подлинник. Машинопись. Архив Александра Н. Яковлева. База данных документов. URL://<https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/58253> (дата обращения: 10.09.2020). Писатели под колпаком у чекистов. Документ 11. Сводка секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР о настроениях И. Э. Бабеля в связи с завершением процесса так называемого «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» 21.09.1936.

⁸⁰ Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Документ № 31. Доклад И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). 03.03.1937 // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 3–15.

⁸¹ Политбюро и Лев Троцкий. 1922–1940 гг. Сборник документов. М., 2017. URL://<https://histlit.com/upload/books/Trozki-for%20site.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

СПИ»⁸². В предисловии А. Петров и С. Кудряшов пишут: «До конца своих дней Троцкий оставался последовательным критиком Сталина и его окружения. Он не был предателем, а уж тем более фашистским агентом. Независимо от того, кто сидит в Кремле, Троцкий всегда считал, что СССР остается рабочим государством. Поэтому в наступившей Второй мировой войне он полагал долгом всех левых сил встать на безусловную защиту Советского Союза. Такая позиция поссорила его со многими последователями»⁸³.

В 1930 г., сразу после эмиграции из СССР, Троцкий создает Международную левую оппозицию (МЛО). «По примеру внутренней Левой оппозиции (“левого уклона”) она объединяет сторонников троцкизма, но уже не в ВКП(б), а в Коминтерне. Когда с переменами в Коминтерне и приходом к руководству Георгия Димитрова, означавшими укрепление сталинского контроля, троцкисты были из него исключены (1935 г., VII Конгресс), их деятельность развернулась в двух основных направлениях, которые оба были тесно связаны с Западом»⁸⁴.

Устранение ленинских кадров из Коминтерна произошло вскоре после удаления от руководства Коминтерном Троцкого, Радека, Зиновьева, а позже и Бухарина.

⁸² После 1991 г. они хранились в фонде Политбюро Архива Президента РФ. В РГНИ были переданы личные дела от «А» до «Я» за период с 1918 по 1975 г. Значительная часть архивных дел, включая и секретные, были переданы в РГАСПИ. Материалы о Троцком и троцкистской оппозиции из этой коллекции и стали базой настоящей публикации. Имя Троцкого «советская пропаганда сделала нарицательным, не было у СССР врага злее, чем троцкизм. К примеру, вся антикоммунистическая или оппозиционная литература находилась в СССР в специальных отделах центральных библиотек (“спецхран”), куда простых посетителей не допускали. Там можно было почитать буржуазную прессу, неугодных власти философов, публицистов или антикоммунистические речи одиозных западных политиков, включая лидеров фашизма. Но даже в “спецхранах” нельзя было получить доступ к работам Троцкого. Они хранились в обособленных отделах внутри “спецхранов”. См.: Политбюро и Лев Троцкий. С. 15–16.

⁸³ Многие люди, пострадавшие вслед за Троцким, на самом деле не были «троцкистами». Их под пытками заставляли признать себя таковыми. Те же, кто сознательно сопротивлялись режиму и поддерживали действия Троцкого, по сути боролись за свободу мысли, право на критику и в конечном счете восставали именно против культа вождя. См.: Политбюро и Лев Троцкий. С. 15–16.

⁸⁴ Павленко В. Ленинизм vs. троцкизм: разворот вектора на Восток. URL://<https://regnum.ru/news/polit/2512691.html> (дата обращения: 10.09.2020).

«От руководства национальными компартиями были отстранены все те, кто принимал участие в создании Коминтерна. Поголовная смена руководства не была случайностью. Сталин заменял ленинские кадры своими»⁸⁵. Что и говорить, после этого все вопросы в Коминтерне (как кадровые, так и спорные в политической линии) стали решаться в зависимости от позиции лично Сталина и его собственных колебаний. «Несогласным, как правило, предъявляли обвинения в “уклонах”, “отходах”, в оппозиции “генеральной линии партии”, которая сама по прихоти “генерального вождя всех народов” постоянно колебалась то влево, то вправо. Позже эти обвинения приобрели другой, более страшный характер – в “троцкизме”, в шпионаже, в антисоветской или антикоминтерновской деятельности и, наконец, в терроризме»⁸⁶. В. Н. Пятницкий пишет: «Когда Коминтерн обратил свои взоры на Китай, был создан Университет народов Востока, так называемый Университет Сунь Ятсена во главе с Карлом Радеком»⁸⁷.

«Специалисты по-разному объясняют одержимость Сталина расквитаться с бывшим соратником и конкурентом, – пишут Петров и Кудряшов. – По-видимому, решающую роль играли личные мотивы – обида, зависть и ненависть. Стремящийся к полному диктату, уверенный в своей исключительности и непогрешимости, Сталин никогда не мог смириться с постоянным интеллектуальным унижением, которое он испытывал от полемических публикаций и выступлений Троцкого. Живой и пишущий Троцкий был постоянным напоминанием о недостатках вождя. Поэтому его не только убили, но и сделали все возможное, чтобы вычеркнуть его из народной памяти или связать его имя со всеми мыслимыми и немыслимыми преступлениями советской эпохи»⁸⁸.

Сборник статей «Коминтерн и Восток» (переиздан в 1978 г.)⁸⁹ посвящен развитию Коминтерна за 50 лет.

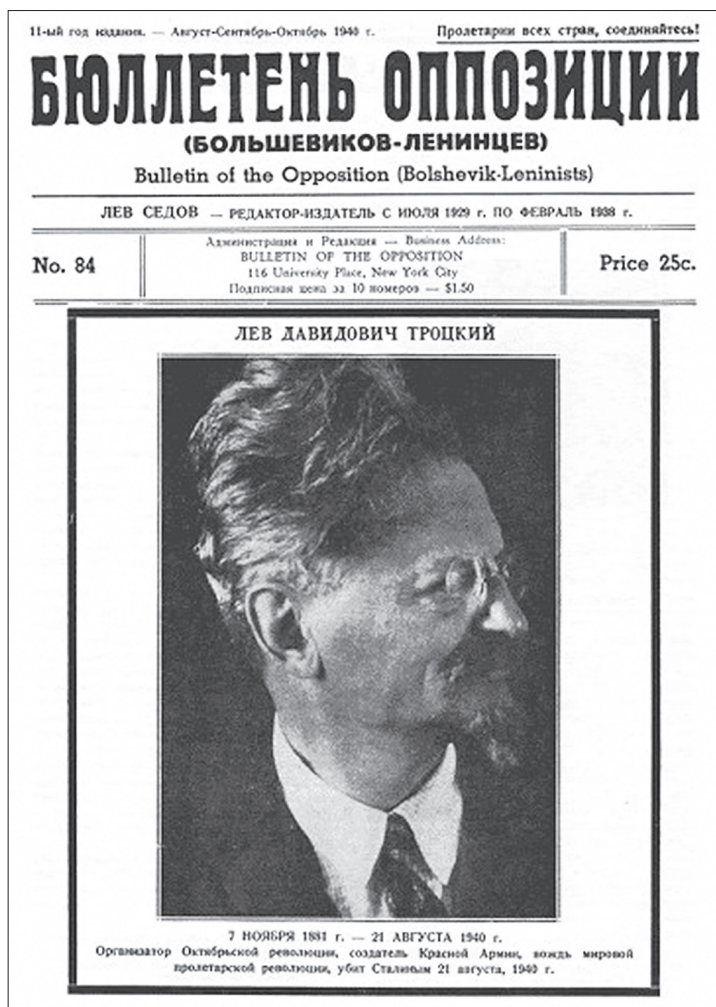
⁸⁵ Пятницкий В. И. Указ. соч. С. 123.

⁸⁶ Там же. С. 131.

⁸⁷ Там же. С. 190.

⁸⁸ Политбюро и Лев Троцкий. С. 15–16.

⁸⁹ Коминтерн и Восток [Текст]: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969; 1978.

«Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)». 1940. № 84.

Коминтерн уделял много внимания методам и формам революционной борьбы на Востоке, разрабатывая ряд важных положений. Необходимо было сплотить антиимпериалистические силы вместе и практически применить новую тактику деятельности Коминтерна. Материалы посвящены разным периодам развития Коминтерна и рабочего движения, некоторые из них рассматривают вопросы Комин-

терна и становления коммунистического движения в Китае (В. И. Глунин); Коминтерна и революционного движения в Китае под лозунгом советов (1928–1930) (А. М. Григорьев); Коминтерна и единого национального антияпонского фронта в Китае (1935–1943) (К. В. Кукушкин) и другие⁹⁰. Достаточно большой материал посвящен «ошибкам Троцкого и его негативной для Коминтерна деятельности». Отметим, что из авторов этого труда стоит выделить статью известной китаистки А. И. Картуновой⁹¹ (Коминтерн и некоторые вопросы реорганизации Гоминьдана). Этот автор внес большой вклад в работу по введению в научный оборот новых материалов⁹², опубликованных в сборниках документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы»; «ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны»⁹³.

А. И. Картунова поясняет, что «у КПК, пока существовал Коминтерн, прямой письменной связи с ВКП(б) во время антияпонской войны [1937–1945] не было, она осуществлялась через Коминтерн. Но информация шла через последний. Например, Мао Цзэ-дун или ЦК КПК обращались по какому-либо важному для КПК текущему

⁹⁰ Там же. С. 513.

⁹¹ Картунова Анастасия Ивановна (1924), китаевед, доктор исторических наук (1981). Окончила МИВ (1947). Научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС (1960–1991), главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (с 1992). Участница многих международных научных конференций, ее труды опубликованы в переводах, кроме китайских, еще и в ряде других зарубежных стран. См.: Картунова А. И. Новая волна интереса историков к проблемам китайской революции 1925–1927 гг. и необоснованная попытка предать ее забвению // 45-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLV. Ч. 1. вып. 17. М., 2015. С. 437–456; Интервью А. И. Картуновой в июне 2014 г. // Российское китаеведение – устная история. Т. 3.

⁹² Российское китаеведение – устная история. Т. 3. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв. М., 2018.

⁹³ А. И. Картунова выступила здесь как составитель, ответственный редактор и автор введения «... С 1966 г. начала публиковать статьи, вводя в научный оборот архивные документы и материалы. За отсутствием специалистов я взяла на себя подготовку к печати и документов с августа 1937 по 1939 г., это 380 стр. книжного текста, а также библиография». См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. М., 2007; Российское китаеведение – устная история. Т. 3. Интервью А. И. Картуновой.

вопросу фактически к руководству ВКП(б), но шифротелеграмма направлялась на имя Г. Димитрова [Генеральный секретарь Коминтерна]. Прямой связи не было, поскольку существовал единый антияпонский фронт и у гоминьдановского правительства могли появиться претензии к Советскому Союзу за тайную от него помощь КПК»⁹⁴.

Имеется также большое число статей, посвященных изучаемой теме, освещающих определенные ракурсы советской политики в Китае, Коминтерне и идеи мировой революции: «Троцкий и Чан Кайши» Б. Бородина⁹⁵; «Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926–1927 гг.)» А. М. Григорьева⁹⁶; «О китайской революции. Воспоминания и взгляды» И. Л. Абрамовича⁹⁷; «СССР, Коминтерн и “китайский фактор” Второй мировой войны» А. Крушинского⁹⁸ и другие. Имеются также многочисленные публицистические статьи и даже публикации блогосферы с привлекающими внимание тегами, например, Майсурян А., «Что было бы, останься Бухарин жив?»⁹⁹ и др.

⁹⁴ А. И. Картунова неоднократно обращалась к анализу дискуссии на китайской комиссии VII пленума ИККИ (декабрь 1926 г.) и принятой им резолюции о положении в Китае. «Новая для меня тема – китайская политика Советского Союза: роль прогнозирования; причины поражения революции 1925–1927 гг. Считаю важной частью своей китаеведческой работы подготовку к печати двух больших сборников документов: “В. К. Блюхер в Китае 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника” и “Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: 1923 – август 1926 г.”. К такого же характера работе относится и том V серии сборников документов “ВКП(б), Коминтерн и Китай”». См: Российское китаеведение – устная история. Т. 3.

⁹⁵ Бородин Б. Троцкий и Чан Кайши // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 150–152.

⁹⁶ Григорьев А. М. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926–1927 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 103.

⁹⁷ Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды: в 2 кн. Т. 1: Воспоминания. М., 2004. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=12407> (дата обращения: 10.08.2020).

⁹⁸ Крушинский А. СССР, Коминтерн и «китайский фактор» Второй мировой войны. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20166577_77428262.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

⁹⁹ Майсурян А. Что было бы, останься Бухарин жив? (Блогосфера). URL: <https://maysuryan.livejournal.com/799415.html> (дата обращения: 10.08.2020).

В воспоминаниях историка-архивиста Ф. Фирсова¹⁰⁰, всю жизнь отдавшего делу упорядочения документов и наследия Коминтерна, комментируется борьба «уклонов» в 1920-е годы. В частности, он пишет: «В самом ИККИ тоже возникли настроения, благоприятствовавшие надеждам “леваков”. Зиновьев, Бухарин, Радек усматривали главную опасность для Коминтерна в непреодоленном влиянии социал-демократических представлений в компартиях, и считали, что следует вести борьбу, прежде всего, против правой опасности. Ленин и Троцкий не могли уделять коминтерновским проблемам достаточного внимания»¹⁰¹. Несмотря на удаление «троцкистов» и левой оппозиции, ситуация в партийных рядах кардинально не менялась. Комментируя работу различных функционеров ИМЛ, Ф. Фирсов пишет: «...докладывая о работе Сектора, [один из архивистов] заметил, что в освещении проблем истории Коминтерна мешает вопрос о тех людях, которых позднее объявили врагами народа. Егоров ответил: рассказывать о позитивной деятельности противников партии означает наносить ей ущерб»¹⁰².

Так, вопросы различных уклонов в Коминтерне продолжали влиять на сознание людей и в 1970-е годы. Боязнь отойти от сталинского курса среди партфункционеров сидела достаточно крепко. «Когда я принес Егорову вышедший из печати сборник “Третий конгресс Коминтерна”, то он, открыв именной указатель книги, упрекнул меня: “Упоминаний Ленина маловато, а вот Троцкого и Зиновьева слишком много”. На деле Ленин упоминался почти на каждой странице книги, а Троцкий всего в пяти случаях, когда его нельзя было не упомянуть, поскольку выступал с докладом на конгрессе»¹⁰³.

Рецензия А. Ю. Ватлина¹⁰⁴ на книгу Ф. Фирсова «Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943»¹⁰⁵ дает оценку

¹⁰⁰ Фирсов Фридрих. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. Сер.: «АИРО – первая публикация». М., 2013.

¹⁰¹ Там же. С. 200.

¹⁰² Там же. С. 212.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Ватлин А. Ю. [Рец. на:] Фирсов Ф. И. Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943 // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 174–175.

¹⁰⁵ Фирсов Ф. И. Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943. М., 2007.

и восприятие самой темы историками нашего времени. «Обращение автора к новому, закрытому на сегодняшний день даже для российских историков источнику, – пишет рецензент, – привело не только к уточнению ряда оценок и насыщению коминтерновской истории новыми фактами; – можно говорить о новом взгляде на широкий спектр научных проблем, связанных с историей международного коммунистического движения. Любой, кто обратится к последнему десятилетию работы Коминтерна, не сможет пройти мимо этой книги, которая оказалась если не вехой, то, как минимум, заметным явлением в данной области исторической науки»¹⁰⁶. Бывшему научному сотруднику архива Коминтерна (ныне РГАСПИ) Ф. И. Фирсову удалось получить доступ к этому источнику, где в качестве адресатов выступало более 30 компартий. Чем большую важность имели события в той или иной стране для Москвы, тем активнее велась «шифропереписка»¹⁰⁷. В шифропереписке отразились многие аспекты деятельности Коминтерна: здесь и субсидии зарубежным компартиям, и следование в фарватере внешнеполитической линии СССР, и кадровые решения. «Не последнюю роль в переписке играло и соучастие Коминтерна в “большом терроре” Сталина – при помощи “шифротелеграмм” в Москву вызывали будущих жертв. Тот же, кто отказывался вернуться, ... становился “ренегатом” и объектом преследования со стороны компартий любой страны, где бы он ни находился»¹⁰⁸. Тем не менее при всей уникальности шифропереписки «ее нельзя рассматривать как достаточный источник для полной реконструкции завершающего этапа истории Коминтерна».

Действительно, после убийства Троцкого в 1940 г. (а это событие имело мировой резонанс) Коминтерн вряд ли мог рассчитывать на стопроцентное доверие со стороны компартий разных стран. «Гораздо меньше этот источник может рассказать о том, как рождались и “продавливались” необходимые решения в руководстве Коминтерна, какое влияние оказывала на них внешнеполитическая обста-

¹⁰⁶ Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 175.

¹⁰⁷ Там же. С. 174.

¹⁰⁸ Там же. С. 175.

новка и внутренняя эволюция сталинского режима»¹⁰⁹. Материалы книги подтверждают авторский вывод о том, что позитивное отношение к Советскому Союзу руководство Коммунистического Интернационала жестко связывало с принятием этого режима: «... Коминтерн играл роль его внешнеполитической опоры. Он действовал как составная часть идеологическо-политического механизма, использовавшегося Сталиным и его окружением для санкционирования от имени “мирового пролетариата” собственной политики»¹¹⁰.

В первой главе монографии китаиста Ю. М. Галеновича¹¹¹ затрагивается противостояние между Сталиным и Троцким по вопросу о Китае и будущей пролетарской революции. В книге рассматриваются отношения между СССР и Китаем в тот период истории, когда у власти этих двух стран находились Сталин (1879–1953) и Чан Кайши (1887–1975).

В своем интервью китаист А. И. Картунова пояснила, что после закрытия Коминтерна (1943) коммунистические партии нельзя было оставить без связи, «поэтому с конца 1945 г., когда Димитров уже работал в Болгарии (был генеральным секретарем Компартии Болгарии), этот отдел постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) по инициативе Сталина был переименован в Отдел внешней политики ЦК». При отделе находились специалисты из Коминтерна, в основном они были размещены в номерных институтах (Институте № 100, НИИ № 205 и Институте № 99). Решением Политбюро от 10 июля 1948 г. Отдел внешней политики был переименован в Отдел внешних сношений ВКП(б)¹¹².

«Следует отметить, что в это время в Китае сложились очень специфические условия. Там работники советской военной разведки работали в тесном контакте с представителями ОМСа Коминтерна. Примечательны в этом списке

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Галенович Ю. М. Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М., 2008.

¹¹² Из интервью А. И. Картуновой // Российское китаеведение – устная история. Т. 3.

китайские коммунисты, тоже, оказывается, примкнувшие к “группе Бухарина”: Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Дун Биу и другие. Венчает этот впечатляющий перечень сам Генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров, оказавшийся “шпионом, работающим на несколько капиталистических разведок”». «Всех этих людей, – если бы “сценарий” был воплощен в жизнь, – неминуемо в финале действия ждала бы “высшая мера наказания”. ... Таким образом, сталинский террор уничтожил не только цвет кадров нашей страны, но и нанес непоправимый удар по международному коммунистическому движению...»¹¹³

В. И. Пятницкий делает вывод по этим фактам: «Так Сталин объявил терроризм неотъемлемой принадлежностью троцкизма, а Троцкого – непосредственным руководителем террора против руководителей партии и, прежде всего, против самого Сталина. Он приписывал Троцкому то, что творил сам. Это одна из основных черт диктаторов – все свои ошибки и преступления перекладывать на других людей...»¹¹⁴

На ресурсах сайта РКРП – КПСС имеются статьи по истории Коминтерна: «Коминтерн как штаб мировой революции во время первой атаки на капитализм в 1920–1927 годах» и «100 лет Коминтерну», которые также предоставляют исследователю материалы по теме. Коминтерн создавался с самого начала именно как штаб мировой социалистической революции, как инструмент организации и проведения восстаний пролетариата в различных странах земного шара. Сама Великая Октябрьская социалистическая революция считалась прологом и началом мировой пролетарской. Судьба русской революции напрямую связывалась тогда с победой революции в западных странах, а затем и на Востоке¹¹⁵.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Пятницкий В. И. Указ. соч. С. 304, 327, 489, 545, 599.

¹¹⁵ Доклад Социалистического Движения Казахстана на Международной конференции «Коминтерн – 100» // РКРП – КПСС. URL: https://rkrp-rpk.ru/2019/07/13/Коминтерн_как_штаб_мировой_революции_во_время_первой_атаки_на_капитализм_в_1920–27_годах (дата обращения: 10.09.2020).

В 2019 г. к 100-летию Коминтерна Центром социально-политической истории (филиал ГПИБ России)¹¹⁶ была открыта выставка «Коминтерн: драма идей и судьбы людей. К 100-летию создания»¹¹⁷. На выставке были представлены документы, фотографии, книги, публикации СМИ.

В годовщину Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 2019 г. в Центре социально-политической истории проводилась эксклюзивная книжно-иллюстративная выставка «Пророк и Демон: образы Льва Троцкого». В залах выставки отмечалось, что после XX съезда КПСС, в период «оттепели» и позднее, многие из соратников В. И. Ленина, проигравших политическую борьбу и уничтоженных в 1920–1930-е годы, были реабилитированы. Но это не относится к Троцкому. Он остается одной из самых спорных фигур истории XX в. Его подлинная личность оказалась почти неразличима под слоем мифов, созданных вокруг него идеологией. Выставка призвана отчасти восполнить этот пробел в российской и советской истории¹¹⁸. Действительно, Лев Троцкий не был официально реабилитирован советской властью. В период перестройки и гласности М. С. Горбачёв продолжал осуждать его историческую роль¹¹⁹. НИЦ «Мемориал» пишет, что Л. Д. Троцкий был дважды реабилитирован Прокуратурой РФ: 21 мая 1992 г. и 16 июня 2001 г.,¹²⁰ но все-таки это случилось лишь после крушения СССР и КПСС.

¹¹⁶ Историческая библиотека – бывшая партбиблиотека СССР, имеющая уникальные документы и материалы по теме партийно-политической истории, в том числе Коминтерна.

¹¹⁷ «Коминтерн: драма идей и судьбы людей. К 100-летию создания. Выставка. Даты проведения 21 февраля – 21 марта 2020 г. / Филиал ГПИБ России – Центр социально-политической истории.

¹¹⁸ Пророк и Демон: образы Льва Троцкого. Книжно-иллюстративная выставка к 140-летию со дня рождения. URL://https://www.shpl.ru/events/exhibition/prorok_i_demon_obrazy_l_va_trockogo/?archive=yes (дата обращения: 15.12.2019).

¹¹⁹ Горбачёв М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Коммунист. 1987. № 17. С. 10–15.

¹²⁰ Иоффе В. В. Осмысление Гулага: НИЦ «Мемориал». URL://<http://memorial-nic.org/ioffe/3.html#8> (дата обращения: 10.09.2020).

На выставке были представлены книги, периодические издания и иллюстрации, отражающие биографию революционера и политика. Она состояла из пяти разделов-вех жизни и деятельности Л. Троцкого: первый – «В борьбе за перманентную революцию» посвящен взглядам Троцкого на теорию и практику революционной борьбы, которой он отдал почти всю свою жизнь; второй освещал деятельность Троцкого как руководителя Красной армии; третий рассказывал о левой оппозиции и ее судьбе; в четвертом через экспонаты выставки раскрывалась жизнь Троцкого после политического поражения в 1927 г. в СССР и за границей, повествовалось о создании IV Интернационала; в пятом представлены многочисленные биографии Троцкого, написанные разными людьми¹²¹.

В декабре 2019 г. в Центре социально-политической истории прошел круглый стол к 140-летию со дня рождения Льва Давидовича Троцкого «Лев Троцкий: личность и политическая деятельность». На нем были обсуждены взгляды Л. Д. Троцкого на теорию и практику революционной борьбы, его роль как создателя и руководителя Красной армии, непростая история левой оппозиции и выросшего из нее IV Интернационала. Материалы этой дискуссии также проливают свет на многие вопросы прошлого Коминтерна¹²².

Философ В. Ф. Пустарнаков пишет, что крушение национальной модели советского социализма, с одной стороны, подтверждало правоту теории Троцкого о невозможности длительного существования социализма в одной стране. С другой стороны, многие национальные модели социализма продолжают существовать в таких странах, как Китай, Куба, Вьетнам. Это подтверждает, что не все так однозначно было в теоретических взглядах Троцкого¹²³.

¹²¹ Там же.

¹²² Лев Троцкий: личность и политическая деятельность. Круглый стол. URL: https://www.shpl.ru/events/roundtable/lev_trockij_lichnost_i_politicheskaya_deyatelnost/ (дата обращения: 15.12.2019).

¹²³ Цит. по: Русская философия. Энциклопедия. Изд. 2-е, дораб. и доп. М., 2014. / Хронос. URL: http://www.hrono.info/biograf/biot/trocki_maslin.php (дата обращения: 10.08.2020); Славин Б. О философско-политических взгля-

Противоречивая фигура Л. Д. Троцкого, его деятельность и наследие предстают во всей противоречивости переживаемой его поколением эпохи, ее слома. Несомненно, революционные теории наталкивались на реалии жизни, необходимо было корректировать взгляды, приспосабливаться к обстановке, учитывать огромное количество вещей в водовороте стремительных событий.

Трагедия Троцкого не в том, что он не был готов к смене позиций, а в том, что после смерти В. И. Ленина он не смог найти верных и равных себе единомышленников. Теоретик-одиночка, эгоцентрист, он не смог оценить коварство и решительность бывших сотоварищей по ленинской гвардии. Разочаровавшись в III Интернационале, он надеялся «начать все сначала» в Интернационале IV. В его представлениях о мировой революционной борьбе могло быть всякое, но только не то, что борьба оппозиций способна привести к смещению со всех постов, изгнанию из страны и к последующей насильственной ликвидации.

Революции задумывают идеалисты, совершают прагматики, а пользуются их плодами циники. Трагедией Троцкого вполне можно назвать его идеалистическую картину мира «по наделению счастьем всего человечества». Его особенностью было предвосхищать многие идеи и события; однако он был слишком инициативен, слишком тороплив и игнорировал множество серьезных факторов. Как всякому идеалисту, ему было свойственно «закрывать глаза» на многое, что не вписывалось в жизнь в настоящий момент. Удивительно, что идеи Троцкого нашли своих последователей в Китае, как и в других странах Востока, и в странах освобождающегося «третьего мира». Это говорит о том, что в них до сих пор есть искра той энергии 1920-х годов, из которой что-то еще способно возгореться, а следовательно, его жизнь, деятельность и влияние его идей имеют значение и сегодня.

Источники

Архив Троцкого. В 4 т. / ред.-сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1990. Т. 1. 478 с.; Т. 2. 488 с.; Т. 3. 383 с.; Т. 4. 544 с.

Архив Троцкого. Т. I–III / науч. ред. томов Г. И. Чернявский, Ю. Г. Фельштинский, М. Г. Станчев. Харьков: «Око», 1999. Т. I. 456 с.; 2001. Т. II. 488 с.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. V: ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943: Документы / РГАСПИ, ИДВ РАН, Восточноазиатский семинар Свободного ун-та Берлина: редколл.: М. Л. Титаренко, М. Лёйтнер и др. М.: РОССПЭН, 2007. 752 с.

Коминтерн и идея мировой революции: документы / Ин-т всеобщей истории РАН, Федер. архив. служба России, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории. Сер. «Документы Коминтерна / отв. ред. Я. С. Драбкин. М.: Наука, 1998. 949 с., ил.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы / Ин-т воен. истории МО РФ и др.; сост. Басик И. И. (отв. сост.) и др.; пер. фр. документов. В. Карпов. М.: Изд. центр РГГУ, 2015. Т. 7. Восточная ветвь, 1920–1928 гг. / сост.: В. А. Авдеев и др. 952 с.

Литература

Абрамович И. Л. О китайской революции // Воспоминания и взгляды. В 2 т. М.: КРУК-Престиж, 2004. Т. 1: Воспоминания. 287 с.

Бородин Б. Троцкий и Чан Кайши // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 150–152.

Васецкий Н. А. Троцкий: опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. 351 с.

Ватлин А. Ю. [Рец. на:] Фирсов Ф. И. Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943 // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 174–175.

Галенович Ю. М. Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М.: ИДВ РАН, 2008. 372 с.

Го Шаотан (Крымов А. Г.) Историко-мемуарные записки китайского революционера. М.: ГРВЛ, 1990. 384 с.

Горбачёв М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Коммунист. 1987. № 17. С. 10–15.

Григорьев А. М. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926–1927 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 102–117; № 3. С. 121–125.

Дневники и письма Л. Д. Троцкого. 1928–1940. Гарвардский университет (США) // Знамя. 1990. № 7. С. 160–172; № 8. С. 165–198.

Картунова А. И. Новая волна интереса историков к проблемам китайской революции 1925–1927 гг. и необоснованная попытка предать ее забвению // 45-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». Т. XLV. Ч. 1. Вып. 17. М.: ИВ РАН, 2015. С. 437–456.

Коминтерн и Восток [Текст]: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении / отв. ред. Р. А. Ульяновский. М.: Наука, 1969. 513 с.; 1978. 372 с.

Ленин о Троцком и троцкизме. [Из истории РКП(б)]. М.: Новая Москва, 1925. 222 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1974. Т. 38. Март–июнь 1919. С. 301–309.

Линдер И., Чуркин С. А. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М.: Рипол классик, 2005. 688 с.

Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Документ 31. Доклад И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 03.03.1937 // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 3–15.

Пискун Е. Термидор в СССР. Идеи Л. Д. Троцкого и советская действительность 1920–1980-х гг. Рязань: Русское слово, 1997. 120 с.

Правозащитник Валерий Чалидзе скончался на 80-м году жизни // Deutsche Welle. 2018.03.01.

Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск: Харвест, 2004. 720 с., ил.

Рассел Бертран. Практика и теория большевизма / пер. с англ. издания 1920 г. М.: Наука, 1991. 128 с.

Российское китаеведение – устная история: сб. интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв. / отв. ред. В. Ц. Головачев. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 3. 480 с.

Русская философия. Энциклопедия. Изд. 2-е, дораб. и доп. / под общ. ред. М. А. Маслина; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М.: Книжный клуб Книгобек, 2014. 648 с.

Саран А. Ю. Восприятие Китая политической элитой СССР 1920-х годов: Л. Д. Троцкий // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М.: ИРИ РАН, 2000. Вып. 1. 365 с.

Сухарчук Г. Д. Ученый-интернационалист: (А. Г. Крымов – Го Шаотан) // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 5. С. 125–133.

Троцкий Л. Д. Запад и Восток: вопросы мировой политики и мировой революции. М.: Красная новь, 1924. 149 с.

Троцкий Л. Д. Портреты / Подборка материалов из архива Гарвардского университета осуществлена Ю. Фельштинским. Вермонт: Chaldizze Publications, 1984. 285 с.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии / отв. за выпуск А. В. Дмитриев. М.: Панорама, 1991. 624 с.

Троцкий Л. Д. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. М.: Спартак-Восток, 1993. 312 с.
Умер Валерий Чалидзе // Родина. 1993. № 7. С. 95.

Фирсов Ф. И. Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943. М.: АИРО-XXI, Крафт+, 2007. 576 с.

Фирсов Фридрих. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. Сер. «АИРО – первая публикация». М.: АИРО-XXI, 2013. 480 с., ил.

Deutscher J. Trotsky. L.; 1954–1963. V. 1–3. 1432 p.

Интернет-ресурсы

Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды. В 2 т. М.: КРУК-Престиж, 2004. Т. 1: Воспоминания. 287 с. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=12407> (дата обращения: 10.08.2020).

Архив Александра Н. Яковлева. База данных документов. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1015332> (дата обращения: 10.09.2020); URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61002> (дата обращения: 10.08.2020); URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/db-docs> (дата обращения: 10.09.2020); URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1013900> (дата обращения: 10.09.2020); URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1013974> (дата обращения: 10.08.2020); URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/58253> (дата обращения: 10.09.2020).

Биография Троцкого. Хронос. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_t/trocki_maslin.php (дата обращения: 13.01.2020).

Гарольд Исаакс. Трагедия китайского пролетариата. URL: <http://www.left-dis.nl/r/isaacs3.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

Доклад Социалистического Движения Казахстана на Международной конференции «Коминтерн-100» // РКРП–КПСС URL: https://rkrp-rpk.ru/2019/07/13/Коминтерн_как_штаб_мировой_революции_во_время_первой_атаки_на_капитализм_в_1920–27_годах (дата обращения: 10.09.2020).

Документы советской эпохи. Архивы России. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/> (дата обращения: 15.05.2020).

Елисеев А. «Демон революции» на службе у Запада. 130 лет тому назад, 7 ноября (26 октября) 1879 года родился Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) // Столетие. 06.11.2009. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/demon_revolucii_na_sluzhbe_u_zapada_2009–11–06.htm (дата обращения: 10.09.2020).

Иоффе В. В. Осмысление Гулага: НИЦ «Мемориал». URL://<http://memorial-nic.org/ioffe/3.html#8> (дата обращения: 10.09.2020).

Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ (1919–1932) / отв. ред. Б. П. Бирман URL: //<http://xn-80aagr1bl7a.net/index.php?md=books&to=art&id=2725> (дата обращения: 23.08.2020).

Крушинский А. СССР, Коминтерн и «китайский фактор» Второй мировой войны. URL://<https://www.elibrary.ru/download/elibrary2016657777428262.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

Лев Троцкий: личность и политическая деятельность. Круглый стол. URL://https://www.shpl.ru/events/roundtable/lev_trockij_lichnost_i_politicheskaya_deyatelnost/ (дата обращения: 15.12.2019).

Локкарт Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М.: Новости, 1991. 80 с. URL://<https://www.litmir.me/br/?b=187955&p=54> (дата обращения: 10.06.2020).

Майсурия А. Что было бы, останься Бухарин жив? (Блогосфера) URL://<https://maysuryan.livejournal.com/799415.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Осинцев М. Компартия Китая как член Коминтерна. 3 сентября 2019. URL://https://rkrp-rpk.ru/2019/09/03Компартия_Китая_как_член_Коминтерна (дата обращения: 10.08.2020).

Павленко В. Ленинизм vs. троцкизм: разворот вектора на Восток. URL://<https://regnum.ru/news/polit/2512691.html> (дата обращения: 10.09.2020).

Политбюро и Лев Троцкий. 1922–1940 гг.: сб. док. / сост. О. Б. Мозохин. М.: Историческая литература, 2017. 792 с. URL: //<https://histlit.com/upload/books/Trozki-for%20site.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

Пророк и Демон: образы Льва Троцкого. Книжно-иллюстративная выставка к 140-летию со дня рождения. URL://https://www.shpl.ru/events/exhibition/prorok_i_demon_obrazy_l_va_trockogo/?archive=yes (дата обращения: 15.12.2019).

Славин Б. О философско-политических взглядах Л. Троцкого в контексте современности // Журнальный клуб Интелрос «Альтернативы». 2012. № 3. URL: //<http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a3-2012/16624-о-философско-политических-взглядах-л-троцкого-в-контексте-современности.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Слоним Е. Правозащитники. URL://www.pseudology.org/Slonim/KomitetPrava.htm (дата обращения: 10.08.2020).

Столыпин А. Лев Троцкий – первый советский дипломат [Электронный ресурс] // Грани. 1979. № 111–112. С. 448–482. URL: <https://rucont.ru/efd/347017> (дата обращения: 09.07.2020).

Троцкий Лев Давидович // ЛитЛайф. URL: <https://litlife.club/authors/14083> (дата обращения: 13.01.2020).

Троцкий Л. Д. С Запада на Восток // Луч. 1912. № 9. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/C_Запада_на_Восток_1912.jpg (дата обращения: 10.09.2020).

Троцкий Л. Д. Речь о китайской революции: Речь на заседании Исполкома Коминтерна 23 мая 1927 г. URL: <http://iskra-research.org/Trotsky/sochineniia/1927/19270523.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Троцкий Л. Д. Некоторые итоги советско-китайского конфликта // Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. URL: <https://iskra-research.org/FI/BO/index.shtml> (дата обращения: 23.08.2020).

Троцкий Л. Д. Ответ т. Троцкого китайским оппозиционерам // Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. С. 30. URL: <https://iskra-research.org/FI/BO/index.shtml> (дата обращения: 23.08.2020).

Троцкий Л. Д. Бюллетень оппозиции большевиков-ленинцев. URL: <https://iskra-research.org/FI/BO/index.shtml> (дата обращения: 23.08.2020).

Уфимцев Юрий, при участии Кречетникова Артема для bbcussian.com 9 ноября 2017. URL: https://www.bbc.com/russian/features-41835972#_ (дата обращения: 09.07.2020).

Элевтеров Г. Ленин и Троцкий // Спецназ.ру. 28 Февраля 2010. URL: <http://www.specnaz.ru/articles/163/8/1120.htm> (дата обращения: 13.01.2020).

Китайская политика Коминтерна в революционный период 1920-х годов

С созданием III Интернационала и проведением II Конгресса Коминтерна развитие международного коммунистического движения вступило в новый этап, который в целом характеризовался противопоставлением большевизма реформизму, а идеи Советской власти – идее парламентаризма. Идеино-политическую базу международного коммунистического движения составили выступления и статьи руководителей РКП(б), в особенности работа В. И. Ленина «Детская болезнь “левизны” в коммунизме»¹, специально написанная ко II Конгрессу Коминтерна и направленная против левацко-сектантских тенденций в коммунистическом движении. Как показывают документы и материалы, весь ход II Конгресса, подготовка к нему, включая содержание основных документов, осуществлялись «при определяющем участии руководителей РКП(б)»². Наиболее значительным являлся доклад В. И. Ленина о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала.

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. Док. № 18. С. 43–44.

² Там же. С. 44.

Одним из важных вопросов стало финансирование деятельности III Интернационала³. Возникающие или уже созданные коммунистические партии обращались в Исполком Коминтерна с просьбами о финансовой помощи на партийные расходы – выпуск газетной продукции, приобретение типографий, налаживание пропагандистской работы – и получали ее.

Наряду с адекватными оценками уровня развития коммунистического движения общая ситуация в Коминтерне характеризовалась развитием тенденции к переоценке уровня революционности и готовности европейских партий к социалистическим революциям. Несмотря на поражение советских республик в Германии, Венгрии, Литве и ряде других стран, революционный оптимизм в Коминтерне если и убавился, то незначительно. Одна из основных особенностей конгресса видится во включении Востока в сферу деятельности КИ. Не считая высказываний Л. Троцкого на эту тему, весьма противоречивых, тема Востока получила более объективную интерпретацию в докладе В. И. Ленина, оказавшуюся весьма полезной для Китая.

Следует отметить, что найти верный путь Коминтерну было очень сложно по многим причинам. Как показала практика, наряду с поражениями наблюдались и всплески революционности в ряде стран. Так, в телеграмме В. И. Ленина И. В. Сталину от 23 июля 1920 г. говорится: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я, думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а, может быть, также Чехию и Румынию...»⁴ Очевидно, подобная оценка мировой обстановки характеризовалась чрезмерными революционными ожиданиями.

Обратим также внимание на созыв Коминтерном в Баку Съезда народов Востока (1–7 сентября 1920 г.). Из 30 государств для участия в его работе прибыло более 2000 делегатов. Съезд продемонстрировал наличие революционного потенциала, а подъема, что частично отражено в провозглашении делегатами лозунга «Пролетарии всех

³ Там же. Док. № 15. С. 39.

⁴ Там же. Док. № 25. С. 54–55.

стран и угнетенные народы мира, объединяйтесь!»⁵ Таким образом, левые настроения для данного периода имели определенную, хотя и недостаточную для победы базу.

Важно иметь в виду, что влияние КИ практически сразу же вышло за рамки коммунистического движения. Инициативы Коминтерна в области коммунистического движения и в сфере национально-освободительных и национально-революционных движений изначально нашли благодатную почву⁶. Рост национального самосознания в Китае, проявившийся в ходе патриотического «движения 4 мая» 1919 г., в процессе становления Национальной партии Китая (Гоминьдана), в развитии коммунистического движения, способствовал оживлению общественно-политической жизни страны и создавал основы для плодотворного взаимодействия и сближения международного коммунистического движения с национально-революционным (национальным) движением.

При формировании восточной политики КИ нередко обращался к методу «проб и ошибок», а также к использованию опыта русской революции, о которой в среде китайской интеллигенции и студентов знали немного, но и не меньше, чем о других революциях. Включение восточного направления в общую схему международного коммунистического движения осуществлялось Коминтерном в условиях начавшегося процесса стабилизации мировой капиталистической системы и определенного, хотя и не ярко выраженного, отхода от состояния революционной эйфории, характерной для коммунистической среды послеоктябрьского периода. Отметим также, что представления о мировой революции и после II Конгресса Коминтерна не составили единой взаимосвязанной системы взглядов уровня научной концепции.

Началом формирования собственно китайской политики Коминтерна можно считать общие решения II Конгресса КИ, которые в определенной мере учитывали особенности национально-революционных движений Востока, включая

⁵ Там же. Док. № 20. С. 45–50.

⁶ В документах Коминтерна и других организаций наиболее часто встречаются обозначения широких по целям и социальному составу движений как движений национально-освободительных или национально-революционных. Нами подобные движения обозначаются также как национальные, то есть отражающие интересы многочисленных слоев и групп китайского народа. Нередко они имели буржуазно-демократическую окраску, однако характеризовались и определенной спецификой.

Китай. То есть была заранее проделана подготовительная работа по изучению революционного процесса в восточных обществах, что, безусловно, в значительной степени обеспечило понимание специфики революционного процесса в Китае. Все основные теоретические основы деятельности Коминтерна на Востоке, как рациональные, так и ошибочные подходы были заложены на II Конгрессе КИ в рамках Тезисов по национальному и колониальному вопросам (28 июля 1920 г.), разработанных В. И. Лениным, и Дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам (29 июля 1920 г.), предложенных индийским коммунистом М. Н. Роем. По своей важности для выработки восточной политики Коминтерна, прежде всего в Китае, они заслуживают более подробного анализа.

И в тех, и в других тезисах прослеживалась тенденция к выявлению и учету специфики исторического развития стран Востока: характеристика восточных обществ как полуколониальных-полуфеодальных, с многочисленной армией безземельного крестьянства, с размытыми границами классовой дифференциации, с зарождавшимся пролетарским и коммунистическим движением. Была сформулирована, хотя и недостаточно четко, важная для программы национальной революции мысль о многоэтапности революций в колониях и зависимых странах⁷.

Забегая вперед, отметим, что идея специфики исторического развития стран Востока была учтена в конкретной политике КИ в Китае лишь частично. На конгрессе проблема специфики все же не получила ясного звучания. Применительно к Китаю это вело к недооценке устойчивости сложившихся в стране социально-экономических и политических структур, значимости их специфических особенностей, к рождению иллюзии в оценках текущего революционного движения как полностью идентичного задачам буржуазно-демократических революций западного типа.

Согласно Тезисам, разработанным В. И. Лениным, содержание текущего этапа определялось приоритетом национальных и общеполитических задач и руководящими позициями национальных партий, что было адекватно вызовам

⁷ Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986. Док. № 1–2. С. 6–14.

времени. В Дополнительных тезисах по национальному и колониальному вопросам развивалась тенденция иного плана. Выдвигая для текущего революционного этапа идею руководящей роли «коммунистического авангарда», Дополнительные тезисы, в сущности, содержали установку на перерастание буржуазно-демократических революций в странах Востока в социалистические на текущем революционном этапе.

Влияние этой тенденции на формирование китайской политики Коминтерна неуклонно возрастало. Не углубляясь в подробности, отметим, что в решениях конгресса взвешенные оценки национально-революционных движений сочетались с жесткой классовой тактикой использования их Коминтерном в интересах мировой революции, что было особенно характерно для Дополнительных тезисов по национальному и колониальному вопросам⁸.

Обращаем особое внимание на тот факт, что при всей своей противоречивости решения II Конгресса КИ ориентировали на возможность поэтапного последовательного развития национальных движений. Была достаточно четко прописана перспективная идея временного объединения и взаимопомощи пролетарских, коммунистических и национально-революционных движений, их тесного союза с Советской Россией.

Деятельность КИ на начальном этапе взаимодействия с революционными силами Китая, когда организационная структура Коммунистического Интернационала только начинала формироваться, осуществлялась под прямым непосредственным руководством РКП(б), особенно ее Сибирского и Дальневосточного отделений. Активные позиции демонстрировала РКП(б) по важнейшим направлениям развития коммунистического движения: в деле создания в Китае марксистских кружков по провинциям и в подготовке I учредительного съезда КПК.

В начале 1920 г. Коминтерн принял решение направить своих представителей в Китай для встречи с теми, кто руководил «движением 4 мая» 1919 г. В 1919–1920 гг. в Китай прибыли первые представители для установления связей с революционными лидерами Китая, которые были

⁸ Мамаева Н. Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999. С. 17.

направлены в Китай партийным и государственным руководством Забайкалья и Приморья. Активную деятельность при подготовке создания Компартии Китая развернула группа представителя КИ Г. Н. Войтинского, прибывшего в Китай в апреле 1920 г. Члены группы встречались с Ли Дачжао и Чэнь Дусю – будущими лидерами КПК, обсуждали с ними вопрос о создании в Китае коммунистической партии. Эти встречи и беседы сыграли свою роль в последующем создании КПК.

Организация и деятельность коммунистических кружков в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине, Ухани и Цзинани, как свидетельствуют документы, оплачивалась Советской Россией⁹, что сыграло колоссальную роль в переходе китайского коммунистического движения «от слов к делу». Финансовая помощь Коминтерна и Москвы направлялась в издательскую сферу, в организацию информационно-пропагандистской работы, использовалась для оплаты деятельности школы русского языка в Шанхае, перевода на китайский язык «Программы Российской коммунистической партии», «Конституции РСФСР», «Кодекса законов о труде» и др., в создании системы подготовки Коминтерном революционных кадров для Китая (Коммунистический университет трудящихся Востока, Коммунистический университет трудящихся Китая и др.).

В последние годы тема подготовки в Советской России квалифицированных кадров для китайского коммунистического и национально-революционного движений глубоко изучается молодыми учеными КНР, которые активно используют российские архивы. Следует отметить, что относительно свободный на современном этапе доступ российских исследователей к архивным фондам сделал возможным более глубокое и всеобъемлющее изучение финансовой помощи Советской России китайским коммунистам.

Как следовало из корреспонденции представителей ИККИ в первой половине 1921 г. Б. З. Шумяцкого и Г. Маринга, Коминтерн уже на стадии подготовки I съезда КПК оказывал китайскому комдвижению материально-финансовую

⁹ См.: Сотникова И. Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М., 2015. С. 227–229.

поддержку¹⁰. В книге И. Н. Сотниковой, вводящей в научный оборот незнакомые прежде архивные документы, отмечается, что финансовая помощь Дальневосточного секретариата Коминтерна китайским коммунистам, помимо идейной и организационной, использовалась по разным направлениям, в том числе по организации и работе I–VII съездов КПК, по содержанию аппарата КПК в течение почти 15 лет¹¹.

Помощь китайским коммунистам оказывалась в критической для Советской России ситуации: помимо тягот Гражданской войны летом 1921 г. начался голод в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, в Крыму, на Украине. И хотя в течение 1921–1922 гг. в России голодали 40 млн человек, для Китая в поддержку КПК продолжали выделяться финансовые средства.

Говоря о значении II Конгресса Коминтерна для развития китайского революционного движения, следует иметь в виду, что его решения значительно опережали процесс становления и развития революционных партий в Китае. В это время КПК еще переживала кружковый период и не была конституирована как партия. Партия Сунь Ятсена – Гоминьдан – находилась в начальном периоде своей реорганизации¹². Этот факт таил в себе потенциальную возможность неточностей и ошибок в политике Коминтерна в Китае. К началу работы II Конгресса Коминтерна контакты его представителей с революционным движением в Китае еще только зарождались.

На II Конгрессе КИ Китай был представлен делегатами функционировавшей в Советской России организации китайских рабочих Лю Цзэжуном и Ань Лунхэ, которые на конгрессе имели право совещательного голоса и входили в состав комиссий по национальному и колониальному вопросам. В коротком докладе Лю Цзэжуна – председателя исполкома ЦОБ (Центральное организационное бюро китайских коммунистов в России)¹³ – была представлена достаточно объек-

¹⁰ Письмо Г. Маринга М. В. Кобецкому (Шанхай, 9 июля 1921 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 130–131.

¹¹ Сотникова И. Н. Указ. соч. С. 231–232.

¹² См. подробнее: Мамаева Н. Л. Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М., 1991.

¹³ Было создано на II Всероссийском съезде китайских рабочих (18–24 июня 1920 г.).

тивная картина внутривнутриполитического положения в Китае¹⁴. Констатация докладчиком экономической и политической раздробленности Китая, значительной роли военного фактора в политической жизни, указание на зависимость степени проникновения в Китай империалистического влияния от социально-политической ситуации в стране давали достаточно адекватное представление об особенностях внутривнутриполитической жизни страны. Содержание доклада Лю Цзэжуна свидетельствовало также о том, что самые общие рекомендации Коминтерна – о стратегии объединения революционных сил в антиимпериалистической борьбе, принятые II Конгрессом КИ, улавливали потребности данного исторического периода развития Китая.

При всей своей незавершенности и противоречивости решения II Конгресса Коминтерна оставались и остаются наиболее крупным теоретическим вкладом КИ в теорию национальных революций. Они легли в основу широкого диапазона деятельности посланцев Коминтерна и Советского государства в Китае, которая практически с самого начала не замыкалась на задачах развития коммунистического движения. Именно момент сплочения революционных сил, расширения революционной социально-политической базы стал, начиная с 1920-х годов, постоянно действующим фактором развития революционной концепции, формировавшейся силами КИ, КПК и посланцев Коминтерна и Москвы.

Особое место в развитии коммунистического направления занимала активная деятельность созданных группой Войтинского ревбюро, которые планировали сплочение революционных групп в одну центральную по примеру деятельности ленинской «Искры»¹⁵. Идея объединения кружков с помощью российских коммунистов в единую партию осуществлялась медленно, но верно, поскольку она соответствовала потребностям китайского общества.

Чем ближе был I съезд КПК, тем активнее в его подготовке участвовали деятели Коминтерна (Г. Маринг, Г. Н. Войтинский, Б. З. Шумяцкий, Б. Никольский), РКП(б),

¹⁴ Второй конгресс Коммунистического Интернационала: стенографический отчет. М., 1920. С. 148–149.

¹⁵ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. М., 1994. Т. I. 1920–1925. Док. № 2. С. 30–35.

госорганизаций Советского государства. Представитель ИККИ в Китае голландский коммунист Г. Маринг и уполномоченный Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. Никольский приняли участие в работе учредительного (I) съезда КПК.

В рамках идеи сплочения революционных сил осуществлялось формирование политики КИ относительно партии Сунь Ятсена – Национальной партии Китая (Гоминьдана). Параллельно с подготовкой I съезда КПК Коминтерн решал очень важную задачу – поиска надежных партнеров для будущей КПК в целях расширения социально-политической базы национальной революции.

Одно из первых сообщений, от 1 сентября 1920 г., в ИККИ о ситуации в Китае принадлежало В. Д. Виленскому-Сибирякову, уполномоченному Народного комиссариата иностранных дел РСФСР на Дальнем Востоке. Как свидетельствуют документы, значительная часть корреспонденции от Виленского-Сибирякова направлялась лично В. И. Ленину¹⁶.

После II Конгресса Коминтерна партия Сунь Ятсена уже находилась в поле зрения КИ и Советского государства. Известно, с каким воодушевлением еще в 1918 г. приветствовал Сунь Ятсен победоносную Октябрьскую революцию в России и подчеркивал общность освободительных идей русской и китайской революций¹⁷. Наибольшее впечатление на китайских революционеров производила миролюбивая внешняя политика Советского государства. Основной поток информации о Сунь Ятсене и его партии аккумулировался по линии Народного комиссариата иностранных дел. Начало этому процессу было положено перепиской Сунь Ятсена с наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным¹⁸. Уже с конца 1920 г. от советских представителей в Китае шли оценки Сунь Ятсена и его соратников как

¹⁶ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Док. № 19. С. 73–76.

¹⁷ Сунь Чжуншань цюаньцзи (Сунь Ятсен. Полное собрание сочинений). Пекин, 1981. Т. 4. С. 500; Документы внешней политики СССР. М., 1939. Т. I. С. 415.

¹⁸ Там же. М., 1962. Т. II. С. 416; Мировицкая Р. А. Сунь Ятсен о советско-китайских отношениях // Сунь Ятсен. 1866–1986. К 120-летию со дня рождения: сб. ст., воспом. и матер. М., 1987. С. 278–281.

основной революционной силы, способной объединить Китай¹⁹.

Наиболее полная информация о Гоминьдане исходила от К. Н. Соколова-Страхова, находившегося в 1919–1921 гг. в Китае на нелегальной работе. В его докладе о Кантонском правительстве были представлены взвешенные оценки основных направлений политической деятельности Гоминьдана. Отмечались также специфические черты революционных планов Сунь Ятсена. Подчеркивался их общенациональный характер, а также приверженность партии Сунь Ятсена к военному пути объединения страны и использование лидером Гоминьдана выборочного подхода к революционному опыту РКП(б) и Коминтерна²⁰.

Формы поддержки деятельности Гоминьдана со стороны КИ и Москвы определялись постепенно. Отказ советской стороны от ведения боевых действий на стороне Гоминьдана на китайской территории против бэйянских милитаристов четко и аргументировано прозвучал во время визита военной делегации Гоминьдана в Советскую Россию в течение 2 сентября – 29 ноября 1923 г.²¹ Одним из результатов визита стало решение РКП(б) и Коминтерна об оказании помощи партии Сунь Ятсена оружием, боеприпасами, военными и политическими советниками, что усилило НРА, способствовало победе Гоминьдана, действовавшего в сотрудничестве с КПК, над милитаристскими режимами и объединению, хотя и не полному, всей страны в 1928 г.

Состоявшийся летом 1921 г. III Конгресс Коминтерна не внес принципиальных изменений в его восточную политику. В центре деятельности КИ по-прежнему оставалась европейская тематика. Заслуживает внимания доклад китайской делегации, который хотя и не был заслушан, однако был опубликован в журнале Дальневосточного секретариата КИ²². Ряд представленных в докладе характеристик соответствовал реалиям. Выдвинутый в докладе тезис о возможности и необходимости заключения в ближайшем будущем времен-

¹⁹ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Док. № 9. С. 56–62; Док. № 7. С. 45–47; Док. № 20. С. 76–77.

²⁰ Там же. Док. № 9. С. 56–62.

²¹ Мамаева Н. Л. Коминтерн и Гоминьдан. С. 81–82.

²² Народы Дальнего Востока. Иркутск, 1921. № 13. С. 321–336.

ного союза коммунистов с национальной буржуазией в лице партии Сунь Ятсена продемонстрировал влияние решений II Конгресса Коминтерна и практические результаты работы представителей КИ и Советского государства в Китае.

Важное место в формировании восточной политики Коминтерна занял Съезд народов Дальнего Востока (21 января – 2 февраля 1922 г.). Его созыв явился результатом деятельности КИ в двух основных потоках революционного движения Востока – коммунистическом и национально-революционном. В духе решений II Конгресса Коминтерна основное внимание на съезде концентрировалось на вопросах временного объединения коммунистических и национальных сил²³. Участие в работе съезда представителей Гоминьдана положило начало официальным контактам Коминтерна с Гоминьданом.

Этот съезд производил сильное впечатление. В течение непродолжительного времени Коминтерну и китайским коммунистам удалось организовать представительный форум и выделить главное направление работы на текущий момент. По сути, был отвергнут вариант мировой революции, ориентировавший на революцию в метрополии (Япония), от свершения которой ставилась в зависимость возможность революции в Китае. Было принято направление, которое разрабатывалось под углом зрения создания объединенного фронта революционных сил внутри Китая как основы китайской революции и отрицания зависимости революции в Китае от революции в Японии. Именно это направление нащупало верный путь революционного развития, его эффективность и способность к саморазвитию. Приведем некоторые выводы из материалов съезда:

- к моменту его созыва КИ удалось правильно определить наиболее вероятного союзника коммунистов в национальной революции в Китае – партию Сунь Ятсена;
- начиная со съезда, процесс взаимодействия коммунистического и национально-революционного движений принял для Китая конкретное выражение в развитии контактов Коминтерна и китайских коммунистов с партией Сунь Ятсена.

²³ Соркин Г. З. Съезд народов Дальнего Востока // Проблемы востоковедения. 1960. № 5; Шумяцкий Б. Из истории комсомола и Компартии Китая // Революционный Восток. 1928. № 4–5. С. 222–228.

Наряду с положительным моментом следует отметить, что в целом знания в Коминтерне о внутриполитической платформе Гоминьдана носили отрывочный и противоречивый характер, что мешало объективной оценке потенциала партии в те далекие годы. Недостаточному вниманию Коминтерна к собственно политической программе Гоминьдана, типичному для деятельности КИ в течение всего периода революционного движения 1920-х годов, противостояла внимательная позиция КИ к программе и деятельности Компартии Китая. Отметим также наличие революционного энтузиазма в Гоминьдане, который присутствовал в докладе деятеля Гоминьдана Чжан Цюбо на съезде, позднее – во время визита военной делегации Гоминьдана в СССР²⁴.

Несмотря на противоречивость некоторых рекомендаций, съезд дал существенный импульс к подъему объединительных тенденций в коммунистическом и национально-освободительном движении Китая. Ретроспективный взгляд на политику КИ в Китае позволяет выделить ряд узловых решений Коминтерна относительно Гоминьдана и национальной революции, которые чаще всего принимались под влиянием и по предложению представителей Коминтерна, работавших в Китае. К их числу прежде всего следует отнести «августовскую инструкцию» ИККИ 1922 г. об «индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан» при сохранении идейной и организационной независимости КПК²⁵. Она явилась основой для создания так называемого первого «единого фронта» между партиями, который, по нашему мнению, несмотря на негативы, оказался достаточно эффективным в деле достижения победы Гоминьдана и его армии над вооруженными силами северных милитаристов.

Вступление коммунистов в Гоминьдан стимулировало его обновление как в партийном строительстве, так и в идейно-политическом плане. Функционирование «единого фронта» Гоминьдана и КПК осуществлялось в 1920-е годы в своеобразных формах, вне рамок строго определенной организационной структуры.

²⁴ Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Пг., 1922. С. 199.

²⁵ Saich T. The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneevliet (alias Maring). Leiden, 1991. V. 1. P. 345–346.

Составная часть политики «первого сотрудничества» – участие представителей КИ и Советского государства в качестве советников Гоминьдана и Компартии Китая, что способствовало оптимизации осуществления и развития политики Коминтерна в Китае в направлении отражения китайской специфики в партийно-политической сфере.

Существенной характеристикой «первого сотрудничества» выступало то обстоятельство, что оно изначально не было равноправным и не получило официального политического статуса, что препятствовало выработке согласованной четкой платформы действий в революционном движении и намерению Коминтерна превратить сотрудничество Гоминьдана и КПК в инструмент реальной власти. Следует также отметить, что политическая программа Сунь Ятсена на «военный период» «строительства государства» (1920-е годы) не предусматривала разделения власти Гоминьдана с другими политическими силами. В силу обстоятельств объективного и субъективного характера не удалось также объединить коммунистическое и национальное движения в постоянно действующий единый поток, хотя в существенных областях в отдельные периоды энергия двух партий и движений сближалась. Постепенное углубление противоречий между партиями усиливало несовместимость революционных моделей, разрабатываемых в течение 1920-х годов, с одной стороны, в КПК при непосредственном участии Г. Н. Войтинского и коминтерновских структур, с другой стороны, в Гоминьдане, который после смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. по мере развития Северной экспедиции постепенно утрачивал свою лояльность к КПК и усиливал авторитарные стороны своей политической ориентации.

Расширяя и углубляя тему Коминтерна, отметим некоторые не нашедшие своего отражения в исторической литературе характеристики. Гоминьдан в своей политике вплоть до VII расширенного пленума ИККИ (22 ноября – 16 декабря 1926 г.) придерживался принципиального программного положения, содержавшегося в Тезисах по национальному и колониальному вопросам, допускающего поддержку национально-революционного движения коммунистическим движением без его активного вмешательства в революционный процесс. Между тем, и это необходимо подчеркнуть,

уже начиная с IV Конгресса Коминтерна (ноябрь 1922 г.), параллельно формировалась скрытая от Гоминьдана политика на переориентацию Гоминьдана и на неприемлемую для Сунь Ятсена и его партии модель революции, которую предполагалось осуществлять через КПК и представителей КИ в Китае.

Приведем пример. Кроме открытого для всех основного документа IV Конгресса КИ «Общие тезисы по восточному вопросу» была принята закрытая резолюция «Задачи Коммунистической партии Китая (дополнение к тезисам по восточному вопросу)»²⁶. Восточный отдел ИККИ в течение 1923–1927 гг. направил руководству КПК немало закрытых документов. Наметки модели, ориентированной на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в некапиталистическую или социалистическую по типу Октябрьской революции в России, содержались, как нами отмечалось, еще в Дополнительных тезисах II Конгресса КИ.

Активное включение теоретика мировой революции Н. И. Бухарина и И. В. Сталина в китайскую политику КИ перевело ее на новые рельсы. VII расширенный пленум ИККИ, положив в основу точку зрения Н. И. Бухарина, принял концепцию национальной революции, несовместимую с программой и политикой Гоминьдана. Модель китайской революции, представленная VII и VIII пленумами ИККИ, не соответствовала основным параметрам политической программы и стратегии Гоминьдана. «Единый фронт», вокруг которого развивались главные события 1920-х годов, прямо или косвенно имеющие отношение к КИ, при всех негативах, связанных прежде всего с гибелью тысяч коммунистов от рук гоминьдановцев, сложно охарактеризовать однозначно. Так же трудно искать виновных, поскольку в этот период переплелись многочисленные события и направления политического и военного характера.

Китайские коммунисты, среди которых активно действовали со своими коллегами В. К. Блюхер, Г. Маринг, Г. Н. Войтинский, Лидин и другие, сотрудничая с Гоминьданом, получили возможность своей легализации, совершенствовали все направления партийной работы, приобретали

²⁶ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Док. № 49. С. 149–151.

опыт участия в забастовочной и антиимпериалистической борьбе. Осуществление Северного похода против бэйянских милитаристов (июль 1926 г. – февраль 1928 г.), в котором главную роль играли Гоминьдан и НРА, неразрывно связано с деятельностью коммунистов-политработников в армейских частях и с организацией массового движения в его поддержку с большой помощью со стороны советских военных советников во главе с главным советским советником Гоминьдана и Национального правительства – выдающимся советским полководцем В. К. Блюхером, с помощью СССР поставками оружия для НРА.

Отдельного упоминания заслуживает такая форма помощи в проведении Северного похода, как создание международной атмосферы сочувствия к китайской революции. Многотысячные демонстрации во многих странах мира под лозунгом «Руки прочь от Китая» служили цели мобилизовать общественность против попыток вооруженного вмешательства держав в события национальной демократической революции в Китае.

Создание объединенного фронта, инициатором которого был Коминтерн, сыграло свою положительную роль в борьбе с милитаристскими группировками, разрушавшими стабильность, поставившими Китай на грань потери национального суверенитета. Победа НРА в 1928 г. открывала для Китая новые перспективы. Взаимодействие КИ и КПК продолжалось в течение длительного периода демократической революции в Китае 1920–1940-х годов. Менялись цели, задачи, формы взаимодействия. Однако, несмотря на возникновение противоречивых ситуаций, оставалось стабильным взаимное притяжение Коминтерна и России, с одной стороны, Компартии Китая – с другой.

Литература

Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Доклады 2-му конгрессу Коммунистического Интернационала: стенографический отчет. М.: ЦК Коминтерна, 1920. 785 с.

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. М.: АО «Буклет», 1994. Т. I. 1920–1925. 792 с.

Документы внешней политики СССР. М.: Международные отношения, 1939. Т. I. 712 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н. Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2013. 863 с.

Коммунистический Интернационал и китайская революция: документы и материалы. М.: Наука, 1986. 319 с.

Мамаева Н. Л. Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М.: Наука, 1991. 209 с.

Мамаева Н. Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999. 375 с.

Мировицкая Р. А. Сунь Ятсен о советско-китайских отношениях // Сунь Ятсен. 1866–1986. К 120-летию со дня рождения: сб. ст., воспом. и матер. М.: Наука, 1987. С. 278–281.

Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Пг.: Исполком Коминтерна, 1922. 357 с.

Письмо Г. Маринга М. В. Кобецкому (Шанхай, 9 июля 1921 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: документы. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.

Соркин Г. З. Съезд народов Дальнего Востока // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 76–86.

Сотникова И. Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М.: Наука, 2015. 406 с.

Сунь Чжуншань цюаньцзи (Сунь Ятсен. Полное собрание сочинений). Пекин, 1981. Т. 4.

Сунь Ятсен. 1866–1986. К 120-летию со дня рождения: сб. ст., воспом., док. и матер. М.: Наука, 1987. 320 с.

Шумяцкий Б. Из истории комсомола и Компартии Китая (Памяти одного из организаторов комсомола и Компартии Китая тов. Чжан-Талая) // Революционный Восток. 1928. № 4–5. С. 213–215.

Saich, Tony. The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneevliet (alias Maring). V. 1. Leiden: Brill, 1991.

Коминтерн и национально-освободительное движение уйгуров в 20–30-х годах XX в.

В политической истории Восточного Туркестана (Синь-цзяна) первой половины XX в. происходили грандиозные по своему масштабу события – революция и национально-освободительные движения, приведшие к образованию национальных правительств. Безусловно, в политической жизни этой части Центральной Азии первой половины XX в., а также в политической судьбе основного автохтонного населения этого региона – уйгуров и других коренных народов – решающую роль сыграл СССР.

Октябрьская революция в России способствовала росту национально-освободительных движений по всему Востоку. Можно сказать, что возникла новая волна в этом процессе, что привело к еще большей интернационализации вопроса о национальном освобождении зависимых и полузависимых народов. Важную роль сыграли Советская Россия и поддерживаемый ею Коммунистический Интернационал, которые совместными усилиями пытались повсеместно распространить идеи национально-освободительного движения.

На II Конгрессе Коминтерна был принят ряд решений о стратегии и тактике коммунистического движения, в частности, о формах участия компартий в национально-освободительном движении.

В 1912 г. была свергнута империя Цин, в результате чего китайское национальное движение во главе с Сунь Ятсеном провозгласило создание Китайской Республики. Входящая в состав империи Цин Внешняя Монголия вскоре провозгласила независимость. Вместе с тем Тибету и уйгурам, также боровшимся за независимость, по ряду причин не удалось ее добиться. Так, восстание уйгуров под руководством Тимура Хальпа, вспыхнувшее в г. Комул в 1912 г., не смогло распространиться на всю территорию проживания уйгуров.

В 1917 г. во многих регионах бывшей Российской империи – на Кавказе, в Поволжье и в Средней Азии значительное развитие получили и движения, направленные на достижение независимости. Но идеи, способные воодушевить народ на борьбу, в тот период не дошли до уйгуров, живших в Восточном Туркестане – территории, сопредельной с советской Средней Азией.

В документах Коминтерна отмечалось, что восстание уйгуров является «национально-освободительным движением». В результате позиции ЦК РКП(б), командования РККА, руководства НКВД и НКВД в отношении Синьцзяна с учетом вооруженного восстания и возможных перспектив его разрастания, которые могли иметь непредсказуемые итоги, разделились.

Одна группа советских лидеров предлагала оказать уйгурскому национально-освободительному движению всестороннюю помощь и поддержку. Эта идея находила понимание со стороны Коминтерна. Такие уйгурские деятели Семиречья и Ферганы, как Абдулла Розыбакиев¹, Абдурахман

¹ Розыбакиев Абдулла Ахметович (1897–1938) – с 1918 г. председатель Верненской секции мусульманских коммунистов-большевиков РКП(б), председатель «Революционного союза “Уйгур”» (с 1921 г. – «Революционный союз кашгаро-джунгарских рабочих»). В 1920–1922 гг. – заведующий отделом национальных меньшинств ЦК РКП(б) Туркестана, секретарь бюро Семиреченского обкома партии. С 1922 г. являлся председателем Краевого бюро уйгурских и дунганских коммунистов. Делегат XI, XIII, XVI съездов партии, III съезда Советов, III и IV Конгрессов Коминтерна, член Совета национальностей ЦИК СССР, член Туркестанского ЦИКа и КазЦИКа, член ЦК РКП(б) Туркестана, Казахского областного комитета РКП(б), Казахского краевого комитета ВКП(б) и КП(б) Казахстана.

Махмудов², Исмаил Таиров³, Назар Ходжа Абдусаматов⁴ и другие, надеялись на помощь Коминтерна и Советской России. Они не просто продвигали идею «Уйгурстана» и необходимости активизации национально-освободительного движения на уйгурской земле, но и достигли значительных успехов по претворению ее в жизнь. В частности, особое значение имеют речи и статьи крупного уйгурского государственного деятеля Абдуллы Розыбакиева по вопросам уйгурского национально-освободительного движения⁵. В период с 1922 по 1930 г. он направлял многочисленные аналитические записки и письма относительно уйгурского национально-освободительного движения В. И. Ленину, И. В. Сталину, в Секретариат КИ, а также в ЦК КП Туркестанской АССР (ТАССР), Узбекистана и Казахстана. Например, доклад «К вопросу о национально-освободительном движении на Западе Китая и задачах, стоящих перед нами»⁶, «Письмо Сталину о работе среди уйгур»⁷ и др.

Можно с уверенностью сказать, что именно инициатива и деятельность уйгуров Семиречья и Ферганы способствовали формированию позиции Коминтерна в отношении активизации революционной ситуации в Синьцзяне.

На II Конгрессе Коминтерна, где специально обсуждался национально-колониальный вопрос, был в общем виде принят план действий Коминтерна на Востоке. Так, были созданы три региональных центра для руководства революционным движением на Востоке – в Баку, Ташкенте и Шанхае.

² Махмудов Абдурахман – участник I съезда народов Востока, проходившего в Баку с 1 по 8 сентября 1920 г., уйгурский активист Коминтерна в Туркестане.

³ Таиров Исмаил – учитель, инструктор Наркомата просвещения Туркестанской АССР в 1917–1920 гг. В 1920–1921 гг. – член президиума «Революционного союза “Уйгур”». В 1921 г. – делегат III Конгресса Коминтерна. В 1921–1924 гг. – председатель Джетысуйской областной контрольной комиссии РКП(б).

⁴ Абдусаматов Назар Ходжа – первый уйгурский историк в Советской России, литературовед, общественно-политический и культурный деятель.

⁵ Розыбакиев Абдулла. Освободительное движение – Уйгурстан в авторитарном Китае // Хэлк үчүн койиду йүрэк (Сердце горит за народ): сб. ст. Алма-Ата, 1997. С. 111–129 (на уйгурском яз.).

⁶ Абдумежит Розыбакийев. Тэнрикут кутлук (О Тангрикут Кутлуке) // Пэрвас (Альманах). Алма-Ата, 1994. С. 16 (на уйгурском яз.).

⁷ Письмо Розыбакиева Сталину о работе среди уйгур. URL: <http://islamperspectives.org/gpi/items/show/11036> (дата обращения: 12.02.2021).

Туркестанское бюро Коминтерна (Ташкент), существовавшее с осени 1920 по осень 1921 г., имело два филиала – в Андижане и Алма-Ате по операциям в Северо-Западном Китае (Джунгарии и Кашгарии). По мнению китаевода В. Н. Усова, исходя из принципов Коминтерна о необходимости сочетания легальной и нелегальной деятельности, в структуре Туркбюро Коминтерна с самого начала проводилось строгое разделение. Закордонную работу вели конспиративные базы, расположенные вдоль границы со странами Востока, с помощью штатных инструкторов-нелегалов⁸. В связи с тем, что одной из военно-политических и стратегических задач Советской России было противостояние Антанте, в том числе планам Великобритании по захвату Средней Азии и Кашгарии и превращению их в плацдарм борьбы против советской власти, особое внимание уделялось Туркестану.

Кашгария и Джунгария имели огромное значение для обеспечения безопасности советской Средней Азии. Лидеры Советской России опасались, что эти две исторические области проживания уйгурского народа могли попасть под влияние Великобритании. Если бы это произошло, Кашгария и Джунгария превратились бы в оплот антисоветской борьбы, где Великобритания сотрудничала бы с китайскими милитаристами и местными антисоветски настроенными уйгурами и другими народами. Поэтому группа советских большевистских лидеров, таких как Л. Троцкий, была заинтересована в том, чтобы расширить мировую пролетарскую революцию в Синьцзяне, южная часть которого – Кашгария – граничила с Британской Индией и Россией, а также превратить Синьцзян в базу поддержки национально-освободительного движения в Британской Индии. Л. Троцкий ставил вопрос об организации похода в Индию через Синьцзян⁹.

5 августа 1919 г. он обратился в ЦК РКП(б) с секретной запиской, в которой под впечатлением от неудач на Западе предлагал обратить внимание на Восток. В своей записке Троцкий предложил ЦК обдумать вопрос о формировании конного корпуса в 30–40 тыс. человек и «сформировать

⁸ Усов В. Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 35.

⁹ Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941: (Региональный фактор в политике Советского Союза). Барнаул, 1998. С. 83.

где-нибудь на Урале или Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции»¹⁰.

20 сентября 1919 г. Троцкий обращается в ЦК РКП(б) с еще одной запиской на тему похода в Индию. В ней он предлагает «создать в Туркестане серьезную военную базу». Для реализации этой задачи формировались воинские части, состоявшие из зарубежных добровольцев-интернационалистов, уже находившихся в России и сражавшихся в составе Красной армии. Кроме того, были организованы мусульманские воинские подразделения РККА в Средней Азии. В конце 1920 г. по инициативе М. Фрунзе и В. Куйбышева в г. Верном сформировали Отдельный дунганский кавалерийский полк, ядро которого составили дунгане и таранчи (уйгуры) – подданные России.

Тогда же в Семиречье был сформирован Уйгурский кавалерийский эскадрон, развернутый в 1921 г. в Отдельный кавалерийский полк (комиссар – А. Розыбакиев). В сентябре 1921 г. из уйгуров и дунган был образован 56-й полк¹¹, позднее сформированный в 15-й кавалерийский полк. Около 2000 уйгуров служили в рядах Красной армии. Полк участвовал в боях за Семиречье и в борьбе с басмачеством в Ферганской долине¹². В конце 1918 – начале 1919 г. на Закаспийском фронте из 6 тыс. красноармейцев всех родов войск было около 1500 зарубежных интернационалистов, включая выходцев из Ирана и Синецзяна. В составе 1-го Туркестанского полка, в котором служило несколько сот интернационалистов-военнопленных, были и выходцы из Синецзяна¹³.

«Революционный союз “Уйгур”» и попытка использовать большевиков

Члены Туркестанского бюро Коминтерна, преследуя свои стратегические цели, неоднократно встречались в Ташкенте с уйгурскими революционерами, поощряя их усилия по активизации национально-освободительной борьбы в Синецзяне

¹⁰ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М., 1990. Т. 1. С. 183.

¹¹ Рузиев М. Возрожденный уйгурский народ. Алма-Ата, 1976. С. 136.

¹² Там же.

¹³ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики. М., 1971. С. 195–197.

с тем, чтобы ликвидировать колониальный китайский режим и установить на родине уйгурского народа советскую власть. Очевидно, в этой связи проект председателя Туркестанского бюро Я. Рудзутака о создании Кашгарской и Джунгарской республик был не случаен и связан с общим стратегическим планом. Действия КИ в Кашгарии и Джунгарии на самом деле соответствовали целям и задачам советского руководства. В соответствии с общей стратегией, при прямой поддержке и финансировании ЦК Компартии Туркестана и Коминтерна 3–9 июня 1921 г. в Ташкенте был созван I Всетуркестанский съезд рабочих и дехкан Кашгарии и Джунгарии, в котором приняли участие 117 делегатов, среди них – две женщины¹⁴. Из 115 мужчин-делегатов Ташкентского курултая 50 были коммунистами, 65 – беспартийными; основную часть делегатов составляли уйгуры, но были и представители других национальностей. Этнический состав делегатов был следующим: 99 уйгуров, 10 дунган, 2 киргиза, 1 турок, 3 китайца, 2 татарина¹⁵. Основную часть уйгуров составляли кашгарцы. Поэтому официальное название курултая – Первый туркестанский съезд революционных рабочих и крестьян Кашгарии и Джунгарии¹⁶. В специальном выпуске газеты «Камбагаллар авазы» («Голос бедняков») от 1 июня 1921 г. в передовой статье была дана подробная информация о курултае.

В работе съезда приняли участие представители ЦК Компартии Туркестанской Советской Автономной Республики и Туркестанского бюро РКП(б). Акмаль Икрамов, секретарь ЦК Туркбюро РКП(б), открывший съезд, свой доклад посвятил обсуждению международной ситуации, китайскому вопросу, политическому, экономическому и социальному положению уйгуров, проблеме освобождения трудящихся народов Востока. С речами выступили также Султан Ходжиев – от исполнительного комитета Компартии Туркестанской Советской Автономной Республики, Нефедов – от Турк-

¹⁴ Розыбакиев А., Розыбакиева Н. Славный сын уйгурского народа. Алма-Ата, 1987. С. 31–32 (на уйгурском яз.).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Розыбакиев Абдулла. Первый съезд Кашгаро-Джунгарских рабочих и крестьян. Посвящение первому Всетуркестанскому съезду революционных рабочих и крестьян Кашгара и Джунгарии // Кэмбәғәлләр авазы (Голос бедняков). 01.06.1921. Ташкент (газета на уйгурском яз.).

бюро ЦК РКП(б) и алма-атинский большевик Воробьев от Комитета по борьбе и пропаганде на Востоке¹⁷. Участие таких авторитетных деятелей в работе I уйгурского съезда объясняется непосредственной заинтересованностью высшего руководства Советской России, а следовательно, и Туркестанской Республики в решении вопроса уйгуров, проживавших на территории Семиречья и Ферганской долины. Принимая во внимание тот факт, что численность этих уйгуров была значительной, решение связывалось с территорией Джунгарии и Кашгарии, которые предполагалось советизировать.

После шести дней заседаний и дискуссий на съезде было признано, что название «уйгур» является общим наименованием для кашгарцев и таранчей¹⁸, и это было подтверждено историческими источниками.

Съезд принял решение об отправке трех представителей на III Конгресс Коминтерна – двух уйгуров (Исмаила Таирова и Абдурахмана Махмудова) и одного дунганина, командира 56-го таранчинско-дунганского кавалерийского полка Магаза Масанчи, побывавшего на приеме у В. Ленина в Москве.

Конгресс утвердил политическую платформу и устав союза уйгуров, а также тезисы по организационным вопросам. «Революционный союз “Уйгур”» переименовали в «Революционный союз “Уйгур” Алтышаро-Джунгарских рабочих», Центральный комитет Союза оставили под непосредственным руководством и влиянием ЦК КПТ¹⁹. Союз курировал ЦК КП Туркестана и, соответственно, все его расходы брала на себя Компартия Туркестана. В Ташкенте он имел свое представительство²⁰, его отделения были открыты в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, Верном (Алма-Ате), Жаркенте и в других районах Средней Азии²¹. Председатель союза А. Розыбакиев в передовой статье его печатного органа отмечал, что основной задачей союза является активизация национально-освободительного движения в Кашгарии

¹⁷ Розыбакиев А., Розыбакиева Н. Указ. соч. С. 31–33.

¹⁸ Brophy D. Taranchis, Kashgaris, and the 'Uyghur Question' in Soviet Central Asia // Inner Asia. 2005. Vol. 7. No. 2. P. 163–184.

¹⁹ Письмо Розыбакиева Сталину о работе среди уйгур. URL: <http://islamperspectives.org/rpi/items/show/11036> (дата обращения: 12.02.2021).

²⁰ Розыбакиев А., Розыбакиева Н. Указ. соч. С. 31–33.

²¹ Там же.

и Джунгарии и создание правительства по примеру советских республик Бухары, Хивы и Туркестана.

Содержание статьи Абдуллы Розыбакиева раскрывало масштабы деятельности союза и его цели. Очевидно, что А. Розыбакиев был в курсе внутренней и внешней политики советского правительства того времени, особенно планов на будущее Туркестанской компартии и Коминтерна. Кроме того, он понимал, чего они ожидали от уйгурской организации и общины, равно как и знал предполагаемую политику большевиков в отношении Китая и Центральной Азии. Поэтому план работы и борьбы, обозначенный в статье о I съезде уйгуров, можно рассматривать как программу «Революционного союза “Уйгур”...» Одной из важнейших тем, обсуждавшихся на съезде, было будущее революционного движения на уйгурской земле. Много внимания уделялось также вопросам пропагандистского и организационного содержания. Абдулла Розыбакиев призывал всех уйгуров, назывались ли они «кашгарцами» или «таранчами», к единству и уничтожению колонизаторов и их приспешников – богатеев и беков²².

А. Розыбакиев так описывал основные задачи съезда: «В то время как трудящаяся беднота, крестьяне угнетенных национальностей, борясь за свободу, сами становятся хозяевами, нам не нужны одевшиеся в бараньи тулупы хакиды. Мы возьмем свое дело в свои руки и будем сами себя защищать. Я верю, что в то время, когда бедняки всего мира, поднявшись против господствующих богачей, деспотических царей, продажных беков, превратятся в хозяев Туркестана, Казахстана, Бухары, Хивы и др. республик, наш народ Или-Алтышара не останется в спячке. Кашгаристан, который в свое время был местом знания, науки и искусства, и ныне не останется погруженным в невежество»²³. Очевидно, согласно планам Розыбакиева, нельзя было упустить время и возможности, предоставленные революционной ситуацией. По его замыслу, освободив Кашгарию и Илийский край, следовало создать государство по образцу Бухарской Народной Республики, Хорезмской Народной Республики, Казахской АССР или

²² Розыбакиев Абдулла. Первый съезд Кашгаро-Джунгарских рабочих и крестьян. Посвящение первому Всетуркестанскому съезду революционных рабочих и крестьян Кашгаро-Джунгарии.

²³ Там же.

Туркестанской АССР. Именно эти планы «Революционного союза “Уйгур”...» были сформулированы на съезде. Далее А. Розыбакиев отмечал: «Отныне Кашгаристан не должен обманываться золотом Англии, потому что пришла очередь истинного освобождения Кашгарии и Джунгарии! Первый съезд открывает путь к этой свободе!» А в заключение дал важное уточнение, имеющее принципиальный характер: «В этом нашими друзьями будут советское правительство, большевики, которые являются защитниками угнетенных в Китае»²⁴.

Советская стратегия в Китае и судьба Синьцзяна

В то же самое время в среде высшего советского руководства, особенно среди деятелей, занимавшихся национальными вопросами, внешней политикой и внешней торговлей, были сильны идеи недопущения советизации Синьцзяна ради поддержания мира с Китаем. Сторонники такой позиции рассчитывали через дружбу с Китаем добиться признания молодой Советской России странами Антанты, предотвратить превращение Маньчжурии и Синьцзяна в антисоветскую базу таких государств, как Великобритания и Япония. Видными представителями этой точки зрения были Г. В. Чичерин, Л. М. Карахан и А. А. Иоффе. Именно из-за их позиции была отвергнута идея председателя Туркестанского бюро ЦК РКП(б) Я. Рудзутака о создании Кашгарской и Джунгарской республик.

Практически в то же самое время, когда в июне 1921 г. в Ташкенте открывался съезд уйгурских революционеров, в Москве проходило заседание Политбюро ЦК РКП(б), где, обсудив проект Я. Рудзутака, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин выступил против его принятия. Чичерина поддержал В. И. Ленин. В результате Политбюро отклонило план Я. Рудзутака о создании Кашгарской и Джунгарской республик²⁵.

НКВД РСФСР, затем НКВД СССР, а также Наркомат внешней торговли РСФСР (СССР), ВЧК и Разведывательное управ-

²⁴ Там же.

²⁵ Бармин В. А. Указ. соч. С. 84–85.

ление РККА совместно проводили мониторинг ситуации в Синьцзяне. Представители этих органов рекомендовали высшему советскому руководству отказать в поддержке уйгурскому национально-освободительному движению и выступили за оказание помощи китайским властям.

Вместе с тем важнейшей задачей стало превращение Синьцзяна в территорию, находившуюся в сфере влияния Советской России. Предполагалось, что таким образом будет предотвращено превращение Синьцзяна в базу-форпост таких государств, как Великобритания и Япония, которые стремились использовать его в своем противостоянии с РСФСР.

Поскольку Коминтерн был сторонником национально-освободительной революции в Синьцзяне, Г. В. Чичерин, Л. М. Карахан и А. А. Иоффе выступили и против плана Коминтерна по Синьцзяну. Наиболее активным проводником этой позиции оказался Иоффе. Будучи приверженцем дружественных отношений с Китаем (и в дальнейшем – автором соглашения с «отцом китайского государства» Сунь Ятсеном в 1923 г.), он достаточно болезненно воспринимал деятельность Коминтерна в Кашгарии и Джунгарии. Однако именно А. А. Иоффе курировал работу Коминтерна. Он направил докладную записку о результатах деятельности Коминтерна в Кашгарии и Джунгарии на имя Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и Г. В. Чичерина, в которой откровенно сообщал, что для него «совершенно ясно, что это учреждение более вредное, нежели полезное», «фактически работу ведут политические младенцы, играющие в революцию... денег тратится уйма, а дела никакого»²⁶.

19 октября 1921 г. А. А. Иоффе направил специальное письмо Г. Е. Зиновьеву, в котором дал более развернутую характеристику деятельности Туркбюро. Он признавал, что «китайской работы совершенно нет», а «в Кашгаро-Джунгарии работа сводится к организации бедноты на нашей территории», что «политического значения это не имеет, но приводит к тому, что возвращающиеся на родину безжалостно расстреливаются»²⁷. В целом Чичерин, Карахан

²⁶ Гиленсен В. М. Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920 – осень 1921 г.) // Восток. 1999. № 1. С. 60.

²⁷ Там же. С. 74–75.

и Иоффе проводили курс, направленный на выход Советской России из внешнеполитической изоляции.

18 декабря 1921 г., через шесть месяцев после принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) по Кашгарии и Джунгарии, решением ЦК Компартии Туркестана официально был ликвидирован «Революционный союз “Уйгур”...»²⁸. Теперь основную роль в проведении революционных идей в жизнь играли работники Коминтерна. Разумеется, уйгурские революционеры оказывали им всевозможную помощь, поскольку национально-освободительное движение среди уйгуров Синьцзяна и Средней Азии не прекращалось.

Документы Коминтерна свидетельствуют о том, что идея «революционизировать» Синьцзян не только продолжала существовать, но и претворялась в конкретные действия. Согласно данным уйгурского лидера А. Розыбакиева, на территории среднеазиатских республик в 1920-х годах проживало около 500–700 тыс. уйгуров²⁹, по сведениям В. Усова – примерно 500 тыс. Около половины из этого числа формально являлись китайскими подданными³⁰. Через этих уйгуров Коминтерн пытался установить связи с Синьцзяном, образовать там подпольные революционные организации, а затем создать революционную партию. В Синьцзян переправлялось оружие, предпринимались попытки организовать деятельность боевых групп, задачей которых было уничтожение наиболее одиозных представителей китайской колониальной администрации³¹.

Коминтерн и уйгурские коммунисты отправляли различные агитационные материалы и газеты на уйгурском языке на территорию Синьцзяна. В частности, среди таких агитационных материалов можно назвать газету «Камбагаллар авазы».

²⁸ Розыбакиев А., Розыбакиева Н. Указ. соч. С. 36–37.

²⁹ Розыбакиев Абдулла. Освободительное движение – Уйгурстан в авторитарном Китае // Халк үчүн койиду йүрэк (Сердце горит за народ): сб. ст. Алма-Ата, 1997. С. 80–90 (на уйгурском яз.); См. также: Розыбакиев А., Розыбакиева Н. Указ. соч. С. 48.

³⁰ Усов В. Н. Указ. соч. С. 68.

³¹ Бармин В. А. Советский Союз и исламский терроризм в Синьцзяне (к истории вопроса). URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1038090720> (дата обращения: 12.02.2021).

Согласно исследованию В. Бармина, в феврале 1923 г. Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) получило подготовленный А. Розыбакиевым подробный «Меморандум по уйгурскому (кашгарскому) вопросу», в котором был предложен конкретный план создания революционной партии в Синьцзяне. Бюро рассмотрело предложения А. Розыбакиева с большим вниманием и издало постановление «О работе с уйгурами», первый пункт которого гласит: «... признать необходимость начать подготовку к съезду революционеров провинции Синьцзян Китая»³².

Тем не менее в тот же период Народный комиссариат иностранных дел СССР завершал интенсивную работу по установлению дипломатических отношений с Китаем.

Необходимо подчеркнуть, что в начале XX в. Дальний Восток, включая Маньчжурию, занимал важное место в политике Советского государства, являясь воротами России в Азиатско-Тихоокеанский регион и Северный Китай. Роль Дальнего Востока, включая КВЖД, определялась как стратегическим положением, так и экономическим значением. Поэтому в 1920-е годы Г. В. Чичерин активно выступал за укрепление отношений с Китаем и Японией. «Наши добрые отношения с китайским народом, — писал он 11 апреля 1923 г. полпреду в Китае А. А. Иоффе, — основываются на совпадении реальных интересов и на нашем положительном отношении к созданию сильного демократического Китая...»³³

Точка зрения Г. В. Чичерина, Л. М. Карахана и других советских лидеров, поддерживавших установление дипломатических отношений с Китаем, вступала в противоречие с активизацией революционных элементов в Синьцзяне, поскольку была связана с идеей создания там независимой советской республики. Разумеется, это могло негативно повлиять на переговоры между Советской Россией и пекинским правительством. Поэтому Москва не одобрила проведение съезда уйгурских коммунистов, который в любом случае оказался бы связан с идеей независимости. Отменив его проведение, Советское правительство пошло еще дальше: в 1924 г. Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) своим постановле-

³² Бармин В. А. Указ. соч. С. 84–85.

³³ Соколов В. В. Чичерин Георгий Васильевич (народный комиссар по иностранным делам РСФСР/СССР 1918–1930 гг.) // Дипломатический вестник. Май 2002 г. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/4718312/#/> (дата обращения: 12.02.2021).

нием прекратило работу Краевого бюро уйгурских и дунганских коммунистов при Джетысуйском обкоме партии³⁴.

Позиция Г. В. Чичерина и его сторонников основывалась на том, что Дальний Восток и Маньчжурия важнее и имеют гораздо большее значение для безопасности советского государства, чем Синьцзян. По их мнению, необходимо было укреплять советские позиции и влияние в Маньчжурии. С этой целью они категорически выступали против советизации Синьцзяна и поддержки национально-освободительного движения, что могло бы привести к появлению независимого уйгуро-тюркского государства.

Переломным для СССР стал 1924 г.: страна была признана Великобританией, Францией и другими государствами. В результате долгих переговоров между СССР и пекинским правительством 31 мая 1924 г. СССР подписал с Китаем соглашение об общих принципах урегулирования и установления дипломатических отношений. СССР отказался от российских концессий в Китае и права экстерриториальности, а также подтвердил признание Внешней Монголии частью Китая³⁵. В соответствии с договоренностью СССР и Китай обязались не допускать враждебной деятельности со своей территории друг против друга.

В том же году были учреждены консульства СССР в городах Урумчи, Кашгаре, Кульдже, Чугучаке, а консульства Китая – в Алма-Ате, Семипалатинске, Зайсане, Ташкенте и Андижане. Провинциальные китайские власти вернули Советскому Союзу консульское и прочее имущество, принадлежавшее ранее Российской империи.

Судьба «угнетенных народов» и отношения советских лидеров с китайскими властями

В 1924–1931 гг. между СССР и Синьцзяном установились тесные торгово-экономические отношения. Принимая в расчет последствия политической и экономической изоляции западными странами в 1920-х годах, руководство СССР

³⁴ Розыбакиев А., Розыбакиева Н. Указ. соч. С. 39–40.

³⁵ Paine S. C.M. Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier. N.Y., 1996. P. 325–326.

считало, что Синьцзян может стать важнейшей экономической и торговой базой, могущей удовлетворить торгово-экономические и сырьевые потребности страны.

В связи с этим Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным неоднократно рассматривало положение в сопредельном Синьцзяне. 17 февраля 1927 г. оно приняло специальное постановление по организации революционной работы в Синьцзяне, согласно которому было решено воздержаться от всех видов поддержки там освободительного движения уйгуров. В документе отмечалось: «Воздержаться от посылки работников-уйгурцев Восточным отделом ИККИ без согласования персонально кандидатур со Среднеазиатским бюро ВКП(б); предложить ОГПУ принять меры к недопуску скупки оружия и переходу вооруженных уйгурцев через Советскую границу в Синьцзян; предложить Среднеазиатскому бюро и Казкрайкому пересмотреть состав организаторов уйгурских секций, не допуская к работе лиц, причастных к уйгурскому движению в Синьцзяне; считать совершенно вредным и недопустимым какую-либо деятельность или агитацию в направлении отторжения от Китая Синьцзяна или части этой провинции»³⁶.

Однако постепенно внешнее влияние и усиление уйгурской национально-патриотической идеи, и особенно давление со стороны китайского правительства привели к тому, что и в этом регионе вспыхнуло крупное восстание. В 1931–1934 гг. восстание мусульман охватило весь Синьцзян. Основу восставших составляли уйгуры – коренное население провинции. В результате белогвардейский русский полк под командованием П. П. Паппенгута, бывшего полковника царской армии и соратника атамана А. И. Дутова, 12 апреля 1933 г. совершил в Урумчи военный переворот и свергнул губернатора Цзинь Шужэня. Советский Союз оказался перед дилеммой: поддержать восстание местного населения либо встать на сторону китайских властей.

Первый секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) К. Я. Бауман считал, что события в Синьцзяне являются национально-освободительным движением, и просил ЦК ВКП(б) поддержать его. Однако Полит-

³⁶ ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. В 2 ч. М., 1996. Ч. 2, Т. 2. 1926–1927. С. 619; Бармин В. А. Указ. соч. С. 90.

бюро ЦК ВКП(б) своим решением от 20 сентября 1931 г. отказалось не только признать восстание национально-освободительным движением, но и запретило К. Я. Бауману направлять уйгурских коммунистов с территории Советского Союза в Синьцзян³⁷.

События 1931–1933 гг. в Синьцзяне сотрудники Коминтерна также характеризовали как национально-освободительное движение. 18 сентября 1931 г. бывший генеральный консул СССР в Урумчи, ответственный работник Восточного секретариата ИККИ М. А. Немченко-Дорф отправил письмо заместителю начальника Восточного секретариата Коминтерна Людвигу Мадьяру, где также подчеркивал, что события в Синьцзяне являются национальным движением и движением бедных крестьян³⁸.

В рекомендациях, подготовленных Восточным секретариатом Коминтерна для Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 сентября 1931 г., отмечалось: «Это восстание следует рассматривать в связи с национально-освободительным движением мусульман в Ганьсу, Шаньси, Юнани и др. провинциях Китая. Тот факт, что во главе движения стоят феодалы, отнюдь не изменяет его национально-освободительного характера. Все это заставляет нас с сугубым вниманием отнестись к происходящему в Синьцзяне. Несомненное усиление антисоветской деятельности типично милитаристского реакционного синьцзянского правительства, угроза новых диверсий и контрреволюционных выступлений, устремления ослабить связи с СССР остаются при всех обстоятельствах и лишь временно могут быть задержаны нашей вооруженной помощью. Подавление национально-освободительного движения уйгур с помощью нашего оружия с последующим кровавым террором не может не нанести ущерб национально-освободительному движению в целом и способствовать еще большей консолидации контрреволюционных сил и рас-

³⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. Д.11. Л. 9–11; Талипов К. Тарих саваклири яки этмуш-сиз келәчәк йок (Без урока исторического прошлого не будет будущего). Алматы, 2010. С. 122 (на уйгурском яз.); 俄国解密档案：新疆问题. 新疆人民出版社. 乌鲁木齐. 第1–3页, 2013 (Рассекреченные архивы России: проблемы Синьцзяна). Урумчи, 2013. С. 4.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 457. Л. 31–39; 俄国解密档案：新疆问题. 新疆人民出版社. 乌鲁木齐. 第1–3页, 2013 (Рассекреченные архивы России: проблемы Синьцзяна). С. 1–3.

ширению антисоветской базы в Синьцзяне. Поэтому мы полагаем нецелесообразным при этих условиях оказывать помощь Синьцзянскому правительству в подавлении уйгурского восстания»³⁹.

Коминтерн неизменно поддерживал национально-освободительное движение в Синьцзяне и всегда стремился создать коммунистические и революционные организации в этой провинции. Так, 14 февраля 1932 г. Восточный секретариат ИККИ включил в планы по работе в Синьцзяне создание коммунистически ориентированной организации под названием «Синьцзянская народно-революционная партия», которая должна была возглавить движение в регионе⁴⁰. Очевидно, что Коминтерн стоял не только на антиколониальных позициях, но и выступал против межэтнических конфликтов и всякого рода национальной дискриминации.

Однако, как показали дальнейшие события, несмотря на содействие Коминтерна, позиция, предусматривающая поддержку восстания местного населения, была отклонена. Сталин и его окружение склонялись к другой точке зрения.

В 1933 г. была создана специальная комиссия по вопросу о Синьцзяне под руководством наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова, которому поручался сбор материалов⁴¹. Комиссия решила не оказывать помощи национальному движению уйгуров и дунган. Вместе с тем по ее инициативе Политбюро приняло решение поддерживать генерал-губернатора Синьцзяна Шэн Шицай в военном, экономическом и других отношениях. 3 августа 1933 г. Политбюро обсудило рекомендации, подготовленные комиссией, и приняло Директиву по работе с Синьцзяном. В ней говорилось о нецелесообразности отделения Синьцзяна от Китая и оказания помощи урумчинскому правительству,

³⁹ Цит. по: Гасанлы Джамиль П. Синьцзян в орбите советской политики. Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане, 1931–1949. М., 2015. С. 23.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 705. Л. 2–3; Талипов К. Тарих савақлири яки өтмүш-сиз келәчәк йок (Без урока исторического прошлого не будет будущего). Алматы, 2010. С. 123–124 (на уйгурском яз.).

⁴¹ Гасанлы Джамиль П. Указ. соч. С. 31.

предписывалось усиление трудовой дисциплины в советских учреждениях провинции⁴².

В конце 1933 – начале 1934 г. в северную часть Синьцзяна были введены советские войска, так называемая Алтайская добровольческая армия, сформированная из командиров и красноармейцев 13-го Алма-Атинского и 10-го Ташкентского полков ОГПУ, усиленных несколькими бронемашинами и в обмундировании белогвардейской формы. Действия «алтайцев» определялись как особая операция Главного управления пограничной охраны ОГПУ (с 10 июля 1934 года – Главное управление пограничной и внутренней охраны), которой руководили начальник ГУПО М. П. Фриновский, а затем сменивший его Н. К. Кручинкин⁴³. При помощи присланной «алтайской армии» силами ОГПУ была удержана и подкреплена власть Шэн Шицая. В результате этой поддержки была ликвидирована Восточно-Туркестанская Исламская Республика, провозглашенная Сабитом Дамуллой. Одновременно было нанесено поражение дунганским силам во главе с Ма Чжунином.

Более того, лидер национально-освободительного движения Ходжа-Нияз Хажи при непосредственном вмешательстве советского правительства был назначен заместителем губернатора провинции Синьцзян. По данным уйгурских источников, советский военный советник, татарин по национальности, Ади Маликов и советский генеральный консул Гарегин Апрегов встретились с Ходжа-Нияз Хажи и уговорили его объединиться с правительством в Урумчи, дав ему массу обещаний⁴⁴.

Через советников, приставленных к Шэн Шицаю, СССР поставил под свой контроль военно-политическую, экономическую, торговую, культурную и другие сферы Синьцзяна. В итоге эта провинция, сохраняясь под властью Китая, фактически превратилась в «17-ю советскую республику».

⁴² Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О Синьцзяне». 03.08.1933 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 32–33.

⁴³ Нэх В. Ф. Специальная операция НКВД в Синьцзяне. URL: <https://mytashkent.uz/2013/10/29/v-f-ne-h-spetsial-naya-operatsiya-nkvd-v-sin-tszyane/> (дата обращения: 12.02.2021).

⁴⁴ Sopaxun Sowurof. Men Kechken Kéchikler (Дороги, которые мы прошли). Bèyjing, 2010. 230-bet; Hemdulla Tarim. Türkistanning 1931–1937. Yilliridiki inqilab tarixi (История революции в Туркестане в 1931–1937 гг.). Istanbul, 1983; Abdurêhim Ötkür. Uyghan'ghan Zêmin (Пробужденная земля). Urümchi, 1994 (на уйгурском яз.).

Таким образом, политика СССР в отношении Синьцзяна оставалась двойственной. КИ пытался поддерживать действия местного населения, применяя в отношении уйгуров понятие «национально-освободительное движение» и включая их в категорию «народов, находящихся в зависимом положении». В то же время часть высокопоставленных лидеров советского государства выступали за сохранение региона под властью Китая.

Согласно историческим свидетельствам, советская дипломатия и военные советники всячески уверяли Ходжу-Нияза Хажи, а затем и генерала Махмута Мухити, что будут оказывать им всестороннюю поддержку по ликвидации колониального гнета и обретению свободы. Другими словами, они внушали мысль, что Советский Союз – это путеводная звезда для зависимых наций и народов. Именно поэтому многие уйгурские лидеры и значительная часть интеллигенции видели в Советском Союзе силу, на которую можно опереться. Они связывали с ним свое будущее и возлагали на него надежды.

В 1937 г. вспыхнуло второе восстание уйгуров и дунган против режима Шэн Шицая. Политбюро ЦК РКП(б) во главе со Сталиным еще раз направило части РККА, войска НКВД и сумело подавить восстание, сохранив власть Шэн Шицая. В 1937–1940 гг. последовали организованные Шэн Шицаем и выразившиеся в аресте и убийстве ряда уйгурских лидеров во главе с Ходжа-Ниязом Хажи репрессии, поддержанные Советским Союзом. Происходившее свидетельствовало о том, что, несмотря на продолжение использования в отношении национального движения уйгуров понятий «национально-освободительное движение» и «угнетенные народы», в среде советского руководства существовали опасения потерять контроль над ситуацией в регионе и существенно ухудшить отношения с Китаем.

Советские политические деятели в то же время продвигали идею необходимости сотрудничества уйгуров с губернатором Шэн Шицаем, сведя вопрос о национально-освободительном движении к вопросу о статусе национальной автономии. При этом говорилось о равноправии и всестороннем развитии провинции. Необходимо отметить, что в провозглашенной Шэн Шицаем программе реформ, состоящей из шести

направлений, ясно прослеживается советское влияние. В результате, провозглашая идеи национального освобождения, Москва добилась признания уйгурскими повстанцами программы Шэн Шицая и создания по соседству с границей СССР региона с политическим режимом, находившимся под советским влиянием.

Таким образом, советское правительство в период с 1918 по 1937 г. весьма двояко относилось к национально-освободительному движению среди уйгуров. Если Коминтерн и его руководители включали народное движение этого региона именно в категорию «национально-освободительного», то высшее советское руководство применительно к уйгурам отступало от официальных лозунгов и пыталось вести в регионе прагматическую политику, исходя прежде всего не из интересов уйгуров, а из военно-политических и в особенности торгово-экономических интересов СССР.

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что трактовка советским правительством понятия «национально-освободительное движение» сильно зависела от состояния российско-китайских отношений и общего внешнеполитического положения страны. Это понятие в начале 1920-х годов могло использоваться в значении, равносильном «получению независимости», в то же время в конце 1920-х – 1930-х годов оно рассматривалось лишь как освобождение от эксплуатации. Во второй половине 1930-х годов советские дипломаты попытались направить уйгурское национальное движение в русло участия в китайской революции. При этом, хотя ЦК ВКП(б) и уделял Синьцзяну большое внимание, к концу 1930-х годов было принято политическое решение отказаться от поддержки проекта создания национального государства уйгуров на территории Синьцзяна. После 1949 г. это решение приняло окончательный и бесповоротный характер.

Источники

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М.: Терра, 1990. Т. 1. 256 с.

ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. В 2 ч. М.: АО «Буклет», 1996. Ч. 2. Т. 2. 1926–1927. 512 с.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11; Ф. 495. Оп. 154. Д. 457; Ф. 514. Оп. 1. Д. 705.

俄国解密档案：新疆问题. 新疆人民出版社. 乌鲁木齐. 第四页, 2013 (Рассекреченные архивы России: проблемы Синьцзяна). Урумчи: Народное издательство Синьцзяна, 2013. 55 с.

Литература

Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941: Региональный фактор в политике Советского Союза. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. 189 с.

Гасанлы Джамиль П. Синьцзян в орбите советской политики. Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане, 1931–1949. М.: Флинта, 2015. 358 с.

Гиленсен В. М. Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920 – осень 1921 г.) // Восток. 1999. № 1. С. 59–77.

Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики / отв. ред. А. Я. Манусевич. М.: Наука, 1971. 288 с.

Розыбакиев А., Розыбакиева Н. Славный сын уйгурского народа. Алма-Ата: Казахстан, 1987. 133 с. (на уйгурском яз.).

Розыбакиев Абдулла. Освободительное движение – Уйгурстан в авторитарном Китае и его сборник статей // Хэлк үчүн койиду йүрэк (Сердце горит за народ): сб. ст. Алма-Ата: Жазушы, 1997. 144 с. (на уйгурском яз.).

Розыбакиев Абдулла. Первый съезд Кашгара-Джунгарских рабочих и крестьян. Посвящение первому Всетуркестанскому съезду революционных рабочих и крестьян Кашгаро-Джунгарии // Кәмбәғәлләр авазы («Голос бедняков»). 01.06.1921. Ташкент (газета на уйгурском яз.).

Рузиев М. Р. Возрожденный уйгурский народ. Алма-Ата: Казахстан, 1976. 213 с.

Усов В. Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: Олма-Пресс, 2002. 384 с.

Abduréhim Ötkür Oyghan'ghan Zémin (Пробужденная земля). Urumchi: Shinjang Xelq Neshiriyati, 1994. 498 с. (на уйгурском яз.).

Brophy D. Taranchis, Kashgaris, and the «Uyghur Question» in Soviet Central Asia // Inner Asia. 2005. Vol. 7. No. 2. P. 163–184.

Hemdulla Tarim. Türkistanning 1931–1937. Yilliridiki inqilab tarixi (История революции в Туркестане в 1931–1937 гг.). Istanbul: Dogu Türkistan Dergisi, 1983. 376 с. (на уйгурском яз.).

Paine S. C. M. Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier. N.Y. – L.: M. E. Sharpe, 1996. 417 p.

Розибакийев Абдумежит. Тэнгрикут кутлук (О Тангрикут Кутлуке) // Пәрваз журнили. Алма-Ата: Жазушы, 1994. 192 с.

Soraxun Sowurof. Men Kechken Kéchikler (Дороги, которые мы прошли). Béyjing: Milletler Neshriyatı, 2010. 498 с. (на уйгурском яз.).

Талипов К. Тарих савақлири яки өтмүшсиз келәчәк йоқ (Без урока исторических прошлых не будет будущего) / ред.-сост. Ю. Азаматов. Алматы: Мир, 2010. 414 с.

Интернет-ресурсы

Бармин В. А. Советский Союз и исламский терроризм в Синьцзяне (к истории вопроса). URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1038090720> (дата обращения: 12.02.2021).

Нэх В. Ф. Специальная операция НКВД в Синьцзяне. URL: <https://mytashkent.uz/2013/10/29/v-f-ne-h-spetsial-naya-operatsiya-nkvd-v-sin-tszyane/> (дата обращения: 12.02.2021).

Письмо Розыбакиева Сталину о работе среди уйгур. URL: <http://islamperspectives.org/rpi/items/show/11036> (дата обращения: 12.02.2021).

Соколов В. В. Чичерин Георгий Васильевич (народный комиссар по иностранным делам РСФСР/СССР 1918–1930 гг.) // Дипломатический вестник. Май 2002 г. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/4718312#/> (дата обращения: 12.02.2021).

Раздел III

КОМИНТЕРН И МОНГОЛИЯ

Монголия: переоценка роли Коминтерна в развитии МНР в 1920-х – начале 1930-х годов

Тема «Восток и Коминтерн» вновь актуализировалась в связи со 100-летием образования III Коммунистического Интернационала и теми огромными изменениями, которые произошли в мире, России, Китае, Монголии и других странах Востока после его роспуска в 1943 г. Коминтерн сыграл важную роль в создании, становлении и развитии коммунистического и национально-освободительного движений в странах Европы, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, в том числе в Монголии, Китае, Японии, Корее, Индии и других странах.

История Коминтерна в Монголии – важная, неотъемлемая составная часть общей истории международного коммунистического движения, истории России/СССР, Монголии/МНР, российско/советско-монгольских и международных отношений на Дальнем Востоке в первой трети XX в. Деятельность Коминтерна в Монголии продолжалась 14 лет, с середины 1920 г. до ноября 1934 г., когда последняя деле-

гация Коминтерна посетила IX съезд Монгольской народно-революционной партии (МНРП).

Первая в истории Монголии политическая партия – Монгольская народная партия (1921–1924 гг. – МНП, 1925–2010 гг. – Монгольская народно-революционная партия, МНРП, с 2010 г. по настоящее время – Монгольская народная партия, МНП) была создана 1 марта 1921 г. А уже 11 марта 1921 г. вновь избранный ЦК МНП обратился в Исполнительный комитет Коминтерна с просьбой принять партию в качестве «симпатизирующей», т.е. сочувствующей¹. Вскоре МНП была принята в Коминтерн в качестве симпатизирующей партии с правом совещательного голоса, а в июле 1921 г. ее делегаты приняли участие в работе III Конгресса Коминтерна в Москве. В последующие годы со стороны руководства МНП/МНРП предпринимались попытки повысить статус партии до полноправного члена Коминтерна, но они не получили поддержки со стороны руководства организации.

Первым представителем Коминтерна при ЦК МНП стал заведующий монголо-тибетским отделом секции восточных народов Сибирского бюро ЦК РКП(б) С. С. Борисов (март–сентябрь 1921 г.), первым представителем ЦК МНП при Дальневосточном секретариате Коминтерна был назначен один из монгольских революционеров, писатель С. Буяннэмэх². В 1924–1932 гг. в Улан-Баторе поочередно работали постоянные уполномоченные Коминтерна при ЦК МНРП.

В октябре 1924 г. в Монголию прибыл первый постоянный уполномоченный представитель Коминтерна при ЦК МНРП – известный советский государственный и общественный деятель того времени, заместитель заведующего Восточным отделом Исполкома Коминтерна Т. Р. Рыскулов (1898–1938). Он активно взялся за дело, сделал немало полезного, однако в результате разногласий, возникших между ним и другим советским влиятельным представителем, советником правительства Монголии Э.-Д. Ринчино, оба они по просьбе ЦК МНРП одновременно были отозваны в Москву в 1925 г.

После Т. Р. Рыскулова уполномоченным Коминтерна в Монголии дважды (в 1925–1927 и 1929–1930 гг.) работал

¹ Советско-монгольские отношения. 1921–1974: документы и материалы. Москва – Улаанбаатар, 1975. Т. 1. 1921–1940. С. 452.

² Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999. С. 36–37.

известный государственный и партийный деятель из Бурятии М. И. Амагаев (1897–1944), один из крупных, авторитетных, наиболее компетентных специалистов по Бурятии и Монголии, свободно владевший монгольским языком. Он последовательно проводил в жизнь политику Коминтерна, направленную на некапиталистическое развитие Монголии. Однако, по оценке многих современных монгольских историков, М. И. Амагаев остался в исторической памяти монголов прежде всего как один из деятелей Коминтерна, который способствовал «разжиганию» внутрипартийных противоречий между «правыми уклонистами» и «сторонниками левых» в МНРП, а также был вдохновителем и организатором «левацких перегибов» в 1928–1932 гг.³

В 1928 г. в целях укрепления связей между Коминтерном и МНРП было создано представительство Коминтерна при ЦК МНРП в расширенном составе (3 чел.), однако оно просуществовало недолго, не оправдало возлагавшихся на него надежд и в середине 1932 г. было упразднено окончательно, а все монгольские дела из ведения Коминтерна были переданы специальной Монгольской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с К. Е. Ворошиловым.

Коминтерн сыграл важную, но неоднозначную роль в становлении и развитии первой политической партии в Монголии – Монгольской народной партии, которая на протяжении почти 70 лет (1921–1990) безальтернативно руководила страной. О деятельности Коминтерна в Монголии, его роли в становлении и развитии МНП/МНРП и правительства МНР в 1920–1932 гг. существуют многочисленные – опубликованные и неопубликованные – документы и материалы, хранящиеся в архивах России и Монголии, научные исследования, статьи российских, монгольских и других зарубежных авторов⁴.

1920–1930-е годы были сложным периодом революционного перехода Монголии от старой, традиционной,

³ Дашдаваа Ч. Монгол дахь төрийн эргэлт (Государственный переворот в Монголии). Улаанбаатар, 2008. С. 32–41 и др.

⁴ Коминтерн ба Монгол (Баримтын эмхэтгэл) (Коминтерн и Монголия: сб. документов). Улаанбаатар, 1996; Монголын тухай Б.Х.Б.(б) Н-ын баримт бичигт (1920–1952) (Монголия в документах ВКП(б). 1920–1952). В 3 т. Улаанбаатар, 2002–2009; Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). В 2-х частях. Улан-Удэ, 2012; Лхамсүрэн Б. МАХН-ын уйл ажиллагаанд интернационализмын зарчим

феодално-теократической системы к новой, демократической общественно-политической и экономической системе европейского типа, которая формировалась под сильным влиянием идей Октябрьской революции и при всестороннем содействии Советской России, РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна.

Созданный по инициативе В.И. Ленина в 1919 г. III Коммунистический интернационал как отдельная, самостоятельная международная организация, центральный штаб международного коммунистического движения, фактически превратился в один из составных элементов советской политической системы, внешней политики СССР, важный инструмент активного воздействия руководства РКП(б)/ВКП(б) и СССР на международное коммунистическое и национально-освободительное движение в отдельных странах и во всем мире.

Одним из наиболее ярких, показательных примеров этого может служить история деятельности Коминтерна в Монголии. Архивные документы свидетельствуют о том, что наиболее важные, принципиальные решения по политическим, экономическим, партийным, военным и международным вопросам, связанным с МНРП, МНР и советско-монгольскими отношениями, как правило, обсуждались и принимались на самом высоком уровне партийного и государственного руководства СССР – на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и по существу служили директивами для практической деятельности Коминтерна и его представителей в МНР.

В разные годы в деятельности Коминтерна на монгольском направлении в той или иной степени принимали участие многие видные советские государственные и партийные деятели высшего, высокого, федерального и регионального уровней, в том числе И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов,

хэрэгжсэн нь (Воплощение в деятельности МНРП принципов интернационализма). Улаанбаатар, 1975; Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. Изд. 3-е, испр. и доп. Улан-Батор, 1987; Монгол ардын хувьсгалт намын туухэн замнал (Исторический путь Монгольской народно-революционной партии). Улаанбаатар, 1995; Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999; Дашдаваа Ч. Монгол дахь төрийн эргэлт. Улаанбаатар, 2008; Friters Gerard M. Outer Mongolia and its International Position. Baltimore, 1949; Murphy G. Soviet Mongolia: A Study of the Oldest Political Satellite. Berkeley and Los Angeles, 1966; Rupen R. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic (1960–1978). California, 1976; Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. N.Y., 1962 и др.

Н. И. Бухарин, Г. В. Чичерин, Л. М. Карахан, Б. З. Шумяцкий, И. А. Пятницкий, Ф. Ф. Раскольников (Петров), О. В. Куусинен, П. А. Миф, Г. Н. Войтинский, Э. Ринчино, Ц. Жамцарано, С. С. Борисов, Т. Рыскулов, А. В. Шотман, М. И. Амагаев, В. Н. Кучумов, М. Б. Черномордик и другие, а также известные иностранные деятели – Б. Шмераль (Чехословакия), И. А. Райтер, В. Макдональд (США), В. Коларов (Болгария), Катаяма С. (Япония) и др.

В начале 1920-х годов Монголия была одной из первых стран Востока, в которой при содействии и помощи Советской России победила народная национально-демократическая революция в 1921 г. Руководители МНП и Монголии опирались на всестороннюю помощь Советской России и ориентировались на советский опыт революционного преобразования страны. В тот исторический момент у жителей Внешней Монголии (современная Монголия), по существу, не было другого, альтернативного, приемлемого пути для реализации своих национальных целей – достижения национальной независимости от Китая, восстановления своей государственности, изгнания китайских войск и российских белогвардейцев, объединения всех этнических монголов в рамках единого независимого государства, модернизации страны. С самого начала установления контактов первых монгольских революционеров, членов Монгольской народной партии с представителями советской власти и Коминтерна в г. Троицкосавске в 1920 г. Монголия и МНП/МНРП стали одним из важных объектов внимания и активной деятельности Коминтерна.

Эта деятельность была направлена на то, чтобы, с одной стороны, в ответ на просьбу представителей молодой, формирующейся национально-демократической партии Монголии оказать ей реальную помощь и тем самым привлечь ее на свою сторону, а с другой стороны, учитывая благоприятную геополитическую ситуацию, непосредственное соседство, обширность территории и выгодное географическое расположение Монголии в центре Внутренней Азии, использовать эту страну как важный плацдарм для пропаганды революционных и коммунистических идей как в самой Монголии, так и в соседних странах Востока (Китай, Корея, Япония и др.).

В тот период между Советской Россией, которая инициировала грандиозный, глобальный социалистический эксперимент, и молодым возрождающимся монгольским государством начали складываться новые, особые межпартийные и межгосударственные отношения на основе принципов взаимного доверия, равноправия, совпадения или близости ряда политических целей, взаимных национальных интересов, признания направляющей роли Советской России и Коминтерна.

Первые монгольские революционеры (С. Данзан, Д. Бодоо, Д. Сухэ-Батор, Х. Чойбалсан, Д. Догсом, Д. Лосол и др.) относительно легко восприняли основные идеи российских большевиков: обещание содействовать национальному и социальному освобождению всех угнетенных народов Востока от иностранных и национальных угнетателей, установление отношений на основе принципов равноправия, права наций на самоопределение, защиты интересов угнетенных, трудящихся классов, преодоления отсталости, строительства нового, справедливого социалистического общества и др. И они пошли по предложенному им пути.

В глазах первых монгольских революционеров Советская Россия/СССР представлялась как соседняя великая, сильная северная держава, внешняя опора, источник получения политической поддержки, экономической и военной помощи, оружия и боеприпасов, традиционный торговый партнер, пример революционного переустройства старого, традиционного российского общества, покровитель, учитель, наставник. В этих условиях Коминтерн как международная неправительственная общественная организация играл особую роль важного связующего звена между руководством правящей партии РКП(б)/ВКП(б) в России и руководством молодой, некоммунистической, национально-демократической Монгольской народной партии.

В 1920–1932 гг. Коминтерн был своеобразным международным коммунистическим «мозговым центром», куда стекалась и обрабатывалась разнообразная информация о политическом, экономическом, военном, религиозном и международном положении различных стран, в том числе Монголии, расстановке внутривнутриполитических сил и группировок, об отношении руководителей МНП/МНРП и МНР

к Коминтерну, политике СССР в отношении Монголии, а также об отношениях Монголии с Китаем, Японией, США и другими странами. Эти сведения изучались, обобщались, анализировались, обсуждались на заседаниях соответствующих органов Коминтерна. На основе этого анализа и указаний руководства РКП(б)/ВКП(б) и СССР разрабатывались рекомендации для ЦК МНРП по текущей внутренней и внешней политике.

Современным российским, монгольским и другим политикам, политологам и историкам сложно себе представить, с какими трудностями пришлось столкнуться тогдашним руководителям и сотрудникам Коминтерна, когда перед ними была поставлена задача вырабатывать политические установки и рекомендации для молодой МНП/МНРП, которая недавно пришла к власти в далекой, отсталой, малоизвестной, феодальной, буддийской стране, где не было ни национальной буржуазии, ни капиталистов, ни рабочего класса, ни политических партий европейского типа, где большинство населения было неграмотным, глубоко религиозным, занималось традиционным кочевым скотоводством и вело кочевой образ жизни.

Работники Коминтерна, как правило, коммунисты-выходцы из России и развитых капиталистических стран Европы, США и Азии, опытные революционеры, искренне верили в идеалы коммунизма и стремились помочь угнетенным трудящимся массам стран Востока избавиться от гнета иностранных оккупантов и национальных эксплуататоров, перейти от средневекового феодального строя к новому, прогрессивному социалистическому строю. Однако они, во-первых, фактически очень мало знали о Монголии, особенностях ее исторического, политического, экономического, культурного и духовного развития, во-вторых, сами были первопроходцами и плохо представляли, как, каким образом строить социализм вообще, а тем более в условиях Монголии. Монголия стала одной из первых стран Востока, где на государственном уровне была предпринята попытка на практике реализовать ленинскую идею о возможности перехода ранее отсталых стран к социализму, минуя капитализм, при помощи страны победившего пролетариата («некапиталистический путь развития»).

При разработке своих рекомендаций руководители Коминтерна, как правило, опирались на результаты изучения и анализа сообщений, писем и докладов представителей Коминтерна в Монголии, отчетов делегаций ИККИ, участвовавших в очередных съездах МНРП, выступлений руководителей МНРП, приезжавших в Москву для консультаций, сообщений полпредства СССР в МНР и др.

Существенными препятствиями для общения, взаимодействия и взаимопонимания между работниками Коминтерна и представителями Монголии были языковой барьер, острый дефицит подготовленных кадров, знающих монгольский язык, реальное положение в стране и способных повлиять на текущие события в нужном направлении, недостаточное владение русским языком большинства руководителей Монголии и др.

В этих условиях исключительно важную, незаменимую роль в революционизировании и советизации Монголии сыграли представители монголоязычных народов России, бурятские и калмыцкие революционеры и коммунисты. Особенно много сделали буряты Э. Ринчино, Ц. Жамцарано, Ц.-Е. Дашепылов (Гочитский, Цэдэн-Иш), Г. Г. Данчинов, А. Ванчиков, М. Сахьянова, Б. Ишдоржин, С. Жамбалон, М. И. Амагаев, С. Нацов (С. Шойжелов) и др. Они владели монгольским языком, знали историю и положение дел в Монголии, имели высокий уровень общего и политического образования, опыт революционной борьбы и политической работы. Многие из них были сторонниками идеи создания единого, самостоятельного, независимого монгольского государства, объединяющего все монгольские племена (народы), проживающие в Монголии, Китае и России (панмонголизм).

С другой стороны, молодые, за небольшим исключением, революционеры, руководители МНП/МНРП и Монголии (С. Данзан, Д. Бодоо, Д. Сухэ-Батор, Х. Чойбалсан, А. Амар, Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба, П. Гэндэн и др.), несмотря на свой возраст, недостаток образования, политического опыта, незнание основ коммунистической теории, руководствовались прежде всего национальными интересами своей страны, стремились использовать поддержку Советской России, рекомендации и советы Коминтерна применительно

к условиям и потребностям современного развития Монголии.

Руководители МНП/МНРП официально и неоднократно признавали руководящую идейно-политическую, направляющую роль Коминтерна, стремились выполнять его рекомендации и указания. Однако это не означало, что отношения между МНРП и Коминтерном были равными, гладкими, без недопонимания, противоречий и споров. Руководители МНРП имели и собственное представление о процессах, происходящих в стране, путях решения актуальных проблем. На почве несовпадения, разногласий между оценками политического и экономического положения Монголии и рекомендациями Коминтерна, с одной стороны, и реальными возможностями их реализации в конкретных условиях Монголии, с другой стороны, между руководителями Коминтерна, МНРП и Монголии нередко возникали случаи недопонимания, несогласия, споры, дискуссии вплоть до отзыва представителей Коминтерна и активного вмешательства Коминтерна во внутренние дела МНРП и правительства Монголии.

На протяжении 70 лет (1920–1990), вплоть до победы мирной демократической революции в Монголии, в официальных документах, пропаганде и историографии СССР и МНР доминировал единый, традиционный, сугубо позитивный подход к оценке роли и значения деятельности Коминтерна в истории МНРП и МНР. Так, в обобщающем коллективном труде ведущих монгольских историков «Очерки истории Монгольской народно-революционной партии», изданном в 1987 году, была дана следующая оценка роли Коминтерна: «Установленные МНРП контакты с Коминтерном и партией великого Ленина имели глубокое революционное, творческое содержание, поскольку они были направлены на решение одной из новых задач, вставших в революционной практике XX века, – задачи некапиталистического развития»⁵.

Однако с начала 1990-х годов в исторической науке Монголии появилась и усиливается тенденция к пересмотру роли Коминтерна в истории МНРП и Монголии. Более того, по нашим наблюдениям, среди многих современных

⁵ Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. Изд. 3-е, испр. и доп. Улан-Батор, 1987. С. 505.

монгольских историков преобладает тенденция к тому, чтобы все беды, неудачи, ошибки, просчеты в деятельности МНРП и правительства МНР в 1920–1930-е годы связывались прежде всего с деятельностью Коминтерна, с вмешательством руководства Коминтерна и СССР во внутренние дела МНР.

Так, в начале статьи «Коминтерн (Коммунистический Интернационал)» в электронной версии «Исторической энциклопедии Монголии» (автор Н. Хишигт), в частности, отмечается: «...Коминтерн ...поддерживал освободительную борьбу монголов, принимал участие в революции 1921 г.». Однако в основной части статьи дана новая принципиальная оценка: «Коминтерн с целью прервать национально-демократический путь развития Монголии проводил деятельность, направленную на превращение коммунистических идей в официальную идеологию страны, принимал решения, которые было невозможно реализовать в условиях Монголии. Руководители Монголии старались противостоять нажиму, давлению со стороны Коминтерна, что привело к обострению отношений между МНРП и Коминтерном. С целью прочного удержания Монголии в сфере советского влияния путем разжигания разногласий и борьбы внутри МНРП был совершен государственный переворот и национально-демократические деятели были удалены из руководства партии. Левые, ставшие опорой Коминтерна, в течение трех с половиной лет, с конца 1928 г. и до середины 1932 г., пытались построить социализм советского типа, однако в результате этой авантюристической политики монгольское общество оказалось в кризисе, экономика в упадке, возникло движение эмиграции, произошло народное восстание. Сложившаяся обстановка заставила Коминтерн и ВКП(б) пересмотреть свою политику в отношении Монголии и, начиная с середины 1932 г., привела к прекращению отношений между МНРП и Коминтерном»⁶.

При сопоставлении этих двух оценок роли Коминтерна в истории МНРП и Монголии видно, что за последние 30 лет в исторической науке Монголии произошел коренной пересмотр прежних, преимущественно позитивных, оценок роли Коминтерна на противоположные негативные.

⁶ URL: <https://mongoltoli.mn/history/h/641> (дата обращения: 13.04. 2020).

Поражение социализма в СССР и ряде других бывших социалистических стран, включая Монголию, переход к новой, многопартийной политической системе, рыночной экономике и «многоопорной» внешней политике при поддержке развитых стран Запада и Востока создали объективную основу для переосмысления и переоценки новейшей, «социалистической», истории Монголии, в том числе истории борьбы двух основных тенденций внутри МНРП – «левой», некапиталистической, или социалистической (У. Бадрах, З. Шижээ и др.), и «правой», национально-демократической, или буржуазно-капиталистической.

В современной исторической науке Монголии сформировалась и доминирует концепция, что так называемые правые уклонисты, сторонники «правых взглядов» (С. Данзан, Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба и др.), по терминологии Коминтерна, по существу были представителями национально-демократического крыла в МНРП. Сейчас принято считать, что национал-демократы по сравнению с «левыми» – сторонниками левого крыла, которых поддерживал Коминтерн, более точно, адекватно оценивали положение в партии и стране, выступали за спокойный, умеренный, постепенный, эволюционный путь развития страны⁷.

По нашему мнению, попытки некоторых монгольских политиков, политологов и историков радикально пересмотреть роль Коминтерна в истории МНРП и МНР связаны со стремлением пересмотреть и прежнюю основную концепцию развития Монголии в XX в. – концепцию некапиталистического развития страны, которая была принята на III съезде МНРП (1924), подтверждена в решениях последующих съездов партии и на протяжении почти 70 лет служила генеральной линией деятельности МНРП и правительства МНР.

До 1990 г. в официальных документах, пропаганде и историографии СССР и МНР опыт некапиталистического развития МНР в 1921–1990 гг. однозначно и неизменно трактовался и пропагандировался как пример успешной реализации ленинской идеи о возможности перехода отсталых, слаборазвитых стран к социализму, минуя капитализм, при помощи СССР, ВКП(б) и Коминтерна. Однако после 1990 г. этот опыт

⁷ Монгол улсын түүх. Тавдугаар боть (XX зуун) (История Монголии). Улаанбаатар, 2003. Т. 5 (XX век). С. 146–147.

стал рассматриваться некоторыми монгольскими историками как результат прямого вмешательства Коминтерна и руководства СССР во внутренние дела МНРП и Монголии, навязывания политики некапиталистического развития без достаточного учета национальных особенностей Монголии. Более того, некоторые ведущие монгольские историки (Ч. Дашдаваа, О. Батсайхан и др.) стали утверждать, что делегация Коминтерна на VII съезде МНРП (1928 г.) совершила «государственный переворот» в Монголии. Так, Ч. Дашдаваа, автор монографии «Государственный переворот в Монголии», пришел к заключению, что «главными идейными руководителями переворота в Монголии были глава Коминтерна Н. Бухарин и руководитель ВКП(б) И. Сталин, а непосредственными исполнителями – специально командированная в Монголию полномочная комиссия Коминтерна во главе с Б. Шмералем и полпредство СССР в Монголии»⁸. На наш взгляд, такая прямолинейная, упрощенная, радикальная переоценка роли Коминтерна и руководства ВКП(б) в событиях МНР в 1928 г. в корне противоречит прежним оценкам роли Коминтерна и СССР в истории МНРП и Монголии, которые были даны самими монгольскими руководителями – участниками этих событий.

Таким образом, маятник оценок роли Коминтерна в истории Монголии в 1920-е – начале 1930-х годов резко качнулся в противоположную сторону. Следует отметить, что подобные резкие колебания в оценках ряда важных политических событий и исторических личностей в Монголии происходят не в первый и, видимо, не в последний раз. Так, после 1990 г. аналогичные ситуации возникали неоднократно, в том числе в отношении таких видных политических деятелей и руководителей Монголии, как Х. Чойбалсан, Ю. Цэдэнбал и др.

Нет сомнений, что в настоящее время деятельность Коминтерна в Монголии в указанный период не может однозначно оцениваться как полностью позитивная, как это было на протяжении почти 70 лет – до 1990 г. Вместе с тем, по нашему мнению, несмотря на недостатки, просчеты и ошибки, было бы несправедливо оценивать всю деятельность Коминтерна в Монголии как негативную, враждебную, направлен-

⁸ Дашдаваа Ч. Монгол дахь төрийн эргэлт (Государственный переворот в Монголии). Улаанбаатар, 2008. С. 354–355.

ную против национальных интересов монгольского народа. Необходим объективный, научный, всесторонний, дифференцированный подход к оценке всей деятельности Коминтерна в Монголии на различных этапах развития страны.

Несмотря на обилие опубликованных и неопубликованных документов и материалов на эту тему, вплоть до настоящего времени ни в России, ни в Монголии не написана достаточно полная, объективная, всесторонняя, документированная научная история деятельности Коминтерна в Монголии, его места и роли в становлении и развитии МНП/МНРП, в разработке и реализации внутренней и внешней политики МНР.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в современной исторической науке Монголии продолжается процесс пересмотра прежней, официальной концепции новейшей истории Монголии, сложившейся под сильным влиянием марксистско-ленинской идеологии и советской историографии в 1921–1990 гг., с новых, собственно монгольских, национальных позиций.

Во-вторых, в ходе этой ревизии наряду со справедливой и оправданной переоценкой некоторых важнейших событий новейшей истории Монголии, восстановлением и уточнением ряда важных деталей этих событий и роли отдельных исторических деятелей, особенно тех, которые стали жертвами необоснованных политических репрессий, имеют место попытки радикального пересмотра концепции новейшей истории Монголии и российско/советско-монгольских отношений в XX в.

В-третьих, радикальная смена прежних, односторонних, сутобо положительных оценок роли Коминтерна и СССР на противоположные, негативные, вольно или невольно ведет к радикальному пересмотру официальной концепции истории Монгольской революции 1921 г. и всего некапиталистического развития Монголии в XX в.

В-четвертых, в ходе пересмотра официальной концепции новейшей истории Монголии наблюдается сближение позиций некоторых монгольских историков с позициями западных историков-монголоведов, которые давно и традиционно обвиняли российских большевиков, Коминтерн и Советскую Россию в экспорте социалистической революции в Монголию.

Литература

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). В 2 ч. Ч. I (1911–1929) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 512 с.; Ч. II (1930–1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 491 с.

Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. Изд. 3-е, испр. и доп. / под общ. ред. Б. Лхамсүрэнэ. Улан-Батор: Госиздат, 1987. 520 с.

Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Москва – Улан-Батор: Международные отношения, 1975. Т. 1. 1921–1940. 590 с.

Дашдаваа Ч. Монгол дахь төрийн эргэлт (Государственный переворот в Монголии). Улаанбаатар: «Бэмби сан», 2008. 370 с.

Коминтерн ба Монгол (Баримтын эмхэтгэл) (Коминтерн и Монголия: сборник документов). Улаанбаатар: Шинжлэн ухаан, технологийн мэдээлийн компаний хэвлэх, 1996. 503 с.

Лхамсүрэн Б. МАХН-ын уйл ажиллагаанд интернационализмын зарчим хэрэгжсэн нь (Воплощение в деятельности МНРП принципов интернационализма). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975. 244 с.

Монгол ардын хувьсгалт намын түүхэн замнал (Исторический путь Монгольской народно-революционной партии). Улан-Батор: «МАНА», 1995. 251 с.

Монгол улсын түүх. Тавдугаар боть (XX зуун) (История Монголии. XX век). Улан-Батор: ADMON, 2003. Т. 5. 501 с.

Монголын тухай Б.Х.Б.(б)Н-ын баримт бичигт (1920–1952) (Монголия в документах ВКП(б). Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 2002. Т. I (1920–1932). 560 с.; Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 2005. Т. II (1933–1940). 472 с.; Улаанбаатар: Өнгөт хэвлэл, 2009. Т. III (1941–1952). 390 с.

Friters Gerard M. Outer Mongolia and its International Position. Baltimore: Jons Hopkings Press, 1949. 358 p.

Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. N.Y.: Oxford University Press, 1962. 238 p.

Murphy G. Soviet Mongolia: A Study of the Oldest Political Satellite. Berkeley and Los Angeles: University California Press, 1966. 224 p.

Rupen R. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic (1960–1978). Stanford, California: Hoover Institution Press, 1976. 225 p.

Интернет-ресурсы

Коминтерн (Коммунистический Интернационал) // Историческая энциклопедия Монголии. URL: <https://mongoltoli.mn/history/h/641>
<http://mongoltoli.mn/history/h/641> (дата обращения: 13.04.2020).

Коминтерн и Монголия в период подготовки и осуществления монгольской революции 1921 г.¹

Вопрос о создании III Интернационала возник с началом Первой мировой войны. 1 ноября 1914 г. был опубликован Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия»². Коминтерн был образован 2 марта 1919 г. по инициативе РКП(б) для развития и распространения идей революционного интернационального социализма. По определению В. И. Ленина, Коминтерн – это «союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах»³.

19 июля – 7 августа 1920 г. в Петрограде состоялся III Конгресс Коминтерна. На нем были приняты решения о стратегии и тактике коммунистического движения: формы участия компартий в национально-освободительном движении, усло-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ-МинОКН (Монголия), проект № 19–59–44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.).

² Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // Полное собрание сочинений. В 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М., 1969. Т. 26: Июль 1914–август 1915. С. 13–23.

³ Ленин В. И. III Коммунистический Интернационал: [Речь, записанная на граммофонной пластинке] // Полное собрание сочинений. В 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М., 1969. Т. 38: Март–июнь 1919. С. 230–231.

вия принятия партий в Коминтерн, устав Коминтерна и т.д. Тогда же был создан Отдел международных связей Коминтерна. Именно эти решения стали основополагающими для зарождающейся Монгольской народной партии, возникшей из двух подпольных групп антикитайской направленности: «Консульский холм» и «Восточное хурэ». Во главе первой группы стояли Д. Бодоо – высокообразованный 35-летний лама, работавший при Богдо-хане в российском консульстве в Урге, и Х. Чойбалсан. Серьезное воздействие на их идейное становление оказал большевик М. Кучеренко – наборщик в русско-монгольской типографии. Руководителями второго кружка были С. Данзан – бывший служащий Министерства финансов и Д. Догсом из Военного министерства. Членом этой группы был и Д. Сухэ-Батор – сержант расформированной монгольской армии.

Интерес Советской России к установлению связей с Монголией, с одной стороны, был обусловлен непосредственной географической близостью, с другой – основывался на ряде факторов: во-первых, советские руководители четко осознавали стратегическое значение Монголии; во-вторых, вектор мировой революции неумолимо смещался с Запада на Восток; в-третьих, интерес к Монголии подогревался экономическим фактором⁴. Все это привело к тому, что, начиная с 1918 г., Советская Россия принимала непосредственное участие в подготовке Монгольской революции.

Сегодня российская историография располагает уникальными изданиями, позволяющими воссоздать картину событий 100-летней давности. Это – сборники, в которых нашли отражение документы архивохранилищ о совместной борьбе Монголии и Советской России против отрядов барона Р. Ф. Унгерна «Из истории международной пролетарской солидарности. Документы и материалы»⁵, «Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Доку-

⁴ Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 197.

⁵ Из истории международной пролетарской солидарности. Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922): документы и материалы / гл. ред. Г. А. Белов. М., 1957. Сборник № 1.

менты и материалы»⁶, а также особой роли Сиббюро ЦК РКП(б), Красной армии и Народно-революционной армии ДВР в разгроме Унгерна⁷. В 1960 г. была опубликована часть документов Народного правительства МНР о военном сотрудничестве с Советской Россией⁸. Но настоящий публикационный бум архивных фондов по истории Монголии XX в. приходится на последнее десятилетие. Среди них – двухтомник «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)»⁹, две части сборника «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)»¹⁰, а также книга «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)»¹¹.

В мае 1920 г. в Урге появились сотрудники Сибирского бюро РКП(б) во главе с С. С. Борисовым. Советская Россия воспринималась монгольскими революционерами в качестве надежного союзника¹². На учредительном собрании МНП 25 июня 1920 г. было принято решение отправить делегацию в Советскую Россию. В это время в Троицкосавске начал свою деятельность уполномоченный НКВД России

⁶ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. М., 1975–1979. Т. 1: 1921–1940.

⁷ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): сб. док. Сибирское бюро ЦК РКП(б) и Сибирский революционный комитет / Гос. арх. Новосибирской области [сост. М. П. Малышева, В. С. Познанский]. Новосибирск, 1996; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). М., 1974. Т. III (апрель 1920 г. – 1922 г.); Шли дивизии вперед. Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья. 1920–1921: сб. док. Иркутск, 1987.

⁸ Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. [Текст]: документы [пер. с монг.] / сост. Ц. Насанбалжир; ред. Ц. Пунцагноров. М.: Ин-т востоковедения Акад. наук СССР, 1960.

⁹ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2012. Ч. I (1919–1929); Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2012. Ч. II (1930–1934).

¹⁰ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док. В 2 ч. М., 2019.

¹¹ Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. док. / науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М., 2019.

¹² Хишигт Н. Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 3. С. 29.

в Монголии О. И. Макстенека¹³. Городу было суждено стать «колыбелью» Монгольской революции¹⁴.

В российской и монгольской историографии широко освещаются исторические встречи монгольских делегатов с руководством Советского государства и РКП(б) во главе с В. И. Лениным. Они сыграли определяющую роль в формировании нового политического мышления делегатов, стали важным моментом в осознании себя и своей страны частью революционного мира¹⁵.

Прибытие монгольской делегации в Троицкосавск в конце июля – начале августа 1920 г. активизировало деятельность всех структур, работавших на монгольском направлении. Но главный документ делегатов – письмо Богдо-гэгэна – не заинтересовал советские власти¹⁶. В то же время гостей приятно удивило большое внимание сначала руководства ДВР, а затем и советского руководства к их личностям и подпольно-революционной деятельности¹⁷. Главная цель монгольской делегации – получение советской помощи в деле восстановления теократической монархии Богдо-гэгэна – не была достигнута.

Однако попыток добиться своего делегаты не прекратили. Уже 2 августа 1920 г. в адрес уполномоченного НКВД РСФСР О. И. Макстенека от них поступило обращение с просьбой начать переговоры с правительством Советской России¹⁸. На совещаниях делегации Сибирской миссии НКВД РСФСР и секции восточных народов Сибирского бюро ЦК РКП(б)

¹³ Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенека: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2020. Т. 32. С. 83–90.

¹⁴ Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Город Троицкосавск – «колыбель» монгольской революции 1921 года // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: к 75-летию профессора В. А. Скубневского: сб. науч. трудов / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. СПб., 2020. Вып. IV. С. 171–184.

¹⁵ Базаров Б. В., Жабаева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ, 2008; Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар, 2011.

¹⁶ Кузьмин С. Л. Первое письмо руководства Монголии к правительству Советской России (июль 1920) // Исторический архив. 2015. № 6. С. 125.

¹⁷ Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск, 2016. С. 181.

¹⁸ Российско-монгольское военное сотрудничество. Ч. I. С. 113–114.

от 18 и 21 августа с делегацией Монгольской партии уже конкретно шла речь об оказании «помощи оружием, деньгами, военными инструкторами»¹⁹. 29 августа 1920 г. в монголо-тибетский отдел Дальневосточного секретариата Коминтерна поступили предложения монгольской делегации о ближайших задачах партии²⁰.

16 сентября 1920 г. состоялось заседание президиума секции восточных народов Сибирского бюро ЦК РКП(б) с монголо-тибетским отделом по выработке плана работы отдела и проведения партийной конференции МНП. А 29 октября 1920 г. они собрались на экстренное заседание по вопросу о вводе советских войск в Монголию и формировании Временного правительства Автономной Монголии²¹.

Ситуация изменилась с началом вторжения 2 ноября 1920 г. барона Р. Ф. Унгерна и его Азиатской конной дивизии на территорию Монголии. Местное китайское командование обратилось за помощью к властям РСФСР и ДВР. 6 ноября 1920 г. командованию 5-й армии в Иркутске поступила директива о подготовке к военной операции²². 10 и 27 ноября 1920 г. нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев. Но ответа от центрального Китайского правительства не последовало. В это время агенты Коминтерна активно работали на монгольском направлении. Так, 29 ноября 1920 г. сотрудник Дальневосточного секретариата ИККИ Гочитский (Даше-пылов) докладывал о положении в Монголии²³.

История барона Унгерна является благодатной почвой для российской историографии. Так, наряду с исследованиями Б. Д. Цибикова²⁴, Л. А. Юзефовича²⁵, Е. А. Белова²⁶, С. Л. Кузь-

¹⁹ Там же. Ч. I. С. 114–116; 119–121, 126.

²⁰ Монголия в документах Коминтерна. Ч. I (1919–1929). С. 47.

²¹ Там же. С. 48, 49.

²² Российско-монгольское военное сотрудничество. Ч. I. С. 130.

²³ Монголия в документах Коминтерна. Ч. I (1919–1929). С. 53–55.

²⁴ Цибиков Б. Д. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947.

²⁵ Юзефович Л. А. Барон Унгерн самодержец пустыни. Р. Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М., 2015.

²⁶ Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М., 2003.

мина²⁷ барон является центральной фигурой мемуаров его современников²⁸ и документальных сборников²⁹. Вторжение Унгерна в Монголию привело к калейдоскопу событий:

1). Б. З. Шумяцкий 3 февраля 1921 г. направил телеграмму в НКВД РСФСР и Секретариат Коминтерна с требованием «срочного выполнения обязательств по поставке оружия, снаряжения и направлении инструкторов для отрядов монгольской партии, ведущих борьбу с Унгерном»³⁰.

2). 22 февраля 1921 г. состоялась торжественная церемония возведения Богдо-гэгэна VIII на ханский трон Монголии, на которой присутствовало много иностранных гостей, в том числе делегация от Далай-ламы XIII.

3). 1–3 марта 1921 г. в Троицкосавске состоялся учредительный съезд Монгольской народной партии. Была принята программа партии «10 принципов», в которой особое внимание уделялось укреплению тесных связей с Советской Россией и Коминтерном. Тогда же был принят Манифест партии, написанный Ц. Жамцарано³¹. Съезд решил просить Дальневосточный секретариат Исполкома Коминтерна назначить его полномочного представителя при ЦК МНП (им стал С. С. Борисов³²). В свою очередь, съезд назначил собственного

²⁷ Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции / ред. О. Батсайхан, А. Р. Ефименко. М., 2011.

²⁸ Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. и ред. С. Л. Кузьмин. М., 2004.

²⁹ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): сб. док. Сибирское бюро ЦК РКП(б) и Сибирский революционный комитет / Гос. арх. Новосибирской области; [Сост. М. П. Малышева, В. С. Познанский]. Новосибирск, 1996; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). М., 1974. Т. III (апрель 1920 г. – 1922 г.); Шли дивизии вперед. Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья. 1920–1921: сб. док. Иркутск, 1987.

³⁰ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Ч. I. С. 136.

³¹ История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М., 2007. С. 61.

³² Сергей Степанович Борисов (сентябрь 1889, станица Алтайская Семипалатинской области – 10 сентября 1937, Москва) – алтаец, советский дипломат и разведчик, руководитель секретной экспедиции НКВД СССР в Тибет. В 1921–1922 гг. – сотрудник Дальневосточного секретариата ИККИ; в 1922–1933 и 1935–1937 гг. работал в Восточном отделе НКВД. В 1930–1935 гг. – член Монгольской комиссии АН СССР, курировал научные исследования, проводимые АН СССР в Монголии, в 1935 г. – секретарь Монгольской комиссии Политбюро. В 1923 г. – руководитель секретной экспедиции в Тибет, организованной НКВД СССР и Коминтерном с целью исследования возможностей коммунистического движения в Тибете. В составе его отряда были несколько буддистов, отобранных лично Агваном Доржиевым. 10 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР

полномочного представителя при Дальневосточной секции Коминтерна (им стал Буяннэмэх³³).

4). 11 марта 1921 г. МНП вступила в Коминтерн в качестве сочувствующей организации на основе заявления ЦК партии, а уже в июле 1921 г. делегаты МНП приняли активное участие в работе III Конгресса Коминтерна.

5). 13 марта 1921 г. в Троицкосавске было создано временное народное правительство Монголии. С этого момента начинается бурная деятельность Дальневосточного секретариата Коминтерна по продвижению революционных идей и подготовке революции в Монголии.

Следует отметить, что, несмотря на всю сложность обстановки в Монголии, Исполком Коминтерна держал в поле своего зрения и другие страны Востока. Достаточно сказать, что осенью 1920 г. в НКВД РСФСР рассматривался вопрос о тибетской экспедиции, в обсуждении которого принял участие и Б. З. Шумяцкий, предложивший своей проект – не простой, а разведывательной экспедиции³⁴.

Одновременно с агентами Коминтерна на монгольском направлении работали уполномоченный НКВД и Сибирская миссия НКВД РСФСР, агентура Сибревкома, секция восточных народов Сибирского бюро ЦК РКП(б), агентура Иностранного отдела ОГПУ, 5-й армии РККА и политинспекции Народно-революционной армии ДВР. Это было вызвано тем, что Унгерн захватил всю полноту власти в Монголии³⁵.

по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации был приговорен к расстрелу. 8 декабря 1956 г. реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР.

³³ Сономбалжирын Буяннэмэх (1901–1937) – один из первых драматургов МНР, заслуженный писатель МНР, во время китайской оккупации состоял в подпольной группе Данзана «Восточное хурэ». С марта 1921 г. служил писарем во внешнем отделе Временного народного правительства, затем в Иркутске работал в монгольской типографии, издававшей газету «Монголын Унэн», вместе с Б. Ишдоржем; встречался с Б. З. Шумяцким. После возвращения в Нийслэл-Хурэ в 1921 г. был избран председателем ЦК Революционного союза молодежи. Как делегат съезда народов Дальнего Востока в 1922 г. в Москве встречался с В. И. Лениным. В 1928–1929 гг. – секретарь горкома партии Улан-Батора. Осенью 1937 г. был репрессирован. В 1968 г. реабилитирован; тогда же в Улан-Баторе вышло собрание его сочинений.

³⁴ Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.). С. 400–401.

³⁵ Монголия в документах Коминтерна. Ч. I (1919–1929). С. 63.

В этой связи интерес представляет письмо Б. З. Шумяцкого Г. В. Чичерину о тактике боевых действий против Унгерна³⁶. Последующие телеграммы и докладные записки Б. З. Шумяцкого являются свидетельством того, что Коминтерн занимался подбором инструкторов, «усилением дипломатической работы с Китаем и посредничеством между ним и Монголией»³⁷. Причем стремление выступить посредником между Монголией и Китаем было для Б. З. Шумяцкого принципиальным и обуславливалось тем, что он располагал оперативными данными о точно таком же желании американского консула и хотел того опередить³⁸. Именно Б. З. Шумяцкий, как представитель ИККИ, в письмах наркому Г. В. Чичерину подвел «итоги и определил задачи военно-политической работы в Монголии», а также высказал аналитические суждения «о политических последствиях разгрома Унгерна»³⁹.

29 августа 1921 г. именно Б. З. Шумяцкий провел первый допрос барона Унгерна. Причем вопросы, которые он задавал, позволяли определить стратегию Коминтерна в отношении стран Востока. Среди них были, например, такие: «Является ли лозунг “Азия для азиатов” в Вашей программе политическим и дипломатическим?»; «Какова роль Японии в этом движении?»; «Были ли в Вашем отряде японские и китайские офицеры?»; «Откуда черпали средства на содержание Ваших войск?»⁴⁰

Вполне естественно, что Б. З. Шумяцкий, как полномочный функционер Коминтерна, 24 сентября 1921 г. информировал Г. В. Чичерина «о ходе операций по ликвидации последних белогвардейских отрядов на территории Монголии, о формировании МНРА и доставке валюты для расчетов за услуги монгольского населения и на содержание оставшегося в Монголии советского полка»⁴¹.

О позитивной деятельности Коминтерна на монгольском направлении говорит и тот факт, что уже после победы Мон-

³⁶ Российско-монгольское военное сотрудничество. Ч. I. С. 167–168.

³⁷ Там же С. 197–198; 199–200; 202–204; 207–209.

³⁸ Там же. С. 229–230.

³⁹ Монголия в документах Коминтерна. Ч. I (1919–1929). С. 64–66; 227–229.

⁴⁰ Российско-монгольское военное сотрудничество. Ч. I. С. 219–222.

⁴¹ Там же. С. 230–231.

гольской революции Б. З. Шумяцкий, будучи членом РВС 5-й армии, не оставлял своим вниманием Монголию. Так, 8 октября 1921 г. он направил телеграмму в РВС войск Сибири об организации встречи в Новониколаевске делегации Монгольского народно-революционного правительства⁴².

Таким образом, политика Коминтерна в Монголии проводилась прежде всего в русле продвижения идей мировой революции на Восток, и в этом смысле Монголия рассматривалась как плацдарм для проникновения этих идей в Китай посредством национально-освободительного движения монгольских народов. Кроме того, это способствовало укреплению коминтерновских позиций и советских партийных структур во внутривосточной борьбе и реализации планов по некапиталистическому развитию Монголии.

Литература

Базаров Б. В., Жабаева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 377 с.

Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. и ред. С. Л. Кузьмин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. 661 с.

Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М.: Аграф, 2003. 237 с.

Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): сб. док. Сибирское бюро ЦК РКП(б) и Сибирский революционный комитет / Гос. арх. Новосибирской области; [Сост. М. П. Малышева, В. С. Познанский]. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 370 с.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). М.: Воениздат, 1974. Т. III (апрель 1920 г. – 1922 г.). 770 с.

Из истории международной пролетарской солидарности. Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922). Документы и материалы / гл. ред. Г. А. Белов. М.: Советская Россия, 1957. Сб. № 1. 571 с.

История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции / ред. О. Батсайхан, А. Р. Ефименко. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.

⁴² Там же. С. 232.

Кузьмин С. Л. Первое письмо руководства Монголии к правительству Советской России (июль 1920) // Исторический архив. 2015. № 6. С. 117–129.

Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Город Троицкосавск – «колыбель» монгольской революции 1921 года // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: к 75-летию профессора В. А. Скубневского: Сб. науч. трудов / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. СПб.: Медиапайр, 2020. Вып. IV. С. 171–184.

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 196–207.

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Отто Иванович Макстенек: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2020. Т. 32. С. 83–90.

Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // Полное собрание сочинений. В 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. Т. 26: Июль 1914 – август 1915. С. 13–23.

Ленин В. И. III, Коммунистический Интернационал: [Речь, записанная на граммофонной пластинке] // Полное собрание сочинений. В 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. Т. 38: Март–июнь 1919. С. 230–231.

Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. док. / науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. I (1919–1929). 527 с.; Ч. II (1930–1934). 480 с.

Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг.: документы [пер. с монг.] / сост. Ц. Насанбалжир; ред. Ц. Пунцагноров; Ин-т востоковедения акад. наук СССР. М.: ИВЛ, 1960. 211 с.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док. В 2 ч. М.: Изд. дом «Граница», 2019. Ч. I. 360 с.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док. В 2 ч. М.: Изд. дом «Граница», 2019. Ч. II. 328 с.

Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. М.: Международные отношения – Улан-Батор: Улсын хэвлэлийн газар, 1975–1979. Т. 1: 1921–1940. 589 с.

Хишигт Н. Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 3. С. 19–35.

Цибиков Б. Д. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1947. 160 с.

Шли дивизии вперед. Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья. 1920–1921: сб. док. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 486 с.

Юзефович Л. А. Барон Унгерн самодержец пустыни. Р. Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: Молодая гвардия, 2015. 454 с.

Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011. 299 с.

«Монгольский вопрос» в политике Коминтерна

В 1911 г. после Синьхайской революции Монголия, входившая в состав Цинской империи, взяла курс на отделение и создание самостоятельного государства. Джебцун-Дамбахутухта – духовный лидер и глава буддийской церкви – был провозглашен теократическим монархом Монголии. В поиске поддержки в отстаивании независимости монголы обратились за помощью к России. В тех исторических условиях Россия, имевшая свои непосредственные геополитические интересы в Монголии, оказала дипломатическую поддержку монголам и взяла на себя роль посредника в решении так называемого монгольского вопроса. Для России Монголия имела важное значение в торговом отношении, а также выполняла роль своеобразного «буфера» в потенциальной агрессии с Востока. Тем самым «монгольский вопрос» для царской, а затем Советской России оставался одним из приоритетных направлений внешней политики в первой половине XX в.

В рамках реализации своего внешнеполитического курса Россия подписала серию договоров с Монголией и Китаем (1912 г., 1913 г., 1915 г.), в результате чего был официально закреплён юридический статус Монголии, который определялся как широкая автономия в составе Китая. Это стало возможным во многом благодаря усилиям российских дипломатов, прежде всего в лице И. Я. Коростовца, сумев-

ших добиться в непростых условиях подписания русско-монгольского договора, по которому Монголия «де-факто» стала независимым государством. Революционные события привели к ослаблению позиций России в Монголии, а также к окончательному слому «кяхтинской системы», служившей гарантом сохранения монгольской государственности.

Воспользовавшись сложным положением северного соседа, Китай в 1919 г. аннулировал автономию Внешней Монголии вопреки ранее подписанному соглашению. Китайские войска во главе с генералом Сюй Шучжэном заняли Ургу и выдвинули требования, состоявшие из 64 пунктов, главным из которых была ликвидация автономии.

Под влиянием октябрьских событий 1917 г. в России в Монголии начинают создаваться первые революционные кружки. Активно развивается и национально-освободительное движение. Монгольские революционеры обратились за помощью к Советской России, поскольку это была единственная страна, способная реально помочь в сохранении независимости. В Россию была отправлена делегация монгольских революционеров с обращением за помощью, вошедшая в историю как «знаменитая семерка» (Д. Сухэ-Батор, Данзан, Лосол, Чагдаржав, Догсом, Л. Дэндэв, Х. Чойбалсан). Делегацию встретил заведующий монголо-тибетским отделом Коминтерна Э.-Д. Ринчино и представил ее секретарю Дальневосточного секретариата ИККИ Б. З. Шумяцкому.

По мнению А. С. Железнякова, в ходе встреч и обсуждений монгольской делегации с советскими представителями все больше зрело мнение об их участии в большевистском движении и создании при помощи Советской России своеобразной Степной коммуны¹. Поворотным моментом стала встреча монгольской делегации с В. И. Лениным, на которой был окончательно взят курс на некапиталистический путь развития Монголии для достижения хозяйственной и государственной независимости вместе с рабочими и крестьянами Советской России². Кроме того, территория Монголии рассматривалась большевистским руководством как плацдарм, через который в дальнейшем можно распространять идеи мировой революции.

¹ Железняков А. С. Рождение монгольского коммунизма // Вестник Московского университета. 2001. Сер. 13. № 1. С. 49.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1983. Т. 44. С. 662.

В структуре Коминтерна были организованы отделы и секции для поддержки антиколониальной борьбы и национально-освободительного движения в разных частях мира³. За распространение революционных идей в азиатском направлении отвечал Восточный отдел, созданный 11 декабря 1919 г.

Также была образована секция восточных народов (СВН) при Сибирском бюро ЦК РКП(б), в которую вошли японский, корейский, китайский, монголо-тибетский отделы. В результате преобразования СВН перешла в подчинение Дальневосточного секретариата ИККИ⁴. Его главой был утвержден Борис Захарович Шумяцкий, известный революционер, один из активных участников и «архитекторов» Монгольской революции 1921 г., член Реввоенсовета 5-й армии, член Сиббюро ЦК, уполномоченный Наркомата иностранных дел по Сибири и Монголии. Под его непосредственным руководством проводилась работа по привлечению государственных и партийных кадров в Монголию.

Для оказания помощи в государственном строительстве и развитии народного хозяйства Монголии по линии ВКП(б) и Коминтерна туда были направлены бурятские деятели Э.-Д. Ринчино, Э. Батухан, Ц. Жамцарано, Б. Ишидоржин. СВН как составная часть Коминтерна по сути являлась главным центром координации революционной работы в сопредельных странах Азиатского и Дальневосточного регионов. В обязанности СВН непосредственно входили организационная поддержка оппозиционных партий, идеологическая, военно-техническая и финансовая помощь, подготовка национальных кадров Монголии, Японии, Китая, Кореи в учебных заведениях Коминтерна, представленных Коммунистическим университетом трудящихся Востока и Коммунистическим университетом трудящихся Китая.

Л. Б. Жабаяева, анализируя национально-демократическое движение монгольских народов в первой половине XX в., обращает внимание на два основных аспекта в политике Коминтерна: «Во-первых, внешнеполитический, связанный с использованием коминтерновским руководством терри-

³ Адибеков Г. М. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 10.

⁴ Там же. С. 26.

тории Монголии как выгодного плацдарма для развития революционного движения в азиатском направлении и поддержки китайских коммунистов. Во-вторых, внутривластный, относящийся к упрочнению позиций Коминтерна в ЦК МНРП и правительстве МНР и противодействию и борьбе с “правым уклоном”, выступавшим за самобытный путь развития»⁵.

Немаловажную роль в установлении народной власти в Монголии сыграли обстоятельства, связанные с освобождением Унгерном столицы Внешней Монголии – Урги – от китайских захватчиков и восстановлением теократической монархии. К тому моменту у Коминтерна и большевистского руководства появились реальные обоснования на ввод частей РККА для уничтожения классового врага и плацдарма, угрожающего нападением на Советскую Россию. Для ликвидации азиатской дивизии Унгерна под руководством Коминтерна было предложено два плана. Первый, разработанный при непосредственном участии руководителя Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. З. Шумяцкого, состоял в ликвидации войск Унгерна вблизи советской границы. Для этого необходимо было выманить противника на свою территорию при помощи монгольских революционных частей. В стратегическом понимании этот план позволил бы воздержаться от трудного военного похода в Монголию. Второй план, подготовленный руководством ДВР, напротив, предусматривал полномасштабную военную экспедицию в Монголию⁶.

Реализуя планы по продвижению революционных идей на Восток, Коминтерн усилил свою деятельность в Монголии, используя ее территорию в качестве «коридора» для поддержки китайской революции. Организационная и идеологическая работа монголо-тибетского отдела СВН состояла в революционизировании монголо-тибетских масс, расширении советского влияния, участии в борьбе с мировым империализмом азиатской специфики. Эта борьба должна была

⁵ Жабеева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. С. 272.

⁶ Монгол ардын хувьсгалт намын нэгдүгээр их хурал (1921 оны гуравдугаар сарын 1–3. Ундсэн баримт бичгууд) [Первый великий хурал Монгольской народно-революционной партии. 1–3 марта 1921 г. Основные документы]. Улаанбаатар, 1971. С. 74.

вестись с учетом всего комплекса этнических, социальных, экономических и религиозных особенностей.

В задачи монголо-тибетского отдела СВН входило установление тесных связей с Тибетом, создание партийных структур в больших центрах Монголии, привлечение активистов и агитаторов, активизация нелегальной революционной работы, организация сети агентуры и т.д. Для реализации поставленных задач руководством Коминтерна было принято решение об открытии политической и военной школы подготовки кадров в г. Иркутске с обучением на монгольском языке. Необходимо отметить, что Коминтерн оказывал значительную помощь Монголии специалистами и инструкторами из числа родственных монголоязычных народов, прежде всего бурят и калмыков, знающих язык, обычаи и культуру монголов, предоставлял финансовую, материальную и военно-техническую поддержку.

Кроме того, советское и коминтерновское руководство при рассмотрении монгольского вопроса, несмотря на видимые стратегические перспективы, принимало во внимание и условия революционной целесообразности. На данном этапе Коминтерн рекомендовал использовать в Монголии: 1) панмонголизм как основу для революционизирования монгольских народов, что привело бы к объединению и росту национального самосознания монголов; 2) объединение всех слоев населения Монголии под лозунгами борьбы против китайского империализма. Что касается тактики классовой борьбы между различными слоями монгольского общества и создания советских органов, Коминтерн считал это пока несвоевременным⁷. Для реализации своих задач в деле распространения мировой революции он способствовал панмонголистским планам по вовлечению народов Внутренней Монголии и Китая в единое революционное движение. Ввиду этого укреплялись связи по линии Коминтерна с Народно-революционной партией Внутренней Монголии (НРП ВМ) в оказании идеологической, организационной, военной, материальной и другой помощи.

Если исходить из сугубо стратегических соображений, то Китай был противником Советской России, поскольку

⁷ Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. С. 89.

последняя поддерживала монгольских революционеров, отстаивающих свою независимость. Но чисто тактически Советская Россия для Китая выступала в роли союзника в борьбе за Монголию со старой Россией⁸. После прохождения специальной подготовки коммунистических групп из китайского, японского, монголо-тибетского, корейского отделов СВН «перебрасывает их в соответствующие страны для организации и ведения работы на местах как партий самостоятельных, предварительно представляя их на утверждение в ЦК и через него Коминтерну»⁹.

Необходимо отметить, что Советская Россия в тот период не желала портить отношения с Китаем из-за Монголии, поскольку с точки зрения революционной целесообразности многомиллионный Китай имел более привлекательные перспективы в будущей схватке с мировым империализмом. Противоположные взгляды советских дипломатических и коминтерновских структур в отношении Монголии невольно заставляют задуматься: чем же была эта страна на самом деле – разменной монетой в советско-китайских отношениях или реальным субъектом международных отношений?

В острой дискуссии по монгольскому вопросу в связи с задачами китайской революции принимали участие видные представители Коминтерна – Э. Д. Ринчино, Ц. Жамцарано и др. Все же идея «Китайской Федерации», которая была связана на тот момент с победой китайской революции 1925–1927 гг., неоднократно муссировалась на переговорах монгольской делегации в Иркутске и Москве. В конечном счете она вылилась в программный документ Монгольской народной партии (с 1925 г. – МНРП). В частности, там отмечалось: «МНП стремится: в будущем, объединив все монгольские народы, создать единое государство; ныне – сбросив жестокий китайский гнет, восстановить власть недавно уничтоженной автономной Внешней Монголии (п. 2)»¹⁰. Отсюда следует, что авторы кяхтинской платформы (программы) МНП бурятские национальные деятели Ц. Жамца-

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Лузянин С. Г. Монголия между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 9. С. 75.

рано и Э.-Д. Ринчино выступали сторонниками идеи образования всемонгольского государства, которая получила на тот момент поддержку в лице руководства Дальневосточного секретариата Коминтерна.

В следующем пункте кяхтинской платформы МНП мы также усматриваем идеи революционной целесообразности: указывалось о создании нескольких независимых государств, ранее входивших в состав Цинской империи, связанных между собой взаимовыгодным договором, которые будут вести борьбу с китайским империализмом. Как доказательство этому – факт, что на тот период времени Монголия шла в русле общей линии Коминтерна на распространение мировой революции, что явно отражается в программных документах МНП¹¹.

Вместе с тем Коминтерн всегда держал на жестком контроле идеологические, политические, организационные и иные вопросы не столько своих коминтерновских секций, сколько «сочувствующих» партий, предъявляя им зачастую жесткие требования без учета самобытного развития их стран, грубо вмешиваясь во внутренние дела, разделяя их на противоборствующие группы, на «правых» и «левых», «старых» и «новых», «худонцев», «оппортунистов», демонстративно расправляясь с самостоятельными руководителями, в том числе и монгольскими, имевшими собственные взгляды на дальнейшую судьбу своей страны¹².

Более того, Президиум ИККИ выступил со специальной резолюцией относительно монгольского вопроса, касающейся большевизации МНП, на которую напрямую повлияли итоги V Конгресса Коминтерна (июнь–июль 1924 г.). Хотя, как мы помним, МНП была принята в Коминтерн как «сочувствующая партия», и в данном случае на нее не могли распространяться директивы и постановления коммунистических секций, непосредственно входящих в него¹³.

Как отметил монгольский историк О. Батсайхан, «со стороны Коминтерна предпринимались попытки по расколу руководителей партии и государства Монголии на “правых”

¹¹ Там же. С. 76.

¹² Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Улан-Удэ, 2012. Ч. I. С. 212.

¹³ История Монголии. XX век. М., 2007. С. 75.

и “левых”, а также по делению на “сельских” и “городских”, “старых” и “молодых”»¹⁴. Все эти действия Коминтерна не могли не ограничивать стремление монгольских руководителей к принятию самостоятельных политических решений, переводу страны на альтернативные пути развития и ставили их под контроль советских партийных органов.

Во внутриполитической борьбе в Монголии Коминтерн также всецело поддерживал позицию «левых», выступающих за социалистическое развитие и борющихся против «правых» – сторонников национально-демократического пути развития. Негативные последствия для поступательного развития Монголии имели и межличностные конфликты. В связи с этим следует упомянуть об острой политической борьбе, переросшей в межличностный конфликт, между двумя видными представителями советского и коминтерновского руководства в Монголии – Э.-Д. Ринчино и Т. Рыскуловым.

Э.-Д. Ринчино – один из лидеров революционного и национального движения – стоял у истоков создания бурятской автономии, был организатором и участником Монгольской революции, председателем Реввоенсовета МНР. В 1921 г. его отправили в Монголию в качестве советника Дальневосточного секретариата ИККИ. Там он принимал участие в боях по уничтожению белогвардейских частей барона Унгерна, за что в 1922 г. был награжден орденом Боевого Красного Знамени и серебряным орденом МНР.

Что касается политических амбиций Э.-Д. Ринчино, то он, на наш взгляд, пытался каким-то изумительным способом объединить несовместимые на первый взгляд вещи: панмонголистские устремления по созданию общемонгольского государства и мировое революционное движение – которые, в свою очередь, не всегда шли в общем русле политики коминтерновского руководства.

Казалось бы, и Э.-Д. Ринчино, и Т. Рыскулов должны были работать в единой связке на благо укрепления советско-монгольской дружбы и построения социализма в Монголии, ибо принципиальных разногласий между ними не было: оба выступали за ускоренное социалистическое развитие, более тесные связи с Советским Союзом, борьбу с правым уклоном

¹⁴ Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск, 2014. С. 203.

и т.д. Жесткое противостояние этих деятелей революционного движения объяснялось на деле личной неприязнью и обострившимся соперничеством за лидерство.

Стоит отметить, что в конфликт были вовлечены монгольские и коминтерновские руководители, поддерживавшие как Э.-Д. Ринчино, так и Т. Рыскулова. В частности, это относится к позиции полпредства в лице А. Н. Васильева, выступавшего на стороне Э.-Д. Ринчино и, вероятно, имевшего старые счеты с Т. Рыскуловым со времен работы в Туркестане¹⁵.

Несмотря на это, на заседаниях правительства и ЦК МНРП было принято немало стратегических решений по вопросам хозяйственной и общественной жизни Монголии. Безусловно, не обошлось без явных промахов и ошибок – не учитывались особенности местной специфики, применялись авторитарные методы управления, радикализм. Т. Рыскулов в своей работе руководствовался мнением, бытовавшим в Москве, что нужно освободить монголов от чрезмерного влияния Ринчино.

Очередной конфликт между Э.-Д. Ринчино и Т. Рыскуловым привел к тому, что ЦК МНРП на закрытом заседании 15 июня 1925 г. принял решение отозвать обоих в Москву¹⁶. По мнению известного специалиста политической истории Монголии С. К. Рощина, «национальным демократам, находившимся под перекрестным огнем критики со стороны коминтерновских представителей и худонской оппозиции, с немалым трудом удавалось проводить свою политическую линию и сохранять единство своих рядов»¹⁷. К тому времени шло формирование политического кредо национальных демократов на объединение национально-демократических сил, без противостояния различных уклонов. Но такой консолидации не произошло ввиду жесткого давления коминтерновского руководства, взявшего курс на радикальные меры социальных преобразований в Монголии. Вместе с тем национально-демократические идеи в монгольском обще-

¹⁵ Рощин С. К. Об идейных основах политики национальных демократов Монголии (1926–1928 гг.) // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): доклады российской делегации. М., 1997. С. 59.

¹⁶ Лузянин С. Г. Коминтерн, Монголия и Китайская революция // Восток. 1996. № 1. С. 70.

¹⁷ Рощин С. К. Об идейных основах политики национальных демократов Монголии (1926–1928 гг.). С. 59.

стве все еще продолжали жить и находить отклик у широких слоев населения.

К 1928 г. в советском партийном и коминтерновском руководстве стала проводиться линия на форсирование борьбы с национальными демократами, представляющими так называемую правую опасность в МНР. На VII съезде МНРП, состоявшемся 23 октября – 11 декабря 1928 г., в решающей схватке между «правыми» и «левыми» уклонами по поводу путей развития МНР «левые» при поддержке делегации ИККИ, действовавшей согласно резолюции по монгольскому вопросу, одержали победу, национальные демократы потерпели поражение¹⁸.

К началу тридцатых годов в результате допущенных ошибок и перегибов, связанных с форсированными темпами коренных социальных преобразований, проводимых сторонниками радикальных мер (левыми), слабого учета местных особенностей положение в Монголии резко ухудшилось. Более того, комплекс радикальных мер, проводимых сторонниками левого уклона, таких как антирелигиозная кампания, насильственная коллективизация, повышение налогов с монастырских хозяйств, не мог не вызвать широкую волну недовольства среди населения, результатом чего стало вооруженное противостояние 1932 г., вошедшее в историю как «Хубсугульское восстание». По масштабу участников и охвату значительной территории МНР некоторые историки склонны считать его полноценной гражданской войной, на подавление которой были привлечены значительные силы МНРА. Организаторы и участники восстания были подвергнуты преследованиям и репрессиям¹⁹.

В том же году состоялся III чрезвычайный пленум ЦК МНРП, провозгласивший «новый курс». Само название «чрезвычайный» свидетельствует об экстренности созыва пленума и важности обсуждаемых и принимаемых на нем решений. Необходимо отметить, что прежде всего они были направлены на исправление ситуации, сложившейся в МНР, недопущение разрастания вооруженного восстания и стали прямым следствием промахов и перегибов, допущенных «левыми»

¹⁸ Там же.

¹⁹ Кузьмин С. Л., Оюунчимэг Ж. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М., 2015.

и коминтерновским руководством на местах. По мнению авторов коллективной монографии «История Монголии. XX век», это означало, что с этого времени МНР в советско-монгольских отношениях переходит с длительного периода работы уполномоченных Коминтерна в стране на единоначалие, на непосредственные межпартийные и межгосударственные связи²⁰.

Таким образом, первоначально политика Коминтерна в Монголии была связана с революционной целесообразностью и проводилась в рамках распространения идей мировой революции на Восток, где Монголии была отведена роль плацдарма в революционизации Китая и других стран Востока с использованием всего комплекса задач и целей, идеологических, организационных, финансовых, военных средств коминтерновского руководства.

Что касается монголов в тех исторических реалиях, ввиду объективных и субъективных причин единственной силой в отстаивании ими независимости могла быть помощь Советской России в рамках предложенной модели социального развития. Во внутривластном плане Коминтерн в Монголии для укрепления собственных позиций и советских партийных структур делал ставку на левые силы, ориентировавшиеся на радикальные социалистические преобразования. Вследствие этого Коминтерн боролся с представителями национально-демократического пути развития (правыми).

Безусловно, реализация программы ускоренного социалистического развития Монголии, проводимая коминтерновским и советским руководством, происходила зачастую без учета местных особенностей и с насаждением чуждых идей (антирелигиозная кампания, насильственная кооперация аратов, повышение налогов, отмена частной собственности), что приводило к ухудшению жизни людей и вооруженным восстаниям. В то же время необходимо отметить, что коминтерновским и советским руководством была оказана значительная помощь в создании национальной промышленности, развитии образования, медицины.

С 1930-х годов происходит постепенное свертывание деятельности коминтерновских структур в МНР и взятие курса на переход на иную модель советско-монгольских взаимоотношений, ориентированных на единоначалие в межпар-

²⁰ История Монголии. XX век. С. 75.

тийном и межгосударственном плане. Этому способствовала сложившаяся международная обстановка, связанная с нарастанием очага напряженности в Азии и на Дальнем Востоке. На это напрямую влияла и возрастающая японская угроза, которая указывала на необходимость укрепления обороноспособности МНР и создания военного союза. На наш взгляд, на современном этапе требуется более глубокое исследование деятельности Коминтерна в Монголии с учетом всех положительных и отрицательных последствий влиявших на нее внутриаполитических и международных факторов.

Литература

Адибеков Г. М. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.

Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Оттиск, 2014. 384 с.

Жабасева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. 334 с.

Железняков А. С. Рождение монгольского коммунизма // Вестник Московского университета. Сер. 13. 2001. № 1. С. 46–60.

История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Кузьмин С. Л., Оюунчимэг Ж. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М.: ООО «Издательство МБА», 2015. 212 с.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат. 1983. Т. 44. 662 с.

Лузянин С. Г. Монголия между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 9. С. 143–147.

Лузянин С. Г. Коминтерн, Монголия и Китайская революция // Восток. 1996. № 1. С. 65–75.

Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. 268 с.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. I. 528 с.

Рощин С. К. Об идейных основах политики национальных демократов Монголии (1926–1928 гг.) // VII Междунар. конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): доклады российской делегации. М.: ИВ РАН, 1997. С. 59–64.

Монгол ардын хувьсгалт намын нэгдүгээр их хурал (1921 оны гуравдугаар сарын 1–3. Ундсэн баримт бичгууд). [Первый великий хурал Монгольской народно-революционной партии. 1–3 марта 1921 г. Основные документы]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1971. 217 с.

Некоторые штрихи к деятельности Улзийтийн Бадрахы в 1920–1930-е годы

20–30-е годы XX в. – богатый событиями период в истории Монголии. В 1921 г. свершилась национально-демократическая революция (некоторые монгольские исследователи называют ее буржуазно-демократической), начались преобразования в стране. В это же время разворачивает свою деятельность Коминтерн (создан в марте 1919 г.). Монголия стала одним из государств, в котором Коминтерн реализовывал идеи мировой революции.

Российский ученый М. И. Гольман выделяет следующие этапы в деятельности Коминтерна в Монголии: первый – 1920–1921 гг.; второй – 1922–1928 гг.; третий – конец 1920-х – 1930-е годы¹. Первый период исследователь называет «временем революционного романтизма», когда устанавливается не только военно-политическое сотрудничество между Советской Россией и Монголией, но и витает ореол «романтики» после свершения революции. Второй этап, по мнению Гольмана, характеризуется усилением влияния России / СССР, Коминтерна на внутреннюю и внешнюю политику страны, подавлением «правого» уклона, появлением худонской (монг. хөдөө) – сельская местность) оппозиции². На этих этапах

¹ Гольман М. И. К оценке роли Коминтерна в Монголии // Избранные статьи и доклады. Улан-Батор, 2014. С. 201.

² Там же.

указания Коминтерна носили рекомендательный характер, хотя не исключался «политический и идеологический диктат»³. С третьего периода начинается давление, обязательное исполнение его директив и решений.

Деятельность Коминтерна в Монголии до сих пор вызывает неоднозначные оценки и суждения. С одной стороны, Коминтерн активно вмешивался во внутреннюю политику страны, диктовал те или иные решения, которые чаще сводились к адаптации на монгольской почве советского образца строительства социализма. Постепенно это способствовало установлению жесткой диктатуры, вызвавшей недовольство монголов, которое порой приводило к восстаниям, а далее – к репрессиям как по отношению к ламскому сословию, партийным и государственным деятелям, так и к простым аратам.

С другой стороны, нельзя не отметить и положительные стороны работы: обретена независимость страны, осуществлен ее выход на мировую арену как самостоятельного государства, началась подготовка квалифицированных кадров (прежде всего в Коммунистическом университете трудящихся Востока, рабфаках в Иркутске и Улан-Удэ и пр. учреждениях) и др.

Коммунистический университет трудящихся Востока готовил главным образом проводников идей коммунизма. Подобная целевая установка коммунистического вуза была направлена на подготовку партийных работников. В августе 1921 г. по решению правительства МНР первые 15 молодых монголов были отправлены на учебу в университет. Впоследствии количество учащихся в монгольском секторе КУТВ увеличилось до 50 человек.

Программа была составлена для трехгодичного обучения. В университет принимали членов МНРП по отбору ЦК партии, а также лиц, окончивших годовичные подготовительные курсы в самой Монголии. За время учебы студенты проходили летнюю производственную практику на родине, в худоне. Обучались монголы на средства Наркомпроса РСФСР в счет долгосрочного кредита МНР. Руководство подготовкой монгольских кадров и ответственность за их снабжение персонально возлагались на одного из членов коллегии Наркомпроса РСФСР⁴.

³ Там же.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 142–161.

Были сложности в обучении – незнание русского языка, оторванность от привычных условий жизни, что создавало определенные трудности в педагогической работе; русскому языку уделялось основное внимание на подготовительном курсе и первом году учебы. Сейчас можно сказать, что свою задачу КУТВ выполнил – практически все монгольские студенты в 1920–1930-х годах составили правящую элиту, ориентировавшуюся на СССР.

В 1928 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) при КУТВ для монголов были открыты краткосрочные курсы хошунных работников, целью которых стала подготовка политработников низового уровня. Основными дисциплинами здесь выступали политграмота и страноведение. В 1932 г. курсы хошунных работников при КУТВ закрыли, а подготовку низовых работников перенесли в партийную школу в Монголии, усилив ее партийными кадрами⁵.

Среди высших руководителей монгольской партии и правительства Коммунистический университет окончили З. Шижээ (годы учебы с перерывами 1923–1928), Б.-О. Элдэв-Очир (годы учебы 1925–1928), Ж. Лхумбэ (годы учебы 1927–1930), Д. Лувсаншарав (годы учебы 1928–1929) и др.

Одним из незаурядных партийных деятелей, занявших высокий пост в правящей элите Монголии, являлся Улзийтийн Бадрах (монг. Өлзийтийн Бадрах, годы жизни 1895–1941), уроженец сомона Давст Убсунурского (ныне Увс) аймака. До революции он был мелким чиновником, служил у местного князя, знал грамоту. На политической арене Бадрах появился в 1925 г., став заместителем председателя I Великого народного хурала. А началась его политическая и государственная деятельность в 1923 г., когда он вступил в Ревсомол (Революционный союз молодежи). В 1924 г. его приняли в партию. Впоследствии выдвигенец I Великого народного хурала стал одним из лидеров худонской оппозиции, членом президиума ЦК МНРП (1925, 1930–1932), министром финансов (1924–1925), зав. орг. отделом ЦК МНРП (1926–1927), редактором газеты «Үнэн» («Правда»). Он был в числе создателей первого объединения революционных писателей (1929), прообраза будущего Союза писателей Монголии. В 1932–1933 гг. занимал пост министра здравоохранения.

⁵ Там же.

За недолгую жизнь (Бадрах прожил 46 лет) сделано им было немало, его личность до сих пор привлекает внимание неординарным отношением и активным участием в событиях страны. Любопытна его характеристика, данная представителем Коминтерна при ЦК МНРП В. Н. Кучумовым в письме в Восточный секретариат ИККИ (П. А. Мифу): «Политически на голову выше остальных левых в ЦК. ...Интеллигент-националист. Пытается самостоятельно анализировать положение в стране и партии. Читает издаваемую в Бурятии литературу, теоретически подготовлен (конечно, для монгольского уровня). От кутвинцев, однако, отличается значительно более глубокими корнями и лучшим пониманием обстановки. Учитывает огромное влияние Коминтерна и роль партийного аппарата, ...может выдерживать определенную линию. Шатается в меньшей степени, ...именно вследствие своей полит[ической] и теор[етической] выучки. (Хотя, повторяю, о теоретической выучке прямо страшно говорить даже в его отношении.) В работе дипломатничает. ...Очень часто отмалчивается. ...В то же время эта восточная дипломатия помогает ему иногда найти путь отступления, а также и путь примирения. Мало обращает внимания на объединение вокруг себя молодых членов ЦК, на чем, несомненно, проигрывает. ...Как представитель национальных меньшинств (выходец из Западной Монголии – К.О.), находится всегда несколько в положении оппозиции в ЦК. ...Подобных Бадраха интеллигентов-националистов, развивающихся в нашем направлении, встречал часто в своей работе»⁶.

Столь обширная цитата приведена здесь не случайно. Судя по документу, Бадраха считали думающим и адекватно оценивающим текущую ситуацию в стране, интеллектуалом своего времени (читал «важнейшие труды Ленина»⁷), в то же время крайне осмотрительным, что, видимо, помогало ему балансировать между слишком прямолинейными и осторожными соратниками. Тем не менее порой его высказывания были критическими, острыми. С. К. Рощин в своей моногра-

⁶ Монголия в документах Коминтерна. (1919–1934). Улан-Удэ, 2012. Ч. II (1930–1934). С. 14; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 98. Л. 51–64.

⁷ Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. док. М., 2019. С. 256–257.

фии также оценивает его как противоречивого политика: «Самолюбивый, энергичный ...скрытный, дипломатичный» в сочетании «со вспышками откровенности, несдержанности».

После VII съезда МНРП (1928) делегация ИККИ беседовала с его участниками (в частности, выясняла вопросы возможной замены премьер-министра). Один из них посчитал Бадреха опасным, «отбрасывающим всех, кто с ним не согласен»⁸. Член Исполкома Коминтерна Б. Шмераль характеризовал его «честолюбивым, мало способным к политической работе, эгоцентричным»⁹.

Так, Бадрех считал, что после партийных съездов работа ЦК не ведется, сплошь «суматоха», постановления и резолюции предыдущих пленумов и съездов не выполняются, хлестко называл страну «республикой замечательных постановлений и резолюций»¹⁰. Оценивая своих соратников, Бадрех давал им характеристики – где-то положительные, а порой и нелицеприятные.

Например, Ц. Жигжиджава (в 1930 г. занимал должность премьер-министра) считал «не истинным другом по работе ЦК», заведующего агитотделом ЦК партии называл «ветреным и рассеянным молодым человеком», нелестно высказывался и о Х. Чойбалсане как о «виляющем туда-сюда ...шарике». Критика доставалась и представителю Коминтерна в Монголии В. Н. Кучумову: «Несвоевременно реагирует на события, не дает должных направлений». Бадрех считал Коминтерн «достаточно авторитетным органом», однако в силу «малоопытности и отсутствия авторитетного лица» (видимо, в руководстве страны) допускаются просчеты и ошибки. Именно поэтому, по его мнению, Кучумов «в трудных вопросах» должен проводить «правильную линию в правильном русле»¹¹.

Материалы из архивов ФСБ России свидетельствуют, что Бадрех вынашивал планы автономизации западных аймаков (в связи с этим его обвиняли в «дюрбетском сепаратизме»¹²)

⁸ Рошин С. К. Политическая история Монголии. М., 1999. С. 205, 219.

⁹ Там же. С. 207.

¹⁰ Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.). С. 256.

¹¹ Там же. С. 253, 254; Рошин С. К. Указ. соч. С. 202.

¹² Рошин С. К. Указ. соч. С. 220.

с дальнейшей интеграцией Западной Монголии с Синьцзяном (так называемая Объединенная Монголия): «Группа кобдо-ских автономистов (лидеры которых после VII съезда МНРП заняли ряд главенствующих постов в монгольском правительстве и ЦК МНРП) выдвинула план усиления положения МНР на Востоке путем присоединения к МНР Синьцзяна»¹³.

Об этом же шла речь в отчете (письме) В. Н. Кучумова П. А. Мифу: «Как национал (дербет), очень чуток к национальному вопросу. Резко ставит вопрос о национальных меньшинствах. В частности, поднимает вопрос и о работе среди китайских рабочих, находящихся в отчаянном положении. Ничего не могу сказать о его устремлениях на Синьцзян, очень возможно, что он втайне и лелеет объединительные планы в отношении синьцзянских племен»¹⁴.

Монгольский исследователь Г. Ариунболд подробнее описывает эту ситуацию по воспоминаниям Шижээ¹⁵, когда он и Бадрах обсуждали Джунгарское ханство, уничтоженное цинским Китаем. Впоследствии они не раз возвращались к этой беседе. Видимо, в одну из встреч и произошел между ними более конкретный разговор (возможно, обсуждение) об отделении Западной Монголии от халхаских регионов: объединение Увс аймака, Тувы и Синьцзяна¹⁶.

С Бадрахом связана попытка создания в 1928 г. либерально-клерикальной партии. Впервые об этом заговорили в 1926 г. на пленуме ЦК МНРП, когда делегаты дискутировали о создании в регионах «централизованного управления религиозными делами» и пришли к заключению, что учреждение подобных управлений приведет к созданию клерикальной партии¹⁷. На вопрос одного из делегатов об организации такой партии присутствовавший на VII съезде пар-

¹³ Монголия в документах из архивов ФСБ России. С. 188–189, 218.

¹⁴ Монголия в документах Коминтерна. Ч. II. С. 14.

¹⁵ Шижээ З. (1901–1941) – родился в Синьцзяне, с 1923 г. – член партии, выпускник КУТВ, секретарь ЦК партии, научный сотрудник монгольской секции КУТВ (1933–1937). Арестован (1937), расстрелян (1941), реабилитирован (1963). – См.: Рошин С. К. Указ. соч. С. 239; Монголия в документах из архивов ФСБ России. С. 467.

¹⁶ Ариунболд Г. Ө. Бадрах, З. Шижээгийн «Зүүнгарын хаант улсын түүхийн тухай» яриа ба Коминтерний «Дорнод Туркестаны Бүгд найрамдах ул байгуулах төлөвлөгөө» // *Bibliotheca Oiratica II*. Улаанбаатар, 2009. Х. 49.

¹⁷ Рошин С. К. Указ. соч. С. 144.

тии уполномоченный Коминтерна в Монголии М. И. Амагаев мгновенно отреагировал, заявив о недопустимости ее создания, что, собственно, и произошло¹⁸. Партия так и не была создана, непосредственных ее организаторов арестовали, намерения остались намерениями.

Постепенно над Бадрахом сгущались тучи. Сначала пошли размолвки с премьер-министром Монголии П. Гэндэном, о разногласиях с которым он сообщал члену Исполкома Коминтерна Б. Шмералю¹⁹. Далее последовало «Дело Лхумбэ» (1933)²⁰, в котором обвинили многих партийных и государственных деятелей, в принадлежности к заговору Лхумбэ подозревали и Бадрах²¹. Судя по материалам РГАСПИ, «Дело Лхумбэ» было сфабриковано П. Гэндэном, двумя секретарями ЦК партии и начальником Государственной внутренней охраны Д. Намсраем, Бадрах же в этот период занимал пост министра здравоохранения.

В 1934 г. Бадрах отправляли в Москву, где он работал в издательстве «Иностранный рабочий» (Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР) до ареста²². Человек, который всегда был в гуще событий и мог напрямую на них влиять, конечно, чувствовал себя неуютно, тосковал по родине, друзьям, соратникам. Бадрах неоднократно писал письма и советскому правительству, и в Коминтерн, в которых признавал свои ошибки и обращался с просьбой разрешить вернуться домой. Об одном из таких писем И. Сталину (октябрь 1936 г.) сообщает известный монгольский историк Н. Хишигт²³.

¹⁸ Монголия в документах из архивов ФСБ России. С. 181.

¹⁹ Подробнее см.: Рошин С. К. Указ. соч. С. 177, 204, 272 и др.

²⁰ Лхумбэ Жамбын (1902–1934) – государственный и партийный деятель Монголии, выпускник КУТВ (1930), член ЦК МНРП (1930–1932). В 1933 г. обвинен в антиправительственном заговоре, шпионаже в пользу Японии, процесс над ним получил название «Дело Лхумбэ».

²¹ По «Делу Лхумбэ» 317 осужденным вынесены обвинительные приговоры, из них 56 человек были расстреляны, 260 – заключены в тюрьму на срок от трех до десяти лет. См.: Идэр Д. Ө. Бадрахыг улс төрийн хилс хэрэгт шийтгэсэн нь // *Bibliotheca Oiratica* II. Улаанбаатар, 2009. X. 88.

²² В монгольской секции издательства работали многие монголы: переводчиками, консультантами, корректорами и т. п. – См.: Болдбаатар Ч. XX зууны Монголын улс төрийн зүтгэлтнүүд. Улаанбаатар, 2004. X. 33–35.

²³ Хишигт Н. Коминтерн ба Ө. Бадрах // Өлзийтийн Бадрах (1895–1941) // *Bibliotheca Oiratica* II. Улаанбаатар, 2009. X. 28.

В Монголии тоже были озабочены судьбами опальных монголов, и не только Бадраха. На встрече в Москве (1937) премьер-министра А. Амара с заместителем наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняковым наряду с другими вопросами речь зашла о Бадрахе. Однако позиция была однозначной: обсуждать этот вопрос преждевременно, необходимо решать внутренние проблемы в стране и заниматься «сохранением единства в руководстве партии»²⁴.

В том же 1937 г. его арестовали в СССР по обвинению в создании контрреволюционной панмонгольской организации и шпионаже в пользу Японии. По воспоминаниям его сына Б. Сумхуу²⁵, семья Бадраха смогла вернуться на родину благодаря финансовой помощи посла Монголии в СССР Ж. Самбуу. В Улан-Баторе на первое время их приютил, видимо, соратник Бадраха. Однако вскоре хозяина дома арестовали, появились люди из Министерства внутренних дел Монголии с обыском, что вызвало бурю негодования у матери Сумхуу, которая заявила, что ничего у них нет, кроме золотых часов с личной гравировкой подписи К. Ворошилова²⁶. Грустная история...

В 1941 г. Бадраха расстреляли по постановлению Военной коллегии Верховного суда СССР в Коммунарке, реабилитировали в 1956 г.²⁷

Это малая толика деятельности Бадраха, всего лишь штрихи к его портрету и жизни, свидетельствующие о незаурядной личности, совершавшей ошибки и просчеты.

Литература

Гольман М. И. К оценке роли Коминтерна в Монголии // Избранные статьи и доклады. Улан-Батор: «Соёмбо принтинг» ХХК-д, 2014. С. 200–202.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. II (1930–1934). 491 с.

²⁴ Рошин С. К. Указ. соч. С. 138, 139, 148.

²⁵ У Бадраха было два сына и две дочери. О них подробнее: Сухбаатар На. Ө. Бадрахын уг гарал, гэр бүлийн тухайд // Өлзийтийн Бадрах (1895–1941) // *Bibliotheca Oiratica* II. Улаанбаатар, 2009. Х. 30.

²⁶ Идэр Д. Ө. Бадрахыг улс төрийн хилс хэрэгт шийтгэсэн нь // *Bibliotheca Oiratica* II. Улаанбаатар, 2009. Х. 91.

²⁷ Монголия в документах Коминтерна С. 429; Монгол ба Коминтерн. Улаанбаатар, 1996. С. 459; Рошин С. К. Указ. соч. С. 219.

Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. док. М., 2019. 528 с.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 142–161.

Рошин С. К. Политическая история Монголии. М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

Ариунболд Г. Ө. Бадрах, З. Шижээгийн «Зүүнгарын хаант улсын түүхийн тухай» яриа ба Коминтерний «Дорнод Туркестаны Бүгд найрамдах ул байгуулах төлөвлөгөө» // *Bibliotheca Oiratica II*. Эмхт. На. Сүхбаатар; ред. Б. Түвшинтөгс. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д, 2009. Х. 47–53.

Болдбаатар Ч. ХХ зууны Монголын улс төрийн зүтгэлтнүүд. Хянан тохиолдуулсан Д. Гомбосүрэн, З. Лонжид (Монгольские политические лидеры ХХ века) / ред. Д. Гомбосүрэн, З. Лонжид. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д, 2004. 370 х.

Идэр Д. Ө. Бадрахыг улс төрийн хилс хэрэгт шийтгэсэн нь // *Bibliotheca Oiratica II*. Эмхт. На. Сүхбаатар; Ред. Б. Түвшинтөгс. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д, 2009. Х. 54–92.

Монгол ба Коминтерн (баримтын эмхэтгэл). Улаанбаатар: Шинжлэх ухаан, технологийн мэдээлийн компаний хэвлэх цехэд хэвлэв, 1996. 502 х.

Сүхбаатар На. Ө. Бадрахын уг гарал, гэр бүлийн тухайд // Өлзийтийн Бадрах (1895–1941) // *Bibliotheca Oiratica II*. Эмхт. На. Сүхбаатар; ред. Б. Түвшинтөгс. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д, 2009. Х. 30–33.

Хишигт Н. Коминтерн ба Ө. Бадрах // Өлзийтийн Бадрах (1895–1941) // *Bibliotheca Oiratica II*. Эмхт. На. Сүхбаатар; ред. Б. Түвшинтөгс. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д, 2009. Х. 24–29.

Раздел IV

ИНДИЯ, АФГАНИСТАН И КОМИНТЕРН

Подъем национально- освободительного движения в Индии и Коминтерн

В 1915–1920 гг. в Индии сложилась ситуация, когда главная оппозиционная английским властям партия Индийский национальный конгресс (ИНК, создана в 1885 г.) выступила за предоставление стране свараджа (самоуправления). В это время в Индии начал свою политическую деятельность Махатма Ганди. В 1918 г. он объявил о кампании несотрудничества с британскими властями и достижении свараджа ненасильственными методами. В промышленных центрах страны начались крупные забастовки рабочих, требовавших улучшения своего положения. Только в Бомбее насчитывалось 40 рабочих профсоюзов, к 1922 г. их число увеличилось до 75. В 1918 г. рядом влиятельных лидеров ИНК (Мотилалом Неру, Виталлбхаи Пателем и др.) был создан Всеиндийский конгресс профсоюзов, который выступал с более радикальных позиций, чем Ганди, и был связан с левыми Лейбористской партии и коммунистами в Лондоне.

Заметное влияние на индийских революционеров оказала Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России, особенно на тех, кто жил и работал в Европе и США, как, например, Вирендранатх Чаттопадхьяя, Баркатулла, М.Р.Б.Т. Ачарья, Манабендра Натх Рой (М. Н. Рой – настоящее имя Нарендранатх Бхаттачария), Абани Мукерджи и др. Группу их сторонников составили также некоторые мусульмане, которые, узнав об Октябрьской революции через афганские источники, отправились в Советскую Россию как паломники. На обратном пути в Индию их арестовали. Среди них были Шаукат Усмани и Ферозуддин Мансур. Именно эти две группы революционеров были первыми, кто установил связь с Коминтерном.

Индийцы устанавливают связи с Коминтерном

В феврале 1919 г. в Афганистане к власти пришло правительство во главе с эмиром Амануллоу-ханом, провозгласившее независимость от Англии. 7 мая 1919 г. Ленин встретился с группой индийцев во главе с Раджой Махендра Пратапом¹ и Мохаммадом Баркатуллоу², премьер-министром так называемого Временного правительства свободной Индии, которое находилось в Афганистане.

В августе 1919 г. РСФСР направила туда своего первого полпреда Я. З. Сурица, на которого, согласно верительной грамоте, возлагалось установление дипломатических отношений с Афганистаном, а также налаживание связей с революционными организациями Центральной Азии.

В конце 1919 – начале 1920 г. в Афганистане была создана организация индийских революционеров (руководитель Абдур Раб Барк). 17 февраля 1920 г. она отправила Ленину послание.

М. Н. Рой и Коминтерн

На эти годы пришлась деятельность М. Н. Роя. Он был арестован в Индии британскими колониальными властями, но впоследствии освобожден под залог. Затем побывал в разных странах – Малайе, Индонезии, Гонконге, Филиппинах,

¹ Раджа Махендра Пратап – князь небольшого княжества Индии, родился в 1880 г.

² Мохаммад Баркатулла – родом из г. Бхопал (Индия), родился в 1859 г.

Японии, Корею и Китае. В Китае встретился с китайским революционером-демократом Сунь Ятсеном (1866–1925), основателем партии Гоминьдан, первым (временным) президентом Китайской Республики. В 1916 г. М. Н. Рой прибыл в США, где выступал за независимость Индии.

После вступления США в Первую мировую войну на стороне союзников, в том числе Великобритании, индийских эмигрантов стали рассматривать как врагов Америки. М. Н. Роя арестовали в числе 50 обвиненных. Суд продолжался почти полгода, в результате его отпустили под залог. В ноябре 1917 г. он прибыл в Мексику, где уже действовали социалистические группы, и стал сотрудничать с ними, подготовил проект манифеста коммунистической партии. В декабре 1918 г. в Мехико на первой конференции компартии Мексики его избрали генеральным секретарем, а в 1919 г. он с другим делегатом от этой партии был послан на II Конгресс Коминтерна. В ноябре того же года по возвращении из России в Мексику Рой отправился в Испанию, затем в Берлин, где вместе с Абани Мукерджи, приехавшим из Индонезии, написал «Индийский коммунистический манифест», в котором прозвучал призыв к пролетарской революции в Индии. В мае 1920 г. М. Н. Рой и Абани Мукерджи прибыли в Москву.

На II Конгрессе Коминтерна В. И. Ленин представил Тезисы по национальному и колониальному вопросам, в которых отмечалось, что коммунисты в колониальных странах на начальной стадии освободительного движения должны сотрудничать с национальной буржуазией. М. Н. Рой внес дополнение, суть которого определялась следующим образом: национальной буржуазии доверять нельзя. Такой подход в определенной степени отражал мнение левых кругов Индии о роли индийской буржуазии в освободительном движении.

Позже в своих мемуарах он отметил: «... Мы не были едины с Лениным в оценке роли Ганди. Ленин считал нового лидера индийского национализма, подобно великим еретикам средневековой Европы, объективно революционным. Я же стоял на том, что такая оценка роли Ганди опровергается его религиозными и социальными идеями, которые были решительно реакционными»³. Во время работы II Кон-

³ M. N. Roy's Memoirs. Bombay, 1964. P. 499; Ghosh Paramita. From Russia with love: How the Bolshevik revolution impacted India's leaders // Hindustan Time. 19.11.2019.

гресса Коминтерна М. Н. Рой и небольшая группа индийских революционеров сформировали Временный всеиндийский центральный революционный комитет.

17 октября 1920 г. группа индийских коммунистов основала в Ташкенте Коммунистическую партию Индии. Ее членами стали М. Н. Рой, его жена Эвелин Рой (псевдоним – Шанти Деви), Абани Мукерджи, Мохаммед Али, Мохаммад Шафик Сиддики, М.Р.Б.Т. Ачарья и Роза Фитингова. Образование компартии в Ташкенте дало импульс созданию таких же групп в самой Индии: в Бенгалии была сформирована группа во главе с Музаффаром Ахмедом, в Бомбее – с Ш. А. Данге, в Мадрасе – с Сингаравеллу Четтийяром. Они сыграли заметную роль в распространении марксистской литературы на бенгали, маратхи, хинди, урду и других языках.

В 1921 г. М. Н. Рой и Абани Мукерджи на сессии Индийского национального конгресса в Ахмадабаде выступили со своим «Манифестом». В нем подчеркивалось, что Индия находится на пороге «политической, экономической и социальной революции». Выдвинутый Ганди лозунг «сварадж в течение одного года» был назван «великой декларацией». А партия ИНК, «как лидер нации», должна была не только указывать цель, но шаг за шагом вести народ к ней. Для этого ей следовало включить в свою программу решение острейших проблем, стоящих перед народом⁴.

Массовые выступления в Индии

1920-е годы отмечены ростом активности индийского рабочего класса – забастовки, антиколонияльные демонстрации отличались организованностью и боевым характером. Так, во всеобщей забастовке текстильщиков Бомбея, начавшейся в апреле 1928 г. и продолжавшейся шесть месяцев, участвовало 150 тыс. человек. Забастовку возглавил союз рабочих-текстильщиков – Гирни камгар лал бавта (Фабричный рабочий красного флага). По данным властей, за время забастовки численность членов этого профсоюза увеличилась до 65 тыс. человек⁵. Всего в 1928 г. в Индии состоялось более

⁴ Adhikari G. Documents of the History of the Communist Party of India. New Delhi, 1971. P. 371–373.

⁵ Правда. 22.03.1929.

200 забастовок, в которых приняли участие свыше полумиллиона рабочих. Одновременно с забастовками проводились политические демонстрации, в ходе которых провозглашались лозунги полной политической независимости Индии⁶. Власти предпринимали меры, направленные на ограничение политической деятельности левых сил.

Британская колониальная администрация пристально следила за деятельностью первых индийских коммунистов и сочувствовавших им. Она активно блокировала попытки к их объединению. С 1922 по 1927 г. в Пешаваре было проведено несколько судебных процессов о «подрывной» работе индийских революционеров (Акбара Куреши, Мухаммада Акбара, Мухаммада Хасана и др.), возвращавшихся из России и осужденных как «большевистские агенты». Однако на деле их роль в распространении коммунистических идей была незначительной.

Почти одновременно с процессами в Пешаваре проходил суд в Канпуре (1923–1924). Четверо подсудимых (Музаффар Ахмед, Шаукат Усмани, Ш. А. Данге, Налини Гупта) как «агенты большевиков» были приговорены к тюремному заключению на четыре года. На этих процессах обвиняемые настаивали на своем праве создать коммунистическую партию в Индии, указывая, что такие партии действуют в других странах, в том числе в Англии. В свою очередь, власти обвиняли их в незаконности распространения коммунистических идей, утверждая, что судят не коммунизм, а заговорщиков, которые насильно хотят свергнуть британскую власть в Индии в соответствии с инструкциями, получаемыми из Москвы.

В 1925 г. в Индии была проведена первая Всеиндийская коммунистическая конференция. Ее организатором стал конгрессист Сатьябхакта. В конференции приняли участие Музаффар Ахмад (он был выпущен из тюрьмы по болезни), С. В. Гхате, К. Н. Джоглекар, Айодхья Прасад, Хасрат Мохани, Сингаравеллу Четтийар и др. Конференция приняла устав партии, выбрала Центральный комитет с двумя генеральными секретарями – С. В. Гхате и Дж. П. Багерхатта. Однако последовавший вскоре судебный процесс в Мируте (1929–1933) фактически прервал работу этой организации.

⁶ Communists Challenge Imperialism from the Dock. Calcutta, 1967. P. III–IV, 305.

Мирутский процесс против индийских патриотов

Тщательная, продуманная до деталей подготовка британских властей к этому суду велась в течение нескольких месяцев. В письме вице-короля Индии министру по делам Индии 24 мая 1928 г. указывалось, что коммунистическое движение в стране находится еще в «младенческом возрасте» и в течение некоторого времени не будет представлять серьезной угрозы для британского господства. Однако оно обладает большими возможностями, и поэтому следует принять необходимые меры, чтобы «воспрепятствовать росту его влияния». Власти намеревались обвинить патриотов в заговоре против правительства Британской Индии. Процесс готовился в атмосфере строжайшей секретности, чтобы любыми средствами заранее обеспечить «полный успех» судебного разбирательства.

14 марта 1929 г. генерал-губернатор Индии дал санкцию на проведение суда. 20 марта были произведены аресты и обыски в Бенгалии, Бомбее, Панджабе и Соединенных провинциях. Арестованным предъявили обвинение в «заговоре с целью лишить короля его суверенной власти в Британской Индии». Всего был арестован 31 человек (еще одного арестовали позже): руководители Всеиндийского конгресса профсоюзов, профсоюза Гирни камгар, секретари рабоче-крестьянских партий в Бомбее, Бенгалии и Соединенных провинциях, члены Всеиндийского комитета ИНК, а также три англичанина. Из них коммунистами были 14 человек.

Мирутский процесс продолжался более четырех лет, и все это время обвиняемые использовали любую возможность, чтобы показать общественности смысл и значение их политической борьбы. В совместном заявлении они подчеркивали, что главной задачей является борьба против британского империализма, за освобождение страны. Они считали, что в колониальной Индии пролетарской революции будет предшествовать революция буржуазно-демократическая, которая обеспечит освобождение страны от контроля британского империализма и полную ликвидацию феодальных и дофеодальных форм общественных отношений, приведет к установлению независимой демократической республики.

В поддержку обвиняемых на этом суде выступил лидер ИНК Мотилал Неру. Он потребовал в Центральном законодательном собрании Индии обсудить действия правительства, связанные с арестами и обысками. Однако генерал-губернатор Индии наложил вето на публичное рассмотрение данного дела. Но обсуждение этого вопроса вышло за пределы законодательного собрания: в Дели, Бомбее, Калькутте и других городах были созданы комитеты в защиту патриотов. В Дели в Комитет защиты обвиняемых по Мирутскому процессу входили Мотилал Неру (председатель), Джавахарлал Неру и другие видные деятели ИНК. Сотрудничество конгрессистов и левых в деле защиты подсудимых в Мируте было продолжением их общей борьбы против закона об общественной безопасности, который ограничивал права рабочих и профсоюзов.

Важным актом поддержки подсудимых было посещение их в тюрьме Махатмой Ганди. Он связывал Мирутский процесс с общей обстановкой в стране, особенно после ареста группы революционеров во главе с Бхагат Сингхом. Все это сопровождалось усилением репрессивных мер со стороны властей. Именно тогда особым распоряжением вице-короля был введен в действие закон об общественной безопасности. И это несмотря на то, что Центральное законодательное собрание во главе со спикером В. Пателем отклонило его. На основании этого закона и были арестованы обвиняемые в Мирутском процессе. «Я думаю, — писал Ганди, — что главной целью этого преследования было не уничтожить коммунизм, а нанести удар по террористам. Правительство периодически показывает свои кровавые когти, которые обычно бывают не видны»⁷.

Солидарность с мирутскими узниками выразили Бхагат Сингх, Батукесвар Датт и их товарищи из зала суда в Лахоре. В свою очередь, обвиняемые в Мируте выступили с резким протестом против смертных приговоров и последовавшей затем казни Бхагата Сингха. Борьба индийских патриотов получила поддержку общественности за рубежом. Против суда над ними протестовали известные деятели мировой культуры и науки, в том числе Ромен Роллан, Герберт Уэллс, Альберт Эйнштейн.

⁷ Nanda B. R. Mahatma Gandhi: A Biography. L., 1959. P. 158.

В Мируте многие из обвиняемых были осуждены на длительные сроки тюремного заключения и ссылки. Под давлением общественного мнения власти были вынуждены пересмотреть приговоры. Джавахарлал Неру писал, что Мирутский процесс в значительной мере способствовал привлечению внимания народа к новым идеям: «Туманные коммунистические и социалистические идеи распространялись и среди интеллигенции, даже среди интеллигентных правительственных служащих. Более молодые члены Конгресса, читавшие обычно работы Брюса о демократии, Морли, Кэйта и Мадзини, теперь читали, когда могли достать, книги о социализме и коммунизме и о России»⁸.

В качестве доказательств виновности подсудимых использовалась захваченная у них при обыске литература: «Капитал», «Гражданская война во Франции», «Классовая борьба во Франции с 1848 г. по 1850 г.», «Заработная плата, цена и прибыль» К. Маркса, «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, а также книги об Октябрьской революции в России и статьи о В. И. Ленине.

Среди 3500 свидетельских показаний и улики, предъявленных обвинением, были книги, брошюры, листовки, частная переписка и даже вывески профсоюзных и партийных организаций⁹. Стремясь создать впечатление о «заговорщической» деятельности обвиняемых, власти ссылались на использование ими специального кода в переписке, партийных кличек, их обвиняли в «подстрекательстве к забастовкам», в «захвате профсоюзов», в «растлении молодежи» и т.п.

Привлечение большого количества свидетелей (320 человек) также должно было создать иллюзию «чудовищного заговора». Организаторы процесса стремились запугать индийскую общественность, особенно членов Конгресса, угрозой большевизма, ссылаясь на «руку Москвы». С самого начала процесса в печати была развернута широкая пропаганда против деятельности левых профсоюзов, против Советского Союза. Весь судебный процесс был

⁸ Неру Джавахарлал. Автобиография. М., 1955. С. 385.

⁹ Choudhury S. Peasants and Workers Movement in India, 1905–1929. New Delhi, 1971. P. 255, 256.

направлен на то, чтобы представить патриотов уголовными преступниками, людьми «без морали и совести». Однако сами подсудимые превратили суд в политический форум, в трибуну для пропаганды идей борьбы за национальное освобождение Индии.

Судебный процесс в Мируте закончился поражением британских властей, которые его сфабриковали, что признавали и сами организаторы суда. Характерно, что к концу процесса в официальной переписке колониальных чиновников высказывались сомнения в целесообразности такого рода судебных преследований.

Арест индийских патриотов в связи с Мирутским процессом нанес ущерб делу национально-освободительной борьбы. Но вместе с тем суд над ними объективно способствовал росту популярности в Индии идей национального освобождения от британского господства.

Мухаммад Икбал о революции

Среди общественных деятелей колониальной Индии начала XX в., сыгравших заметную роль в национально-освободительном движении страны, выделяется выдающийся поэт и философ Мухаммад Икбал (1877–1938), пользовавшийся огромной популярностью среди мусульман. Его призыв к духовным и социальным переменам в жизни мусульман, которые составляли около 40% населения страны, нашел широкий отклик среди интеллигенции.

Икбал восторженно воспринял восстание против Великобритании в Афганистане, в результате которого эмиром страны стал Аманулла-хан. Позже его пригласили в Афганистан на открытие университета в Кабуле. Икбал принимал активное участие в политической жизни Индии: в 1930 и 1932 гг. он был президентом Мусульманской лиги и тесно сотрудничал с ее лидером М. А. Джинной.

Одним из первых людей в Индии, кто откликнулся на сообщение о революции в России в 1917 г., был Икбал. В сборнике его стихов «Послание Востока» и других работах 1920-х годов звучит тема социальной революции и призыв к социальным и духовным переменам в обществе, прежде всего в общине мусульман Британской Индии: «Сейчас время

устанавливать новые порядки ...Сгинула царская корона и сгинула путем насилия ...Кончилось время наслаждения господ и угодничества черни. Если глаза твои умеют видеть, раскрой глаза. Жизнь идет к созданию другого мира!» В поэме «Ленин» он наполняет речи Ленина революционной риторикой: «Ты (Бог), Могучий и Справедливый, но в твоём мире. Очень горька жизнь рабочего. Когда же затонет лодка поклонения капиталу? Твой мир ждёт возмещения убытков» и заявляет: «Когда пламя революции достигло нашего сада, наступила весна»¹⁰.

Джавахарлал Неру и СССР

В 1927 г., в дни празднования 10-летия советской власти, Джавахарлал Неру по приглашению Коминтерна впервые посетил Россию. Вместе с ним были его отец Мотилал Неру, жена Камала и сестра Кришна. О жизни советских людей он писал: «...советская революция намного подвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той цивилизации, к которой может двигаться мир»¹¹.

19 ноября 1930 г. Неру написал из тюрьмы письмо дочери Индире (будущей Ганди) ко дню ее 13-летия: «Год, в который ты родилась, 1917 год, был одним из самых замечательных в истории, когда великий вождь с сердцем, преисполненным любви и сочувствия к страдающим беднякам, побудил свой народ вписать в историю благородные страницы, которые никогда не будут забыты». «И сейчас в Индии другой великий вождь (Махатма Ганди) ...вдохновил наш народ на великие усилия и благородные жертвы, во имя того, чтобы он снова обрел свободу, а голодные, бедняки и угнетенные избавились от своего тяжкого бремени»¹².

¹⁰ Васильева Л. А., Пригарина Н. И. «Революция» в философии и поэзии Мухаммада Икбала (опыт когнитивно-дискурсивного анализа) // Ориенталистика. 2019. Т. 2. № 3. С. 724–751.

¹¹ Неру Джавахарлал. Открытие Индии. М., 1955. С. 24.

¹² Неру Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю. М., 1981. С. 31.

Литература

Васильева Л. А., Пригарина Н. И. Революция в философии и поэзии Мухамеда (опыт когнитивно-дискурсивного анализа) // Ориенталистика. 2019. Т. 2. № 3. С. 724–751.

Неру Джавахарлал. Автобиография. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 671 с.

Неру Джавахарлал. Открытие Индии. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 649 с.

Неру Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю. М.: Прогресс, 1981. 376 с.

Правда. 22.03.1929.

Adhikari G. Documents of the History of the Communist Party of India. New Delhi: PPH, 1971. 600 p.

Communists Challenge Imperialism from the Dock. Calcutta: National Book Agency, 1967.

Choudhury S. Peasants and Workers Movement in India, 1905–1929. New Delhi: PPH, 1971. 328 p.

Ghosh Paramita. From Russia with love: How the Bolshevik revolution impacted India's leaders // Hindustan Time. 19.11.2019.

M. N. Roy's Memoires. Bombay: Allied, 1964. 627 p.

Nanda B. R. Mahatma Gandhi: A Biography. L.: Oxford University Press, 1959. 542 p.

Party of India. New Delhi, 1971.

Революционно-пропагандистская деятельность М. Н. Роя в 1922 г.

Революционно-пропагандистская деятельность индийского революционера Манабендры Натх Роя в 1922 г. в Берлине явилась первой попыткой Коминтерна найти обходные пути к Британской Индии после фактического провала «индийской работы» КИ в Ташкенте в 1920–1921 гг. Усилия М. Н. Роя по объединению разрозненных групп индийских революционеров все еще недостаточно изучены в отечественном и зарубежном востоковедении, как и история создания европейских каналов связи КИ с Индией.

Манабендра Натх Рой, индийский революционер левого толка, был приглашен в Москву на II Конгресс Коминтерна, проходивший летом 1920 г. Затем его отправили в Ташкент для подготовки индийской революции через Афганистан. Обосновавшись в Берлине весной 1922 г., Рой по поручению КИ организовал выпуск двухнедельного журнала под названием «Авангард индийской независимости», или в сокращенном варианте «Авангард». Номера журнала отправлялись в Индию и другие страны, где находились индийские эмигранты (Германия, Великобритания). Основная цель журнала заключалась в переоценке программы Индийского национального конгресса для того, чтобы привлечь рабочих и крестьян к политической деятельности. На обложке его указывалось: «Журнал революционной политики». В качестве места издания значились несколько городов: Берлин, Париж, Лондон, Цюрих, Рим.

Характеризуя журнал в 1925 г., Рой писал: «“Авангард” ставил себе двоякую цель: во-первых, организацию левого крыла внутри Национального Конгресса для революционирования национального движения и, во-вторых, создание интеллектуальных кадров для будущей коммунистической партии. Мы намеренно не приступали к организации компартии вплоть до конца 1923 г. Это было бы преждевременным даже в случае попытки с нашей стороны. Почва еще не была подготовлена... Нашей первой задачей явились распространение в возможно более широких масштабах “Авангарда” и пропаганда общих принципов социализма»¹.

Основное место в «Авангарде» занимали статьи, анализирующие различные проблемы современной политической ситуации в Индии и расстановку классовых и политических сил. Значительное внимание уделялось вопросам организации и борьбы индийского пролетариата и крестьянства; имелся раздел, посвященный обзору прессы, где приводились краткие выдержки о событиях внутри страны и за рубежом². С журналом сотрудничали некоторые деятели международного коммунистического движения.

На эмигрантов такая пропаганда действовала неоднозначно и не приводила к единству, которого стремился добиться Рой, привлекая соотечественников на свою сторону. Стоит отметить, что на тот момент другая деятельность оставалась для Роя недоступной. Он мог действовать, лишь привлекая массы, поскольку не получал должного финансирования и был вынужден просить необходимой помощи у Коминтерна.

Намеченный Коминтерном план работы в Индии и среди индийских эмигрантов в Ташкенте на тот момент был выполнен лишь частично. Всем сотрудникам Коминтерна весной 1921 г. пришлось отправиться в Москву. Одни направились на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока, другие уехали в Кабул для подготовки революции в Индии.

В начале 1921 г. Роя вызвали в Москву для участия в конференции индийских революционеров, на которую были

¹ Цит. по: Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельникова А. М. Зарождение коммунистического движения Индии: очерки истории. М., 1978. С. 177.

² Там же. С. 179.

приглашены члены Берлинской группы. Между ними вспыхнули ожесточенные разногласия в отношении руководства коммунистическим движением в Индии. В результате большая часть Берлинской группы покинула Москву.

В июне–июле 1921 г. в Москве был созван III Конгресс Коминтерна, на котором подчеркивалась необходимость формирования национальных коммунистических партий в странах, где их прежде не было. Выполняя директиву КИ, Рой намеревался установить контакты с индийскими революционерами в Индии и за рубежом³. После III Конгресса, поддерживая национально-освободительное движение в колониях, Коминтерн принял ряд практических мер и рекомендаций. Было решено развернуть на Востоке пропагандистскую работу за освобождение колоний. С этой целью 22 февраля 1922 г. на заседании первого расширенного пленума ИККИ была создана Восточная комиссия, в состав которой вошел Рой⁴.

4 марта 1922 г. Исполком принял резолюцию по организации помощи народам угнетенных стран. Основное содержание этого документа сводилось к тому, чтобы развивать пропагандистскую деятельность в странах Ближнего Востока и Центральной Азии (особенно в Индии и Египте). Подчеркивалось особое значение тех стран, которые были связаны, в частности, с Великобританией, Францией и Италией.

По рекомендации Коминтерна эти страны должны были «...создать в своих Центральных комитетах специальные комиссии по колониальным вопросам для систематической информации о колониальном движении, для организации регулярной связи с революционными организациями колониальных стран и для осуществления практических контактов с ними»⁵. Однако после III Конгресса Коминтерна Рой и значительно поредевшая часть его сторонников отправились в Европу, а не в Азию, чтобы продолжить вести коммунистическую пропаганду в Индии из Германии и Франции. Такая работа действительно способствовала вызреванию коммунистических взглядов среди индийских революционеров.

³ Satyabrata Rai Chowdhuri. *Leftism in India, 1917–1947*. Basingstoke, 2007. P. 60.

⁴ Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельникова А. М. Указ. соч. С. 153.

⁵ Там же. С. 154.

Вскоре небольшая по своему составу редакционная группа стала называться «Европейским информационным бюро». Многочисленные документы подтверждают, что работа Бюро была очень насыщенной и осуществлялась по нескольким направлениям. Во-первых, это издание журнала, во-вторых, установление и развитие контактов с коммунистическими группами внутри и вне Индии и, в-третьих, взаимосвязь с организациями и деятелями конгрессиистского национального революционного и профсоюзного движения.

Бюро, находившееся под контролем Восточной секции Коминтерна, состояло из пяти человек – по одному из секций Профинтерна: Германии, Франции, Италии, Голландии и Великобритании (коммунистические партии разных стран входили в КИ на правах секций). Восточные секции Коминтерна и Профинтерна назначали секретаря Бюро, второй секретарь должен был быть индийцем. Основным документом Бюро была прокламация, в которой определялись главные задачи: «... б) собирать материалы о рабочем движении в Индии и снабжать профсоюзную и партийную печать в Европе этими сведениями и обратно; в) издание с той же целью периодических бюллетеней; г) поддерживать постоянные письменные сношения с Конгрессом Профсоюзов Индии, как и с отдельными профсоюзами по текущим вопросам индусского рабочего движения с целью расширить их кругозор и с возможной тактичностью направлять их деятельность; д) выдвигать постепенно вопрос о профдвижении и бороться против вредных планов Британской Рабочей Партии»⁶.

Через своих посредников в Женеве и Лондоне при содействии Английской коммунистической партии, а также через индийские центры Бюро организовало регулярную переписку в Индию значительного количества марксистской литературы, своего журнала, книг и брошюр ведущих деятелей международного коммунистического движения⁷. Рой писал об этом времени: «Наша работа здесь до сих пор заключалась главным образом в пропаганде – писании, печатании и распространении нашей газеты, книг, брошюр и другой

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 69. Л. 68–71.

⁷ Цит. по: Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельникова А. М. Указ. соч. С. 176.

литературы»⁸. В коминтерновской справке «Краткая информация о деятельности Туркбюро Коминтерна» говорится, что Москва активно поддерживала пропагандистскую деятельность не только на словах, но и на деле: «...получена первая партия литературы и ожидается дальнейшая. С Центропечатью установлен определенный договор. Со времени создания Бюро отправлено 57 тыс. экземпляров агитационной литературы на 12 языках»⁹.

Активная пропаганда необходимости вовлечения масс в борьбу против британского империализма, радикализации программы национального движения, критика «пацифистской политики» Махатмы Ганди были узловыми темами при освещении проблем индийского освободительного движения весной и летом 1922 г. Так, в первых номерах журнала «Авангард» были помещены статьи Роя и его жены Эвелин Рой (под псевдонимом Санти Деви), посвященные критическому анализу идеологии Ганди и движения под его руководством.

Докладывая в Москву о своей работе, Рой сообщал, что в 1922 г. «...выпущено уже шесть номеров “Авангарда”. Мы имеем сведения о получении в Индии 3-х номеров. ...Мы решили повысить тираж до 1500 экземпляров. ...Главный пункт нашей пропаганды – пересмотрение программы Конгресса в смысле более широкого привлечения рабочих и крестьян к политическому движению. ...В погоне за источником распространения “Авангарда” полиция обыскивает книжные магазины и склады»¹⁰.

Появление в Индии «Авангарда» действительно привлекало к себе внимание. Первые экземпляры были перехвачены полицией, а впоследствии запрещены вовсе. Несмотря на запрет, поток писем из Индии в редакцию журнала с выражением солидарности, с просьбами его прислать и т.п. не прекращался.

Журнал был первым марксистским изданием, посвященным проблемам индийской действительности. Его появление

⁸ Письмо Роя секретарю по Восточным делам Коминтерна Г. Сафарову. Берлин, 18 апреля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 69. Л. 41.

⁹ Краткая информация о деятельности Туркбюро Коминтерна (Москва № 2048) // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 6. Л. 149.

¹⁰ Восточная секция Коммунистического Интернационала (Рой). Москва // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 69. Л. 111–117.

в Индии способствовало ознакомлению с идеями научного социализма, с марксистской интерпретацией международных политических событий, с успехами и проблемами молодого советского государства¹¹. Впоследствии Рой планировал создать в Индии нелегальную типографию и субсидировать газеты, с которыми он взаимодействовал.

Помимо этого, пока Рой был в Советской России, он написал две книги, явившиеся откровением для отечественных ученых. Книга «Индия на переломе» вышла на английском языке в Берлине в 1922 г. Затем в Москве был опубликован немецкий перевод. Наконец, в 1923 г. появилось русское издание под другим заголовком¹². Оно было не совсем идентичным. Редактор русскоязычного издания Л. Суниц разбил главы на параграфы, дав им свои названия, а также снабдил комментариями. В целом позицию Роя можно охарактеризовать как «левацкую». Он считал, что «в Индии, как известно, нет феодализма», что «феодализм как основа социальной экономики получил первый и в то же время смертельный удар в первые годы британского владычества (в середине XVIII в.)». Поэтому нужно бороться прежде всего против национальной буржуазии: «Поддержка национального буржуазно-демократического движения означала бы содействие развитию национального духа, который, конечно, помешает пробуждению классового сознания масс», «революционное движение в Индии, поскольку речь идет о широких народных массах, не имеет ничего общего с национально-освободительным движением»¹³.

В середине 1920-х годов в работе Роя все явственнее стала прослеживаться установка на создание единого фронта мелкобуржуазного, рабочего и крестьянского движений, чтобы противопоставить его Национальному конгрессу; кроме того, Рой надеялся, что революционеры как представители интеллигенции помогут привнести идеи социализма в рабочее движение. Он писал, что пока рабочий класс не может выделить лидеров из своей среды, его революционную энергию

¹¹ Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельникова А. М. Указ. соч. С. 183.

¹² См.: Рой М. Н. Новая Индия: очерки экономического и политического развития страны / М. Н. Рой; пер. с англ. П. Охрименко, под ред. и с примеч. Л. Суницы. М. – Пг., 1923.

¹³ Цит. по: Алаев Л. Б. Историография истории Индии. М., 2013. С. 151–152.

«необходимо дополнить интеллектуальными достоинствами, которыми, по крайней мере, частично, обладает молодежь из низших слоев среднего класса»¹⁴.

В то же время многие коммунисты относились к единому антиимпериалистическому фронту лишь как к временной, вынужденной мере. В выступлениях членов Исполкома Коминтерна, в некоторых материалах Дальневосточного секретариата Коминтерна противопоставлялась классовая и национально-освободительная борьба, пропагандировалось обособление пролетариата от других участников освободительного движения. Это способствовало еще большему распространению в молодых компартиях Востока левацких идей, которые были порождены революционным романтизмом или унаследованы от мелкобуржуазных радикалов¹⁵.

В 1922 г. линия Роя по отношению к национальным революционерам Индии постепенно становилась все более определенной. Убедившись, что процесс создания коммунистической партии затягивается, Рой стремился ускорить идейное размежевание в буржуазном лагере. Он рассчитывал после привлечения мелкобуржуазных революционеров на свою сторону использовать их радикализм, чтобы устранить от руководства освободительным движением крупную национальную буржуазию и создать антиимпериалистический фронт без нее – задача для того времени совершенно нереальная¹⁶.

Роем была разработана программа для Индийского национального конгресса. Впервые она появилась в «Эдванс гард», печатном органе Роя, 11 декабря 1922 г., но уже 21 декабря основное ее содержание было опубликовано в газете «Таймс» и передано агентством Рейтер в Индию¹⁷. Материалы программы появились в ведущих органах индийской прессы накануне съезда ИНК. В результате программа получила

¹⁴ Райков А. В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905–1930 гг. М., 1979. С. 209.

¹⁵ Прокуменщиков М. Ю. Коминтерн и разработка проблем политики коммунистов в национально-освободительном движении (на примере азиатских колоний и полуколоний Британской империи) 1919–1939 гг. URL: <http://cheloveknauka.com/komintern-i-razrabotka-problem-politiki-kommunistov-v-natsionalno-osvoboditelnom-dvizhenii-na-primere-aziatskih-koloniya-i> (дата обращения: 20.07.2020).

¹⁶ Райков А. В. Указ. соч. С. 205.

¹⁷ Там же. С. 207.

такую широкую популярность в Индии, на которую Рой не рассчитывал.

Своей главной задачей Рой считал создание «коммунистического ядра», которое сумеет объединить все существующие коммунистические группы, чтобы с их помощью «овладеть рабочим движением, связать его с движением аграрным и поддерживать и подталкивать оппозиционную часть индийской буржуазии и интеллигенции в борьбе за национальное освобождение Индии. Лишь в процессе этой борьбы возможно широкое развитие и политическое воспитание организуемого рабочего класса Индии. Успешный результат борьбы является условием для перехода рабочего класса к непосредственной борьбе за социальную революцию»¹⁸.

Рою удалось найти контакт как с отдельными лицами, так и с организациями, и это дало возможность приступить к организации коммунистических групп в Бенгалии (вокруг видного деятеля бенгальского профдвижения, уже организовавшего коммунистическую ячейку), в Лахоре (вокруг газеты «Инклаб»), в Мадрасе (вокруг известного деятеля ИНК и профдвижения)¹⁹.

Сообщая о проделанной работе в 1923 г. секретарю по восточным делам Коминтерна Г. И. Сафарову, Рой отмечал: «В течение нашей работы прошлого года и, в особенности, в течение последних шести месяцев, мы были в состоянии войти в контакт с различными подходящими элементами каждой части страны, которые работают и которые можно побудить работать более интенсивно по линии коммунизма. ...Мы пришли к заключению, что будет более практичным оставить идею созыва конференции за пределами Индии, а созвать таковую внутри страны. В такой конференции могут принять участие все многочисленные элементы, работающие в духе социализма и коммунизма, и мы сможем там формулировать свою программу и тактику»²⁰.

Для Роя и других коммунистов за рубежом было отнюдь не легкой задачей собрать вместе этих широко рассеянных «индийских коммунистов» с их пониманием марксизма

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 69. Л. 56.

¹⁹ Там же. Л. 57.

²⁰ Письмо Роя секретарю по Восточным делам Коминтерна Г. Сафарову. Берлин, 18.04.1923 г. // Там же. Л. 42.

и мировой коммунистической стратегии как организационно, так и идеологически, и связать их с Коммунистическим Интернационалом. Проблема разработки и совершенствования действенных каналов связи с индийскими коммунистами была, пожалуй, самой мучительной из всех. Но, несмотря на многие трудности, Рой продолжал с большим усердием поддерживать контакты с товарищами в Индии. Эта работа укрепляла левое крыло индийского национально-освободительного движения, приближая момент провозглашения независимости Индии.

Источники

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 69; Ф. 544. Оп. 4. Д. 6.

Литература

Алаев Л. Б. Историография истории Индии. М.: ИВ РАН, 2013. 472 с.
Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельникова А. М. Зарождение коммунистического движения Индии: очерки истории. М.: Наука, 1978. 336 с.

Райков А. В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905–1930 гг. М.: Наука, 1979. 270 с.

Рой М. Н. Новая Индия: очерки экономического и политического развития страны / М. Н. Рой; пер. с англ. П. Охрименко под ред. и с примеч. Л. Суницы. М. – Пг., 1923. 200 с.

Satyabrata Rai Chowdhuri. Leftism in India, 1917–1947. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 254 p.

Интернет-ресурсы

Прозуменщиков М. Ю. Коминтерн и разработка проблем политики коммунистов в национально-освободительном движении (на примере азиатских колоний и полуколоний Британской империи) 1919–1939 гг.: автореф. дисс. М., 1991 [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/komintern-i-razrabotka-problem-polit-iki-kommunistov-v-natsionalno-osvoboditelnom-dvizhenii-na-primere-aziatskih-koloniy-i> (дата обращения: 20.07.2020).

Борьба представителей левой индийской революционной эмиграции за лидирующее положение во взаимоотношениях с Коминтерном

В начале 1920-х годов Индия считалась перспективным направлением работы для III Коммунистического Интернационала. Возможность ударить по могуществу империалистических стран через их колонии, особенно когда речь шла о Великобритании, казалась заманчивой и возможной для реализации. Однако искать «кадры» для такой работы Коминтерн был вынужден среди национально ориентированных индийских революционеров, которые только начинали свой путь к освоению левых идей, несмотря на то, что многие деятели индийской революционной эмиграции, еще в годы Первой мировой войны боровшиеся за независимость своей родины при сотрудничестве с Германией, сами были заинтересованы в установлении отношений с Советской Россией и Коминтерном, хотя такой союз был обречен на большое количество трудностей, часть из которых, как показала история КИ, оказалась непреодолимой.

Кандидатов, обладавших серьезными силами или претендовавших на лидерство среди группировок индийской революционной эмиграции, в той или иной мере увлекшихся марксизмом

и имевших шанс установить сотрудничество с Коминтерном, было несколько: Вирендра Натх Чаттопадхьяй (за которым как в жизни, так и в историографии закрепилось прозвище Чатто) – фактический глава «Берлинского комитета», органа, осуществлявшего координацию действий между германским МИД и индийскими революционерами; Манабендра Натх Рой – участник «Индо-немецкого заговора», благодаря марксистским взглядам и знакомству с представителем Коминтерна М. М. Бородиным сумевший зарекомендовать себя в КИ как представитель от Индии, и Санток Сингх Дардео – генеральный секретарь партии «Гадар» – самой крупной организации индийских революционеров за рубежом, рассматривавший марксизм как инструмент достижения для народа Индии социальной справедливости и с начала 1920-х годов желавший добиться сотрудничества своей партии с Коминтерном.

Между этими революционными деятелями развернулась борьба за влияние в КИ, которая имела определенные последствия для будущего коммунистического движения Индии. Отдельные аспекты данного противостояния, в частности взаимоотношения между Роем и Чатто, рассматривались в работах как отечественных, так и зарубежных историков. Материалы РГАСПИ, а также опубликованные комплекты советских и британских документов дают возможность более подробно осветить соперничество между лидерами левоориентированного крыла индийской революционной эмиграции по вопросу о сотрудничестве с Коминтерном.

Одним из первых индийских революционеров, сумевших установить контакт с большевиками, стал В. Н. Чаттопадхьяй. Летом 1917 г. в Стокгольме Чаттопадхьяй и его единомышленникам удалось наладить связь с группой русских большевиков, в частности с К. М. Трояновским, с которым у Чатто сложились теплые дружеские отношения. Эта дружба стала первым связующим звеном между немецким центром индийской революционной эмиграции и большевиками. Трояновский, уверенный в необходимости и продуктивности такого союза, пытался сначала установить контакт с советским посольством в Берлине, а затем и отправить в Москву своего представителя. Однако, несмотря на видимую заинтересованность в союзе, на вторую просьбу индийцы ответили отказом. Возможно (такого мнения придерживается индий-

ский исследователь Т. Р. Сарин), причиной этому послужило неустойчивое положение власти большевиков в России¹.

Тем не менее связь между берлинским центром индийской эмиграции и советской стороной не прервалась. С укреплением власти потенциального союзника росла убежденность Чатто в необходимости установки с ним тесных контактов, которая подогревалась и провозглашенной большевиками национальной политикой, и созданием в 1919 г. Коминтерна. В конце 1920 г. Чаттопадхая лично обратился к В. И. Ленину с инициативой о начале сотрудничества между Коминтерном и «Индийским революционным обществом» – органом, который Чатто позиционировал как своеобразный центральный исполнительный комитет всех борцов за свободу Индии за границей. Ленин дал добро на эту инициативу, но с соблюдением важного условия: Чаттопадхая должен был доказать, что его организация действительно имеет сильную поддержку в среде революционной индийской эмиграции².

Именно здесь у главы берлинского центра возникли две серьезные трудности, первая из которых оказалась связана с М. Н. Роем.

Рой, имевший большую поддержку таких видных большевиков, как председатель ИККИ Г. Е. Зиновьев, Л. М. Карахан, М. М. Бородин и др., считался своеобразным экспертом по «индийским вопросам», хотя назвать его большим знатоком марксизма или человеком, рационально оценивавшим ситуацию в Индии, было сложно. На протяжении коминтерновского периода своей жизни этот индийский революционер крайне переоценивал зрелость классового сознания жителей родной страны. Так, в июне 1920 г. он предоставил КИ свой план военных операций на границе и в самой Индии, в котором утверждал, что пролетарская революция находится буквально на пороге и ее нужно только немного подтолкнуть – оружием и деньгами из Москвы, которыми нужно было снабдить воинствующие силы внутри страны³. Одновременно с этим национально ориентирован-

¹ Sareen T. R. *Indian Revolutionary Movement Abroad, 1905–1921*. New Delhi, 1979. P. 218.

² Price R. *Lives of Agnes Smedley*. Oxford, 2005. P. 89.

³ Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сб. док. / сост. и предисл. Ю. Н. Тихонов. М.: ИВ РАН, 2019. С. 124–125.

ные деятели антиколониальной борьбы, вроде М. К. Ганди, по мнению Роя, являлись реакционерами, от которых нужно было решительно отмежеваться.

Такая позиция отнюдь не находила безусловного одобрения у большевиков. Спор между Роем и Лениным на II Конгрессе Коминтерна по поводу тезисов по национально-колониальному вопросу хорошо известен и проанализирован в советской историографии⁴. Взгляды Манабендры критиковали и другие русские революционеры. Тот же Бородин, при всей оказываемой Рою поддержке, в своей докладной записке в НКВД летом 1920 г. довольно иронично оценивал его взгляды: «Вообще тов. Рой принадлежит к типу прямолинейно мыслящих революционеров, диалектический способ мышления ему по натуре совершенно не знаком, для него да – да, нет – нет, а что сверх того, то от лукавого»⁵.

По сути, Рой сумел снискать себе доверие как первый индийский революционер, причислявший себя к коммунистам. Поэтому часть большевиков закрывала глаза на многое, в том числе на скандальный характер и нежелание воспринимать чужие точки зрения, из-за которых Манабендра уже успел испортить отношения с индийскими организациями революционеров-националистов – «Временным правительством Индии» М. Пратапа и «Революционной индийской ассоциацией» Абдура Раба Барга. Теперь В. Н. Чаттопадхайте предстояло либо суметь договориться с Роем, либо оспорить его авторитет перед большевиками.

Еще до своей договоренности с Лениным, в начале октября 1920 г., Чатто попытался найти с представителем от Индии в Коминтерне общие точки опоры, отправив в Москву предложение созвать заседание всех ведущих индийских революционеров для обсуждения вопроса о создании Индийской коммунистической партии. Данное предложение интересно тем, что примерно в это же время, 17 октября 1920 г., в Ташкенте Роем уже была создана индийская компартия в составе семи человек. В своем письме

⁴ См., например: Мартышин О. В. Некоторые проблемы стратегии и тактики индийского национально-освободительного движения и коммунистического движения // Коминтерн и Восток. Критика критики: против фальсификации ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении. М., 1978. С. 152–206.

⁵ Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). С. 170.

Чаттопадхайя обозначил подробный перечень вопросов, подлежащих обсуждению, а также выдвинул несколько идей. В частности, в его письме поднимался вопрос будущего Исполнительного комитета партии.

Предлагаемый главой берлинского центра индийских эмигрантов вариант был составлен таким образом, что Исполком включал в себя представителей одновременно большинства центров индийской революционной эмиграции и различных провинций и княжеств внутри Индии. Так, помимо Роя (бенгальца) и Чатто (выходца из Хайдарабада) в его состав должны были войти Санток Сингх Дардео (генеральный секретарь партии «Гадар» и представитель Пенджаба), Рустом Кама (представитель французского центра эмиграции из Бомбея), Раш Бихари Бос (дальневосточный центр, Бенгалия и Соединенные провинции) и др. – всего десять человек. Коммунистическая пропаганда в Индии выдвигалась как одна из важнейших задач будущей организации⁶.

Сложно предположить, насколько этот проект был реализуем в данном виде, так как некоторые из возможных членов Исполкома были чистыми националистами (как Раш Бихари Бос). Даже с учетом этого обстоятельства предполагаемая организация, благодаря количеству вовлеченных в нее эмигрантских центров и репутации возможных членов Исполкома, представляла более существенную силу, чем партия Роя. Но никакой видимой реакции на письмо руководителя берлинского центра не последовало⁷.

Чаттопадхайе оставалось уповать на активную поддержку своей кандидатуры со стороны различных эмигрантских центров. Ему действительно удалось добиться определенных договоренностей со многими видными представителями индийских революционеров за рубежом, включая находившуюся в США организацию «Друзья свободы для Индии». Однако (и здесь кроется вторая важная проблема, вставшая перед Чатто) от сотрудничества начал уклоняться Санток Сингх.

Причин этому могло быть несколько. Возможно, лидеру гадаровцев было известно, что у Чатто в Берлине в разгар

⁶ Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельников А. М. Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. М., 1978. С. 71–72.

⁷ Там же. С. 72.

сотрудничества с германским МИД произошел конфликт с Лалом Хар Даялом (бывшим генеральным секретарем «Гадар»), что вызывало у сикха определенное недоверие к главе немецкого центра⁸. Не исключено, что свою роль сыграло идеологическое многообразие групп, которые пытался объединить Чаттопадхайя: коллаборация с националистами и анархистами могла бросить тень на «Гадар» в глазах большевиков.

Следует отметить, что, играя на противоречиях между берлинским центром и Роем, Санток смог добиться серьезных материальных бонусов для своей партии. Потеря самой крупной эмигрантской организации очень сильно снизила шансы Чатто на успех, и осознававший это Рой не преминул воспользоваться ситуацией. Еще с 1920 г. он начал переманивать гадаровцев на свою сторону. Во-первых, представитель от Индии в Коминтерне выставлял их перед большевиками в хорошем свете; во-вторых, старался закрепить разрыв между «Гадар» и «Индийским революционным обществом», демонстрируя выгоды сотрудничества с Москвой через свою персону.

Так, еще летом 1920 г. Рой обратился к руководству Коминтерна с просьбой выделить партии «Гадар» 10 000 долл. США для проведения ее членами «пропаганды среди индийских рабочих на западном побережье [США]» и «организации съезда индийских революционных партий»⁹. Свое решение Манабендра мотивировал тем, что «Гадар», по его мнению, являлась «единственной революционной организацией в США» и выгодно отличалась от тех же «Друзей свободы для Индии», которые «работают для того, чтобы завоевать благосклонность американского правительства и либеральных буржуазных политиков»¹⁰.

Кстати, в начале 1921 г., когда у Чатто появилась небольшая надежда на включение представителя от «Гадар» в состав его группы, Манабендра распорядился отправить товарищам из США еще 40 000 долл. Чаттопадхайя, узнавший об этом от советского представителя в Берлине, пытался протесто-

⁸ Ganguly A. B. Ghadar revolution in America. New Delhi, 1980. P. 77.

⁹ Indo-Russian relations, 1917–1947: select documents from the archives of the Russian Federation / ed. by P. Roy, S. D. Gupta, H. Vasudevan. Calcutta, 1999. Vol. 1. P. 21.

¹⁰ Ibid.

вать, требуя остановки любого финансирования индийских групп, пока не сможет добиться их объединения, но его старания были тщетны¹¹.

Контакты с гадаровцами Рой, по всей видимости, строил не напрямую с Сантоком, а через Сурендра Натха Карра, близкого друга и товарища генерального секретаря «Гадар». На его имя и адрес Рой рекомендовал отправлять корреспонденцию и деньги; с ним же Манабендра вел беседы о необходимости улучшения состояния дел в партии. Например, в письме от февраля 1920 г. Рой убеждал Карра, что его организация должна постараться окончательно порвать со своим националистическим прошлым, не пытаться искать поддержки у местного населения США, вести четкую левую пропаганду и открыто позиционировать себя как объединение рабочих. «Партии Гадар не должно быть стыдно называться Рабочей партией... и по этой причине она оказалась более революционной, более сильной, более активной и более успешной, чем остальные группы, работающие в США, группы, у которых нет никаких оснований, кроме воображения и амбиций определенных лиц»¹². Такие советы сложно назвать полезными в реалиях американской действительности того времени, в которых приходилось существовать гадаровцам, но ненавязчивая лесть также играла роль сближающего фактора.

К весне 1921 г. Чаттопадхайя смирился с потерей поддержки партии «Гадар». Ему удалось собрать группу, в которую входили представители прежде всего европейских центров индийской революционной эмиграции. В марте того же года порядка 30 членов «Индийского революционного общества» отправились в Москву. Среди делегатов, помимо самого Чатто, были такие известные революционеры, как А. К. Лухани, Б. Н. Датта, Н. Гупта, П. Кханкходже, а также американская феминистка Агнес Смедли¹³. Последняя (на тот момент гражданская жена Чатто) официально являлась представителем от «Друзей свободы для Индии»,

¹¹ Communism in India, 1919–1924 (with Unpublished Documents from National Archives of India) / ed. by C. Kaye. Calcutta, 1971. P. 167.

¹² «Letter to S. N. Karr from M. N. Roy», February 1920 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 5. Л. 13.

¹³ Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельников А. М. Указ. соч. С. 80.

однако связалась с индийским освободительным движением именно через «Гадар». Чуть позднее, в апреле, в столицу РСФСР гадаровцами был отправлен С. Н. Карр, который должен был внимательно следить за развитием событий.

Группа Чаттопадхайи находилась в столице Советской России до середины сентября 1921 г. Несмотря на то, что индийцы пробыли там длительное время и имели тесное общение с Лениным, наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным, К. Радеком и другими высокопоставленными лицами, все предприятие ожидало завершилось провалом. Большая часть индийских революционеров, хотя умеренно увлекалась левыми идеями, видела в Советской России лишь альтернативу Германии и надеялась построить сотрудничество с большевиками на тех же условиях, что и с немцами в годы Первой мировой войны. То, что российская сторона требовала от индийцев соответствия их действий определенным принципам, рассматривалось как диктаторское отношение и вызывало у последних раздражение и недоверие¹⁴. Дело усугублялось личной неприязнью, возникшей между отдельными представителями сторон, и в первую очередь между Чаттопадхайей и Роем.

Последняя и решающая попытка прийти к единому знаменателю была сделана в августе 1921 г. Матьяш Ракоши и Джеймс Белл выступили с инициативой создать комиссию, в рамках которой и группа Чатто, и представители Коминтерна могли бы выработать приемлемую для всех стратегию действий. Специально для этой комиссии Чаттопадхайя совместно с А. К. Лухани и П. Кханкходже составили свою схему работы в Индии. По их мнению, необходимо было создать особый орган под названием «Индийский революционный совет», включавший в себя как индийских коммунистов и членов коммунистических партий западных стран, так и представителей «левого крыла индийских национальных революционеров, хорошо настроенных по отношению к коммунистической пропаганде». В предполагаемые направления деятельности будущей организации входили коммунистическая пропаганда среди широких индийских масс, специальная работа с отдельными категориями населения

¹⁴ Communism in India, 1919–1924. P. 170.

(в частности, с военными), публикация соответствующей литературы и «техническая подготовка к революции»¹⁵.

Данный план включал в себя элементы привычной деятельности различных эмигрантских групп, учитывал их опыт и сильные стороны, а также не оставлял без внимания необходимость пропагандистской работы. Он мог стать хорошим компромиссом для всех заинтересованных сторон или хотя бы базой для развития сотрудничества. Однако коминтерновская сторона, всецело поддерживавшая Роя, забракела проект как «довольно ловкий по форме, авантюристски всеобъемлющий, политически беспомощный и лишенный правильного марксистского обоснования»¹⁶. По сути, от группы Чатто требовали подчиниться Рою и присоединиться к созданной им Коммунистической партии Индии. В ответ на это Чаттопадхья и его товарищи пытались доказать, что КПИ Роя является его личным делом, что создание компартии за пределами страны – пустая трата сил, а классовая борьба в Индии на данном этапе невозможна и даже вредна для национально-освободительного движения в целом. Из-за этого большевики сочли, что основная цель Чатто – дискредитировать Роя в их глазах.

Еще один сильный удар по своему авторитету группа Чаттопадхья получила... от Агнес Смедли. 5 августа жена Чатто подала в Малое бюро ИККИ письмо-обращение, содержавшее ее личное мнение о ситуации, сложившейся в революционном движении Индии. В нем Смедли заявила, что большинство индийских революционеров не примут коммунистические идеи, так как главная и единственная их цель – изгнание англичан из Индии, что коммунистическая пропаганда будет воспринята ими враждебно и что предложенная Чатто и Лухани схема является выходом из трудной ситуации. Причем лейтмотивом письма была идея, что единственной пролетарской партией, единственной организацией, имевшей в своей основе последовательные коммунистические тенденции, являлась «Гадар». «Партия Хиндустан “Гадар” – это хорошо организованный революционный орган рабочих, который вобрал в себя один

¹⁵ Indo–Russian relations, 1917–1947. P. 107.

¹⁶ Докладная записка референта по Индии Н. Тольнберга Секретариату ИККИ о Лугани, 03.05.1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 64. Л. 13.

из лучших боевых материалов индийского революционного движения за последние годы», – писала Смедли¹⁷. При том обстоятельстве, что общий смысл письма был направлен в защиту Чатто и его точки зрения, обращение Агнес могло наводить большевиков на мысль об ориентации на сотрудничество только с «Гадар».

Чаттопадхая покинул Москву, не добившись для себя никаких положительных результатов. Итогом описанных событий стало формирование серьезного предубеждения у многих индийских революционеров за рубежом по отношению к Советской России и Коминтерну. Этому активно способствовал как сам Чаттопадхая, так и его ближайшие союзники. В Москву приходили сообщения о жесткой критике, с которой индийские революционеры обрушивались на КИ и большевиков. Например, в индийском ежемесячнике «Модерн Ревью» от декабря 1921 г. появилась статья Агнес Смедли, в которой она назвала Коминтерн «не более чем собранием политических коммунистических группировок в разных странах, многие из которых не имеют связи с рабочим классом и возникли благодаря субсидированию русскими деньгами», а также, уже со ссылкой на растущее в Европе и Америке убеждение, – «орудием национальной защиты Российского государства»¹⁸.

Но вернемся к партии «Гадар». В Москве С. Н. Карр смог положить определенное начало прямым контактам индийских революционеров в США и большевиков. Его личное взаимодействие с Роем также закончилось охлаждением отношений, в связи с чем Карр уехал в Берлин, где сошелся с индийцами, имевшими неоднозначное отношение к представителю от Индии в КИ¹⁹. Тем не менее данный разлад не ударил по самой партии «Гадар». Летом 1922 г. Рой выразил желание помочь еще двоим делегатам от данной организации посетить столицу Советской России и принять участие в IV Конгрессе КИ. Этими делегатами стали сам Санток Сингх Дардео и его товарищ Раттан Сингх Дабба.

¹⁷ Indo-Russian relations, 1917–1947. P. 90.

¹⁸ Извлечения из статьи А. Смедли для индийского журнала «Модерн Ревью» от декабря 1921 г. / пер. на рус. яз. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 64. Л. 62.

¹⁹ Райков А. В. Национально–революционные организации Индии в борьбе за свободу (1905–1930 гг.). М., 1979. С. 108.

В Москве Санток и Раттан пробыли с конца сентября 1922 г. по начало февраля 1923 г. Целью их визита, как сами гадаровцы объяснили в приложении к отчету о деятельности своей партии для отдела Среднего Востока Восточного сектора ИККИ, было установление тесного сотрудничества между их организацией и Коминтерном²⁰.

За указанное время Санток и Раттан приняли участие в IV Конгрессе Коминтерна и II Всемирном конгрессе Профинтерна. Помимо этого, лидеры гадаровцев получили возможность встретиться с руководством и видными деятелями КИ, с которыми смогли подробно обсудить свои планы деятельности в Индии. Среди таких руководителей были Г. Е. Зиновьев и заведующий Восточным отделом ИККИ Г. И. Сафаров, для которых сикхи писали отчеты о работе, проведенной их организацией в Пенджабе²¹. И, конечно, Санток Сингх имел тесное общение с М. Н. Роем, с которым вскоре у него (уже по своеобразной традиции) начались противоречия.

Точные причины и глубина конфликта между представителем от Индии в КИ и лидером гадаровцев пока не известны. Сам факт его наличия показывает письмо индийского революционера Тирумала Ачарии, отправленное И. М. Рейснеру 18 декабря 1922 г. Ачария утверждал, что Санток и Раттан письменно оповестили его о «своих затруднениях с Роем в Москве» и обещали рассказать о них подробнее в следующих письмах, однако больше не вышли на связь. Тирумал утверждал, что причина затруднений кроется в нежелании сикхов безусловно соглашаться с позицией Роя. Более того, на собственном опыте зная, что большинство сотрудников КИ поддерживало Манабендру, Ачария и другие индийцы серьезно опасались, что Сантока и Раттана могут насильно удерживать в Москве или даже держать под арестом по надуманному предлогу²².

²⁰ Letter from Santokh Singh and Rattan Singh to the Executive Committee of Communist International, October 7, 1922 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 89. Л. 1–2.

²¹ Documents of the History of the Communist Party of India, 1917–1922. New Delhi, 1971. Vol. 1. By G. Adhikari. P. 528.

²² Письмо Т. Ачарии Игорю М. Рейснеру, 18.12.1922 г. / пер. на рус.яз. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 64. Л. 38.

Действительно, оценка ситуации внутри Индии и взгляды на основные направления деятельности у Сантока и Роя имели определенные отличия. Это хорошо иллюстрирует стенограмма заседания по восточному вопросу от 28 октября 1922 г., на котором Манабендра представил предварительные тезисы по теме и где присутствовали Г. И. Сафаров и ряд представителей стран Востока, в том числе Санток Сингх. В своем выступлении Рой, хотя и сделал реверанс в сторону тактики единого антиимпериалистического фронта в колониях (лозунг которого был принят на конгрессе КИ), в целом продолжал проводить свою обычную линию о реакционности и даже полном политическом банкротстве национальной буржуазии, особенно в Индии. «...Мы видим череду предательств каждого массового действия, которые были вызваны теми же [буржуазными] лидерами. Отсюда возникает необходимость нового руководства, которое сможет продвинуть движение еще дальше», — отмечал представитель от Индии в КИ²³.

Со своей стороны, Санток Сингх по-иному видел главные проблемы коммунистического движения в Индии. Как Чаттопадхьяй и его сторонники, гадаровец утверждал, что в Индии на рассматриваемом этапе нет оснований для развития полноценной классовой борьбы, так как этому мешает кастовое устройство общества. Однако выход из сложившейся ситуации сикх видел в создании организации, способной правильно понимать, разъяснять и защищать социально-экономические права и интересы как рабочих, так и крестьянства. «Когда такие организации сильны, они не нуждаются в помощи буржуазных лидеров. Тогда, я уверен, мы сможем занять очень важную роль в грядущей национальной революции. В противном случае наше лидерство рабочего класса не сможет добиться многого перед лицом буржуазных лидеров»²⁴.

Видимо, подобные взгляды Сантока Сингха не только не дали повода усомниться в его идеологической ориентации, но и, в совокупности с серьезным опытом революционной деятельности партии «Гадар» и наличием связей

²³ «Eastern Question», com. Roy's report, October 28, 1922 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 143. Л. 27–28.

²⁴ Там же. Л. 30.

в Индии и других странах, расположили к нему деятелей Коминтерна. Сикхи получили согласие на установление сотрудничества между их партией и КИ, а также им было оказано содействие в скорейшей отправке в Индию. При этом Рой, уехавший в Берлин, не дождавшись окончания работы конгресса, уже не влиял на ситуацию. Более того, когда заведующий Отделом международных связей П. А. Вомпе потребовал от Манабендры предоставить адрес для осуществления связи с гадаровцами, это стало для последнего неприятной неожиданностью. Из Берлина в Москву от сторонников Роя было направлено письмо с критикой Вомпе за самоуправство и требованием впредь держать представителя от Индии в курсе обо всех принимаемых по его направлению работы решениях, но адрес все же был предоставлен²⁵.

Санток Сингх тоже не был доволен необходимостью вести дела с Коминтерном через Роя, и есть основания предполагать, что он пытался от такого посредничества избавиться. На данный момент нет точных данных, что гадаровским представителям удалось пообщаться лично с В. И. Лениным, однако о наличии такого факта утверждал товарищ Сантока Тарджан Сингх, член Центрального комитета «Гадар» с начала 1920-х годов. Уже в 1930-е годы, давая информацию о ситуации, складывавшейся в «Гадар» накануне и после установления сотрудничества с Коминтерном, Тарджан отмечал, что Сантоку удалось поговорить с Владимиром Ильичом, причем во время этого разговора гадаровец «пытался открыть Ленину глаза на Роя, но он в тот момент ему не поверил»²⁶. Если такая беседа действительно состоялась, Санток Сингх, скорее всего, мог рассказать о существовавших среди индийских революционеров подозрениях о связях Манабендры с британской разведкой. Как бы то ни было, на протяжении нескольких следующих лет руководство «Гадар» старалось избавиться от Роя как посредника в отношениях с Москвой, считая его виновником возникавших с ней проблем, и требовало признать официальным представителем от своей партии в КИ Раттана

²⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 89. Л. 8–8об.

²⁶ Tarjan Singh's report, без д. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 178. Л. 84об.

Сингха Даббу. Терпеть Роя гадаровцам предстояло долго – до 1929 г., когда Манабендра был исключен из Коминтерна.

Что же стало итогом рассмотренного противостояния? Уверенно назвать в нем победителя нельзя, так как ни одна из сторон не добилась полностью желаемого результата. С наиболее рациональных позиций в данной ситуации выступал именно В. Н. Чаттопадхайджа, честно представив ситуацию в индийском освободительном движении и предлагая всем сторонам идти на компромиссы ради достижения важной для всех цели – подрыва британского господства в Индии. Однако его усилия оказались тщетны перед грузом взаимного недоверия и личных амбиций участников конфликта. Не последнюю роль в этой ситуации сыграли деятели Коминтерна, которые не пожелали взглянуть правде в глаза и предпочли оставаться на стороне Роя, произносившего приятные для уха большевиков мантры о близости социалистической революции в Индии.

Можно назвать несколько результатов данных событий. Во-первых, упущенная возможность создать сильную революционную организацию, имевшую шансы получить реальный авторитет в Индии, с помощью которой Коминтерн мог решать важные для себя задачи в регионе. Таковую функцию для КИ стала выполнять партия «Гадар», но непосредственно в родной стране она не смогла распространить свою деятельность дальше Пенджаба. Во-вторых, Коминтерн своей политикой оттолкнул от себя много индийских революционеров, которых можно было использовать в работе, по крайней мере, в течение определенного времени. В-третьих, не преодоленные в зародыше противоречия между левоориентированными индийскими революционерами в будущем породили своеобразную традицию длительных распрей, которая была перенесена уже на левое движение самой Индии, мешая создать сильную компартию или хотя бы коалицию организаций, способную противопоставить себя националистическому движению. События 1920–1922 гг. привели к тому, что Коминтерн упустил шанс на создание силы, способной, как выразился Санток Сингх Дардео, «занять очень важную роль в грядущей национальной революции».

Источники

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 5; Д. 64; Д. 89; Оп. 154. Д. 143; Оп. 213. Д. 178.

Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сб. док. / сост. и предисл. Ю. Н. Тихонов. М.: ИВ РАН, 2019. 740 с.

Communism in India, 1919–1924 (with Unpublished Documents from National Archives of India) / ed. by C. Kaye. Calcutta: Editions India, 1971. 384 p.

Documents of the History of the Communist Party of India, 1917–1922. New Delhi: People's Publishing House, 1971. Vol. 1. By G. Adhikari. 654 p.

Indo-Russian relations, 1917–1947: select documents from the archives of the Russian Federation / ed. by P. Roy, S. D. Gupta, H. Vasudevan. Calcutta: Asiatic Society, 1999. Vol. 1. 397 p.

Литература

Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельников А. М. Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. М.: Наука, 1978. 336 с.

Мартышин О. В. Некоторые проблемы стратегии и тактики индийского национально-освободительного движения и коммунистического движения // Коминтерн и Восток. Критика критики: против фальсификации ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении. М.: ГРВЛ, 1978. С. 152–206.

Райков А. В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу (1905–1930 гг.). М.: Наука, 1979. 269 с.

Ganguly A. B. Ghadar revolution in America. New Delhi: Metropolitan, 1980. 128 p.

Price R. Lives of Agnes Smedley. Oxford: Oxford University Press, 2005. 512 p.

Sareen T. R. Indian Revolutionary Movement Abroad, 1905–1921. New Delhi: Sterling Publishers, 1979. 300 p.

Пуштунские племена и Коминтерн (1919–1929)*

100-летний юбилей III Интернационала заставляет исследователей всего мира еще раз проанализировать этапы деятельности этой международной коммунистической организации. В очередной раз приходится признать, что на данный момент значительная часть архивных материалов по истории КИ не введена в научный оборот. Информационный пласт, созданный работами историков многих стран, не имеет даже намека на нечто цельное и логически завершенное – отдельные моменты коминтерновского прошлого изучены более тщательно, другие – менее, а большая часть не освещена совсем. Данная ситуация не может считаться нормальной и допустимой, так как в истории Советского государства и национально-освободительного движения в Азии и Африке роль Коминтерна велика и по праву является важной составной частью истории международных отношений 1920–1930-х годов.

Открытие «антибританского фронта» на Востоке было масштабной задачей, которая требовала от Коминтерна не только фантастической траты средств, но и прочного союза со всеми антибританскими силами в исламском мире. Задача экспорта революции в Индию была более конкрет-

* Памяти заместителя начальника отдела научно-информационной работы и научно-справочного аппарата РГАСПИ Светланы Марковны Розенталь.

ной и позволяла сконцентрировать все ресурсы в регионе, где Великобритания оказалась наиболее уязвимой, – в зоне пуштунских племен вдоль индо-афганской границы. Крупное восстание этих племен стало бы мощным ударом по могуществу Великобритании и привело бы к ослаблению ее позиций на международной арене. В связи с этим большевистское руководство и Коминтерн выбрали план создания «индийского фронта» мировой революции.

Начало деятельности Коминтерна в «афганском коридоре» к Индии было связано с рядом серьезных трудностей. В первую очередь ситуация в Туркестане была настолько взрывоопасной, что из Ташкента предпринять что-либо практически значимое для экспорта революции в соседние страны долгое время было крайне сложно. По этому поводу в 1920 г. в одном из своих докладов в НКВД Чрезвычайный и Полномочный представитель РСФСР и Коминтерна в Центральной Азии Я. З. Суриц с горечью писал: «Первые шаги нашего правительства заставили предполагать, что наша политика пойдет по линии поддержки национально-освободительной борьбы народов Азии, и что Россия возьмет на себя лишь роль организующего центра в борьбе Востока за свое освобождение. Грозный союз коммунизма и независимых наций Востока уже стучался в ворота Индии. Паника достигла кульминационного пункта зимой–весной 1919–1920 гг. Однако наша политика пошла по иному руслу. Мы избрали путь классового расслоения, решили опереться на слабо дифференцированные, но родственные нам социальные группы. Естественно, что такое решение задачи неизбежно вызвало самый резкий антагонизм со стороны “национальных” чувств и всего, что шло в их орбите. Вместе с тем нам самим пришлось вмешаться в борьбу и, вместо общего руководства восставшим Востоком против Англии, мы вынуждены были начать подавление национальных вспышек в Туркестане и вооруженной рукой насаждать советские республики в сопредельных странах. В результате то влияние и силы, которые предназначались для нанесения смертельного удара в тыл империализма, оказались растраченными на наше закрепление в Туркестане, и инерция поступательного движения вперед надолго потеряна»¹.

¹ Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сб. док. М., 2019. С. 210.

Несмотря на это, с 1919 г. в Туркестане и Кабуле началась работа по созданию «индийской революционной базы». В афганской столице по заданию КИ первые шаги в этом направлении сделал первый советский полпред в Афганистане Н. З. Бравин, который обещал представителям пуштунских племен («пограничным революционерам») помощь Ташкента в борьбе против Англии².

Полномасштабная работа по налаживанию сотрудничества Коминтерна с антибританскими элементами в Афганистане и Индии началась с прибытием в Кабул 14 декабря 1919 г. полпреда Я. З. Сурица, который официально являлся и представителем КИ в странах Центральной Азии. Именно при нем в Афганистане сложилось довольно логичное разделение обязанностей советских дипломатов: межправительственные отношения между Москвой и Кабулом курировал НКВД, а связи с антибританскими деятелями Индии – Коминтерн. Вплоть до роспуска КИ в 1943 г. послы СССР в Афганистане тайно совмещали свои непосредственные обязанности с этой нелегальной работой. Советское посольство в Кабуле с первых дней своего существования превратилось в центр коминтерновской деятельности против Британской империи.

Первым крупным успехом Сурица как посланца Коминтерна стало создание в феврале 1920 г. в Кабуле «Революционной индийской ассоциации», объединившей различные группы индийских националистов. С одобрения афганских властей ее главой стал индиец Абдур Раб Барк. Суриц разумно не навязывал «Революционной индийской ассоциации» никаких идеологических установок III Интернационала. Сотрудничество с антибританскими элементами строилось на практической основе. В одном из документов НКВД указывалось: «Ассоциация соглашалась работать только среди независимых племен индийской границы с тем, чтобы ей был разрешен проезд и провоз секретных материалов в те территории»³.

Благодаря столь гибким формам объединения и конкретной общей задаче численность Ассоциации быстро достигла 150 человек, и она смогла начать работу в зоне пуштунских племен. Представителями этой организации были переправ-

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 11. Л. 24.

³ АВП РФ. Ф. 090. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 10.

лены послание Сурица, письмо Ленина к «Индийской революционной ассоциации» и коммунистическая литература. Но бумаги и часть брошюр и листовок были перехвачены британской разведкой, что привело к первым арестам агентов Коминтерна в Индии⁴.

С момента своего создания «Революционная индийская ассоциация» была признана Коминтерном и советским правительством. Ее представители вскоре стали делегатами II Конгресса КИ. На этом конгрессе делегаты включили в устав КИ положение, закрепившее уже сложившуюся практику взаимодействия коминтерновских структур с революционными организациями за рубежом. В уставе КИ было записано, что он «обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где бы она ни создавалась»⁵.

Восточные националисты быстро осознали, какие огромные возможности открываются перед ними, если, манипулируя коммунистической фразеологией, использовать эту установку Коминтерна, чтобы получить золото и оружие для своих целей. Схема была проста: группе «товарищей» необходимо было лишь заявить в своей программе, что в грядущем в какой-нибудь стране или районе планируется создать «советскую республику», чтобы получить материальную поддержку КИ.

Примерно по такому же сценарию развивались события в Туркестане и «афганском коридоре» в 1920–1921 гг. 31 марта 1920 г. в Ташкент прибыли представители «Временного правительства Индии» Мухаммад Али и Мухаммад Шафик, чтобы получить от советского правительства помощь в борьбе против Англии⁶. Мухаммад Али первым из индийских националистов в Ташкенте предложил филиалу Коминтерна в Туркестане – «Совету интернациональной пропаганды» (СИП) общий план использования повстанческого движения пуштунов против Великобритании.

⁴ Докладная записка «Революционно-индийская ассоциация» (без подписи) // АВП РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 11.

⁵ История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: документальные очерки. М., 2002. С. 13.

⁶ Персиц М. А. Революционеры Индии в Стране Советов. 1918–1921. М., 1973. С. 32–33.

Коминтерновцы в Москве и Ташкенте прекрасно осознали, что имеют дело с типичными восточными националистами, перенявшими в лучшем случае азы коммунистической терминологии. Для такой грандиозной операции, как подготовка антибританского вооруженного восстания в Индии, Коминтерну были необходимы люди более крупного масштаба – индийские революционеры, знакомые с общими принципами марксизма, имеющие опыт нелегальной работы и дух авантюризма.

Лишь в Мексике в 1919 г. эмиссару Ленина М. Бородину удалось установить контакт с подходящим кандидатом – генеральным секретарем социалистической партии этой страны индийцем Манабендрой Натхом Роем, который имел опыт антибританской подрывной деятельности как в Индии, так и за ее пределами. В ноябре 1919 г. при его участии была создана компартия Мексики, заявившая о своем присоединении к Коминтерну. В 1920 г. Рой был послан от МКП делегатом на II Конгресс Коминтерна в Москве⁷. С ним лично встретился Ленин, который, судя по дальнейшей стремительной карьере Роя в КИ, высоко оценил энергию индийского революционера, сразу же предложившего Советской России свой план организации «революции» в Индии.

В рамках разработанного Роем «Плана военных операций на границах Индии» КИ должен был доставить в зону пуштунских племен большое количество оружия и взрывчатки для передачи местным революционным группам с целью «уничтожения железных дорог, телеграфных и телефонных линий, взрыва мостов и т.п., чтобы тем самым парализовать быструю мобилизацию военных сил (Англии. – Ю.Т.)»⁸. Осуществив указанные мероприятия, Рой рассчитывал вторгнуться из Афганистана в Панджаб во главе 25-тысячной армии, набранной главным образом из пуштунов и оснащенной современным оружием.

Первоначально столь грандиозный план был отвергнут советским руководством, но в ходе работы II Конгресса Ленин поддержал авантюру Роя. Уже в июне 1920 г. Коминтерн при активной поддержке большевиков приступил к формированию военной миссии во главе с Бородиным и Роем в Афга-

⁷ Хейфец Л. С. Латинская Америка в орбите Коминтерна. М., 2000. С. 149.

⁸ Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). С. 125.

нистан. 8 августа 1920 г. «для работы в странах Востока» Рой был назначен одним из руководителей Туркестанского бюро Коминтерна⁹. Тем самым ему предоставлялись большие полномочия и средства для организации экспорта революции через Афганистан в Индию.

Летом 1920 г. Коминтерн отверг план «Революционной индийской ассоциации», предлагавшей действовать в обход Афганистана. Лидер этой организации Абдур Раб Барк, хорошо знавший политическую ситуацию в Кабуле, рекомендовал «Совету интернациональной пропаганды» создать центры для организации антибританской пропаганды и комплектования небольших повстанческих отрядов среди приграничных племен в Ашхабаде, Ташкургане и Калаи-Пандже. В своем докладе в СИП Барк, объясняя целесообразность действий по предложенному им плану, писал: «Эмир очень взволнован непосредственными сношениями советского правительства с независимыми пограничными племенами, и это было одной из мертвых точек, с которой тов. Суриц не смог сойтись [во время переговоров] с афганским правительством»¹⁰. Предупреждение Барка было проигнорировано в Москве, так как большевики легкомысленно надеялись на афганскую помощь в реализации их планов в Центральной Азии.

29 сентября 1920 г. в Ташкент на поезде «Красный Восток» прибыла «афганская миссия» во главе с Роем. Его деятельность в Ташкенте нанесла непоправимый вред коминтерновской работе в «афганском коридоре», так как он своими поступками и левацкими высказываниями сделал невозможным союз с антибританскими силами в зоне пуштунских племен. Прежде всего он разгромил «Революционную индийскую ассоциацию» в Ташкенте, руководство которой справедливо считало, что любая коммунистическая пропаганда среди мусульман наносит огромный ущерб борьбе против Англии, превращая возможных союзников во врагов. Несмотря на это, в Москве и Ташкенте полагали, что коминтерновская деятельность в Афганистане и Индии сможет заставить Великобританию пойти на уступки Советской России.

⁹ Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 31.

¹⁰ Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). С. 165.

Создание подпольной сети Коминтерна потребовало крупных расходов. Необходимые средства у Туркбюро КИ имелись. Только Рой сдал на хранение представителю НКВД в Ташкенте Д. Гопнеру 2 млн рублей золотом, из которых потребовал в свое распоряжение 100 тыс. рублей. Этих денег он не получил (они предназначались для расходов исключительно на территории Афганистана и Британской Индии), но советское правительство в качестве компенсации передало М. Рою 2 млн индийских рупий, доставленных в Ташкент из Баку¹¹. Сверх нее Рой дополнительно получил значительные средства, которые лежали на его счету в Туркбюро.

В Ташкенте Рой встретился с первыми представителями пуштунских племен, которые прибыли в Туркестан за помощью. В ноябре 1920 г. в Ташкент приехали новые посланцы от «независимых» племен Британской Индии. Эту делегацию от «Либеральной лиги» возглавляли Мухаммад Икбал и Абдул Хак. Последний получил от Роя задание развернуть антибританскую деятельность среди пуштунов «независимой» полосы. На эти цели Абдул Хаку было выделено 25 тыс. индийских рупий. Судя по документам Туркбюро КИ, Хак должен был начать выполнение своего задания с Баджаура, где у Коминтерна уже имелся нелегальный центр. Однако сулившая большие перспективы работа с «Либеральной лигой» оборвалась, едва начавшись: Хак был разоблачен афганцами как английский шпион и арестован. Большую часть денег, выданных ему Роем, он успел спрятать. Без средств о ведении какой-либо антибританской деятельности среди пуштунских племен не приходилось и думать¹².

В «индусской» работе Туркбюро были не только провалы. Коминтерну удалось наладить контакты с известным среди индийских мусульман «Комитетом сподвижников священной войны», т.е. с ваххабитами. В 1919 г. в Кабул прибыл представитель ваххабитов Мухаммад Ясин, который установил связь с советскими дипломатами. Затем он отбыл в Ташкент, где получил от Коминтерна помощь для своей организации. В обмен ваххабиты согласились оказать КИ

¹¹ Письмо М. Роя Л. Карахану № 60 (без даты) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 18. Л. 8.

¹² Тихонов Ю. Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. С. 96–97.

содействие в проведении антибританской пропаганды среди пуштунских племен¹³.

В конце 1920 г. Коминтерн наладил несколько маршрутов для переброски своих эмиссаров и агентов в Индию. Однако эффективно осуществлять эту работу из Русского Туркестана было нельзя как по причине большой удаленности от Индии, так и из-за противодействия афганских властей и британской разведки. Кроме того, лишь немногие из пуштунов соглашались сотрудничать с Коминтерном, так как между джихадом против англичан и социалистической революцией в Индии была огромная разница. Коминтерну «на ходу» приходилось учиться работать на Востоке и менять свою тактику, исходя из реальных условий, а не из идеологических догм и вымышленных схем.

В связи с этим руководство Коминтерна (под все возрастающим контролем НКВД) сконцентрировало свои усилия на создании в Кабуле нелегального центра, который бы осуществлял поддержку мятежных пуштунских племен и других антибританских сил в Индии. Для решения такой сложной задачи 5 января 1921 г. из Кушки в Кабул по поручению Роя выехал Мухаммад Али, которому предстояло стать первым резидентом Коминтерна в Афганистане. Али было приказано тайно осуществить переброску в Советскую Россию лидеров индийского освободительного движения. Рой планировал с их участием организовать в Ташкенте Всеиндийский революционный конгресс. Дополнительно к этому Али должен был предпринять шаги для создания в Индии «Всеиндийской революционной партии» и первых коммунистических ячеек¹⁴. Кроме того, резидент Коминтерна в Кабуле получил от Туркбюро КИ задания по созданию в Афганистане и Индии агентурной сети для сбора развединформации и переброски российского оружия в полосу «независимых» пуштунских племен. Для этого Али поручалось организовать прибытие из Индии в Ташкент «ответственных работников», чтобы они смогли пройти политическую и военную подготовку.

Особое значение Рой придавал установлению сотрудничества с приграничными пуштунскими племенами, представи-

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 105. Л. 145.

¹⁴ Инструкция М. Н. Роя М. Али в Кабул // Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). С. 318–319.

телей которых предполагалось переправить в Ташкент через Памир и Бадахшан. Али должен был сообщить пуштунским вождям, что они «могут получить оружие в том случае, если они в состоянии его транспортировать», т.е. тайно провезти горными тропами через Афганистан. С помощью горцев «независимой» полосы ему поручалось не только обеспечить доставку вооружения в Британскую Индию, но и создать в не контролируемых английской администрацией горных районах коминтерновскую типографию. Туркбюро КИ предоставило Али свободу действий и право курировать коминтерновскую агентуру в районах вдоль индо-афганской границы. Через советское посольство в Кабуле он получил для своей работы значительные средства золотом. Большие полномочия, активная, но осторожная антибританская деятельность в Кабуле, а также солидные финансовые ресурсы, имевшиеся в его распоряжении, сделали Али в 1921–1922 гг. центральной фигурой всех коминтерновских операций в «афганском коридоре».

Прибыв в афганскую столицу, коминтерновский резидент поселился в доме бывшего министра внутренних дел «Временного правительства Индии» Мухаммада Обайдуллы, у которого в тот момент были хорошие отношения с афганскими властями. Тот гарантировал чиновникам эмира, что Али «не будет развивать в Афганистане коммунистическую пропаганду»¹⁵, чем на длительное время обеспечил ему безопасность и условия для работы. Обайдулла поддерживал тесные связи с племенами «независимой» полосы и ваххабитами. Постепенно эти связи в Индии были им переданы Али.

Летом 1921 г. обстановка в зоне пуштунских племен складывалась явно не в пользу антибританских сил. Из-за сильной засухи во многих районах «независимой» полосы почти полностью погибли урожай и скот. Когда стала очевидной тщетность попыток не допустить спада активных боевых действий в «независимой» полосе Британской Индии, новый советский полпред и представитель КИ Ф. Ф. Раскольников санкционировал план Али по созданию «конспиративного центра», который должен был координировать деятельность

¹⁵ Доклад об индийской работе с 1 августа по 10 сентября 1921 г. Ф. Раскольникова // АВП РФ. Ф. 090. 1921. Оп. 4. П. 2. Д. 7. Л. 271.

других антибританских «центров», действовавших в приграничных районах Северо-Западной Индии. Главной задачей центра Раскольников считал создание «надежного аппарата связи с Индией», а затем и с Россией через Памир¹⁶.

М. Али предлагал Раскольникову организовать в Баджауре или землях момандов новый «центр», который бы функционировал (с санкции местного мусульманского духовенства) под видом легальной культурно-просветительской организации с типографией и школой. Задачи данного центра заключались в ведении пропаганды среди пуштунских племен и «отыскании надежного пути в Россию через территорию независимых племен, минуя Афганистан»¹⁷. На эти цели Али просил выделить на первые три месяца 10 тыс. рупий. На столь ограниченные средства нельзя было рассчитывать организовать крупное вооруженное восстание пуштунских племен, но в конце 1921 г. представители Коминтерна в Средней Азии и Кабуле уже не надеялись на это. Сохранить и расширить тайные каналы связи между Британской Индией и СССР через Кабул было задачей-максимум на тот период времени.

М. Али планировал выплатить 12 тыс. рупий в виде ежегодной субсидии и «Комитету сподвижников священной войны». Резидент КИ не представлял себе реализации своего плана без сотрудничества с этой организацией. Установлению долговременного сотрудничества между Коминтерном и «Комитетом сподвижников священной войны» способствовал приезд в Кабул одного из руководителей Комитета – Мауланы Башира, который был общепризнанным лидером пуштунских племен Вазиристана. Несмотря на его явный «антагонизм к коммунизму», Раскольников выплатил ему 5 тыс. рублей золотом и договорился о дальнейшей связи¹⁸.

С 1922 г. с помощью ваххабитов Коминтерн стал налаживать антибританскую работу в зоне пуштунских племен. Установление сотрудничества с ваххабитами из Самарканда не было единичным эпизодом в деятельности КИ в Афгани-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Докладная записка М. Али «О пограничных племенах». 03.08.1921. Инструкция М. Н. Роя М. Али в Кабул // Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). С. 440–442.

¹⁸ Доклад об индийской работе за полугодие с 1 декабря [1921 г.] по 1 мая 1922 г. Ф. Раскольникова // Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). С. 565–578.

стане. Использование националистических партий, тайных обществ и признанных антибританских племенных лидеров против Англии стало обычной практикой в работе коминтерновских структур в Азии. Ради достижения практических задач Коминтерну приходилось жертвовать идеологическими установками и работать под прикрытием религиозных и националистических лозунгов.

В январе 1922 г. с приездом в Кабул Мухаммада Шафика нелегальная деятельность КИ среди представителей пуштунских племен значительно активизировалась. Не имея возможности из-за запрета афганских властей выехать в Индию, Шафик создал в Кабуле «Пограничную национальную партию» (ПНП), программа которой предусматривала освобождение пуштунов «независимой» полосы и Индии от английского господства. Работа ПНП предполагала сотрудничество с афганским правительством. Однако представитель КИ в Афганистане справедливо считал, что цели КИ и афганского правительства в зоне пуштунских племен не совпадают. По этому поводу он писал в Исполком Коминтерна: «Революционная работа среди “независимых” племен монархического Афганистана преследует аннексионистско-империалистические цели; мы же стремимся к действительной независимости племен и Индии. К тому же в данном случае не может быть гарантирована тайна, и, в случае поворота афганской политики, мы с головой будем выданы англичанам»¹⁹. По этим соображениям Раскольников отказался обсуждать с руководством ПНП какие-либо вопросы о совместной работе среди пуштунских племен Британской Индии. Бойкот Раскольниковым ПНП и отзыв Шафика из Кабула показали, что КИ стремился использовать приграничные пуштунские племена для подрыва британского господства в Индии, но не собирался помогать Афганистану включить «независимую» полосу в состав его территории.

Совсем в ином ключе развивалось сотрудничество Коминтерна с Обайдуллой и его сторонниками. По сообщениям Раскольникова в Москву, этот влиятельный в Афганистане индийский националист примыкал к левому крылу ИНК и считал, что приграничные пуштунские племена «являются главным внешним рычагом для ускорения и облегчения

¹⁹ Там же. С. 611.

индийской революции». Через М. Али Раскольниковым было передано Обайдулле 2 тыс. фунтов стерлингов «для финансирования движения среди независимых племен»²⁰. Фактически денег на поддержку антибританской борьбы пуштунских племен полпредство РСФСР тратило значительно больше.

Весной 1922 г. Раскольников наряду с первыми успехами в зоне пуштунских племен был вынужден констатировать и провал плана Али создать единый антибританский центр в районе северо-западной границы Индии. Столкнувшись с разобщенностью приграничных племен, он с горечью докладывал в НКИД: «Нам приходится размениваться на переговоры с каждым отдельным “вождем” и распылять нашу субсидию на мелкие подачки. Эта неспособность восточных людей к организационному объединению и их мания величия уже неоднократно тормозила нашу революционную деятельность на Востоке...»²¹

Крупным успехом Коминтерна в Британской Индии стало установление сотрудничества с лидером горных момандов муллой Турангзаем, многотысячные отряды которого ранее неоднократно угрожали городу Пешавару. Очевидно, что советскому полпредству связь с ним удалось наладить через ваххабитов.

В 1922 г. афганские власти под давлением Англии были вынуждены принять меры для прекращения антибританской деятельности в своей стране: из Афганистана выдворили самых важных агентов Коминтерна и лиц, связанных с ними. Кабульский центр индийских националистов, действовавших в Афганистане, прекратил свое существование, а деятельность Коминтерна в этой стране была временно парализована. Ультиматум Керзона 1923 г. еще больше воспрепятствовал активности КИ в этой стране.

Трудности не остановили коминтерновское руководство и лично председателя КИ Г. Е. Зиновьева, так как они считали, что революция в Индии произойдет в скором времени. Поэтому 18 января 1924 г. Исполком Коминтерна принял постановление о создании в зоне пуштунских племен сети подпольных ячеек, чтобы активизировать свою деятельность

²⁰ Центральный Архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Д. Р-41036. Л. 25об.

²¹ Доклад об индийской работе за полугодие с 1 декабря [1921 г.] по 1 мая 1922 г. Ф. Раскольникова // Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). С. 577.

в районе индо-афганской границы. Вскоре с помощью ваххабитов в Хайберском проходе и Вазиристане удалось создать два комитета, финансировавшиеся КИ и выполнявшие его указания. В свою очередь, Сеид-Ашассанский центр КИ в Баджауре во главе с Гулямом Мохаммадом Азисом смог организовать среди местной молодежи школы для воспитания пуштунских революционеров. Азис доставил в горы печатный станок и приступил к выпуску агитационной литературы.

Антибританская деятельность Коминтерна в зоне пуштунских племен потребовала больших средств. На эти цели коминтерновский центр в Кабуле получил к концу 1925 г. 500 тыс. рублей золотом. Эти средства позволили СССР укрепить свое присутствие в полосе «независимых» племен Северо-Западной Пограничной провинции Британской Индии. Когда в мае 1927 г. Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР, активность III Интернационала в «афганском коридоре» еще более возросла, что снова продемонстрировало тот факт, что эта международная организация прежде всего являлась проводником внешнеполитических интересов советского правительства.

С соблюдением максимальной секретности летом 1927 г. заместитель наркома по иностранным делам Л. Карахан сделал устный (!) доклад о положении в районе индо-афганской границы и возможной активизации антибританской деятельности среди пуштунских племен²². Судя по дальнейшим действиям советских дипломатов в Афганистане в 1927–1928 гг., в Кремле санкционировали усиление работы советских спецслужб и КИ в зоне пуштунских племен.

К весне 1928 г. коминтерновские агенты были заброшены в Дир, Сват, Читрал и Гильгит. В землях момандов была создана постоянная резидентура советской разведки. Для установления связей с вождями патанов был учрежден «Мусульманский союз». Он отправил подарки вождям крупнейших приграничных племен, среди которых активно велась работа по объединению и предотвращению «преждевременного восстания» против англичан. Вазирам и момандам планировалось выплачивать крупные субсидии, чтобы с помощью этих горцев при походе Красной армии на Индию

²² Письмо Л. М. Карахана В. В. Молотову. 15.06.1927 // АВП РФ. Ф. 04. 1927 г. Оп. 50. Д. 697. Л. 6.

приобрести «союзников, действия которых помогут... выиграть сражение в Сулеймановых горах». Кроме этого, английская разведка с тревогой констатировала, что коминтерновские эмиссары проникли в Кашмир и пытаются организовать транспортировку вооружения в Британскую Индию.

Нормализация советско-афганских отношений и гражданская война 1928–1929 гг. в Афганистане сделали бессмысленными дальнейшие дорогостоящие интриги КИ среди патанов, поэтому к планам поднять вооруженное восстание в районе индо-афганской границы больше не возвращались.

Таким образом, основываясь на анализе советских архивных документов, можно с уверенностью утверждать, что авантюры Коминтерна в зоне пуштунских племен в 1919–1929 гг. были составной частью политики большевиков. В Средней Азии не было самостоятельного аппарата КИ, который мог бы без финансовой и организационной поддержки советских ведомств осуществить открытие «афганского коридора», чтобы использовать отряды патанов против английских сил в Индии. В конце 1920-х годов Коминтерн фактически стал ширмой для деятельности спецслужб СССР среди населения Афганистана и Британской Индии.

Источники

АВП РФ. Ф. 04. 1927 г. Оп. 50. Д. 697; Ф. 090. Оп. 4. П. 2. Д. 4; Д. 7; Ф. 495. Оп. 3. Д. 105; Оп. 68. Д. 11; Д. 18.

ЦА ФСБ. Д. Р-41036

Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сб. док. / сост. и предисл. Ю. Н. Тихонов, отв. ред. Д. Д. Васильев. М.: ИВ РАН, 2019. 740 с.

Литература

Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.

История Коммунистического Интернационала, 1919–1943: документальные очерки / ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2002. 413 с.

Персиц М. А. Революционеры Индии в Стране Советов. 1918–1921. М.: Наука, 1973. 200 с.

Тихонов Ю. Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: Яуза, 2008. 704 с.

Хейфец Л. С. Латинская Америка в орбите Коминтерна. М.: ИЛА РАН, 2000. 266 с.

Раздел V

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КОМИНТЕРНА

Влияние III Интернационала на британскую компартию в начале 1920-х годов

Победа в России Октябрьской революции в 1917 г. и создание в марте 1919 г. III Коммунистического Интернационала придали заметный импульс активизации крайне левых сил Британии. Руководители Коминтерна и большевистской партии в 1919–1920 гг. содействовали усилению объединительных тенденций среди английских социалистов, способствовали радикализации их взглядов, помогали им в разработке программных установок будущей компартии¹.

С 31 июля по 1 августа 1920 г. представители нескольких левых британских организаций (среди них Британская социалистическая партия, Коммунистическая объединенная группа и ряд других) провели в Лондоне I (учредительный) съезд, на котором было объявлено о создании Коммуни-

¹ Прокопов А. Влияние Октябрьской революции 1917 г. в России на становление Коммунистической партии Великобритании (1920–1930 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 7 (71). Революционные волны и трансформации картины мира в XX в.

стической партии Великобритании (КПВ). Его участники приняли решение о присоединении их партии к III Интернационалу, заявили о своей приверженности принципам этого объединения: классовой борьбе, диктатуре пролетариата, системе советов, ориентации на мировую революцию². Позднее, весной 1921 г., представители КПВ постановили, что членом партии может быть любой гражданин, разделяющий принципы III Интернационала³. Делегаты I съезда проголосовали также, как рекомендовал основатель Коминтерна – В. И. Ленин, за участие КПВ в парламентской деятельности и за вступление в Лейбористскую партию Великобритании (ЛПВ)⁴. Став секцией Коминтерна, компартия Великобритании обязана была выполнять все решения высших органов этого международного объединения, в котором ведущую роль играли российские большевики и основные организационные структуры которого располагались в Москве. Председателем КПВ был избран Артур Макманус, генеральным секретарем – Альберт Инкпин.

Почти сразу после завершения I съезда КПВ состоялось заседание Исполкома Коминтерна при участии его председателя, видного большевика Григория Зиновьева, и нескольких представителей левых сил Британии. Было решено провести еще один объединительный съезд КПВ, чтобы привлечь в партию ряд левых организаций, оставшихся вне компартии⁵. В конце января 1921 г. британские коммунисты, как и рекомендовал Коминтерн, созвали II съезд, по результатам работы которого к компартии присоединились несколько организаций (включая представителей фабрично-заводских старост во главе с У. Галлахером⁶). Таким образом, к началу 1921 г. при энергичном участии руководителей III Интернационала и видных деятелей

² Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933. С. 61–73; Communist Unity Convention. Official Report. L., 1920. P. 3–64.

³ Macfarlane L. The British Communist Party. Its Origin and development until 1929. L., 1966. P. 73.

⁴ Communist Unity Convention. Official Report. L., 1920. P. 29; Партии Коммунистического Интернационала. М. – Л., 1928. С. 78.

⁵ Протокол заседания Исполкома Коминтерна 10 августа 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 10. Л. 34–39.

⁶ Уильям Галлахер в 1921 г. стал вице-председателем КПВ.

российской партии большевиков в рядах компартии были объединены представители наиболее активных организаций Британии, чьи последователи придерживались крайне левых взглядов.

В начале 1920-х годов и на протяжении всего межвоенного периода лидеры Коминтерна уделяли большое внимание британской секции. Проблемы КПВ не раз обсуждались на конгрессах Коминтерна и пленумах Исполкома этой организации. С момента основания компартии Британии III Интернационал предоставлял ей значительную финансовую помощь. Только в 1920–1921 гг. по секретным каналам Коминтерна компартии было выделено 55 тыс. ф. ст.⁷. В апреле 1921 г. в КПВ был направлен сотрудник аппарата Коминтерна (специалист по конспиративной работе⁸) Г. Робинсон. В его функции помимо организации издательского дела входило снабжение британских коммунистов деньгами и контроль за их расхождением⁹. Большие средства, поступающие из Москвы, не всегда рационально использовались. В июле 1921 г. Робинсон писал в отчете III Интернационалу, что руководство КПВ плохо организовано и «передача в руки партии больших сумм денег приведет ее к окончательному разложению. Я нахожу, – продолжал Робинсон, – что им необходимо выдавать сумму со специальным назначением, например, на агитацию среди безработных, организацию заводских комитетов, пропаганду»¹⁰.

Лидеры Коминтерна отчасти прислушались к рекомендациям своего временного представителя в Британии. В 1922 г. они выделили КПВ только 22 750 ф. ст., и позднее лидеры британских коммунистов стали отсылать в Москву подробные отчеты об использовании денежных дотаций

⁷ Thorpe A. The British Communist Party and Moscow, 1920–1943. Manchester, N.Y., 2000. P. 52–53. Думается, приведенная Торпом сумма не в полной мере отражает объем финансирования Компартии со стороны Москвы. В отчете Г. Робинсона (представителя Коминтерна, посетившего КПВ) от 18 июля 1921 г. говорилось о том, что КПВ «получила уведомление, что ей вновь ассигновано 100 000 фунтов стерлингов»; В Малое бюро ИККИ // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1 Д. 8. Л. 27.

⁸ Фирсов Ф. Секретные коды. История Коминтерна. 1919–1943. М., 2007. С. 228.

⁹ В Малое бюро ИККИ. Дополнение к моему докладу от 18/VII // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 8. Л. 29. В числе задач Робинсона в Британии было установление связи с Индией; В Малое бюро Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.

¹⁰ В Малое бюро ИККИ // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2 Д. 8. Л. 26–27.

от Коминтерна¹¹. 14 февраля 1923 г. они писали, что в 1922 г. израсходовали на все нужды партии 28 424 ф. ст. 18 шил. 9,5 пенсов¹². Таким образом, КПВ в 1922 г. как минимум на 80% содержалась за счет III Интернационала. Учитывая тот факт, что в 1920–1921 гг. (т.е. за 17 месяцев с момента основания КПВ) дотации от Коминтерна, как уже отмечалось выше, были в два с лишним раза больше, чем в 1922 г., можно с большой долей уверенности предположить, что Москва и в первые полтора года существования КПВ оплачивала не менее (если не более) 80% расходов ее британской секции. В 1923–1924 гг. III Интернационал продолжил финансировать британскую компартию, но в меньшем объеме, чем в 1920–1922 гг.¹³

Наличие немалых денежных средств позволило руководству компартии в начале 1920-х годов вести активную пропагандистскую деятельность. Сразу же после образования партии стала выходить еженедельная газета «Коммунист», тираж которой со временем достиг 19 тыс. экземпляров¹⁴. Название газеты сопровождала информация, что данное издание является печатным органом III (Коммунистического) Интернационала. Британские коммунисты явно испытывали гордость в связи с тем, что их партия представляет Коминтерн. Это международное объединение было для них не только руководящим органом, но и своего рода революционным маяком. В газете «Коммунист» регулярно публиковались материалы, пропагандировавшие идеи коммунизма, печатались выступления Ленина и Зиновьева, а также информация о Коминтерне, русской революции 1917 г.¹⁵ Многие руководители КПВ в начале 1920-х гг. ожидали скорую революцию в Британии, и на страницах своей газеты они явно стремились популяризовать среди читателей революционный опыт Советской России.

¹¹ Фирсов Ф. Указ. соч. М., 2007. С. 116.

¹² Communist Party of Great Britain. Organizing Bureau. 14th February 1923 // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 100. Д. 116. Л. 13.

¹³ Ibid. Л. 14; Eaden J. Renton D. The Communist Party of Great Britain since 1920. L., 2002, P. 20; Коминтерн против фашизма: документы. М., 1999. С. 142.

¹⁴ Поллит Г. Годы политического ученичества. М., 1960. С. 151.

¹⁵ Communist, November. 5. 1921. August. 5, 12, 19, September. 9, November. 4, 25, 1920. April 8, July 22, September. 16, October. 28, December. 2, 23. 1922.

С июля 1921 г. компартия стала издавать журнал «Лэйбор Мансли», который позиционировался не как партийный, а как независимый журнал¹⁶. На его страницах публиковались статьи не только членов КПВ, но и представителей других партий и рабочих объединений. Редактором «Лэйбор Масли» стал один из ведущих деятелей КПВ Раджани Палм Датт. Он утверждал, что это издание было задумано и инициировано руководителями Коминтерна и лично В. Лениным¹⁷. Британский исследователь Дж. Каллагэн не без основания полагал, что III Интернационал изначально и финансировал его выпуск¹⁸.

Представители КПВ, как им и рекомендовал основатель Коминтерна, приняли участие во всеобщих выборах 1922 г., 1923 г. и 1924 г. Руководители III Интернационала оказали немалое влияние на разработку предвыборной тактики КПВ¹⁹. В 1924 г., когда было сформировано первое лейбористское правительство, английские коммунисты первоначально приветствовали это событие и только после настоятельных рекомендаций из Москвы заняли резко критическую позицию в отношении кабинета Р. Макдональда²⁰.

Взаимоотношения КПВ и Коминтерна не всегда имели характер беспрекословного подчинения первой второму. В 1921–1922 гг. в условиях спада революционной волны в Европе лидеры III Интернационала при личном участии В. Ленина разработали политику единого пролетарского фронта. Она ориентировала секции Коминтерна на завоевание широких масс и предусматривала совместные действия коммунистов с рабочими из других партий и объединений для защиты интересов пролетариата и против буржуазии. Макманус и Инкпин декларировали свою поддержку единого рабочего фронта, однако в партии имела место определенная оппозиция новой линии III Интернационала. Гарри Поллит –

¹⁶ Callaghan J. Rajani Palme Dutt. A study in British Stalinism. L., 1993. P. 44.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Прокопов А. Всеобщие выборы в Великобритании 1922 г. в планах российских большевиков и английских коммунистов // Электронный научно-образовательный журнал. Вып. 6 (80). Т. 10. Телеграмма ИККИ в ЦК КП Англии о политситуации Англии // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 136. Л. 2–3.

²⁰ Прокопов А. Коминтерн, английские коммунисты и первое Лейбористское правительство Великобритании // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 51–64.

один из руководителей компартии – отмечал, говоря о ситуации в КПВ в 1922 г., что в партии продолжали существовать сектантские традиции и некоторые коммунисты не понимали важности проведения тактики единого рабочего фронта²¹. Представитель Коминтерна, находившийся в начале 1920-х годов в КПВ, писал, что призывы Москвы активизировать работу среди широких слоев населения и добиваться вступления в ЛПВ не находили поддержки в компартии²².

В 1920–1922 гг. лидеры КПВ столкнулись и с другими проблемами. У. Галлахер отмечал в воспоминаниях, что «Исполком (КПВ. – А.Л.) состоял из представителей всех районов и был скорее федерацией районов, чем централизованным руководством»²³. Уже упоминавшийся эмиссар Коминтерна – Г. Робинсон – писал в отчете, что в Центральном комитете партии царит хаос²⁴. По его требованию руководители КПВ согласились улучшить систему распространения литературы и заняться организацией заводских комитетов, которых до лета 1921 г. вообще не существовало²⁵. Несомненно, что отмеченная выше ситуация в высшем руководстве КПВ негативно влияла на всю деятельность партии и ее рядовых членов. Если в период основания КПВ в августе 1920 г. в партии насчитывалось немногим более 5 тыс. человек, то через 5–6 месяцев – 2–2,5 тыс., в конце 1923 г. – 3,3 тыс., к декабрю 1924 г. – 4,3 тыс.²⁶

Малочисленность КПВ, незначительное влияние коммунистов среди рабочих, малая эффективность руководства, определенные разногласия в организации по вопросу об отношении к лейбористской партии – все это не могло не вызвать беспокойства в Москве. В феврале 1922 г. А. Макмануса пригласили в Исполком Коминтерна для того, чтобы обсудить возникшие проблемы²⁷.

²¹ Поллит Г. Указ. соч. М., 1960. С. 136–137, 150.

²² Матюнин Э. Уильям Галлахер и английская политика Коминтерна. 1919–1943 гг. М., 1992. С. 26.

²³ Gallaher W. The Memoirs of William Gallaher. L., 1966. P. 192.

²⁴ В Малое бюро ИККИ (В конце документа – Москва. 30. VII-21. Робинсон) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1 Д. 8. Л. 26.

²⁵ Там же.

²⁶ Thorpe A. Op. cit. P. 284.

²⁷ Callaghan J. Op. cit. P. 47.

Вскоре после его возвращения в Британию состоялся IV съезд КПВ (март 1922 г.). Во время его работы была создана специальная комиссия в составе трех человек: Р. Палм Датт (председатель), Г. Поллит и Гарри Инкпин. Назначение Палм Датта председателем комиссии обуславливалось возможностью Москвы оказывать влияние на него через его близкую подругу, а с 1924 г. и жену – Сальму Маррик²⁸. Эстонка по происхождению, она принимала участие еще в революции 1905 г. в России, в 1920 г. (являясь доверенным лицом Ленина) помогала созданию КПВ, была членом РКП(б), хорошо знала одного из ведущих деятелей III Интернационала О. Куусинена и, по некоторым данным, являлась агентом Коминтерна²⁹. К трем членам отмеченной комиссии присоединился прибывший из Советской России представитель Исполкома Коминтерна М. Бородин, который должен был помочь английским коммунистам решить различные, в том числе и организационные, проблемы³⁰.

Как говорилось в одном документе компартии, целью работы этой комиссии было предложить план реорганизации партии в соответствии с тезисами Коминтерна³¹. Эти тезисы – «Организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы» – были приняты на III Конгрессе Коминтерна летом 1921 г. В них формулировались конкретные рекомендации, как создавать компартии. Выдвигалось требование сформировать сильное и централизованное партийное руководство; подчеркивалась важность тесной связи партии «с пролетарскими массами» и деятельности первичных партийных ячеек на фабриках и заводах, в профсоюзах, воинских частях; давался совет активно работать с организованными рабочими и вести энергичную печатную пропаганду³².

Во время проведения V съезда КПВ (7–8 октября 1922 г.) делегаты одобрили доклад комиссии Палм Датта³³. В результате после V съезда в КПВ был упразднен пост председателя

²⁸ Op. cit. P. 41–42, 44–45, 47.

²⁹ Ibid. P. 41–42, 44–47.

³⁰ Матюнин Э. Указ. соч. С. 25–26; Thorpe A. Op. cit. P. 52.

³¹ Communist Party of Great Britain. Annual Conference. October 1922. L., 1922. P. 1.

³² Коммунистический Интернационал в документах. С. 201–225.

³³ Handbook for Party members. L., 1923. P. 3–20.

партии, что, несомненно, стало ударом по старому руководству партии, которое, как уже отмечалось выше, не всегда справлялось со своими обязанностями. Съезд учредил небольшой Центральный исполнительный комитет, состоящий из девяти человек³⁴, в который избирали не по принципу представительства районов, а в зависимости от способностей того или иного коммуниста³⁵. Лидеры КПВ в последующие годы стали уделять больше внимания связям партии с промышленными рабочими.

По словам Галлахера, реформирование, осуществленное в КПВ в конце 1922 г., заложило основу, на которой партийная организация развивалась в последующие десятилетия³⁶. В предложениях комиссии Палм Датта, несомненно, ощущалось влияние упоминавшихся выше коминтерновских тезисов. Позднее отмеченная корректировка руководящих органов и отчасти политики КПВ стала именоваться в Коминтерне большевизацией компартий³⁷.

Значительные изменения после V съезда КПВ коснулись и ведения печатной пропаганды. В начале 1923 г. газета «Коммунист» прекратила свое существование, и с февраля того же года коммунисты начали выпускать новое еженедельное издание – «Уоркерз Викли», которое в основном ориентировалось на фабричных рабочих и их проблемы, что, несомненно, соответствовало коминтерновской политике единого пролетарского фронта³⁸.

В начале 1925 г. при содействии КПВ стала выходить газета «Санди Уоркер». Она должна была отражать взгляды сторонников левых идей – как коммунистов, так и не состоявших в партии³⁹. КПВ выделила 4 тыс. ф. ст. из 16 тыс. ф. ст., поступивших от Коминтерна, для организации выпуска газеты⁴⁰. Этот факт позволяет с уверенностью говорить, что именно руководители III Интернационала

³⁴ Thorpe A. Op. cit. P. 53.

³⁵ Op. cit. P. 193.

³⁶ Gallaher W. Op. cit. P. 193.

³⁷ To the Central Committee of the Communist Party of Great Britain. 26.11.24 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 135. Л. 79–80; Коммунистический Интернационал в документах. С. 474–495.

³⁸ Pelling H. The British Communist Party. A Historical Profile. L., 1958. P. 22.

³⁹ Branson N. History of the Communist Party of Great Britain. L., 1985. P. 7.

⁴⁰ Ibid.

были инициаторами ее издания. Помимо КПВ пайщиками «Санди Уоркер» являлись также шахтерские лоджии, отделения НРП (Независимой рабочей партии) и ЛПВ, тред-советы⁴¹. Издание данной газеты и упоминавшегося выше журнала «Лэйбор Мансли» свидетельствовало о стремлении лидеров Коминтерна и британских коммунистов оказывать разностороннее влияние на британцев левых взглядов, не входивших в ряды КПВ.

Хотя доклад партийной комиссии во главе с Палм Даттом и был принят съездом, осуществление на практике его положений, как писал Поллит, «натолкнулось на значительный скептицизм и прямое сопротивление»⁴². Новые организационные принципы и изменения в руководстве КПВ не означали преодоления всех разногласий среди ведущих членов партии⁴³. Отсутствие полного единства лидеров, а также малочисленность компартии заставили руководство Коминтерна во время проведения III расширенного пленума ИККИ 12–23 июня 1923 г. создать специальную комиссию, в работе которой принял участие Г. Зиновьев, а также другой видный представитель партии большевиков и одновременно член ИККИ Николай Бухарин. Присутствие Зиновьева свидетельствовало о том, что руководитель III Интернационала придавал большое значение рассмотрению положения в КПВ. В Москву пригласили почти все руководство партии, чтобы окончательно сломить его сопротивление реформам внутри организации. Комиссия Коминтерна в целом одобрила произошедшие изменения в КПВ после V съезда партии и призвала активнее вести агитацию среди рабочих⁴⁴.

В 1923 г., как и после предыдущих посещений Москвы ведущими деятелями КПВ (в 1920 г. и 1922 г.), в деятельности компартии Британии произошла заметная корректировка. По словам Поллита, принимавшего участие в работе специальной комиссии Коминтерна, британские коммунисты осознали, что «необходимо приблизить партию к рабочим», «сделать решительный поворот в сторону массовой работы на предприятиях, в профсоюзах и других организа-

⁴¹ Ibid. P. 7.

⁴² Поллит Г. Указ. соч. С. 150.

⁴³ Матюнин Э. Указ. соч. С. 26.

⁴⁴ Callaghan J. Op. cit. P. 51; Поллит Г. Указ. соч. С. 153.

циях рабочего класса»⁴⁵. Под непосредственным влиянием Коминтерна у Поллита и его коллег по партии «возникла мысль, чтобы попытаться организовать внутри профсоюзов и Лейбористской партии левое меньшинство для борьбы за требования масс и в то же время попытаться изменить всю реформистскую политику и руководство официальным рабочим движением»⁴⁶.

В результате уже в августе 1923 г. коммунисты Южного Уэльса создали Движение меньшинства шахтеров, которое объединило горняков, не удовлетворенных действиями профсоюзных лидеров. А в конце августа 1924 г. на конференции в Лондоне было основано Национальное движение меньшинств (НДМ). Его генеральным секретарем стал Г. Поллит⁴⁷. Провозглашенной целью НДМ было «превратить профсоюзы в подлинные боевые организации в классовой борьбе» и в итоге установить рабочий контроль над предприятиями⁴⁸. К августу 1926 г. различные профсоюзные объединения, примыкавшие к НДМ, представляли 956 тыс. организованных рабочих⁴⁹.

Тред-юнионы являлись главной социальной опорой лейбористской партии. Еще до создания КПВ В. Ленин настаивал, чтобы будущая партия коммунистов добивалась вступления в ЛПВ. Вождь Октябрьской революции полагал, что британским коммунистам следует рассматривать ЛПВ как мост, соединяющий коммунистов с широкими пролетарскими массами, которые еще продолжают следовать за реформистскими лидерами⁵⁰. Целью работы коммунистов в ЛПВ, по мнению Ленина, было разоблачать и критиковать лейбористское руководство и «революционно действовать» внутри этой партии⁵¹.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Поллит Г. Годы политического ученичества. С. 153.

⁴⁷ Первоначально организация именовалась Комитет Национального движения безработных.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 7. Д. 41. Л. 1; Хатт А. Британский тред-юнионизм. М., 1981. С. 108.

⁴⁹ Зубок Л. Третья годичная конференция Движения меньшинства // Красный интернационал профсоюзов. 1926. № 9–10. С. 330.

⁵⁰ Партии Коммунистического Интернационала. М., 1928. С. 70–71.

⁵¹ Ленин В. Речь о вхождении в Британскую рабочую партию 6 августа // Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 41. С. 262, 265, 266–267.

Начиная с августа 1920 г. лидеры КПВ неоднократно направляли в ЛПВ заявку на вступление в ее ряды в качестве коллективного члена, но всякий раз получали отказ. Несмотря на это, руководители компартии не оставили надежд распространить свое влияние на членов данной партии. Коммунист Джо Воган и его соратники по отделению КПВ в столичном районе Бетнал Грин в 1924 г. основали Движение левого крыла, куда вошли некоторые местные отделения ЛПВ. В 1925 г. в ходе конференции был избран Национальный временный комитет левого крыла, а в 1926 г. эта организация стала общebritанской, ее штаб располагался в помещении уже упоминавшейся газеты «Санди Уоркер»⁵². В 1925 г. КПВ смогла поставить под свой контроль ряд местных лейбористских отделений, главным образом в Лондоне⁵³. Декларированной целью Движения левого крыла было вернуть ЛПВ к первоначальному назначению – отстаивать интересы рабочих⁵⁴. На деле же коммунисты старались подорвать среди членов ЛПВ (как и тред-юнионов) влияние лейбористских и профсоюзных лидеров и привлечь простых британцев на сторону КПВ⁵⁵.

В Коминтерне придавали большое значение работе британских коммунистов не только среди членов тред-юнионов и ЛПВ, но и среди безработных. Еще 23 февраля 1921 г. в ходе заседания Исполкома Коминтерна отмечалось, что «существование в Великобритании миллиона безработных ...может повести к революционной ситуации. Безработные могут быть использованы как авангард, как активная движущая революционная сила, чтобы сделать первый шаг к революции»⁵⁶.

Проблема «лишних людей» в британском обществе на протяжении всех 1920-х годов стояла очень остро. В 1921 г. не имели работы около двух миллионов человек, что составляло 17% трудоспособного населения⁵⁷. Позднее, в 20-е годы,

⁵² Branson N. Op. cit. P. 6.

⁵³ Pelling H. Op. cit. P. 54.

⁵⁴ Branson N. Op. cit. P. 7.

⁵⁵ Memorandum on the Situation in England // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 38. Д. 7. Л. 151–152.

⁵⁶ Заседание Исполнительного Комитета. 23 февраля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

⁵⁷ Пью М. История Великобритании. 1789–2000. М., 2001. С. 192.

число безработных редко опускалось ниже одного миллиона. В соответствии с той большой ролью, которую руководители Коминтерна отводили безработным, британские коммунисты в апреле 1921 г. (т.е. вскоре после отмеченного выше заседания ИККИ) основали Национальное движение безработных (НДБ), формально не являвшееся коммунистическим объединением, однако его возглавлял известный деятель компартии Уол Хэннингтон, который с 1924 г. входил в состав руководства КПВ⁵⁸. НДБ долгое время было самым известным и довольно успешным объединением, отстаивавшим интересы безработных.

Деятельность отмеченных выше организаций свидетельствовала о стремлении коммунистов с первых лет существования партии распространить ее влияние на все слои британского общества, направить заметно возросшую после мировой войны активность масс в леворадикальное русло.

В заключение следует отметить, что на протяжении первых лет существования компартии Великобритании руководители III Интернационала оказывали ей разностороннюю поддержку. Щедрая финансовая помощь из Москвы способствовала быстрому развитию КПВ. Рекомендации и советы ведущих представителей Коминтерна, а также решения конгрессов и Исполкома этой организации повлияли на разработку программных установок КПВ, избирательную тактику, позицию коммунистов в отношении крупнейших рабочих объединений Британии. Г. Зиновьев и его соратники по Коминтерну оказывали первостепенное влияние на все важнейшие сферы деятельности КПВ, во многом определили облик этой партии, ее организационную структуру и политику. Вожди III Интернационала фактически направляли становление КПВ, образно выражаясь, «форматировали» британскую партию в соответствии со своими представлениями о коммунистической организации и с учетом актуальной в начале 1920-х годов тактики Коминтерна.

Источники

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1 Д. 8. Л. 8–12. В Малое бюро Коминтерна (В конце документа – Москва. 18. VI-21. Робинсон); Л. 26–28. В Малое

⁵⁸ CPGB. Report of the Central Committee Meeting // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 1062. Л. 61, 63.

Бюро ИККИ (В конце документа – Москва. 30.VII-21. Робинсон); Оп. 2. Д. 8. Л. 29–30. В Малое Бюро ИККИ. Дополнение к моему докладу от 18/VII; Оп. 1. Д. 30. Л. 1–10. Заседание Исполнительного Комитета. 23 февраля 1921 г.; Д. 10. Л. 34–39. Протокол заседания Исполкома Коминтерна 10 августа 1920 г.; Оп. 100. Д. 136. Л. 2–3. Телеграмма ИККИ в ЦК КП Англии о полит. ситуации Англии; Д. 116. Л. 13–14. Communist Party of Great Britain. Organizing Bureau. 14th February 1923; Д. 1062. Л. 61–65. CPGB. Report of the Central Committee Meeting; Оп. 38. Д. 7. Л. 146–152. Memorandum on the Situation in England; Оп. 1. Д. 34. Л. 110. Minutes of the Session of the Executive Committee of Comintern held on April 29th 1921; Оп. 100. Д. 135. Л. 79–80. To the Central Committee of the Communist Party of Great Britain. 26.11.24.

Литература

Зубок Л. Третья годовичная конференция Движения меньшинства // Красный интернационал профсоюзов. 1926. № 9–10. С. 329–333.

Коммунистический Интернационал в документах. М.: Партийное издательство, 1933. 1007 с.

Коминтерн против фашизма: документы. М.: Наука, 1999. 506 с.

Ленин В. Речь о вхождении в Британскую рабочую партию 6 августа // Полное собрание сочинений. М.: Политическая литература, 1970. Т. 41. С. 260–267.

Матюнин Э. Уильям Галлахер и английская политика Коминтерна. 1919–1943 гг. М.: Луч, 1992. 209 с.

Поллит Г. Годы политического ученичества. М.: Политическая литература, 1960. 270 с.

Прокопов А. Коминтерн, английские коммунисты и первое Лейбористское правительство Великобритании // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 51–64.

Пью М. История Великобритании. 1789–2000. М.: Perspective Publications, 2001. 291 с.

5 лет Коминтерна. В решениях и цифрах. М.: Красная новь, 1924. 123 с.

Фирсов Ф. Секретные коды. История Коминтерна. 1919–1943. М.: АИРО XXI, 2007. 574 с.

Хатт А. Британский тред-юнионизм. Краткая история. М.: Прогресс, 1981. 269 с.

Branson N. History of the Communist Party of Great Britain. L.: Lawrence and Wishard Ltd., 1985. 350 p.

Callaghan J. Rajani Palme Dutt. A study in British Stalinism. L.: Lawrence and Wishard, 1993. 304 p.

Communist Unity Convention. Official Report. L.: Communist Party of Great Britain. 1920. 71 p.

Communist. August 5, 1920. Communist, November 5. 1921. August 5, 12, 19, September 9, November 4, 25, 1920. April 8, July 22, September 16, October 28, December 2, 23. 1922.

Communist Party of Great Britain. Annual Conference. October 1922. L.: Southwark Press, 1922.

Gallaher W. The Last Memoirs of William Gallaher. L.: Lawrence and Wishard, 1966. 320 p.

Handbook for Party members. L.: CPGB, 1923. 20 p.

Klugmann J. History of the Communist Party of Great Britain. L.: Lawrence and Wishard Ltd., 1968. Vol. I. 376 p.

Macfarlane L. The British Communist Party. Its Origin and development until 1929. L.: Macgibbon and Kee, 1966. 338 p.

Pelling H. The British Communist Party. A Historical Profile. L.: Adam and Charles Black, 1958. 204 p.

Pelling H. A Short History of the Labour Party. L.: Macmillan, 1974. 197 p.

Thorpe A. The British Communist Party and Moscow. 1920–1943. Manchester, N.Y.: Manchester University Press, 2000. 308 p.

Интернет-ресурсы

Прокопов А. Влияние Октябрьской революции 1917 г. в России на становление Коммунистической партии Великобритании (1920–1930 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 7 (71). Революционные волны и трансформации картины мира в XX в. URL: <https://history.jes.su/s207987840002387-4-1/> (дата обращения: 19.01.2019).

Прокопов А. Всеобщие выборы в Великобритании 1922 г. в планах российских большевиков и английских коммунистов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Вып. 6 (80). Т. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840005981-8-1/> (дата обращения: 19.01.2019).

От коммунистического романтизма к антикоммунистическому прагматизму: Джордж Пэдмор и Коминтерн

История Коминтерна как организации и важного центра политико-идеологического влияния на общественное сознание колониальных народов до сих пор не написана. Возможности для ее создания силами российских историков сейчас, в сравнении с периодом, когда после распада СССР исчезли идеологические и цензурные препоны, даже ухудшились. Если повторное выпадение из научного оборота многих вновь засекреченных архивных документов в какой-то степени еще можно обойти за счет сохранения копий таких документов за рубежом, то преодолеть «ведомственное» разобщение в исследовательском сообществе гораздо труднее. Сборники докладов и статей, как бы ни были досконально проработаны отдельные темы коминтерновского проникновения на Восток, не приводят к переходу количества накопленных сведений в новое качество: по-прежнему сохраняется лишь мозаика из портретов незаурядных исторических деятелей, многих событий и поразительных в своем разнообразии документов. Но мозаика не превращается в картину, обладающую понятной композицией. За рамками подобной картины остаются важные сюжеты, действующие лица узнаваемы, но их характеры, как правило, скупо прорисованы чересчур блеклыми или чересчур яркими красками.

В середине 1960-х годов появилась небольшая брошюра о комплексном воздействии Коминтерна на колониальные народы, о становлении особых новых течений в антиколониальном движении, вдохновленных политикой Коминтерна. Автором был Г. З. Соркин, чудом уцелевший сотрудник этой организации, писавший о людях, событиях и идеях с опорой на собственные впечатления, память, знание «неофициальной истории»¹. Это издание было, пожалуй, первой попыткой заглянуть за кулисы официальной истории Коминтерна. На фоне очевидной подчистки любых разночтений при изображении всемирного значения Октября в процессе подготовки его полувекового юбилея было даже странно, что подобная книга вообще увидела свет. Несколькими годами позже при создании своей фундаментальной монографии «Южная Африка: становление сил протеста»² А. Б. Давидсону пришлось и раздобывать документы в архиве (помогали сами архивисты, знавшие цену сохраненным свидетельствам), и изощряться в способах «легализации» этих источников, поскольку официально их не существовало.

В первом случае можно говорить о преодолении замалчивания коминтерновской темы, попытке возвращения в большую историю важной ее части. Во втором – о необыкновенном углублении наших представлений об истории Коминтерна и связанных с ним организаций в мало в то время изученном регионе Юга Африки. Обе появившиеся работы дали возможность хотя бы в целом очертить рамки недостаточно исследованного вопроса – Коминтерн как источник мощного влияния на антиколониальное движение. Не центр национально-освободительного движения (этим термином в виде аббревиатуры НОД в советском востоковедении пытались заменить названия большей части антиколониальных протестов), а Коммунистический Интернационал как одна из основ формирования антиколониальных настроений, движений и очень разных результатов, к которым эти многочисленные движения пришли.

Сила общей установки, транслируемой с партийных верхов в 1960–1980-е годы, не позволила в этот период создать сколько-нибудь убедительной версии комплексной истории

¹ Соркин Г. З. Антиимпериалистическая лига. (1927–1935): ист. очерк. М., 1965.

² Давидсон А. Б. Южная Африка: Становление сил протеста. 1870–1924. М., 1972.

Коминтерна, и уж тем более – истории Коминтерна на Востоке. Существовал официальный подход к такой истории, сформированный силами Института международного коммунистического и рабочего движения (ИМРД), у руководства и большинства сотрудников которого было весьма предвзятое понимание Востока. И существовало стремление подтвердить правильность такого подхода ИМРД в академических центрах, занимавшихся восточными регионами, – Институте востоковедения, Институте Африки, Институте Дальнего Востока.

В середине 60-х годов, к 30-летней годовщине проведения (последнего) VII Конгресса Коминтерна, сложилась парадоксальная ситуация – появлялись исследования кардинальных перемен в стратегии и тактике Коминтерна, но не были по-настоящему систематизированы и оценены та история, те подходы, от которых Коммунистический Интернационал был вынужден отказаться³. Уже тогда, в «постоттепельный» период, находились люди, которые указывали на опасность подобного незнания, предупреждали о последствиях: «Историческая судьба решений VII Конгресса Коминтерна предостерегает коммунистов от пренебрежительного отношения к собственному опыту, от повторения прежних ошибок. Возвращение к взглядам и методам работы, которые обнаружили свою непригодность еще несколько десятилетий назад, является в значительной мере результатом неумения учитывать исторический опыт движения, бережно хранить и творчески использовать его богатейшее идейное наследие»⁴.

Как известно, А. И. Микоян на XX съезде КПСС сделал обязывающее замечание: «Восток проснулся, а Институт востоковедения еще спит». Словно вторя ему (в чем его, конечно, было бы трудно заподозрить), британский премьер Гарольд Макмиллан в 1960 г. определил происходившее в Африке как «ветер перемен». Эти совсем не похожие друг на друга политики не только точно отобразили ситуацию, но и сообщили импульс многим исследователям Востока в широком смысле ускорить свою работу. Однако ни в 60-е

³ Поворот в политике Коминтерна (К 30-летию VII Конгресса) / Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. М., 1965.

⁴ Дилигенский Г. Г. Рец. на: Поворот в политике Коминтерна (К 30-летию VII Конгресса) // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 179.

годы, ни позже у советских востоковедов и африканистов так и не появилась возможность что-либо оценивать в наследии Коминтерна иначе, чем это было зафиксировано в установочных партийных документах. Никакая системная история взаимоотношений этой международной организации с народами Востока просто не могла появиться.

Сегодня сетевые публикации являются основным источником информации о Коминтерне и его взаимодействии с общественно-политическими организациями Востока в целом и Африки особенно. Отсутствие в прошлом какой-либо системы в изучении подобных связей приводит к тому, что и в Интернете соседствуют взаимоисключающие сведения и оценки, почти совсем не представлена и практически не используется обширная источниковая база, которая, к счастью, накоплена к сегодняшнему дню.

Усилиями коллектива Центра африканских исследований ИВИ РАН за 1990 – начало 2000-х годов появилось несколько изданий, где, наряду со многими другими, собраны важные источники по истории развития отношений Коминтерна и колониальнозависимых народов Африки⁵. Одному из таких изданий предпослал большое предисловие вдохновитель кропотливой многолетней работы коллектива профессиональных африканистов академик А. Б. Давидсон. Он первым в нашей стране начал непредвзятое исследование феномена проникновения на Африканский континент новых идей, рожденных в начале XX столетия. Его предисловие-очерк становления идеологии и революционной практики Коммунистического Интернационала в Африке является наиболее убедительным и досконально документированным исследованием этой темы на русском языке за последние полвека⁶.

Задача создания по возможности полной и документально обоснованной оценки роли Коминтерна в развитии общественного сознания и формировании общественно-политических организаций африканских народов осложнена важным обстоятельством. С конца XIX в. начинает разви-

⁵ История Африки в документах 1870–2000. В 3 т. Т. 1: 1870–1918; Т. 2: 1919–1960; Т. 3: 1961–2000 / под общ. ред. А. Б. Давидсона. М., 2005–2007; Россия и Африка: документы и материалы. XVIII в. – 1960; М., 1999. Т. 2: 1918–1960.

⁶ Давидсон А. Б. Введение // Коминтерн и Африка: Документы / сост. В. Городнов. СПб., 2003. С. 5–56.

ваться и укрепляться тенденция относить к африканцам как собственно народы, проживающие на континенте, так и их многочисленных потомков в западном полушарии. Позже, по мере формирования движения panaфриканских конгрессов, т.е. с первого десятилетия XX в., закрепляется понятие «народы африканского происхождения», включавшее как собственно африканцев, так и потомков вывезенных из Африки черных рабов во всех частях света. А приблизительно с конца 50-х годов для обозначения этого сообщества закрепляется термин «черные народы». Сегодня содержание «Black Studies» в том или ином исследовательском центре может сильно различаться в зависимости от предпочтений сотрудников, но объектом таких исследований обязательно будут любые народы африканского происхождения.

В силу многих очевидных и неочевидных причин в деятельности Коминтерна преимущественно участвовали не столько представители народов самой Африки, сколько представители черных народов. Как до, так и после появления программы Коминтерна, принятой на VI Конгрессе в 1928 г., основная работа, проводимая черными народами и для черных народов, была сконцентрирована в основном в так называемом третьем, или англо-американском, секретариате, курировавшем в Исполкоме КИ Англию, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию, США, Канаду, Ирландию и Филиппины. Меньшая (но не всегда менее значимая) часть вопросов, касавшихся народов африканского происхождения, была поручена шестому, романскому, секретариату, занимавшемуся Францией, Италией, Бельгией, Испанией, Португалией, Люксембургом⁷.

Такая стратификация, с одной стороны, облегчала работу. Черные народы, абсолютное большинство которых в этот период существовало в составе колониальных империй, в значительной степени зависели от особенностей развития общественно-политических процессов в метрополии. Но, с другой стороны, перенос на колониальные народы характеристик, оценок и указаний руководства Коминтерна, сделанных на основании анализа ситуации в метрополии, могли сделать (и делали!) политические организации черных народов заложниками многих ошибочных выводов.

⁷ Маккензи К. Коминтерн и мировая революция. 1919–1943. М., 2008. С. 56–57.

Ошибочность объяснялась как незнанием реальной ситуации в регионе или переносом на него оценок, справедливых для положения дел в метрополии, так и благонамеренным догматизмом, позволявшим руководству национальных компартий избежать любых политических обвинений.

Самым, пожалуй, известным примером катастрофического непонимания руководством Коминтерна специфики развития черных народов являлось решение о необходимости борьбы за создание «независимых туземных республик». Подобный замысел стал развитием в новых условиях (после провала планов мгновенной победы мировой революции) хорошо известного призыва большевиков (а значит – и Коминтерна) к самоопределению наций. Условия для самоопределения необходимо подготавливать, делать это, по мнению коминтерновских идеологов, способны самые передовые отряды – коммунистические партии. В промышленно развитой Южной Африке такая партия к концу 20-х годов уже активно работала. Но этот же призыв-указание Коминтерна относился и к другой коммунистической партии, действовавшей в США. Ей предстояло вести дело к тому, чтобы была создана независимая «туземная республика» в так называемом черном поясе (южных штатах) США, где был значительный процент черного населения, в теории – потенциальных союзников американских коммунистов... Надежда была и на стремительно развивавшийся в 1929–1933 гг. мировой экономический кризис, который, по мысли идеологов Коминтерна, еще больше обострит противоречия труда и капитала и революционизирует массы. Инструкции, поступавшие от Исполкома, были обязательны к исполнению, и в результате немало руководителей обеих компартий за неисполнение этих указаний лишились своих постов. В обоих случаях произошло трагическое размежевание среди членов компартий, многие активисты, стремившиеся стать коммунистами, отказались от своих планов⁸.

Тем не менее некоторых черных сторонников Коминтерна планы по созданию независимого государства с преимущественно черным населением во времена, когда таких в мире

⁸ Жуков Д. А. Апартеид: история режима. URL: <https://www.rulit.me/books/aparteid-istoriya-rezhima-read-43009-10.html> (дата обращения: 20.09.2020).

не существовало, очень привлекали. Опыт номинально независимой Либерии был дискредитирован всей историей развития этого искусственно сконструированного государства в Западной Африке. У черных жителей США сформировалось также неприятие идеи о переселении в Либерию после неудач, которые постигли в начале 20-х годов кампанию «Назад, в Африку» известного черного расиста Маркуса Гарви, создателя поначалу весьма популярной Всемирной ассоциации по улучшению положения негров.

Историю взаимоотношений Коминтерна с черными народами можно хорошо проследить на примере Джорджа Пэдмора, американского коммуниста, ставшего на недолгое время одним из руководителей знаменитого журнала «Негритянский рабочий», который издавался Профинтерном – важным (и тоже недостаточно изученным) подразделением Коминтерна.

Малькольм Айвон Нэрс родился в 1903 г. на о. Тринидад, британском владении в Вест-Индии, в семье потомков рабов, вывезенных из Африки. Семья, глава которой был учителем средней школы, очень много дала Малькольму. Именно такие учительские семьи выполняли роль неформальных интеллектуальных и общественных центров колониального общества Вест-Индии. Родители смогли обеспечить сыну приличное по меркам столицы – Порт-оф-Спэйна – образование в католическом колледже Св. Марии, что позволило ему уже в 19 лет стать репортером центральной ежедневной газеты колонии «Trinidad Guardian». Несогласие с верно-подданнической позицией издателей и юношеские амбиции подтолкнули его в 1924 г. к отъезду в США. При этом Малькольм оставил на острове молодую жену и новорожденную дочь. Ребенку еще до рождения было выбрано имя Блайден в честь Уильяма Блайдена, известного западноафриканского общественного деятеля, автора концепции «африканской личности».

Интерес к историческим корням в семье Нэрсов имел достаточно оригинальный характер. Отец Малькольма, Джеймс Нэрс, много позже после отъезда сына в США принял ислам – неординарный шаг для добропорядочного католика, совершенный скорее из чувства протеста против политической роли религии, ассоциируемой с колониальной подчи-

ненностью, чем с осознанным стремлением приобщиться к новой истинной вере.

Благодаря материальной помощи родителей Малькольм мог позволить себе выбирать между контрастными специальностями – медициной и юриспруденцией, пользовавшись в то время вполне понятной популярностью у негритянской молодежи в американском Университете Фиска, а затем – Университете Нью-Йорка. В Университете Фиска он познакомился с приехавшим из Южной Нигерии студентом Ннамди Азикиве, общение с которым очень помогло Малькольму в процессе осознания своей принадлежности к африканской диаспоре. В конечном счете он оказался исключенным из Говардского университета, где изучал право, за публичный протест против политики Великобритании в карибских колониях, выраженный им во время посещения британским послом этого известного «черного» университета.

Перемены в социальном составе и численный рост городского черного населения в первую очередь в таких мегаполисах, как Нью-Йорк и промышленные центры Северо-Запада, создали к середине 1930-х годов возможности для появления в США массовых печатных изданий, ориентированных на сплочение и политическое воспитание этого нового слоя американского общества. Молодой журналист Нэрс активно публиковался в различных газетах Гарлема, а с 1927 г., вступив в компартию США, стал автором ее печатного органа «Дейли Уоркер» и начал участвовать в работе черных профсоюзов, контролируемых компартией. В нью-йоркский период своей журналистской карьеры Малькольм Нэрс навсегда становится Джорджем Пэдмором, со временем превратив этот газетный псевдоним в хорошо узнаваемое в самых разных частях света громкое политическое имя.

Во второй половине 1920-х годов его привлекли для участия в избирательной кампании Уильяма Зебулона Фостера, руководителя компартии, который в это время баллотировался на пост президента США. К этому времени КП США преодолевала внутренний раскол и активно сотрудничала с Коминтерном. Фактически основные направления ее деятельности определялись руководством Коминтерна. К середине 20-х годов сложилась практика «кадрового пополне-

ния» центрального аппарата Коминтерна за счет наиболее активных и образованных представителей национальных коммунистических организаций. Именно поэтому в конце 1928 – начале 1929 г. Пэдмор перебирается в СССР.

До VI Конгресса Коминтерна (17 июня – 1 сентября 1928 г.) систематической работы с организациями африканских колоний, по существу, не велось, хотя существовало так называемое Негритянское бюро. Появлению на этом конгрессе тезисов «О революционном движении в колониях и полуколониальных странах» предшествовало проведение в феврале 1927 г. в Брюсселе по инициативе Коминтерна учредительного конгресса «Лиги борьбы против империализма, колониального угнетения и за национальную независимость» (более известной как «Антиимпериалистическая лига»). Активизации работы Коминтерна с Африкой должно было способствовать и создание в рамках Профинтерна в 1928 г. «Международного профсоюзного комитета негритянских рабочих» (МПКНР)⁹. Именно в этом коминтерновском подразделении начал свою деятельность американский коммунист Джордж Пэдмор по прибытии в Москву.

С учетом его опыта журналистской работы и участия в профсоюзном движении ему выделили очень важный и сложный участок – он стал сотрудником, а с осени 1931 г. – главным редактором журнала МПКНР «Негритянский рабочий» («Negro Worker»), предназначенного для негритянского населения США, африканских колоний и Вест-Индии. Этот журнал (выходил с 1928 по 1937 г.) стал уникальным изданием, освещавшим проблемы международного коммунистического и рабочего движения для народов африканского происхождения и тщательно собиравшим и анализировавшим информацию о жизни черных народов во всех регионах их проживания. Журнал «Негритянский рабочий» был рассчитан на постепенное политическое воспитание, «подтягивание» до уровня понимания политических задач той массы черного населения в метрополиях и колониях, которое в межвоенное двадцатилетие, по мнению идеологов Коминтерна, стало представлять важный резерв сил мировой революции.

⁹ Голден Л. О. Международный профсоюзный комитет негритянских рабочих (К сорокалетию первой международной конференции негритянских рабочих) // Народы Азии и Африки. 1970. № 5. С. 84–91.

Создание Профинтерна и МПКНР и неразрывная связь их деятельности с деятельностью Коминтерна компенсировали недостаток возможностей национальных коммунистических организаций в тех случаях, когда объяснимо низкий уровень политической зрелости населения не позволял вести пропагандистскую и организационную работу в соответствии с принятыми в центре установками.

Перед Пэдмором, сменившим на посту главного редактора другого афроамериканца – члена руководства КП США Джеймса Форда, стояла сложная задача повышения сознательности читателей до уровня понимания коминтерновской пропаганды. Но во многих случаях, особенно когда это касалось населения собственно колоний, важно было не столько разъяснять стратегию и тактику деятельности коммунистов, сколько заниматься, по сути, ликвидацией безграмотности («ликбезом») как политической, так сплошь и рядом прозаической. Самому Пэдмору тоже пришлось заниматься повышением своего образовательного уровня в одном из учебных центров Коминтерна – в Коммунистическом университете трудящихся Востока, где он начал обучение с сентября 1932 г. под партийным псевдонимом Хамилтон. Спустя год руководство КУТВ отмечало его блестящие способности, но вместе с тем – скрытность и определенную разочарованность в системе обучения в КУТВ и в целом в коммунистической идеологии¹⁰.

К этому времени политический кругозор и организационный опыт Дж. Пэдмора значительно обогатились. Ему пришлось налаживать работу редакции журнала в Германии, где МПКНР имел достаточно сильные позиции и откуда легче было продолжить распространение журнала с помощью входивших в организацию моряков. Там же он выпустил свою первую книгу «Жизнь и борьба негритянских трудящихся» (1931 г.), где остро критиковал не только колониальную политику традиционных метрополий и США, но и в продолжение своих прежних статей «громил» буржуазных соглашателей-панарфриканистов (прежде всего – У. Дюбуа) и «черных расистов» (преимущественно – М. Гарви). Необходимо помнить, что общая обстановка – «Великая депрессия» в США и разрастание мирового экономического кризиса – способствовала

¹⁰ Давидсон А. Б. Введение. Коминтерн и Африка: документы. С. 34–35.

усилению критики капиталистической системы изнутри, в том числе со стороны общественно-политических организаций колоний. Пэдмор и его коллеги активно использовали эти обстоятельства, журнал увеличивал тираж и стал проникать в удаленные районы колониального мира.

Изменение политической ситуации после прихода к власти в Германии национал-социалистической немецкой рабочей партии во главе с Гитлером заставило МКПНР временно приостановить издание «Negro Worker» и переместить редакцию из Гамбурга. Дж. Пэдмор подвергся короткому тюремному заключению, как британский подданный был в конце 1933 г. выслан в Великобританию. Накануне и в процессе вступления СССР в Лигу Наций в 1934 г. Коминтерн стал пересматривать принципы своей критики колониальной политики. Традиционные метрополии оказались пусть временными, но очень важными для СССР союзниками, с которыми можно было в той или иной форме противодействовать агрессивной стратегии Антикоминтерновского пакта – союза Германии, Италии и Японии.

Для Пэдмора это означало временный запрет на критику его неизменного противника – британского империализма. Таких перемен в политике Коминтерна Пэдмор не принял. Его отношение к происходившим переменам было сформулировано позже, когда он уже прочно осел в Лондоне и возобновил публицистическую деятельность, теперь направленную на критику отношения Коминтерна и СССР к антиколониальным движениям. Поэтому трудно предположить с уверенностью, что в большей степени определило стремительный разрыв Пэдмора с недавними соратниками – провоцирующие обстоятельства или долго копившееся разочарование в идейных постулатах коммунистического движения, которое отмечали его коллеги еще в период учебы в КУТВ.

В середине 1934 г. появилась официальная информация о его разрыве с Коминтерном. Летом этого года издание «Negro Worker» было возобновлено в Антверпене (позже – последовательно в Копенгагене, Париже и Нью-Йорке). Про «предателя» была опубликована статья «Взлет и падение революционного бойца Джорджа Пэдмора»¹¹. Главное

¹¹ The rise and fall of George Padmore as a revolutionary fighter // Negro Worker. August, 1934. Vol. 4. No. 4. P. 15–17, 21.

обвинение, предъявленное недавнему единомышленнику, состояло в том, что он долго маскировался, но на самом деле всегда считал, что «Африка должна принадлежать неграм, а Европа – белому человеку». Для доказательства этого тезиса привлекались многочисленные статьи Пэдмора, опубликованные в предыдущие годы, в которых он отстаивал идею справедливости претензий к белым угнетателям как со стороны американских негров, так и со стороны африканцев в различных колониях.

Необходимо отметить, что до отказа Пэдмора работать на Коминтерн ни один из искушенных редакторов или руководителей различных организаций, входивших в Коминтерн, не находил ничего мелкобуржуазного или расистского в материалах или выступлениях Пэдмора. Сам он предпочел не вступать в полемику, переключившись в Британии на организационную деятельность в кругу землячеств и союзов выходцев из британских колоний. Не стал он и категорически отречься от своего недавнего коминтерновского прошлого, выступать с какой-либо критикой соратников по работе в коминтерновских организациях.

Кстати, некоторые из них, не порывая официально, как Пэдмор, с Коминтерном, в это же время тоже жили в Лондоне или наведывались туда, продолжая в той или иной форме свою общественно-политическую деятельность в интересах своих колониальных отечеств. Из наиболее известных фигур следует выделить однокашника Пэдмора по КУТВ кенийца Джомо Кениату (московский псевдоним Джокен). В Лондоне Пэдмор встретил своего земляка и друга юности Сирила Джеймса, спортивного журналиста, активиста вест-индского землячества в Великобритании. С началом агрессии фашистской Италии против Эфиопии в 1935 г. (в те годы – Абиссинии, единственного независимого государства Черной Африки) С. Джеймс явился инициатором создания общества «Международные африканские друзья Абиссинии» (ИАФА), где Пэдмор стал членом Исполнительного комитета, а вскоре – фактическим руководителем этой расширявшей сферу своих интересов организации.

Джордж Гриффит (еще один выходец из Вест-Индии, ради политической конъюнктуры ставший «эфиопом» Расом Макконеном) связал Пэдмора с представителями эфиопского

посольства в Великобритании. Их объединенными усилиями была проведена церемония торжественной встречи императора Эфиопии Хайле Селассие, когда он в 1936 г. прибыл в Лондон в изгнание.

Конкретность целей лишала ИАФА перспективы деятельности – с окончанием военных действий в Эфиопии ИАФА передала часть своих функций так называемой Абиссинской ассоциации, которая была создана представителями университетских и научных кругов. Пропагандистские функции взяла на себя газета «New Times and Ethiopian News», издававшаяся известной английской общественной деятельницей Сильвией Панкхерст.

Недолгое время существования ИАФА не было отмечено сколько-нибудь значительными мероприятиями. Достоверной информацией о положении в Эфиопии ее участники не обладали, и Пэдмор теперь мог по достоинству оценить те возможности, которыми располагали его недавние коллеги-коминтерновцы в журнале «Negro Worker», где абиссинские материалы появлялись регулярно. Ограниченные возможности Дж. Пэдмора объяснялись отчасти тем, что официальные представители Эфиопии за рубежом в тот период не были по-настоящему заинтересованы в развертывании действенной кампании солидарности с антиколониальной борьбой, которую вел эфиопский народ¹². Заняв постепенно положение главного идеолога объединений выходцев из британских колоний, обосновавшихся в Лондоне, Пэдмор следующим образом определил их настроения этого периода: «Осознав свою полную незащитность перед лицом новой агрессии европейцев в Африке, черные почувствовали необходимость разобраться в самих себе»¹³.

В конце 1936 – начале 1937 г. те же активисты, что создавали ИАФА, учредили «Международное африканское бюро обслуживания» (ИАСБ). Работа этой организации была подчинена решению в основном тактических задач – юридической помощи выходцам из колоний и цветным студентам в Великобритании, лоббированию интересов делегаций, прибывавших из Африки или Вест-Индии, организации

¹² Ras Makonnen. Pan-Africanism from within / ed. by K. King. Nairobi, 1973. P. 112.

¹³ Padmore G. Pan-Africanism or Communism? The coming struggle for Africa. L., 1956. P. 146.

различных мероприятий землячеств и группировок цветного населения в Лондоне. Интересно, что, по сути взяв на вооружение идеи panaфриканского единства, активисты ИАСБ во главе с Пэдмором вплоть до 1945 г. не пытались никоим образом заниматься анализом или пересмотром идейного багажа этого движения. Что еще более важно – не было принято ни одной серьезной попытки установить отношения с африкано-американскими организациями и изданиями или привлечь к деятельности ИАСБ У. Дюбуа, «мелкобуржуазного соглашателя-панафриканиста», находившегося у себя на родине в своеобразном политическом забвении¹⁴. Интересно отметить, что обвиненный ранее коминтерновцами в пропаганде «черного расизма» Дж. Пэдмор не пытался приобщить к деятельности возглавляемых им организаций высланного из США «на родину» – в столицу Британской империи Маркуса Гарви, по сути – основоположника современного «черного расизма».

«Звездный час» для ИАСБ и его главного идеолога Джорджа Пэдмора наступил незадолго до окончания Второй мировой войны. Силами этой организации был подготовлен и проведен в Манчестере осенью 1945 г. важнейший форум народов африканского происхождения в колониальную эпоху – Пятый panaфриканский конгресс. Пэдмор сумел восстановить и обновить свои старые профсоюзные связи и своеобразно объединил проведение panaфриканского конгресса с первым послевоенным конгрессом Всемирной федерации профсоюзов в Париже. Из почти 100 участников встречи в Манчестере более трети были профессиональными профсоюзными деятелями, а из 60 представленных организаций по крайней мере одну треть составляли профсоюзы африканских территорий, 11 стран Карибского бассейна и профсоюзные объединения выходцев из колоний в самой Великобритании¹⁵.

Важным «приобретением» Пэдмора на этапе подготовки и проведения Пятого конгресса было включение в состав «Панафриканской ассоциации», формально заменившей ИАСБ, недавнего выпускника американских университе-

¹⁴ C.L.R. James. A History of Pan-African Revolt. Washington, 1969. P. 214.

¹⁵ History of Pan-African Congress. Colonial and... colored unity. A programmer of action / ed.by G. Padmore, L., 1947. P. 30.

тов, выходца из британской колонии Золотой Берег Кваме Нкрумы, которого в то время чаще называли Фрэнсисом Нкрумой. Его рекомендовал Пэдмору как не очень способного, но целеустремленного националиста, намеренного «выгнать европейцев из Африки», С. Джеймс, помогавший Нкруме в США¹⁶. В результате авторами основных документов Манчестерского конгресса стали африканец Нкрума, афроамериканец Дюбуа и вест-индиец Пэдмор – представители основных групп черных народов¹⁷.

Пятый panaфриканский конгресс был проведен в переломный момент истории народов африканского происхождения. Военная пора породила новые ожидания у колониальных народов, большинство которых осознавало себя гражданами государств – участников антифашистской коалиции. Начиная с 1943 г. перестал существовать Коминтерн, уделявший пусть недостаточное, но серьезное внимание развитию политической ситуации в среде черных народов.

Планы послевоенного переустройства мира, намеченные в Атлантической хартии и на основных международных конференциях в годы войны, появление ООН, обозначившиеся линии раздела между восточным и западным блоками – все это активизировало процесс самоосознания и самоутверждения в среде народов африканского происхождения. Наряду с этим активно продолжалось социальное расслоение как в африканском колониальном обществе, так и среди его представителей в метрополии – в первую очередь в цветной общине Великобритании. Увеличился диссонанс в идейных позициях представителей французских и британских колоний. В силу объективных условий гораздо дальше, чем это было на начальном этапе движения panaфриканских конгрессов, разошлись интересы африканских народов и афроамериканцев. Все эти тенденции нашли свое отражение и по форме, и по существу на Манчестерском конгрессе.

По признанию участников конгресса, Пэдмор явился главным его идеологом задолго до начала заседаний. Он тщательно формировал состав делегатов, отдавая предпочтение «представителям с мест». Ими было легче управлять, их

¹⁶ Jonson K. George Padmore honored in London // Sunday Express. 1998. Nov. 1. P. 15.

¹⁷ Документы panaфриканского движения / ред. И. И. Филатова // Расы и народы. М., 1977. Вып. 7.

выступления было проще отредактировать и получить для итоговых документов нужные выводы. «Обращение к ООН» У. Дюбуа, по сути, никто не оспаривал: время проведения конгресса почти совпало с работой учредительной конференции ООН в Сан-Франциско, и известить эту новую международную организацию о panaфриканских воззваниях было вполне уместно. А вот «Вызов колониальным державам», сформулированный К. Нкрумой, уже почти стал камнем преткновения, поскольку сам Нкрума считал свои предложения на конгрессе чуть ли не марксистской программой обновления Африки¹⁸. На этом фоне Пэдмор большинству panaфриканистов послевоенного призыва казался умудренным политиком, который как никто другой был способен не допустить в обновляемый panaфриканизм коминтерновский, коммунистический дух, давно и яростно им критикуемый. Но и с африкано-американским патернализмом ему, выходцу из Вест-Индии, тоже было не по пути.

Таким образом, только от Пэдмора, придумавшего и организовавшего Пятый panaфриканский конгресс, зависело то, каким должно было стать содержание panaфриканского движения во второй половине XX в. В действительности после успешного завершения форума Пэдмор, тем не менее, не стал использовать сформированную специально «под конгресс» Panaфриканскую ассоциацию, понимая, что в новых условиях panaфриканские идеи не смогут быть универсальным объединяющим началом столь разных народов. Он все больше убеждался в том, что так называемые национально-освободительные движения в Африке и Азии руководствуются разными целями, работают в слишком разных условиях. Его убеждали в этом контакты с Дж. Неру, Дж. Кениатой, Н. Азикиве и многими другими выходцами из колоний, поставлявшими ему информацию о стремительно меняющейся обстановке в колониальном мире. Главное внимание он уделил теперь опеке молодых африканских националистов, в первую очередь Нкрумы. В декабре 1947 г. именно доводы Пэдмора о необходимости «революционизировать» партию Объединенный Конвент Золотого Берега склонили Нкруму принять приглашение этой партии стать ее гене-

¹⁸ Нкрума К. Я говорю о свободе. Изложение африканской идеологии. М., 1962. С. 57.

ральным секретарем¹⁹. В дальнейшем, по мере восхождения Нкрумы к власти в колонии Золотой Берег, Пэдмор выступал его неофициальным советником, а после 1957 г. – появления независимой Ганы он занимает специально учрежденный для него пост советника Нкрумы по связям со странами Африки.

Незадолго до этого знаменательного события Пэдмор успел выпустить в 1956 г. свою наиболее известную книгу – «Панафриканизм или Коммунизм? Грядущая схватка за Африку», представлявшую собой компиляцию его работ разных лет, преимущественно статей для англоязычных периодических изданий. Основной тезис, заявленный в названии книги, по-настоящему в ней не расшифрован. Но именно в этой книге Пэдмор наконец свел счеты со своими давними гонителями из Коминтерна, прославляя таких «независимых коммунистов», как Тито, Мао Цзэдун, Энвер Ходжа, отвергнувших диктат Сталина, но сохранивших, по мнению Пэдмора, верность идеалам международного коммунистического движения.

В отличие от Уильяма Дюбуа, своего сначала – антагониста, затем – соратника и единомышленника, Джордж Пэдмор сумел в конце жизни пусть ненадолго, но все же стать действительным архитектором независимой Африки. Под его началом в ганском Бюро по связям с Африкой работали или консультировались представители многих освободительных движений континента. По просьбе Нкрумы Пэдмор использовал свои связи и авторитет, в том числе среди молодых африканских националистов, для организации в Гане в 1958 г. Конференции независимых стран Африки. По злой иронии судьбы Пэдмор не дожил совсем немного до предсказанного им еще в межвоенный период Года Африки. Он скончался в Лондоне в сентябре 1959 г. достаточно неожиданно, что породило слухи об отравлении его противниками Нкрумы, недовольными вмешательством в дела независимой Ганы иностранного радикала с коммунистическим прошлым. По указанию Нкрумы прах Джорджа Пэдмора был торжественно захоронен в Аккре.

Значительная дистанция, отделяющая «эпоху» Пэдмора в истории антиколониальных движений черных народов от сегодняшних идейных поисков и противоречий в их среде,

¹⁹ Brockway F. The Colonial Revolution / MacGibbon. L., 1973. P. 334–335.

не сделала его самого забытым патриархом. Активно работает, в том числе постоянно обновляет свой сайт «Институт Джорджа Пэдмора» в Лондоне²⁰, ведущий значительную образовательную, архивную и популяризаторскую деятельность, связанную с изучением истории черных народов в Великобритании и других странах. В прямом диалоге с главным трудом Джорджа Пэдмора «Панафриканизм или Коммунизм?...» в 2013 г. британский ученый Хаким Ади, занимающийся изучением истории народов африканского происхождения, выпустил фундаментальную монографию «Панафриканизм и коммунизм», документальной основой которой стали архивные материалы Коминтерна из московского РГАСПИ²¹.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что история взаимоотношений и взаимовлияния Коминтерна и народов африканского происхождения продолжает оставаться важной, востребованной темой в истории общественной мысли народов Востока.

Литература

Давидсон А. Б. Южная Африка: становление сил протеста. 1870–1924. М.: Наука, 1972. 615 с.

Дилигенский Г. Г. Рец. на: Поворот в политике Коминтерна (К 30-летию VII Конгресса) // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 177–179.

Документы панафриканского движения / ред. И. И. Филатова // Расы и народы. М.: Общественные науки и современность, 1977. Вып. 7. 336 с.

Голден Л. О. Международный профсоюзный комитет негритянских рабочих (К 40-летию I Международной конференции негритянских рабочих) // Народы Азии и Африки. 1970. № 5. С. 83–95.

История Африки в документах 1870–2000. В 3 т. Т. 1: 1870–1918. 499 с.; Т. 2: 1919–1960. 420 с.; Т. 3: 1961–2000. 719 с. / под общ. ред. А. Б. Давидсона. М.: Наука, 2005–2007.

Коминтерн и Африка: Документы / сост. В. Городнов. СПб.: Алетея, 2003. 351 с.

Лейбзон Б. М., Шириня К. К. Поворот в политике Коминтерна (К 30-летию VII Конгресса). М.: Мысль, 1965. 374 с.

²⁰ Институт Джорджа Пэдмора. URL: <https://www.georgepadmoreinstitute.org> (дата обращения: 20.09.2020).

²¹ Adi Hakim. Pan-Africanism and communism: the communist International, Africa and the diaspora, 1919–1939. L., 2013.

Маккензи К. Коминтерн и мировая революция. 1919–1943. М.: Центр-полиграф, 2008. 351 с.

Нкрума К. Я говорю о свободе. Изложение африканской идеологии. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 303 с.

Россия и Африка: документы и материалы. XVIII в. 1960; Т. 2: 1918–1960 / сост. Давидсон А. Б., Мазов С. В., Цыпкин Г. В. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. 397 с.

Соркин Г. З. Антиимпериалистическая лига (1927–1935): ист. очерк. М.: Наука, 1965. 125 с.

Adi Hakim. Pan-Africanism and communism: the communist International, Africa and the diaspora, 1919–1939. L.: Africa World Press, 2013. 445 p.

Brockway F. The Colonial Revolution. L.: Hart-Davis, MacGibbon, 1973. 654 p.

History of Pan-African Congress. Colonial and... colored unity. A programmer of action / ed. G. Padmore. L.: The Hammersmith Bookshop, 1947. 79 p.

James C. L.R. A History of Pan-African Revolt. Washington: Merlin Press Ltd, 1969. 167 p.

Jonson K. George Padmore honored in London // Sunday Express. 1998. Nov. 1.

Padmore G. Pan-Africanism or Communism? The coming struggle for Africa. L.: Roy Publishers, 1956. 243 p.

Ras Makonnen. Pan-Africanism from within / ed. K. King. Nairobi: Oxford University Press, 1973. 293 p.

Интернет-ресурсы

Жуков Д. А. Апартеид: история режима. URL: <https://www.rulit.me/books/aparteid-istoriya-rezhima-read-43009-10.html> (дата обращения: 20.09.2020).

Институт Джорджа Пэдмора. URL: <https://www.georgepadmoreinstitute.org> (дата обращения: 20.09.2020).

Учебное заведение Коминтерна — Коммунистический университет трудящихся Востока

Одной из главных задач Коммунистического Интернационала как международной организации было объединение коммунистических партий различных стран. В 20-е годы XX в. в ряде колониальных и зависимых стран были созданы компартии, представляющие в то время небольшие отряды революционных борцов. С первых дней существования перед этими организациями стояла сложная задача овладения марксистско-ленинской теорией: согласно выдвинутому Лениным положению, «без революционной теории не может быть и революционного движения»¹.

Претворяя его в жизнь, в первые же дни октября 1917 г. большевики открывают агитационные курсы в Смольном, куда со столичных фабрик и заводов стекаются передовые рабочие, чтобы затем ехать в провинцию в качестве агитаторов и пропагандистов. Но это не могло решить задачу создания кадров для стран Востока. Ведь в первую очередь на курсах готовились работники для центральных районов Советской России, и преподавание велось на русском языке.

21 января 1921 г. ЦК РКП(б) принял решение об организации восточных курсов при Наркомнаце (Народный комисса-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 24.

риат по национальным вопросам)². 10 февраля вышло постановление Оргбюро ЦК РКП(б) о переименовании курсов при Наркомнаце в Коммунистический университет трудящихся Востока³. КУТВ стал кузницей политических кадров для революций на Востоке, пропагандистов и организаторов масс.

Существенное отличие КУТВ от Института востоковедения, Восточного отделения Военной академии РККА⁴ и других аналогичных учебных заведений заключалось не только в специфике его своеобразного профиля, но и в первую очередь в том, что в КУТВ⁵ готовились национальные кадры, владевшие марксистской идеологией. Также в отличие от других вузов и комвузов занятия велись на родных языках студентов⁶. Двери его были открыты не только для трудящихся восточных советских республик, но и для эмигрантов, молодежи, приехавшей из-за рубежа.

В революционные годы на территории бывшей Российской империи проживали четыре млн иностранцев, в том числе около миллиона из стран Востока – Персии, Турции, Афганистана, Монголии, Кореи и Китая⁷. К концу 1921 г. преподавание в КУТВ велось уже на 11 языках.

Из студентов советских восточных республик готовили партийных и государственных работников для номенклатуры советских национальных республик, а иностранных студентов из восточных стран – к борьбе за дело коммунизма в своих странах, а также к организации восстаний и революций. В связи с этим у многих студентов были псевдонимы.

Родной язык, арифметика, алгебра, геометрия, русский – эти предметы преподавали на начальных курсах, а впоследствии центральное место занимали обществен-

² Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1921. № 36. С. 194.

³ Более подробно см.: Ravandi-Fadai Lana. Red «Mecca» – The Communist University for Laborers of the East (KUTV): Iranian Scholars and Students in Moscow in the 1920-s and 1930-s. 2015. Vol. 48. № 5. September. P. 695–714.

⁴ Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА).

⁵ Более подробно см.: Раванди-Фадаи Л. М. Революционное востоковедение и революция в востоковедении // Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм. В 2 ч. М., 2014. Ч. 2. С. 73–80.

⁶ РГАСПИ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 657. Л. 34.

⁷ Персиц М. А. Восточные интернационалисты в России, Коминтерн и Восток. М., 1969. С. 56.

ные дисциплины, формировавшие идейное мировоззрение студентов: политэкономия, исторический материализм, история РКП(б) и, конечно, обязательная для всех «История Востока»⁸.

Уже в первый учебный план основного отделения были включены такие предметы, как «Востоковедение» и «Колониальный и национальный вопрос»⁹. Тогда же, в 1921 г., стали проводиться лекции, освещавшие положение в Персии, Турции, Афганистане, предшественники тех страноведческих курсов, которые во второй половине 20-х годов читались почти по всем странам, представленным в КУТВ¹⁰.

В начале своей деятельности КУТВ переживал серьезные трудности: не было отработанных программ, не хватало учебников, университет столкнулся с полным отсутствием марксистской литературы на восточных языках, не доставало русских букварей. Зачастую не было даже карандашей и тетрадей. Учащимся выдавали большие листы, которые надо было разрезать и сшивать в тетради. Приехавшие издалека студенты с трудом приспосабливались к непривычному для них климату и бытовым условиям. В первое время занятия не проводились. Студентов знакомили с жизнью Москвы, водили на экскурсии, читали небольшие циклы лекций.

За несколько месяцев до открытия КУТВ в Наркомнаце была отмечена необходимость «создать с мест наиболее подготовленных коммунистов-туземцев, хотя бы 50–70 человек, образовать из них школу подготовки лекторов»¹¹. Такая работа стала вестись в Свердловске¹². К июлю она была закончена, а к 22 августа, более чем через полгода после открытия КУТВ, там начались занятия. Сроки обучения лекторов и преподавателей были жесткие – от двух до шести месяцев. Получив минимальную подготовку, слушатели лекторской

⁸ Гордлевский В. А. Московское востоковедение после Октября // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. М., 1968. Т. 4. С. 338.

⁹ РГАСПИ. Ф. 2313. Оп. 4. Д. 82. Л. 30, 34.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 2313. Оп. 4. Д. 41. Л. 6.

¹¹ Жизнь национальностей (1922–1924). 26.01.1921. С. 9.

¹² Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова – высшее учебное заведение ЦИК СССР и ВКП(б), с 1918 по 1937 г. готовившее кадры для советской и партийной администрации в Москве.

группы приступали к проведению занятий на родных восточных языках.

Срок обучения в КУТВ составлял три года (первоначально 7 месяцев). В его стенах готовили и пропагандистов, и преподавателей общественных наук. Здесь были созданы и курсы по естественным наукам, выпускавшие преподавателей физики, химии, математики и географии для стран Востока.

45% от общего числа студентов не имели никакого образования – ни на русском, ни на родном языке. В первые годы в КУТВ обучалось много беспартийных, в социальном отношении состав был неоднородным. Среди студентов КУТВ можно было встретить и девушку, еще не снявшую чадру, и горца-пастуха, приехавшего в Москву учиться, и человека, возглавлявшего в прошлом крестьянское восстание¹³. В каждой группе был парткружок, к иностранным группам были прикреплены работники Коминтерна, владеющие соответствующим языком.

В послереволюционный период – время, находившееся на «разломе» двух эпох, когда марксистско-ленинская идеология, имевшая сугубо атеистическую направленность, активно проводила в жизнь лозунги типа «Религия – опиум для народа!» и т.п., в России еще продолжали действовать церкви и монастыри. Интересно, что в здании одного из монастырей жили студенты КУТВ (московский монастырь, освященный во имя Страстной иконы Божьей матери, стоявший на Тверской улице на месте современного сквера Пушкина, позже уничтоженный большевиками¹⁴). При этом многие

¹³ Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. М. Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. М., 2020. С. 154–166.

¹⁴ Знаменитая итальянская актриса Элеонора Дузе, в начале XX в. оказавшись в Москве, описала свои ощущения от первого знакомства с Православной церковью, которое произошло в Страстном монастыре: «Я никогда не была ни в одной православной церкви, а эта привлекала к себе какой-то непонятной сумрачностью. Было видно, как одна за другой в воротах исчезали неясные женские фигуры. И я последовала их примеру. Если бы вы только знали! Это было настоящее колдовство. Богослужение, по-видимому, уже закончилось, и только в одном приделе два голоса пели, очень высоко и совсем тихо. Я спросила моего спутника, что это за песнопение. Он ответил что-то о славе Божией Матери. Прислужницы в черных одеждах с закрытыми лицами гасили свечи. Пахло ладаном. И эти голоса... Это тут я дала себе слово начать читать по-русски, именно здесь и именно в этот час...» // Молева Н. М. Тайны московских монастырей. Страстной монастырь.

студенты придерживались своих собственных национальных традиций, оставаясь по-прежнему религиозными. Например, мусульмане продолжали пять раз в сутки совершать намаз, совмещая учение Маркса с исламом. На момент размещения студентов КУТВ в Страстном монастыре еще проживали 204 монахини¹⁵.

Немалое значение в жизни КУТВ имел товарищеский суд, где обсуждались нарушения принципов коллективизма, трудовой дисциплины, этические нарушения. Студенты отмечали годовщины революций и тому подобные праздники. Их приглашали на съезды партий, пленумы ИККИ и конгрессы Коммунистического Интернационала. Проводились специальные литературные вечера, знакомившие студентов с русской и зарубежной классикой – как западной, так и восточной, – куда приезжали основоположник литературы соцреализма М. Горький или иранский революционный активист Эхсанулла-хан Дустдар, рассказывавший про Гилянскую революцию. Устраивались восточные концерты, был драмкружок, в котором участвовали и иранские студенты (одна девушка и двое юношей). Одним из постановщиков такого спектакля был В. Э. Мейерхольд.

Еженедельно в КУТВ проводились собрания студентов-иранцев, на которых бюро ставило вопросы, связанные с жизнью страны. Кроме того, бюро издавало журнал на персидском языке, снабжало иранскую прессу материалами, написанными с марксистских позиций, но главное, его члены делали сводку персидских газет, которую студенты переводили на русский язык.

С точки зрения характеристики атмосферы, царившей в КУТВ, очень показательны воспоминания датского писателя-коммуниста М. Андерсена Нексе, находившегося в Москве в 1924 г. Он писал: «В Москву идут на паломничество из далеких стран – феллахи, кули, малайцы... Я разговаривал недавно с двумя рабочими из Тибета, с двумя молодыми рабами. Они шли пешком 14 месяцев, чтобы попасть в Университет Востока. Такой притягательной силой обладает

URL: <https://e-libra.ru/read/202720-tayny-moskovskih-monastyrey.html> (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁵ Мелихова А. А., Цеханский Р. В. Страсти и надежды Пушкинской (Страстной) площади и Страстного монастыря. М., 2013. С. 40.

свет, идущий из Москвы на Восток»¹⁶. Молодая персиянка из Тегерана рассказывала: «Когда я узнала от товарищей, что в Москве есть КУТВ, я не поверила. Когда я писала в Тегеран, что я в КУТВ, товарищи в восторженных письмах из Персии описывали, какое это на них произвело впечатление: “Значит, правда, что Москва – Красная Мекка!”»¹⁷

В 1922 г. в соответствии с решением ЦК РКП(б) и Наркомнаца КУТВ расширил свою деятельность. Летом следующего года большая группа выпускников и студентов лекторского курса была направлена в национальные районы страны для организации отделений КУТВ и оказания помощи совпартшколам. Отделения были открыты в Баку – для иранцев, азербайджанцев и турок; в Иркутске – для дальневосточных народов (главным образом корейцев); в Стерлитамаке – для башкир, в Петрозаводске – для карелов, в Краснококшайске – для марийцев, в Ташкенте (самое крупное отделение на 140 человек) – для киргизов, туркмен и узбеков. Там, кроме основного ядра, было организовано женское отделение на 140 человек, красноармейское – на 120 человек и несколько краткосрочных выездных школ в уездах.

Программа КУТВ была настолько перегружена, что у студентов не было свободного времени. «Пройдите мимо общежитий в 1–2 часа ночи, а то и позже, – писал ректор “Свердловки” В. П. Антонов-Саратовский, – и вы увидите их залитых светом, сияющим из всех окон. Общежитие напоминает фабрику или завод, работающие в ночную смену»¹⁸. Так жили все комвузы, так жил и КУТВ. Как писал известный поэт Назым Хикмет, выпускник КУТВ: «В сутки сто граммов черного хлеба, двадцать тонн книг и двадцать минут для себя»¹⁹.

Кроме того, в течение трех лет учебы каждый студент участвовал в 100 экскурсиях. Экскурсии воспитывали у студентов умение наблюдать жизненные явления, отбирать, обобщать

¹⁶ Андерсен Нексе М. На рассвете. Очерки о советской России. М. – Л., 1925. С. 108.

¹⁷ Тимофеева Н. М. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) – центр идейной подготовки коммунистических и революционных кадров Востока. М., 1988.

¹⁸ Отчет рабоче-крестьянского коммунистического университета им. Свердлова. М., 1920. Ч. 1. С. 23.

¹⁹ Назым Хикмет. Избранное. М., 1982. С. 107.

и анализировать факты. Этот метод широко использовался в небольшом французском городке Лонжюмо, где в 1911 г. под руководством В. И. Ленина была организована школа для подготовки партийных кадров из рабочих. Экскурсии были по следующим направлениям: естествознание – экскурсии на телеграф, физика – на электростанцию, биология – в ботанический и зоологический сады, история и история культуры – в соответствующие музеи, экономика – экскурсии в Политехнический музей и на выставку ВСНХ²⁰. Ряд проблем политэкономии иллюстрировался во время посещений Государственного банка, фабрик и заводов²¹.

Персы, турки, арабы, китайцы в свободное от учебы время занимались переводами коммунистической и марксистской литературы, потом переводы печатались и распространялись в странах Востока. Во второй половине 1920-х годов КУТВ представлял собой высшую партийную школу, глубоко интернациональную. Наиболее теоретически подготовленных учащихся направляли на работу в ЦК ВКП (б), аппарат Исполкома Коминтерна. В 1925 г. КУТВ настолько окреп, что в его стенах начали проводиться научные исследования.

Студенты КУТВ, особенно старших курсов, вместе со слушателями Института востоковедения им Н. Нариманова и Восточного отделения Военной академии РККА принимали активное участие в заседаниях секций ВНАВ²², выступали с докладами по различным проблемам Востока. Уже осенью 1925 г. возник вопрос об организации при КУТВ научно-исследовательского института. Главная инициатива в этом деле исходила от иностранной группы университета²³.

В середине 1920-х годов КУТВ был столь авторитетен, что многие успешные выпускники попадали на работу в ЦК ВКП(б) и Коминтерн. Студенты старших курсов вместе с сотрудниками Московского института востоковедения и Восточного отделения Военной академии активно участво-

²⁰ Высший совет народного хозяйства.

²¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 560.

²² Всесоюзная научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР (ВНАВ) создана при Наркомнаце в конце 1921 г. для объединения востоковедов страны и организации их исследовательской работы в русле идеологии марксизма.

²³ Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 323.

вали во Всероссийских сессиях Ассоциации востоковедов, выступали с докладами на самые разнообразные темы.

В конце 1926 – начале 1927 г. в КУТВ была создана научно-исследовательская ассоциация (НИА) по изучению социально-экономических проблем советского и зарубежного Востока²⁴. Помимо своей функции важного востоковедческого научно-исследовательского центра НИА предоставляла магистратуру и имела собственный журнал «Революционный Восток»²⁵, ставший важнейшим периодическим изданием в советской ориенталистике. Журнал издавался в 1927–1938 гг. и определял многие направления развития советского востоковедения.

В конце 1929 г. НИА КУТВ была преобразована в широкую общественную организацию по изучению национальных и колониальных проблем (НИА НКП), не входившую в систему госучреждений СССР²⁶. Был реорганизован и сам КУТВ. После ликвидации Наркомнаца в апреле 1924 г. он получил новый статус и в течение нескольких лет состоял при ЦИК СССР как государственный университет, а с конца 1929 г. КУТВ вошел в НИА НКП²⁷. Теперь уже не Ассоциация являлась частью КУТВ, а наоборот.

Положение, существовавшее в ранние годы университета, когда партийные организации направляли в КУТВ крайне слабо подготовленных студентов, более не могло продолжаться. За десятилетие многое изменилось. К середине 1930-х годов в НИА НКП уже было много отделов (кабинетов), в том числе и иранский²⁸. Эти кабинеты объединяли почти всех востоковедов, изучавших соответствующие страны. Они готовили к печати монографии, сборники материалов, информационные сборники, исторические труды, учебники по грамматике, учебные пособия, терминологические словари и т.п.²⁹

²⁴ Революционный Восток. 1929. № 7. С. 364.

²⁵ Там же. С. 366.

²⁶ Революционный Восток. 1930. № 8. С. 340.

²⁷ Правда. 16.07.1924; Под знаменем Ильича. 22.03.1924.

²⁸ Революционный Восток. 1936. № 2. С. 100; Отчет рабоче-крестьянского коммунистического университета им. Свердлова. М., 1920. Ч. 1. С. 36.

²⁹ Гордлевский В. А. Московское востоковедение после Октября // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. С. 318.

Известный советский востоковед В. А. Гордлевский писал, что «научные работники, входившие в лингвистическую комиссию, жили как бы в лаборатории... они могли производить наблюдения над языком живых людей – представителей различных национальностей, студентов КУТВа»³⁰. Поскольку книг по-прежнему не хватало, в 1930 г. были созданы бригады по подготовке учебников ряду стран.

В КУТВ учились и работали члены ЦК компартий Востока, видные деятели коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения³¹.

С 1927 г. при НИА была открыта аспирантура с упором на сочетание фундаментального владения марксистско-ленинской теорией с доскональным знанием конкретного

³⁰ Там же. С. 348.

³¹ Выпускниками КУТВ были такие известные политики, государственные деятели, как вьетнамский политический деятель и последователь марксизма-ленинизма, основатель КП Вьетнама, руководитель августовской революции, первый президент Северного Вьетнама, создатель Вьетминя и Вьетконга, философ-марксист, поэт Хо Ши Мин; президент Тайваня – Цзян Цзингю; китайский политик и реформатор, деятель КП Китая, фактический руководитель Китая с конца 1970-х до начала 1990-х гг., хотя никогда не занимал пост руководителя страны, – Дэн Сяопин; деятель корейского национально-освободительного движения, первый министр сельского хозяйства, продовольствия республики Северная Корея – Чо Бонам; одна из ключевых фигур китайского троцкизма – Ван Фанси; государственный деятель КНР, один из руководителей КП Китая, председатель КНР (1959–1968), был официальным наследником Мао Цзэдуна, но во время культурной революции объявлен главным врагом республики и подвергся репрессиям – Лю Шаоци; турецкий поэт, прозаик, сценарист, драматург и общественный деятель, основоположник турецкой революционной поэзии, лауреат Международной премии Мира (1950) Назым Хикмет; палестинский писатель, литературный критик и революционер, один из первых арабов – членов Палестинской КП, представлявший ее в Коминтерне, участник гражданской войны в Испании, оказал значительное влияние на левое движение в Палестине, Сирии и Ливане – Наджати Сидки; деятель коммунистического и рабочего движения Ирака Юсуф Сулейман Юсуф; один из лидеров коммунистического и национально-освободительного движения в Индонезии, руководитель КП страны, после 1963 г. был посмертно признан национальным героем – Тан Малака; японский коммунист, деятель Коминтерна Кагаяма Сэн; индийский коммунист, деятель Коминтерна Манабендра Рой; деятель греческого рабочего движения, генеральный секретарь КП Греции с 1931 по 1956 г. Никос Захариадис; китайский революционер, поэт, писатель-публицист, литературный критик, главный редактор ряда журналов, автор текста китайского «Интернационала» (1923) и др. поэтических переводов, широко известный в СССР, – Сяо Сань (Эми Сяо); деятель вьетнамского революционного движения Зыонг Бать Май; секретарь компартии Сирии в 1936–1995 гг. Халед Багдаш; таджикский советский политический, партийный и государственный деятель Шотемор Шириншо и многие другие.

региона³². НИА к началу 1930-х годов выросла в большой сильный коллектив.

В 1937 г., когда вся страна была охвачена сталинскими репрессиями, произошла бюрократическая перестройка и в КУТВ, что ознаменовало начало его конца. Университет был разделен на две независимые организации: одна сохранила название КУТВ, но теперь там обучались только студенты с советским гражданством; иностранные учащиеся были переведены из КУТВ в Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем – новое воплощение НИА НКП.

Выпускники не всегда соглашались с распределением, по которому их отправляли работать на обычные заводы и фабрики к рабочим. Часто учащиеся КУТВ преследовали честолюбивые цели занять руководящие должности, соответствующие их уровню знаний. Такой инцидент случился в 1929 г., когда иранские коммунисты (после обучения в КУТВ) начали требовать окладов и высоких постов работников партии – в противном случае «они перейдут на службу в иранскую охранку». Доносы тоже не были редкостью в это время³³.

В январе и феврале 1938 г. репрессии достигли Московского института востоковедения. Многих сотрудников разных факультетов и специальностей постигли ночные аресты, обвинения в шпионаже и в большинстве случаев расстрел в день вынесения приговора, обычно всего лишь через несколько месяцев после ареста.

Поскольку арестованные ученые из Института востоковедения были по большей части также и преподавателями КУТВ, в университете больше не осталось педагогического персонала такого уровня. Вскоре КУТВ также был официально закрыт в рамках продолжающейся реструктуризации системы образования для будущих партийных функционеров. Тогда же ЦК партии и Коминтерн закрыли НИИ НКП, несмотря на то что КУТВ и НИА НКП пользовались большим авторитетом, находясь в авангарде возрождения востоковедения.

³² Сталинец. 01.06.1929.

³³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 180. Л. 42.

Из основных учреждений в русле нового красного ориентализма продолжал тогда существовать лишь Московский институт востоковедения, также оставшийся после чисток без ценных кадров.

Источники

ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 560.

РГАСПИ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 657; Ф. 2313. Оп. 4. Д. 82; Д. 41; Ф. 495. Оп. 90. Д. 180; Ф. 532. Оп. 1. КУТВ (1921–1938). Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем. Правление и учебная часть Зарубежного сектора; Оп. 2. КУТВ (1921–1938). Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем. Партийная и комсомольская организации Зарубежного сектора КУТВ; Оп. 4. КУТВ (1921–1938). Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем. Библиотека и научные кабинеты КУТВ.

Литература

Андерсен Нексе М. На рассвете. Очерки о советской России. М.-Л., 1925. 127 с.

Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. М. Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. М.: ИВ РАН, 2020. 531 с.

Гордлевский В. А. Московское востоковедение после Октября // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. М.: Издательство восточной литературы, 1968. Т. 4. 611 с.

Жизнь национальностей (журнал). 26.01.1921.

Историк-марксист (журнал). 1926. № 1.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 6. 619 с.

Мелихова А. А., Цеханский Р. В. Страсти и надежды Пушкинской (Страстной) площади и Страстного монастыря. М.: Северо-Принт, 2013. 207 с.

Назым Хикмет. Избранное / пер. с тур., сост. М. К. Павлова. М.: Промсвещение, 1982. 272 с.

Отчет рабоче-крестьянского коммунистического университета им. Свердлова. М.: Госиздат, 1920. Ч. 1. 80 с.

Персиц М. А. Восточные интернационалисты в России, Коминтерн и Восток // Коминтерн и Восток [Текст]: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении / редкол.: проф.

Р. А. Ульяновский (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-т междунар. рабочего движения. М.: Наука, 1969. С. 53–109.

Под знаменем Ильича (журнал). 22.03.1924.

Правда (газета). 16.07.1924.

Раванди-Фадаи Л. М. Революционное востоковедение и революция в востоковедении // Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм. В 2 ч. М.: МГИМО(У), 2014. Ч. 2. С. 73–80.

Революционный Восток (журнал). 1929. № 7; 1930. № 8.

Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1921. № 36. 238 с.

Сталинец (газета). 01.06.1929.

Тимофеева Н. М. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) – центр идейной подготовки коммунистических и революционных кадров Востока. М.: ИВ РАН, 1988. 201 с.

Ravandi-Fadai Lana. Red Mecca – The Communist University for Laborers of the East (KUTV): Iranian Scholars and Students in Moscow in the 1920-s and 1930-s. 2015. Vol. 48. № 5. September. P. 695–714.

Интернет-ресурсы

Молева Н. М. Тайны московских монастырей, Страстной монастырь. URL: <https://e-libra.ru/read/202720-tayny-moskovskih-monastyrey.html> (дата обращения: 01.08.2020).

«Москва город большой и учреждений много»: К. А. Хакимов на III Конгрессе Коминтерна

Биография советского дипломата К. А. Хакимова (1892–1938) к настоящему моменту хорошо изучена: есть как обобщающие работы¹, так и книги и статьи, посвященные отдельным ее страницам². В данной статье рассмотрим короткий период его жизни в 1921 г., когда Хакимов приехал в Москву из Бухары на III Конгресс Коминтерна.

В Москве Хакимов первый раз оказался в мае 1919 г., когда приехал в «красную» столицу по делам комплектования 1-й Приволжской татарской стрелковой бригады³. Летом того же года он снова приезжает в Москву, на этот раз по поводу созыва II съезда коммунистических организаций народов Востока (ноябрь 1919 г.). На этом съезде между ним и его сторонни-

¹ См.: Гадилов Л. З., Гумеров Ф. Х. Революционер-дипломат. Историко-биографический очерк. Уфа, 1977 (Гадилов учился вместе с Хакимовым в медресе «Галия», а потом женился на его сестре); Хайретдинов Р. Ф. Карим Хакимов – революционер, дипломат: дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. Уфа, 2006; Озеров О. Б. Карим Хакимов: летопись жизни. М., 2020.

² Очень интересна статья Г. Г. Косача о работе Хакимова в Оренбурге, где рассмотрен политический аспект его деятельности как «мусульманского коммуниста» / Косач Г. Г. Карим Хакимов: годы жизни в Оренбурге (человек и его время) // Незвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. Вып. 2. С. 125–147.

³ Гадилов Л. З., Гумеров Ф. Х. Указ. соч. С. 45.

ками, с одной стороны, и М. Х. Султан-Галиевым и его сторонниками – с другой развернулась борьба по вопросам учреждения отдельных мусульманских партийных организаций и создания Татаро-Башкирской Республики (Хакимов выступал против и того, и другого)⁴. По итогам съезда он был избран членом Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). Однако фактически в этом бюро не работал, вероятно, по причине разногласий с султан-галиевцами: «Не желая работать в нем, укрылся на фронте, получив назначение военкома 2-й Туркестанской дивизии»⁵.

Затем Хакимов работал в политуправлении Туркестанского фронта⁶, а когда в июле 1920 г. решением Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР (Турккомиссии) был образован временный ЦК КП Туркестана⁷, он был избран членом ЦК и вошел в его исполнительное бюро вместе с Н. Т. Тюракуловым и К. С. Атабаевым⁸. В то же время ЦК РКП(б) решил перевести Хакимова в Автономную Татарскую ССР (Татреспублику), против чего энергично протестовали М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев, ссылаясь на то, что Хакимов является «центральной фигурой» во вновь образованном временном ЦК КПТ и его исполнительном бюро и его отъезд «разрушит все наши планы и рассыплет налаживающуюся работу»⁹.

В сентябре Куйбышев стал полпредом РСФСР в Бухарской Народной Советской Республике, Хакимов был назначен его заместителем¹⁰. В декабре 1920 г. в связи с отъездом Куйбышева в Москву Хакимов стал и.о. полпреда¹¹, но не задержался надолго в этой должности. В письме Куйбышеву от 27 января 1921 г. его преемник писал: «Моя

⁴ Хакимов К. А. Автобиография // Воспоминания о Кариме Хакимове. Уфа, 1982. С. 55–56; Гадилов Л. З., Гумеров Ф. Х. Указ. соч. С. 50–57; Косач Г. Г. Указ. соч. С. 127–128.

⁵ Хакимов К. А. Автобиография. С. 56; Гадилов Л. З., Гумеров Ф. Х. Указ. соч. С. 57–58.

⁶ Гадилов Л. З., Гумеров Ф. Х. Указ. соч. С. 61–63.

⁷ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

⁸ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 31. Л. 49–51.

⁹ Там же. Л. 58.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 194. Л. 12.

¹¹ Выписка из послужного списка К. А. Хакимова // Воспоминания о Кариме Хакимове. С. 67.

убедительная просьба к Вам, постарайтесь вытащить меня из Бухары»¹². В феврале 1921 г. Хакимов подал в отставку с поста полпреда РСФСР в Бухаре по причине разногласий с политикой центра, о чем писал в письме Куйбышеву от 10 февраля 1921 г., с просьбой направить его на хозяйственную или партийную работу в Крым¹³. Его обращение было удовлетворено не сразу – 22 апреля Хакимов докладывал по прямому проводу из Бухары в Ташкент заместителю уполномоченного НКВД РСФСР в Туркестане В. М. Цукерману о бухарских делах и спрашивал, не слышно ли о его преемнике, на что Цукерман отвечал: «О заместителе Вашем пока ничего не слышно»¹⁴.

Любопытно, что уже через несколько дней после этого разговора полпредом в Бухаре был назначен С. М. Диманштейн¹⁵, а 10 мая Хакимов был откомандирован из Бухары в распоряжение Турккомиссии¹⁶ и вскоре направлен в Москву. В письме от 19 мая 1921 г. в Исполком Коминтерна председатель Туркестанского бюро (Туркбюро) ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутак просил предоставить совещательный голос на III Конгрессе Коминтерна делегатам от Коммунистической партии Туркестана Шарарову, В. М. Познеру и К. А. Хакимову¹⁷.

В архиве Коминтерна имеется личное дело Хакимова¹⁸, которое состоит из одного документа – анкеты делегата III Конгресса Коминтерна. В ней (заполнена не его рукой) Хакимов определил свою национальность как «татарин», в графе «социальное положение» указал, что он рабочий, а по профессии – «горнорабочий, учитель». Образование свое оценил как «среднее». Хакимов сообщил, что прибыл в Россию «через Бухарскую границу» 27 мая 1921 г. и был командирован «Туркбюро Коминтерна на III Конгресс Коминтерна» на срок «до конца конгресса». Хакимов также написал, что в России его знают «Фрунзе и Куйбышев, 1 – член Цека РКП, 2 – кандидат» (см. также публикуемый документ). На вопрос

¹² РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 829. Л. 11об.

¹³ Там же. Л. 2–8.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 329а. Д. 55058. Л. 20.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 329а. Д. 55061. Л. 24.

¹⁶ Выписка из послужного списка К. А. Хакимова. С. 67.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 59. Л. 8.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 248. Л. 1.

о владении языками ответил, что говорит «на русском, узбекском, киргизском хорошо, а на фарсидском¹⁹ и арабском²⁰ неплохо».

После завершения конгресса Хакимов остался в Москве, так как был отозван из Туркестана и вопрос с его работой так и не был решен. В письме к секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову он просил разрешить ему вернуться на работу в Туркестан (см. публикуемый документ). Его просьба была удовлетворена. На заседании 27 июня 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение «командировать тов. Хакимова в распоряжение Туркбюро ЦК РКП»²¹. В Туркестане Хакимов проработал недолго. Уже в августе 1921 г. было решено, что он перейдет на работу в НКВД и поедет консулом в Мешхед, о чем нарком иностранных дел Г. В. Чичерин сообщил в шифровке В. М. Цукерману в Ташкент²². На работу в НКВД Хакимова рекомендовал Куйбышев²³.

Публикуемое письмо Хакимова Молотову отложилось в материалах к протоколу № 44 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 27 июня 1921 г. (п. 13 «О работе т. Хакимова»). Письмо написано рукой Хакимова на бумаге в клетку, сложено вчетверо и подписано автором «Т. Молотову (лично)». На письме имеются штамп секретного архива ЦК ВКП(б) и пометы красным карандашом (номер протокола и пункт, надпись «см. на обороте» и подчеркивание фамилии Куйбышева). Кроме того, в материалах к п. 13 хранятся записка на бланке секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова с заметками к заседанию Оргбюро, в том числе записью «О т. Хакимове (командировать в Казань)» (Оргбюро приняло решение командировать его в Туркестан, см. выше), и выписка из протокола Оргбюро.

¹⁹ Фарси — персидский язык. Любопытно, что Хакимов не упомянул родной татарский (возможно, понял вопрос как о владении иностранными языками).

²⁰ На самом деле тогда Хакимов еще не знал как следует арабского языка. См.: Хайретдинов Р. Ф. Первая дипломатическая миссия в Аравии на основе зарубежных источников // Хакимовские чтения «Россия и арабский мир: история и современность». Уфа, 2012. С. 3.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 184. Л. 3, 34.

²² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 329а. Д. 55058. Л. 111.

²³ АВП РФ. Ф. Управление кадров. Оп. 7. П. 8. Д. 5 «А» (162 «А»). Л. 8.

К. А. Хакимов²⁴ – В. М. Молотову²⁵

16 июня 1921 г.

Т. Молотов!

Я уже 20-й день нахожусь в Москве совершенно без дела – без работы, что для меня²⁶ чрезвычайно скучно и тяжело, а для дела, пожалуй, еще больше.

Безуспешно пытался и пытаюсь добиться аудиенции²⁷ тт. или Карахана²⁸, или Чичерина²⁹, или Янсона³⁰, или кого-либо другого для того, чтобы поделиться³¹ своим опытом по Бухаре³² по конкретным вопросам. Несколько раз был у Вас и у Вашего секретаря, но с Вами тоже ни до чего не договорились. Москва город большой и учреждений много; по ним можно ходить по 16 ч в сутки, я и хожу, но подойти-то³³ к ним я не сумел. Поэтому пришел к заключению просить Вас о том, чтобы, если не разрешаете мне учиться, сняли вопрос об отозвании меня из Туркестана и разрешили бы выехать в Ташкент, снабдив меня и мою жену³⁴ проездными и прочими

²⁴ Хакимов Карим Абдрауфович (1892–1938) – советский дипломат, участник Гражданской войны, в 1918–1919 гг. – член Оренбургского военно-революционного комитета, в 1920–1921 гг. – на работе в политуправлении Туркестанского фронта, секретарь ЦК КП Туркестана, полпред РСФСР в Бухарской Народной Республике. С 1921 г. на работе в НКВД, был генконсулом РСФСР в Мешхеде и Реште, в 1924–1928 гг. – полпред в Хиджазе (ныне Саудовская Аравия), в 1929–1931 гг. – полпред в Йемене, в 1932–1935 гг. учился в ИКП, в 1936–1937 гг. – вновь полпред в Саудовской Аравии. Отозван в Москву, расстрелян.

²⁵ Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский партийный и государственный деятель, в 1921 г. – секретарь ЦК РКП(б).

²⁶ Вписано над строкой.

²⁷ Перед «тт.» зачеркнуто слово «или».

²⁸ Карахан Лев Михайлович (1889–1937) – советский дипломат, в 1918–1921 гг. – заместитель наркома по иностранным делам РСФСР.

²⁹ В оригинале «Чечерина».

³⁰ Вероятно, Янсон Николай Михайлович (1882–1938), в 1921–1923 гг. – секретарь ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов.

³¹ В оригинале «со своим».

³² В оригинале «Бухарым».

³³ В оригинале «подойте-то».

³⁴ Хакимова (Нугаева) Хадича Гайнетдиновна (1903–?) – жена К. А. Хакимова. Родилась в г. Уфе, училась в татарской гимназии и русско-башкирской школе. После окончания педагогических курсов в 1918–1919 гг. работала учительницей в д. Казмаш Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. (ныне д. Казмашево в Абзе-

документами с правом остановки в г. Уфе на одну неделю и на ст. Абдулино Самаро-Златоустовской железной дороги³⁵ на одни сутки по частным семейным делам.

Кстати сказать, тт. Рудзутак³⁶ и Сафаров³⁷ перед моим отъездом в Москву мне сказали, что они за мною признают право выбора места и характера работы, но считают достаточным мое обещание вернуться из³⁸ конференции³⁹ в Туркестан, не гарантируя мое возвращение другими средствами. Поэтому с новой настойчивой энергией возвращаюсь в Туркестан, причем предполагая пойти по профдвижению.

Что касается остановок в Уфе и Абдулино, то я 14 лет не видел семью, состоящую из матери 75 лет⁴⁰ и сестры 18 лет. Между прочим, за все время революции не имел ни одного дня отдыха и отпуска.

Если понадобятся⁴¹ какие-либо обо мне справки, как о работнике, то таковые могут дать тт. Фрунзе⁴² и Куйбышев⁴³.

Хакимов
16/VI-21 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 184. Л. 36–36 об. Подлинник. Автограф.

лиловском р-не Башкирии). В 1919–1920 гг. – сотрудник политпросвета 1-й армии Туркестанского фронта. На фронте она познакомилась с Хакимовым и в 1920 г. стала его женой. В 1922–1924 гг. проживала в Персии, в 1924–1926 гг. – в Аравии. В феврале–апреле 1930 г. работала делопроизводителем в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 5291. После ареста мужа в марте 1938 г. была приговорена к восьми годам лагерей как член семьи изменника Родины, освобождена в ноябре 1945 г.

³⁵ В оригинале «ст. Абдуллино СЗЖД».

³⁶ Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938), в 1921–1923 гг. – председатель Туркестанского (Среднеазиатского) бюро ЦК РКП(б).

³⁷ Сафаров Георгий Иванович (1891–1942), в 1920–1921 гг. – член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б).

³⁸ Так в тексте.

³⁹ Имеется в виду III Конгресс Коминтерна.

⁴⁰ Хакимова Хамида Мухаметгалиевна – мать К. А. Хакимова.

⁴¹ В оригинале «понадобится».

⁴² Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925), в 1919–1920 гг. – командующий Туркестанским фронтом, член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР.

⁴³ Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935), в 1919–1920 гг. – член Реввоенсовета Туркестанского фронта (Туркфронта), начальник политического управления Туркфронта и заместитель председателя Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, в 1920 г. – уполномоченный Исполкома Коминтерна и полпред РСФСР в Бухаре.

Источники

АВП РФ. Ф. Управление кадров. Оп. 7. П. 8. Д. 5 «А» (162 «А»); Ф. 04. Оп. 51. П. 329а. Д. 55058; Д. 55061.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 59; Ф. 17. Оп. 112. Д. 184; Ф. 79. Оп. 1. Д. 31; Д. 194; Д. 829; Ф. 122. Оп. 1. Д. 11; Д. 31; Ф. 495. Оп. 199. Д. 248.

Литература

Выписка из послужного списка К. А. Хакимова // Воспоминания о Кариме Хакимове. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. 71 с.

Гадилов Л. З., Гумеров Ф. Х. Революционер-дипломат. Историко-биографический очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1977. 126 с.

Косач Г. Г. Карим Хакимов: годы жизни в Оренбурге (человек и его время) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. Вып. 2. С. 125–147.

Озеров О. Б. Карим Хакимов: летопись жизни. М.: Институт системно-стратегического анализа, 2020. 231 с.

Хайретдинов Р. Ф. Карим Хакимов – революционер, дипломат: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. Уфа: б/и, 2006. 225 с.

Хайретдинов Р. Ф. Первая дипломатическая миссия в Аравии на основе зарубежных источников // Россия и арабский мир: история и современность. Хакимовские чтения. Уфа: Информреклама, 2012. С. 3–8.

Хакимов К. А. Автобиография // Воспоминания о Кариме Хакимове. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. 71 с.

Список сокращений

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
АПНК – Англо-персидская нефтяная компания
ВНАВ – Всесоюзная научная ассоциация востоковедения
ВНСТ – Великое национальное собрание Турции
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГУ ПВО – Главное управление пограничной и внутренней охраны
ДВР – Дальневосточная Республика
ЕКП – Египетская коммунистическая партия
ИАСБ – Международное африканское бюро обслуживания
ИАФА – Международные африканские друзья Абиссинии
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИМК – Интернациональная контрольная комиссия
ИКП – Институт красной профессуры
ИКП – Иракская коммунистическая партия
ИКП – Иранская коммунистическая партия
ИМРД – Институт международного коммунистического и рабочего движения
ИНК – Индийский национальный конгресс
ИНО ОГПУ – Иностранный отдел Объединенного государственного политического управления

КИ – Коммунистический Интернационал
КИМ – Коммунистический Интернационал молодежи
ККП – Корейская коммунистическая партия
КПА – Коммунистическая партия Азербайджана
КПВ – Коммунистическая партия Великобритании
КПГ – Коммунистическая партия Германии
КПИ – Коммунистическая партия Индии
КПИ – Коммунистическая партия Ирака
КПК – Коммунистическая партия Китая
КПК – Коммунистическая партия Кореи
КПТ – Коммунистическая партия Туркестана
КПЯ – Коммунистическая партия Японии
КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока
КУТК – Коммунистический университет трудящихся Китая
ЛПВ – Лейбористская партия Великобритании
МКП – Коммунистическая партия Мексики
МЛО – Международная левая оппозиция
МНП – Монгольская народная партия
МНРА – Монгольская народно-революционная армия
МНРП – Монгольская народно-революционная партия
МПКНР – Международный профсоюзный комитет негритянских рабочих
Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
НДБ – Национальное движение безработных
НДМ – Национальное движение меньшинств
НДП – Национально-демократическая партия
НИА НКП – Научно-исследовательская ассоциация по изучению национально-колониальных проблем
НИИ НКП – Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
НРА – Национально-революционная армия
НРП ВМ – Народно-революционная партия Внутренней Монголии
НСДАП – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия
НСДПГ – Независимая социал-демократическая партия Германии

ОМС – Отдел международных связей
ПКП – Палестинская коммунистическая партия
ПНП – Пограничная национальная партия
Разведупр РККА – Разведуправление Рабоче-крестьянской
Красной армии
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-
политической истории
РРПИ – Революционная республиканская партия Ирана
СВН, Секвостнар – Секция восточных народов
СИП – Совет интернациональной пропаганды
СКП – Сирийская коммунистическая партия
СНК РСФСР – Совет народных комиссаров РСФСР
ТКО – Турецкая коммунистическая организация
ТНKP – Турецкая народно-коммунистическая партия
Туркбюро – Туркестанское бюро
ЦА СВР РФ – Центральный архив Службы военной развед-
ки РФ
ЦКР – Центральный комитет реформ
ЦСАП – Центральный Совет агитации и пропаганды

Сведения об авторах

Атабаки Турадж — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник (Международный Институт общественной истории при Королевской Академии наук Нидерландов), заведующий кафедрой социальной истории Ближнего Востока и Центральной Азии (Лейденский университет);

Батунаев Эдуард Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;

Васильев Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН;

Грайворонский Владимир Викторович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВ РАН;

Жирова Надежда Сергеевна — кандидат исторических наук, независимый исследователь;

Катасонова Елена Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВ РАН;

Косач Григорий Григорьевич — доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова;

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;

Лысенков Николай Александрович — кандидат исторических наук, главный специалист РГАСПИ;

Мамаева Наталья Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН;

Миняжетдинов Ильдар Харрясович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН;

Овчинникова Любовь Всеволодовна — кандидат исторических наук, доцент ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова;

Орлова Ксемя Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН;

Пак Бэлла Борисовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН;

Прокопов Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН;

Раванди-Фадаи Лана Меджидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН;

Рягузова Анна Викторовна — соискатель кафедры отечественной и всеобщей истории (Институт истории, права и общественных наук, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского), преподаватель общеобразовательных дисциплин ГОБ ПОУ Липецкий областной колледж искусств им. К. Н. Игумнова;

Сарабьев Алексей Викторович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН;

Саркисов Константин Оганесович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН;

Тихонов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского;

Турсун Набиджан — кандидат исторических наук, главный редактор Уйгурской редакции радио «Свободная Азия»;

Хишигт Норовсамбуу — Ph.D, профессор Института истории и этнологии Монгольской академии наук;

Цыбенков Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;

Черникова Лариса Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН;

Щербаков Николай Георгиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН;

Юрлов Феликс Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН.

Summary

The collective monograph “Comintern and the East: to the 100th anniversary of the founding of the Comintern” is devoted to the activities of the Comintern in the Eastern countries. Based on the newly discovered documents and materials from Russian and foreign archives, the collective of authors proposes to look at the events of the early XX century from the perspective of the XXI century, respectively, and to expand the understanding of the place and role of the Communist International in the context of internal political, geopolitical, economic, national liberation processes as well as the main directions of its policy.

Soviet Russia, expanding its zone of influence through the Comintern, entered into agreements with national governments, thereby promoting the idea of spreading the world revolution to the East. In 1920—1932 the Comintern was a kind of “think tank”, where a variety of information about the political, economic, military, religious and international situation of various countries was collected and processed. This information was studied, summarized, analyzed, and discussed at the meetings of the relevant Comintern boards.

In December 1919 the Eastern Department of the Executive Committee of the Communist International was established in Moscow to work with the Eastern countries. And already from May to July 1920, the Eastern Bureau of the Executive Committee of the Communist International appeared in Vladivostok, the Middle East/Turkestan in Tashkent and the section of Eastern

peoples under the Siberian bureau of the Central Committee of the RCP(b) in Irkutsk (in January 1921 it was transferred to the jurisdiction of the Executive Committee of the Communist International). At the same time in January 1921, by decree of the Central Committee of the RCP(b), the Far Eastern Secretariat of the Executive Committee of the Communist International was established with four sections: Mongol-Tibetan, Korean, Chinese and Japanese. After the IV Congress (November–December 1922), the Eastern Department of the Executive Committee of the Communist International was reorganized into three sections: Near, Middle and Far East. Each section had its own committee for each country or region.

The monograph is based on the reports of the international scientific conference “The Comintern and the East: to the 100th anniversary of the founding of the Comintern”, organized by the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The book consists of five sections. The first section opens with studies on the relationship of the Comintern and the first Middle Eastern Communist Parties in Egypt, Palestine, Lebanon, Syria, and Iran. The foundation of communist organizations in the Middle East as channels of Soviet influence was determined by political expediency and opposition to European political domination.

The second section investigates the relationship of the Comintern with the countries of the Far East: Japan, China, Korea.

The third section analyzes the role of the Comintern in the history of Russian/Soviet-Mongolian relations in the 1920s — early 1930s. Mongolia and the related “Mongolian question” occupied an important place in terms of promoting revolutionary ideas using the national liberation movement of the Mongolian peoples, pan-Mongolism. The policy of the Comintern in Mongolia was aimed at making it a showcase and an example for other Asian countries. Mongolia itself became one of the first countries of the East, in which, with the assistance of Soviet Russia, the national democratic revolution won in 1921.

The fourth section extensively covers materials on the liberation movement in India, where M. N. Roy, Mahatma Gandhi, Jawaharlal Nehru and others played prominent roles.

The fifth section contains studies about the relationship between the leaders of the Comintern and the Communist Party of Great Britain in 1920–1924. Generous financial assistance from Moscow allowed the Communist Party of Great Britain to develop rapidly, create an extensive organizational structure, and conduct active propaganda. Readers can be also interested in materials about the work of the Comintern on the “African direction”, which actually began after the VI Congress and the creation of the Anti-Imperialist League in Brussels. Another interesting part of the book is devoted to the first center of higher communist education — the Communist University for the Toilers of the East (1921–1938). It was a training center through which the theoretical preparation of the revolutionary movement in the East was carried out. Opening its doors in Moscow in the difficult post-war years, the Communist University was the first educational center for non-Soviet citizens and played an exceptional role in the development of Soviet Oriental studies.

In conclusion, the authors express hope that the monograph will be interesting not only to specialists, but also to a wide range of readers.

Научное издание

КОМИНТЕРН И ВОСТОК: К 100-ЛЕТИЮ КОМИНТЕРНА

Коллективная монография

Редакторы: Н. А. Сидоркина, М. С. Грикурова
Корректоры: Н. А. Сидоркина, М. Я. Колесник
Верстка и обложка: Н. Я. Быкова

Подписано в печать 01.12.2021
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 28,5. Уч.-изд. л. 24,2
Тираж 500 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Дубининская, дом № 68, корпус 3, оф. 6
тел.: (495) 651-84-56
e-mail: wwprint@mail.ru